9
Б-14.

ПРОФ. Д. И. БАГАЛѢЙ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

РУССКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ

2079
7 1-2

Изданіе Общества взаимопомощи студентовъ филологовъ Харьковскаго Университета.

Типо-Литографія С. Иванченко. Харьковъ, Костюринскій пер. 2.

1911 г.

Пров 38*

1638
31

РУССКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Часть I-я.

§ I. ОПРЕДѢЛЕНІЕ И КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ИСТОРІОГРАФИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ.

Исторіографіей называется вспомогательная научная дисциплина, занимающаяся: съ одной стороны, обзоромъ различнаго вида источниковъ, т.е. лѣтописей, хронографовъ, житій святыхъ, актовъ, грамотъ, сказаній иностранцевъ, писемъ, мемуаровъ и проч., а съ другой стороны, дающая очеркъ постепенной разработки и роста русской исторіи, какъ науки. Такимъ образомъ, вторая часть исторіографіи и есть собственно Исторія русской исторіи въ полномъ смыслѣ этого слова; первая же часть служитъ какъ бы введеніемъ.

Отдѣльное существованіе русской исторіографіи восходитъ къ очень недавнему времени. Начало общему обзору источниковъ и литературы русской исторіи положилъ К.Н.Бестужевъ-Рюминъ первымъ томомъ своей "Русской Исторіи" (1872 г.).

Къ сожалѣнію, этотъ трудъ во многихъ случаяхъ даетъ намъ только конспектъ того, что требуетъ болѣе пространнаго изложенія и, при томъ тутъ исключительное вниманіе обращено на общій характеръ источниковъ; обзоръ же ихъ разработки

оставленъ авторомъ въ тѣни. Тѣмъ не менѣе при всѣхъ своихъ недостаткахъ "Русская Исторія" Бестужева-Рюмина обладаетъ крупнымъ достоинствомъ, а именно, объективностью изложенія, которая такъ необходима въ сочиненіяхъ по исторіи. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого труда появился грандіозный "опытъ русской историографіи" проф.Кіевскаго Университета В.С.Иконникова, излагающій въ двухъ частяхъ перваго тома исторію собранія и изданія историческихъ матеріаловъ. Здѣсь исчерпывающимъ образомъ собрано все, что появлялось въ печати относительно архивовъ, библіотекъ и музеевъ - публичныхъ и частныхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, русскихъ и иностранныхъ, при чемъ повсюду отмѣчено, какіе источники этихъ хранилищъ были изданы, или послужили предметомъ изученія или изложенія въ какихъ либо изданныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ Профессоръ Иконниковъ въ настоящее время закончилъ печатаніемъ второй томъ "Опыта русской историографіи," задуманнаго и выполненнаго по той же самой программѣ, какъ и первый томъ. Съ появленіемъ этого произведенія русская историческая наука обладаетъ такимъ капитальнымъ трудомъ, какимъ еще не обладаетъ ни одна изъ западно-евро-

пейскихъ литературъ.

Изложеніе ученыхъ системъ и теорій русской исторіографіи было сдѣлано съ двухъ разныхъ точекъ - М. Ѳ.Кояловичемъ и П. Милюковымъ. Трудъ Кояловича "Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ" |Второе посмертное изданіе съ дополненіями вышло въ 1893 г.| обладаетъ существеннымъ недостаткомъ, обезцѣнивающимъ произведеніе; - все излагается съ точки зрѣнія славянофильскаго ученія и отличается крайнимъ субъективизмомъ.

Другой трудъ, посвященный изложенію постепеннаго развитія русской исторіи , какъ науки, - "Главныя теченія русской исторической мысли" |первое изданіе 1897 г. и второе безъ перемѣнъ 1906 г.| принадлежитъ бывшему проф. Московскаго Университета П.Милюкову и стоитъ на высотѣ требованій современной исторической науки, отличаясь всѣми присущими этому ученому достоинствами, но, къ сожалѣнію, проф.П.Милюковъ заканчиваетъ свое изложеніе лишь первыми опытами философской конструкціи русской исторіи.

Не безполезно будетъ упомянуть еще о краткомъ, написанномъ чрезвычайно сжато, курсѣ "Русской исторіографіи", который принадлежитъ также Милюкову и помѣщенъ въ Энциклопедическомъ слова-

рѣ Брокгауза и Ефрона, т.XXVIII,стр.430-446.

СОБИРАНІЕ И ИЗДАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

§ 2. ЕКАТЕРИНИНСКАЯ ЭПОХА.

Библіографія:

I. Срезневскій. Древнія книги.СПБ.1864 г.

2. И.А.Поповъ. Н.В.Татищевъ и его время М.1861г.

3. Пекарскій. Извѣстія, собранныя Татищевымъ въ бытность его въ Сибири и въ Швеціи |1721-26|.

|въ зап.Геогр. Общ. 1863 г. III|.

4. Пекарскій. Литература и Наука при П.В. |С. 1870 г.|

5. С.М.Соловьевъ. Ф. М.Миллеръ |въ Современ. т. XLVII|

6. Каченовскій |о историч. трудахъ и заслугахъ Миллера "въ ученыхъ зап. Москов. Унив." 1839 г. № I.

7. Калайдовичъ. Біографическія свѣдѣнія о трудахъ и жизни графа А.И.Мусина-Пушкина "въ зап. и трудахъ Общ.Ист. и древней Рос". 1877 г. II

8. Незеленовъ. Новиковъ, издатель журналовъ.

Собраніе историческихъ матеріаловъ нача-

лось давно. Еще въ древній періодъ русской жизни встрѣчаются такія лица, которыя собирали рукописныя книги. Изъ такихъ собирателей извѣстны: Ярославъ Мудрый, составившій первую библіотеку въ Кіевѣ, т.н. Софійскую. Князь Никола Святоша, собравшій значительное количество книгъ, которыя были имъ пожертвованы въ Кіевскую Лавру; Святославъ Черниговскій. Кромѣ этихъ отдѣльныхъ лицъ главная роль въ собираніи книгъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ монастырямъ, какъ центрамъ древнерусскаго просвѣщенія, потому что они имѣли больше возможности располагать опытными и искусными писцами которые для списыванія книгъ по долгу проживали въ аѳонскихъ и константинопольскихъ монастыряхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ монастыри являлись лучшими хранилищами сокровищъ и документовъ. Самые акты считали за лучшее хранить, именно, въ церквахъ и монастырях, напр., въ Новгородѣ при Св.Софіи, въ Псковѣ - при церкви Св. Троицы. Такъ постепенно образовались значительныя Церковныя и Монастырскія библіотеки: Софійская въ Новгородѣ, Троицко-Сергіевская, Чудовская, Кирилло-Бѣлозерская, Ростовская и проч. Изъ описей, дошедшихъ до насъ, видно, что въ нихъ были не только церковныя книги, но и лѣтописи, хронографы, сборники, повѣсти, географи-

ческія описанія, переводы, космографіи и т.д. Отсюда досталась масса актовъ историко-юридическаго характера и памятниковъ письменности, такъ что монастырскіе архивы и библіотеки до сихъ поръ еще не исчерпаны вполнѣ; при этомъ сѣверовосточные монастыри оказались такимъ мѣстомъ, гдѣ хранились наиболѣе древніе памятники.

Въ позднѣйшее время получилъ начало архивъ древнихъ Московскихъ Государей, основаніе котораго относится къ царствованію Ивана Грознаго. Здѣсь хранились, судя по дошедшей до насъ описи, дѣла самаго разнороднаго содержанія: сношенія съ иностранными державами, дѣла новгородскія, псковскія и удѣльныхъ княжествъ, церковныя, гражданскія, судебныя и частныя, жалованныя грамоты и списки служилыхъ людей; даже лѣтописи русскія и иностранныя.

Первое же распоряженіе о сохраненіи историческихъ матеріаловъ относится къ XVIII вѣку, именно къ царствованію Петра Великаго, когда посмотрѣли на содержимое въ библіотекахъ и архивахъ, какъ на историческіе матеріалы и какъ на практическое доказательство правъ сословій |Московскій Архивъ|. Петръ Великій первый показалъ въ этомъ случаѣ строгую заботливость. Указомъ 20 декабря 1720 г. губернаторамъ и вицегубернато-

рамъ предписывалось: "во всѣхъ монастыряхъ и епархіяхъ и соборахъ прежнія жалованныя грамоты и другія курьезныя письма оригинальныя, такожде и историческія рукописныя книги пересмотрѣть и переписать и тѣ переписанныя книги прислать въ Сенатъ". Узнавъ, что въ Кенигсбергѣ хранится Радзивиловскій списокъ древней лѣтописи, Петръ Алексѣевичъ распорядился снять съ него копію. Въ 1718 году онъ озаботился собираніемъ предметовъ древностей и снятіемъ съ нихъ рисунковъ и чертежей. Извѣстно съ какимъ интересомъ и вниманіемъ относился онъ къ развалинамъ древнихъ болгаръ. Ближайшіе же сотрудники Петра Великаго заботились о собираніи такихъ памятниковъ, на основаніи которыхъ можно бы было написать исторію Россіи.

Татищевъ, задумавъ написать древнюю географію Россіи, увидѣлъ необходимость предварительно обработать и древнюю исторію Россіи. Съ этою цѣлью онъ сталъ собирать древнія лѣтописи и вообще древніе памятники, изъ которыхъ нѣкоторые онъ добылъ изъ Упсальской королевской библіотеки. Изъ нихъ Татищевъ составилъ весьма цѣнную библіотеку, гдѣ были очень важныя рукописи, которыхъ мы не имѣемъ въ другихъ спискахъ. Къ сожалѣнію все это собраніе, вмѣстѣ съ записками Та-

тищева, погибло отъ пожара.

Болѣе энергичная дѣятельность по части собиранія и изданія матеріаловъ началась въ вѣкъ Екатерины 2-ой. Являются рядъ лицъ, прославившихся въ этомъ поприщѣ. Таковъ, между прочимъ, академикъ Герардъ Миллеръ, принимавшій участіе въ экспедиціи Беринга, во время которой онъ собралъ множество матеріаловъ въ Сибирскихъ архивахъ: въ Тобольскѣ, Енисейскѣ, Нерчинскѣ, Якутскѣ, Березовѣ; открылъ въ частныхъ рукахъ сибирскую лѣтопись, вывезъ много географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о Россіи и Сибири.

Управляя Московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Миллеръ издавалъ собранные матеріалы; но издана была только самая незначительная часть ихъ. Кое-что отпечатано послѣ его смерти. Въ настоящее время портфели Миллера, куда вошло множество матеріаловъ, погибшихъ въ самой Россіи, далеко еще не вполнѣ исчерпаны.

На ряду съ Миллеромъ трудились на этомъ поприщѣ и нѣкоторыя другія лица. Здѣсь по историческому значенію на первомъ планѣ нужно поставить плодотворную дѣятельность извѣстнаго мартиниста Н.Новикова, который, получивъ съ разрѣшенія императрицы Екатерины 2-й доступъ въ Московскіе

архивы, издалъ рядъ цѣнныхъ трудовъ: - I|"Древняя Россійская Вивліоѳика" въ 20 ч., куда вошли лѣтописи, грамоты, родословныя, путешествія, житія; 2| "Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева" |челобитныя и письма| и нѣкоторыя другія.

Не менѣе выдающимся дѣятелемъ былъ Голиковъ простой Курскій купецъ, горячій поклонникъ Петра Великаго, рѣшившійся посвятить всю свою жизнь описанію дѣятельности этого царя. Съ этою цѣлью онъ началъ собирать матеріалы, относящіеся къ этой эпохѣ. Императрица узнала о его намѣреніи и передъ нимъ были открыты всѣ книгохранилища. Результатомъ его дѣятельности явились "Дѣянія Петра Великаго" въ I2 т. |I788 - I790| и "Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго" въ I8 т. |I790 - I798|, представляющія интересъ только какъ матеріалы, но лишенныя, къ сожалѣнію, всякой критической обработки. Къ этому же разряду нужно отнести и "Россійскую исторію" въ I5 книгахъ |I770 - I79I| кн. Щербатова, въ которой собрано значительное количество новыхъ документовъ. Присоединены къ тексту обширныя выписки изъ архивныхъ матеріаловъ. Вслѣдствіе этого, не смотря даже на позднѣйшія изданія, трудъ Щербатова не потерялъ значенія. Имъ, между прочимъ,

пользовался и Карамзинъ. Щербатову принадлежатъ еще изданія: 1| "Лѣтопись о многихъ мятежахъ въ Россіи" |1773 г.|, 2| "Житіе Петра Великаго" |1774| и 3| "Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ" |1774 г.|. Екатерина Великая почтила Щербатова званіемъ исторіографа.

Въ дѣлѣ собиранія и изданія матеріаловъ въ Екатерининское время значительную услугу оказалъ графъ А.И.Мусинъ-Пушкинъ, издавшій "Духовную Владиміра Мономаха" |1793 г.|, "Русскую Правду" |1792 и 1799|, а также открывшій знаменитое "Слово о Полку Игоревѣ" |1795|, подлинная рукопись котораго къ несчастію вмѣстѣ съ другими погибла при пожарѣ Москвы въ 1812 г.

Такова первая эпоха собиранія историческихъ матеріаловъ въ XVIII в. Если охарактеризовать ее въ общихъ чертахъ, то мы увидимъ, что она представляетъ собою первую, чрезвычайно слабую попытку собиранія историческихъ матеріаловъ. Этимъ дѣломъ занимались люди безъ спеціальной исторической подготовки. Матеріалы издавались случайно - на частныя средства,- и потому самое собираніе не могло получить значенія вполнѣ развившагося спеціальнаго занятія.

§ 3. РУМЯНЦЕВСКАЯ ЭПОХА

Библіографія:

I. Автобіографія Румянцева. Рус.Арх.1869. 843-846.

2. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи т.I стр.132-243.

3. Барсуковъ. Гр.И.П.Румянцевъ. Древ. и нов.Россія 1877 г. № 5

4. Барсуковъ. Жизнь П.М.Строева. СПБ. 1878 г.

5. Безсоновъ. К.Ѳ. Калайдовичъ. біографич. очеркъ Русская бесѣда 1860 г.кн.II.

Въ другомъ видѣ представляется намъ второй періодъ или первая половина XIX вѣка. Является рядъ лицъ, спеціально преданныхъ этому дѣлу, но вмѣстѣ съ тѣмъ группирующихъ вокругъ себя и другихъ въ качествѣ помощниковъ, такъ что дѣло становится теперь на болѣе твердую почву. Первая половина XIX в. открываетъ собою цѣлую эпоху въ развитіи русской исторіи. Эта эпоха по справедливости должна быть названа Румянцевскою, по имени замѣчательнаго дѣятеля по части собиранія и изданія историческихъ матеріаловъ - графа Николая Петровича Румянцева |1754-1826|. Это былъ человѣкъ съ громадными средствами и необычайною любовью къ историческимъ наукамъ. Образованіе

свое онъ получилъ въ нѣсколькихъ заграничныхъ университетахъ. Находясь за границей, онъ вначалѣ интересовался вопросами политическими. Любовь же къ русскимъ древностямъ развилась у него впослѣдствіи. Возвратясь въ Россію, онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ эпоху Александра I онъ былъ поклонникомъ французской системы Наполеона I. Послѣ 1812 г., разбившаго эту систему и вмѣстѣ почтеніе къ ней Разумовскаго, начинается его плодотворная дѣятельность на пользу русской исторіи. Съ этого момента онъ является покровителемъ лицъ, занимавшихся русской исторіей, - центромъ, гдѣ сосредоточивается вся научная дѣятельность того времени. Обладая большими средствами, онъ дѣлаетъ немалыя затраты на изданіе различныхъ сочиненій. Такъ, на его счетъ и при его ближайшемъ участіи издано 27 сочиненій, обошедшихся въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Главнѣйшія его изданія слѣдующія: 1| Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ въ 4 частяхъ |1813-1828| подъ наблюденіемъ Каменскаго и Малиновскаго; 2| Законы великаго князя Іоанна Васильевича и внука его Іоанна Васильевича, - издано Калайдовичемъ и П. Строевымъ. М. 1819; 3| Памятники Россійской словесности XII в. |соч.Кирилла Туровскаго, митр.

Никифора, Даніила Заточника, вопросы Кирика], - издано К.Ѳ.Калайдановичемъ. М. 1821 г. ; 4] Софійскій Временникъ [826-1534] - изданъ П.Строевымъ, М. 1820 - 1821; 5] Древнія русскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, изд. К.Калайдовичемъ М.1818; 6] Словарь писателей духовнаго чина греко-россійской церкви. М.Евгенія Болховитинова, 2 ч. С. 1818.

По отношенію къ издателямъ Н.П.Румянцевъ является не такимъ меценатомъ, который бы внѣшнимъ образомъ относился къ ихъ дѣлу; напротивъ, онъ всецѣло былъ проникнутъ тѣми же интересами, какъ и они; онъ, напр., заботился о шрифтѣ, интересовался мельчайшими подробностями печатанія, - слѣдилъ чтобы не появлялись ошибки. Онъ болѣетъ сердцемъ, когда дѣло идетъ медленно. Ему постоянно присылали акты, предназначенные къ изданію, которые онъ просматривалъ и, по отпечатаніи листовъ, дѣлалъ провѣрку. Своимъ горячимъ отношеніемъ къ дѣлу онъ побуждалъ и другихъ къ энергичной работѣ. Въ немъ развилась сильнѣйшая страсть къ собиранію всякаго рода памятниковъ. На пріобрѣтеніе старыхъ документовъ онъ не жалѣлъ средствъ: часто за подобнаго рода рукописи онъ платилъ значительныя суммы денегъ Если сосчитать затраты на пріобрѣтеніе рукопи-

сей, на снабженіе деньгами лицъ, способствовавшихъ этому дѣлу, деньги, которыя онъ переслалъ заграничнымъ ученымъ, то получится огромная сумма -300000 рублей. Его библіотека заключала важныя собранія древнихъ памятниковъ. Конечно, для того, чтобы предпринимать такія работы, какія предпринялъ Румянцевъ, онъ нуждался въ значительномъ количествѣ сотрудниковъ, и, дѣйствительно, вокругъ него группируется тѣсный кругъ ученыхъ, проникнутыхъ общею идеею. Наиболѣе энергичными и выдающимися изъ нихъ были - А.Ѳ.Малиновскій, П.М.Строевъ и К.Д.Калайдовичъ.

А.Ѳ.Малиновскій, воспитанникъ Московскаго университета, былъ ближайшимъ и лучшимъ выполнителемъ воли графа Румянцева. Черезъ Малиновскаго дѣлались всѣ важныя сношенія съ учеными и хозяйственныя распоряженія по изданіямъ. П.М. Строевъ и К.Ѳ.Калайдовичъ въ 20 годахъ на средства графа Румянцева совершили путешествіе по монастырямъ, гдѣ осматривали библіотеки и составляли имъ списи, положивъ послѣдними прочное основаніе трудамъ этого рода въ Россіи. Въ этихъ путешествіяхъ ими были найдены: Изборникъ Святослава 1073 г. Похвала кагану Владиміру, сочиненія Кирилла Туровскаго, Судебникъ Ивана Грознаго, матеріалы о соборѣ 1667 г., о патріархѣ Нико-

нѣ, С.Медвѣдевъ и мн. др.

Изъ другихъ помощниковъ Румянцева извѣстны : Аделунгъ, издатель иностранныхъ путешествій, авторъ двухъ монографій на нѣмецкомъ языкѣ, о Герберштейнѣ |1818| и Мейербергѣ |1827|; при помощи Румянцева Аделунгъ собралъ матеріалъ для своего труда - "Uebersicht der Reisenden in Rasland and bis ... 1700 |есть рус. переводъ въ Чт. М.О.Ист. т.т. XI и IУ|. Востоковъ, будущій издатель Остромирова Евангелія, начавшій свою дѣятельность подъ руководствомъ Румянцева. Френъ, извѣстный оріенталистъ, прославившійся своими трудами по восточной нумизматикѣ, по исторіи Золотой Орды и своими изданіями восточныхъ писателей.

|Ибнъ-Фацлана|.

Мало того, гр Румянцевъ находился въ связи съ тогдашними русскими и заграничными учеными, какъ напр ; съ Митрополитомъ Евгеніемъ, Карамзинымъ, Лелевелемъ, Газе, Сенъ-Мартеномъ, Добровскимъ, Копитаромъ, Вукомъ, Караджичемъ; со всѣми ими онъ находился въ постоянной перепискѣ, всѣмъ имъ дѣлалъ порученія. Такъ, Газе на средства графа издалъ Льва Дьякона и Георгія Амартола, Вукъ, Караджичъ - рядъ грамотъ и т.д. Не удивительно послѣ этого, что у Румянцева явилась

мысль издать сочиненіе, касающееся извѣстій иностранцевъ о Московскомъ государствѣ - Corpus autorum veterum Moscovitorum ". На ряду съ собираніемъ матеріаловъ въ мѣстныхъ архивахъ онъ заботился о собираніи таковыхъ и въ заграничныхъ. Съ этою цѣлью имъ разосланы были лица въ разныя мѣста Западной Европы. Результатъ этого былъ самый благопріятный. Между прочимъ имъ былъ найденъ рядъ картъ, имѣющихъ значеніе для древней географіи Россіи - карты Сарматіи и Скиѳіи XII в., карты, относящіяся къ XIУв. Не ограничиваясь этимъ, онъ лично отправлялся путешествовать по Россіи съ ученою цѣлью для осмотра различныхъ достопримѣчательностей, покупая во время этихъ поѣздокъ разнаго рода древности. При такомъ отношеніи къ дѣлу графъ Румянцевъ , естественно, долженъ былъ заинтересоваться историческими вопросами. Его переписка обличаетъ строгаго ученаго. По историческимъ вопросамъ онъ высказывалъ личныя самостоятельныя мнѣнія, подчасъ весьма удачныя.

Такимъ образомъ, какъ по своимъ средствамъ, такъ и по своей жаждѣ къ научнымъ изслѣдованіямъ графъ Румянцевъ сталъ главнымъ двигателемъ на поприщѣ разысканія и изданія историческихъ матеріаловъ и покровителемъ цѣлой плеяды молодыхъ труже-

...БЛИО... КОММУНИСТ... АКАДЕМ...

никовъ, которые безъ него должны были бы ограничиться слишкомъ скромнымъ кругомъ дѣятельности въ какомъ-нибудь государственномъ архивѣ или остаться авторами нѣсколькихъ, быть можетъ, цѣнныхъ изслѣдованій, но которые не всегда нашли бы себѣ мѣсто въ литературѣ. Самая возможность въ это время появленія труда Карамзина въ значительной степени объясняется дѣятельностью того же Румянцевскаго кружка. Поэтому весьма естественно, что первая четверть XIX вѣка въ русской исторіографіи носитъ названіе Румянцевской эпохи,- тѣмъ болѣе, что самъ Румянцевъ создалъ себѣ памятникъ въ такъ называемомъ Румянцевскомъ музеѣ, подаренномъ "отъ государственнаго канцлера гр. Николая Петровича Румянцева на благое просвѣщеніе". Музей этотъ возникъ по его мысли сначала въ Петербургѣ, а потомъ перенесенъ въ Москву, гдѣ и теперь находится.

§ 4. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

[Строева].

1 Барсуковъ. Жизнь Строева. СПБ. 1878.

2 Предисловіе къ I т. "Актовъ Археографической экспедиціи".

3. Отчеты Строева и Вередникова и сообщенія ихъ за время археографичейской экспедиціи; помѣ-

щены въ Ж.М.Н.Пр. съ I т. |I834|.

Дѣло, такъ успѣшно и такъ горячо начатое Румянцевымъ, не осталось безъ послѣдователей. Одинъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ П.М.Строевъ подъ живымъ впечатлѣніемъ недавняго осмотра монастырскихъ библіотекъ, давшаго столь богатый матеріалъ, представлявшій, однако же, по мнѣнію Строева, лишь небольшую часть огромнаго цѣлаго, рѣшился осуществить свой обширный планъ исторической впослѣдствіи археологической| экспедиціи и собранія всѣхъ матеріаловъ, безъ чего, по его глубокому убѣжденію, ничего было и помышлять о дальнѣйшей критической разработкѣ русской исторіи. Будучи выбранъ въ члены Московскаго Общества исторіи и древностей онъ произноситъ тамъ въ I828 году свою знаменитую рѣчь, въ которой заявляетъ, что Московское Общество исторіи и древностей должно расширить свои предпріятія: не довольно, говоритъ онъ, Москвы для поприща нашей дѣятельности, пусть цѣлая Россія превратится въ одну библіотеку, намъ доступную". Его мысль была принята холодно, и ему было отказано по недостатку средствъ. Нѣсколько лѣтъ спустя |I827| Строевъ обратился со своимъ проектомъ въ Императорскую академію Наукъ, какъ ея членъ коррес-

пондентъ. Его предложеніе встрѣтило поддержку со стороны нѣкоторыхъ академиковъ |Круга, Френа|, принадлежавшихъ къ Румянцевскому кружку. Академія Наукъ ассигновала ему по 10.000 рублей въ годъ на поѣздки въ теченіе 7 лѣтъ. Въ 1829 г. экспедиція въ составѣ Строева и двухъ чиновниковъ Московскаго Архива |въ 1830-1834 г. труды Строева раздѣлялъ Бередниковъ| выѣхала изъ Москвы, при чемъ отъ правительства было сдѣлано губернаторамъ распоряженіе объ оказаніи Строеву всевозможнаго содѣйствія и помощи. Только Св. Синодъ не выдалъ открытаго листа, вслѣдствіе чего Строеву приходилось встрѣчать не малыя затрудненія въ монастырскихъ библіотекахъ и церковныхъ архивахъ. Нерѣдко невѣжественные настоятели прятали и уничтожали цѣнные памятники старины. Въ теченіе 7 лѣтъ экспедиція объѣхала болѣе 13 губерній и осмотрѣла всѣ архивы и библіотеки, количество которыхъ простиралось до 200. При этомъ экспедиція составила собраніе историко-юридическихъ актовъ и каталоги рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ. Изъ болѣе цѣнныхъ пріобрѣтеній можно указать на слѣдующія находки: списокъ Новгородской лѣтописи, неизвѣстное до того времени путешествіе въ Царьградъ Новгородск. епископа Антонія XIII в., нѣсколько актовъ смутнаго времени

|о самозванцѣ Илейко|, дѣло патр. Никона и мн. др. Экспедиція могла на мѣстѣ убѣдиться въ печальномъ положеніи памятниковъ: многіе изъ нихъ погибли безвозвратно, другіе сгнили еще въ сырыхъ подвалахъ, забытые всѣми; нѣкоторые были извлечены на свѣтъ благодаря ученой экспедиціи и, такимъ образомъ, во время спасены отъ истребленія.

§ 5. АРХЕОГРАФИЧЕСКІЯ КОМИССІИ.

Библіографія:

I. Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ археографической комиссіи за 25-лѣтнее ея существованіе. 1834-59. Ж.М.Н.Пр. 1860 г.ч.С.IУ.

2. Лѣтопись занятій археографич. комиссіи т.I-VI.

3. Описаніе розысканій и коллекцій. М.С.Соловьева; помѣщены въ Ж.М.Н.Пр. ч.ХУ, ХХ, ХХI, ХХУ, ХХУI, LXIII.

4. Статьи въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза - "книги писцовыя", т.ХУ стр. 457-459. "Акты т.I, 3I4 - 3I5.

Въ виду того, что Археографической экспедиціей Строева было собрано много матеріала, то назрѣла потребность издать его, и для этой цѣли учреждена была "небольшая комиссія" въ 1834 г., сохранившая за собою такое названіе всего 3 года, т.е. до 1837 г., когда была переименована въ Архео-

графическую Комиссію, подъ каковымъ названіемъ существуетъ и до настоящаго времени.

На эту Археографическую Комиссію было возложено какъ собираніе, такъ и изданіе сочиненій историческаго характера |т.е. лѣтописей, хронографовъ, сказаній и пр.| и актовъ государственно-юридическихъ, а также описаніе русскихъ монетъ и медалей. Впослѣдствіи ей было поручено и изданіе актовъ на иностранныхъ языкахъ, относящихся къ исторіи Россіи.

Археографическая комиссія продолжала дѣло, начатое Румянцевымъ и археографической экспедиціей Строева. Ею былъ осмотрѣнъ рядъ архивовъ: архивъ старыхъ дѣлъ, находящійся въ Москвѣ при Сенатѣ, архивъ Московской дворцовой конторы, московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, архивъ синодальной библіотеки.

Члены археографической комиссіи - Бередниковъ, Калачевъ, Онацевичъ - совершили путешествія по центральнымъ губерніямъ, въ которыхъ осматривали какъ архивы присутственныхъ мѣстъ, такъ и фамильныя собранія. Затѣмъ комиссія вытребовала себѣ документы провинціальныхъ архивовъ, гдѣ хранились дѣла бывшихъ воеводскихъ канцелярій, магистратовъ, ратушъ и пр.; помимо этого было обращено вниманіе на архивы: сѣверо-западный, западной и юго-

западной Россіи, давшіе въ общемъ обильный и цѣнный матеріалъ. Такъ, въ конфискованномъ имѣніи Сапѣги найдены документы Ливонскаго Ордена XIII-XIУ в.в.; въ Ревелѣ - Новгородскія грамоты XIIв. Рядъ частныхъ лицъ содѣйствовалъ археографической комиссіи, разработкою архивовъ на мѣстахъ, напр., изъ Астрахани Матвѣевъ доставилъ большое собраніе актовъ ХУII в., въ коихъ заслуживали вниманія столбцы о прибываніи въ Астрахани Марины Мнишекъ и Заруцкаго, новыя свѣдѣнія о Стенькѣ Разинѣ. Одновременно съ розысканіями комиссіи, къ ней поступали матеріалы и отъ частныхъ лицъ; такъ, вдовою М.М.Карамзина были сообщены рукописи, принадлежащія исторіографу [лѣтописи, житія, сборники, акты, иностранные матеріалы]; купецъ Мельниковъ передалъ жалованныя Строгановымъ грамоты ХУI и ХУII в.в. и пр.... Были использованы иностранные архивы. Черезъ графа С.С.Уварова пріобрѣтены списки съ дипломатическихъ бумагъ Поссевина въ Ватиканскомъ музеѣ; въ Гамбургѣ найдена грамота Великаго князя Василія Ивановича 1578 г. на пергаментѣ, но самый обширный и важный матеріалъ дали скандинавскіе архивы, библіотеки и частныя собранія. Піонеромъ здѣсь былъ проф. М.С.Соловьевъ, осмотрѣвшій въ 1838-39 г., при любезномъ содѣйствіи Швед-

скихъ и Датскихъ ученыхъ, въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ тайные королевскіе архивы, семейный архивъ Делагарди и рядъ библіотекъ въ Лундѣ, Упсалѣ и др. Находки Соловьева заслуживаютъ особеннаго вниманія: онъ открылъ уставную грамоту XII в.; собраніе Новгородскихъ актовъ, вывезенныхъ Делагарди; бумаги лагерей Сапѣги и Тушинскаго Самозванца, захваченныхъ шведами, онъ нашелъ и списалъ сочиненіе Катошихина. Весь этотъ поступившій матеріалъ нынѣ систематизированъ и разложенъ въ хронологическомъ порядкѣ по губерніямъ и областямъ, такъ что пользованіе имъ въ значительной степени облегчено

Таковы пути археографической комиссіи по пріобрѣтенію матеріаловъ, но на этомъ дѣятельность комиссіи не останавливается, она направлена также и на изданіе этого матеріала, обнимающаго акты историческіе, историко-юридическіе и лѣтописи. Къ разряду актовъ историческихъ надо причислить слѣдующія изданія:

1. Акты историческіе, 5 т. съ 1334-1700; подъ редакціей Строева, Григоровича, Коркунова. 1841-1842.

2. Дополненія къ актамъ историческимъ 12 т. начиная съ X в. по 1700 г. Подъ ред. Бередникова, Калачева, Коркунова и Тимофеева 1846-1872

3. Акты историческіе, относящіеся до Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ А.И.Тургеневымъ 2 т. подъ редакціей Востокова. 1841-1842.

4. Дополненія къ нимъ, - акты, пріобрѣтенные Уваровымъ и др. под. ред.Григоровича, Ковалевскаго 1848.

5. Сказанія иностранныхъ писателей 2 т. |I т. хроники Бусова и Петрея; II т. соч. Геркмана и Массы| подъ ред. Куника и Миллера.

6. Письма русскихъ государей |1526-1658| подъ ред.Оболенскаго 1848.

7. Русская историческая библіотека II т. подъ редакціей Ковалевичъ, Гильтебрандта, Павлова 1872-1889.

Кромѣ того, многотомныя собранія актовъ,относящихся къ исторіи западной и южной Россіи.

Къ категоріи историко-юридическаго матеріала относятся слѣдующія изданія:

I. Акты юридическіе - собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства съ XIУ в. по 1706 г.; подъ ред.Бередникова 1838 г.

2. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи съ XIII в. по 1700 г. 3 т.,подъ ред.Калачова. 1857 г.-1888 г.

Третье изданіе - лѣтописи, относительно ко-

торыхъ мы знаемъ, что еще Румянцевъ представилъ деньги въ распоряженіе Академіи Наукъ на ихъ изданіе, но оно плохо подвигалось впередъ. Существуетъ одно "полное" изданіе лѣтописей, состоящее изъ 15 томовъ; отдѣльныя же лѣтописи изданы уже по нѣсколько разъ, напр., Лаврентьевская выдержала 3-е изданіе въ 1897 г. Обращаетъ на себя вниманіе попытка изданія писцовыхъ книгъ, т.е. правительственныхъ документовъ, служившихъ основаніемъ для податного обложенія, начало которыхъ восходитъ къ татарскому господству, и имѣющихъ юридическую силу во всѣхъ случаяхъ, когда надо было доказать право собственности на землю. Писцовыя книги представляютъ по истинѣ огромный матеріалъ. Доселѣ изданы только новгородскія "писцовыя книги" 4 т. и "Писцовыя книги" Московскаго государства XVI в." и нѣкоторыя др. Данными писцовыхъ книгъ воспользовался Неволинъ: "О Пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ" |1853|.

Правительственной инициативѣ принадлежитъ изданіе нѣсколькихъ весьма важныхъ и обширныхъ сборниковъ государственныхъ актовъ, каковы:

I. Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. 46 т. въ 48 част. съ указателями. 1828-30г.г. заключающее въ себѣ законодательные акты отъ

Уложенія царя Алексѣя Михайловича до царствованія Императора Николая I, собранные изъ разныхъ архивовъ и присутственныхъ мѣстъ, но впрочемъ не вполнѣ исчерпывающее законодательную дѣятельность правительства при множествѣ излишняго матеріала.

2. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи, IO т. |сношенія съ Австріей, Италіей и папами въ XУ-XУII в.в.| I85I-I87I|.

3. Собраніе трактатовъ и конвенцій Россіи съ иностранными державами, составленное проф. Мартенсомъ.

4. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православ. исповѣданія Россійской Имперіи съ I72I-27 г. 5 т. I869-8I г.

5. Письма и бумаги Петра Великаго, подъ ред. Бычкова I872 г.

6. Письма и бумаги Екатерины II, подъ его же ред I873 г. и нѣкот. др.

Всѣ эти перечисленныя изданія весьма важны и при всякомъ маломальски самостоятельномъ изслѣдованіи съ ними приходится имѣть дѣло. Кромѣ Петербургской комиссіи существуютъ еще другія археографическія комиссіи:

I. Кіевская археографическая комиссія, издавшая казацкія лѣтописи— Самовидца, Сам.Ве-

личка, Григорія Грабянки, письма Адама Киселя, Хмельницкаго и 4 тома "Памятниковъ", куда вошли акты изъ присутственныхъ мѣстъ Южной Россіи.

2. Виленская Археографическая комиссія, работающая съ 1864 г. и выпустившая 30 т. "Актовъ", много сдѣлала для исторіи Западнаго Края.

3. Кавказская археографическая комиссія имѣетъ дѣло съ матеріаломъ, касающимся исторіи Кавказскаго края со времени его присоединенія и издала доселѣ 6 т. своихъ трудовъ.

§ 6. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Библіографія:

Н.А.Поповъ. Исторія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россіи |Чт. М.О.И. 1884 г.|
Рудаковъ. "Историческія Общества". Энцикл. Словарь Брокгауза. т.XIII, 484-485.

Къ дѣлу собиранія и изданія источниковъ по русской исторіи не остались безучастны ни частныя лица, ни ученыя общества, какъ самостоятельныя, такъ и состоящія подъ правительственнымъ покровительствомъ.

Среди ученыхъ обществъ на первомъ планѣ стоитъ Академія Наукъ, которая издавала преимущественно матеріалы, имѣющіе интересъ для исторіи науки въ Россіи; затѣмъ, разрабатывалась

этнографія и въ связи съ послѣдней филологія; труды по археологіи были посвящены, собственно, нумизматикѣ, а второе отдѣленіе Академіи сосредоточивало свое вниманіе на памятникахъ историко-литературныхъ. Больше важности имѣютъ изданные на средства Академіи библіографическіе указатели Межова.

Независимо отъ Академіи, ея члены издаютъ отдѣльные матеріалы. Такъ, Герье издалъ "Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Петру Великому и Россіи" |1873|, а Каяловичъ -"Дневникъ похода Стефана Баторія на Россію" и пр.

Одно изъ древнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ важныхъ Обществъ - Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, основанное въ 1804 г., но дѣятельность котораго, стѣсняемая правительствомъ, на первыхъ порахъ была весьма и весьма не продуктивна. Къ тому же пожаръ 1812 г. уничтожилъ библіотеку и имущество Общества. Со времени президентства гр. Строганова |1836| Обществу была назначена на его изданія правительственная субсидія въ 5000 р. Изданное въ 1848 г. Обществомъ сочиненіе Флетчера: "О Московскомъ Государствѣ XVI в.", оказалось роковымъ: редакторъ этого сочиненія и секретарь Общества, проф.

Бодянскій, перемѣщенъ въ Казань, а органъ Общества закрытъ. Новый лучшій періодъ наступилъ съ царствованіемъ Александра II, когда цензурныя облегченія для исторической литературы позволили Обществу развить свою дѣятельность въ весьма широкихъ размѣрахъ. Изъ большого количества матеріаловъ, изданныхъ Обществомъ, важнѣйшіе слѣдующіе:

I. Русскія достопамятности въ 3 частяхъ |1815, 1848, 1844|. Здѣсь были помѣщены: уставъ Ярослава о мостахъ, Слово о Полку Игоревѣ.

2. Русскій историческій сборникъ въ 7 ч. |1838-44| подъ ред. Погодина; помѣщены описанія древностей, городищъ и кургановъ и мѣстническія дѣла XVI и XVII в.в.

3. Съ 1846 г. и понынѣ Общество имѣетъ свой органъ: "Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ" |которыя въ 1849-57 г.г. были закрыты и замѣнены "Временникомъ"|. Въ этомъ почтенномъ органѣ были напечатаны чрезвычайно важные матеріалы: Домострой, Лѣтопись Переяславля Суздальскаго, Литовскіе Статуты; документы: о цар.Алексѣѣ, Артеміи Волынскомъ,Новиковѣ, Радищевѣ, княжнѣ Таракановой; рядъ записокъ: Храповицкаго, Лопухина, Шишкова, Мордвинова и пр.; записки иностранцевъ: Фоккеродта,

Плейара, Перри, Корба, Рондо. Въ общемъ "Чтенія М.О.Ист. и Древ." прежде другихъ проложили путь къ изслѣдованію и обнародованію матеріаловъ по новой русской исторіи. Въ 1866 г. учреждено въ Петербургѣ "Русско-Историческое Общество", состоящее съ самаго начала подъ предсѣдательствомъ тогдашняго наслѣдника, нынѣ уже покойнаго Императора Александра III. По настоящее время Общество издало 107 томовъ матеріаловъ почерпнутыхъ какъ изъ русскихъ, такъ и иностранныхъ архивовъ. Здѣсь особенно богато развитіе собранія бумагъ Екатерининскаго царствованія: Пугачевскій бунтъ, Комиссія Уложенія, дѣло Таракановой, переписка Екатерины съ Д'Аламберомъ, Вольтеромъ, Жоффреномъ, Гриммомъ, Фридрихомъ II; бумаги Александра I касаются отношеній къ Лапаргу и Наполеону; донесенія и дипломатическая переписка иностранныхъ пословъ при русскомъ дворѣ; протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта. Матеріалы Историческаго Общества тѣмъ болѣе важны, что издаются по подлинникъ документамъ и полными серіями, посвященными данному вопросу.

Къ числу самыхъ древнихъ провинціальныхъ Обществъ надо причислить "Одесское Общество Исторіи и древностей", которое издаетъ свои "запи-

ски", заключающія матеріалъ юридическій, археологическій, топографическій, историческій, относящійся къ южной Россіи и пріуроченный къ различнымъ эпохамъ: скифской, татарской, генуэзской и др.

При Кіевскомъ Университетѣ существуетъ "Историческое Общество лѣтописца Нестора", занимающееся, главнымъ образомъ, разработкой исторіи Южной Россіи; Общество устроило 3-й археологическій съѣздъ и издало его "Труды". Оно издаетъ "Чтенія въ Обществѣ лѣтописца Нестора", гдѣ были помѣщены изслѣдованія Иконникова "Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III;" Владимірскаго Буданова "Помѣстное право въ эпоху Литовско-русскаго государства".

При Харьковскомъ Университетѣ открыто въ 1876 г. "Историко-филологическое Общество", которое издало до 1907 г. 15 томовъ "Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго Общества", гдѣ помѣщены:

Плохинскій. Матеріалы для исторіи внутренней жизни Лѣвобережной Украины и Гетманъ Мазепа въ роли великорусскаго помѣщика".

Лебедевъ. Вотчинный бытъ монастырей Курско-Знаменскаго и Бѣлгородско-Николаевскаго по архивнымъ документамъ.

Трифильевъ. Къ исторіи промышленности Слободской Украины.

Миллеръ. Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи; суды земскіе, городскіе и подкоморскіе.

Короленко. Матеріалы по исторіи войска Запорожскаго. Саввa. О посольскомъ обрядѣ Московскаго государства. Бѣлявскій. Къ исторіи торговыхъ сношеній въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка.

Помимо этого издано 7 выпусковъ "Трудовъ Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества", гдѣ помѣщены статьи: Ветухова. Янъ-Амосъ Каменскій. Бузескула. По поводу новыхъ учебниковъ по всеобщей исторіи. Багалѣй. Объ элементарной методикѣ исторіи. Трифильевъ. Новиковъ, какъ педагогъ. Сумцовъ и Рѣдинъ. Опытъ организаціи образовательныхъ чтеній для учащихся. Масловъ. Песталоцци. Краснскій. Къ психологіи дѣтскихъ игръ и др. "Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства" Багалѣя и "О времени и чѣстѣ крещенія Великой княгини Ольги" Саввы.

Кромѣ перечисленныхъ Обществъ существуетъ еще рядъ археологическихъ и антропологическихъ

обществъ, такъ, напр., въ Москвѣ, "Московское археологическое общество", основанное гр. Уваровымъ, и "Общество антропологіи, естествознанія и археологіи", не чуждающееся и историческихъ вопросовъ. "Императорское географическое общество" въ Петербургѣ занимается исторической географіей и этнографіей съ отдѣленіями въ провинціи.

§ 7 АРХИВЫ.

Библіографія:

П. И. Ивановъ. Арх. М.Ю. |Въ Ж.М.Ю. 1860 г. I кн.

Родоканъ. Центр. архивъ и археограф. комиссія въ Кіевѣ. Ж.М.Нар.Пр. 73 г. 2 кн.

Е.М. Ивановъ. Харьковскій историческій архивъ. Х. 1904 г.

Если мы сопоставимъ изданный матеріалъ съ неизданнымъ, то послѣдній покажется моремъ, а первый его каплей. Неизданный матеріалъ находится въ историческихъ архивахъ и въ распоряженіи присутственныхъ мѣстъ, монастырей и частныхъ лицъ. Историческіе архивы въ свою очередь подраздѣлены на 3 категоріи: I| архивы столицъ, 2| такъ наз. центральные областные архивы и 3| провинціальные историческіе архивы.

Къ числу первыхъ относятся:

I| Московскій архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, - самый обширный архивъ, общее число дѣлъ котораго простирается до милліона. Онъ служитъ продолженіемъ архива посольскаго приказа, который завѣдывалъ внѣшними сношеніями и нѣкоторыми частями внутренняго управленія. Сюда была присоединена часть архива Царства Польскаго и Великаго княжества Литовскаго. Здѣсь, между прочимъ, хранятся государственныя родословныя книги, переписка русскихъ государей, письма и автографы Петра Великаго, секретныя дѣла XVII - XVIII в., подлинныя письма Дмитрія Самозванца и Марины Мнишекъ и др.. Съ этимъ архивомъ тѣсно связано государственное древнехранилище хартій, рукописей и печатей. Приведенный раньше другихъ архивовъ въ порядокъ, архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ давно сталъ доступенъ для пользованія не только разныхъ учрежденій, но и частныхъ лицъ; тамъ работали Карамзинъ, Бантышъ-Каменскій |исторія Малой Россіи|, Калачевъ |Матеріалы для изслѣдованія о Русской Правдѣ. М.1846|, С.М. Соловьевъ, Забѣлинъ, Пекарскій, Трачевскій |Польское безкоролевье. М. 1869|, Ключевскій |Боярская Дума. М. 1882|, Барсуковъ и мн. другихъ. Большинство матеріаловъ, изданныхъ археографической комиссіей |Строева| и Русскимъ Истор. Общ, взято именно

отсюда.

2| Московскій Архивъ Министерства Юстиціи вмѣщаетъ въ себѣ документы о службѣ, поземельной собственности и судебномъ производствѣ въ Россіи съ XIУ по XУIII ст. включительно, являясь въ тоже время древнѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ государственнымъ архивомъ въ Россіи, и имѣетъ громадное значеніе для изученія внутренняго быта страны, а съ другой стороны, и для практическихъ справокъ относительно недвижимыхъ владѣній старинныхъ дворянскихъ родовъ. Сюда поступили, главнымъ образомъ, дѣла Разряднаго, Помѣстнаго и Малороссійскаго приказовъ. Работали здѣсь Неволинъ |о"Пятинахъ Новгородскихъ"|, Забѣлинъ |для жизни царей и бояръ|, С.М. Соловьевъ, Костомаровъ, Есиповъ |Раскольничьи дѣла XУIII в. 2 т. 1861 г.|, Семевскій |"Крестьяне въ царствованіе Екатерины II|.

3| Государственный архивъ въ Петербургѣ, гдѣ хранятся акты и бумаги, относящіеся до императорской фамиліи, бывшихъ статсъ-секретарей; дѣла о важнѣйшихъ преступникахъ, дѣлопроизводство тайной канцеляріи и тайной экспедиціи 1762 - 1802|, какъ то: бумаги изъ кабинета Петра I, Екатерины I, Павла и Александра I; дѣлопроизводство о Пугачевѣ, княжнѣ Таракановой, столбцы о низведеніи Ни-

кона, журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта, слѣдственное дѣло объ Артеміи Волынскомъ, Мировичѣ, о семействѣ Брауншвейгскихъ принцевъ, дѣла слѣдственной комиссіи и верховнаго уголовнаго суда 1825 г., бумаги о тайныхъ обществахъ.

Доступъ въ Государственный Архивъ, естественно, затруднителенъ. Здѣсь работали сравнительно немногіе: гр. Корфъ |Восшествіе на престолъ Николая I. С.П.Б. 1848|, Соловьевъ |Императоръ Александръ I С.П.Б. 1877|, Семевскій |"Слово и дѣло"|, Арсеньевъ |старинныя дѣла объ оскорбленіи его величества. Ист. Вѣст. 1881 кн.IУ|.

4| Архивъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода получилъ начало со времени учрежденія Св. Синода, т.е. съ 1721 г. и заключаетъ въ себѣ драгоцѣннѣйшее и единственное по своей полнотѣ собраніе матеріаловъ для исторіи церкви и церковнаго законодательства, а также весьма богатыя данныя для многихъ сторонъ общественной и государственной жизни. Архивъ разработанъ мало. Изъ матеріаловъ, хранящихся въ немъ, издано: 1| описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Пр. Синода, 5 т. за 1542-1724 г.г. 1868-80; 2| Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія, 5 т. за 1721-1727 г.г., 1869-81 г.г. Здѣсь работали Пекарскій,

Морошкинъ |Іезуиты въ Россіи 2 т. С.П.Б. 1867-70 г.г.|, Горчаковъ |Монастырскій приказъ|, Чистовичъ |Ѳеофанъ Прокоповичъ|.

Существуетъ и еще рядъ архивовъ, какъ то: архивъ Правительствующаго Сената, архивъ Государственнаго Совѣта, архивъ Главнаго Штаба, Архивъ Министерства Внутр. Дѣлъ, архивъ Министерства Финансовъ, Архивъ собственный Е.И.В.Канцеляріи, но ихъ дѣла или не разобраны и не описаны, или почти недоступны для пользованія.

Изъ категоріи Центральныхъ Областныхъ Архивовъ главнѣйшіе:

Кіевскій Центральный Архивъ, владѣющій бумагами Кіевской, Волынской и Подольской губерній. Состоящая при немъ съ 1852г. Комиссія для разбора древнихъ актовъ издаетъ сборники ихъ, подъ названіемъ: "Архивъ Юго-Западной Россіи". На основаніи его матеріаловъ изданы монографіи: Антоновича "О казакахъ" |1500-1716| 3 т.; Владимірскаго-Буданова: "Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ" |Ж.М.Н.Пр. 1868 г.|; Голубева: "Петръ Могила", Грушевскаго "Барское Староство".

Виленскій Центральный Архивъ, гдѣ хранятся дѣла Литовскаго Главнаго Трибунала, жалованныя грамоты великихъ князей, литовскихъ и польскихъ королей и актовыя книги разнообразнаго характе-

ра. Изъ матеріаловъ издано: "Собраніе древнихъ актовъ и грамотъ городовъ Минской губерніи", Scalvies Xiplomatow 2 т. подъ ред. проф. Даниловича и др. Матеріалами пользовались въ своихъ трудахъ: Василевскій, |Очеркъ исторіи гор.Вильны |С. Бершадскій |Литовскіе евреи |1388-1562|.

Главный Архивъ Царства Польскаго, важнѣйшую часть котораго составляютъ книги т.н. коронной метрики, заключавшей жалованныя грамоты, привиллегіи, дипломы, выдававшіеся городамъ, монастырямъ, корпораціямъ и пр.; затѣмъ дипломатическіе акты. Этотъ архивъ прекрасно описанъ. Отсюда извлекли нѣкоторые матеріалы: Иванишевъ |"О дворянскихъ провинціальныхъ сеймахъ въ Юго-Западной Россіи" К.1876 г.|, Любовичъ |Исторія реформаціи въ Польшѣ въ XVI в.|.

Къ третьей категоріи относится Харьковскій Историческій архивъ, являющійся въ настоящее время однимъ изъ выдающихся провинціальныхъ собраній историческихъ документовъ: въ немъ сосредоточены важнѣйшіе матеріалы, касающіеся внутренней жизни въ XVIII в., обширной территоріи нынѣшнихъ губерній: Харьковской, Полтавской, Черниговской и отчасти Курской, Воронежской и Екатеринославской. Онъ составился, главнымъ образомъ, изъ дѣлъ малороссійской коллегіи, затѣмъ,

сюда вошли дѣла генеральной войсковой канцеляріи Черниговскаго городского Суда, походной канцеляріи Гр. К. Разумовскаго. По документамъ Харьковскаго Истор. Архива написаны: Багалѣемъ "Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства", Ефименко "О Полуботкѣ"; Тимченко - "Протестъ слободской старшины и казаковъ противъ реформы 1765 г." въ Кіев. Стар. 1888 г. I кн., Миллеромъ - "О превращеніи казацкой старшины въ дворянство" ibid. 1847 г. I-4.

Существуетъ еще множество архивовъ, какъ-то: архивы генералъ-губернаторствъ: Московскаго, Оренбургскаго, Рижскаго, Виленскаго, Витебскаго, Архивъ главнаго Управленія намѣстника Кавказа; длинный рядъ губернскихъ городскихъ, войсковыхъ, сословныхъ, судебныхъ, епархіальныхъ и пр. архивовъ, имѣющихъ важное значеніе для русской исторіи, особенно для областной. Что касается до монастырскихъ и фамильныхъ архивовъ, то, не говоря уже о томъ, что они весьма разбросаны во множествѣ по всѣмъ уголкамъ Россіи, пользоваться ими болѣе или менѣе затруднительно. Изъ фамильныхъ архивовъ наиболѣе цѣнными являются:

I. Гр. Воронцовыхъ, ведущій свое начало со времени Елизаветы Петровны, и находящійся нынѣ

во владѣніи князей Шуваловыхъ. Лица этой фамиліи дорожили своимъ прошлымъ и потому ихъ архивъ находится въ образцовомъ порядкѣ, что дало возможность издать единственный въ своемъ родѣ сборникъ: "Архивъ гр.Воронцовыхъ"; вышло болѣе 40 т. , гдѣ помѣщены матеріалы Елизаветинской и Екатерининской эпохъ, а также I-й половины XIX в.

2. Не меньшій историческій интересъ представляетъ архивъ князей Куракиныхъ, гдѣ особенно важными оказываются бумаги князя Александра Борисовича Куракина, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ Павлу Петровичу, какъ царевичу, такъ и Императору , и исполнявшаго важныя дипломатическія порученія при Александрѣ I. Его бумагами воспользовался Семевскій.

3. Графа М.С.Мордвинова, игравшаго видную роль при Александрѣ I; бумаги изданы его внукомъ А.А.Мордвиновымъ.

Наконецъ, чтобы заключить очеркъ хранилищъ, укажемъ на болѣе извѣстные музеи и библіотеки. Сюда нужно отнести Императорскую Публичную Библіотеку въ С.Петербургѣ, гдѣ хранятся рукописные матеріалы, относящіеся къ разнымъ періодамъ русской исторіи. Эта библіотека по своему составу и богатству принадлежитъ къ величайшимъ въ мірѣ собраніямъ книгъ, уступая мѣсто лишь француз-

кой національной библіотекѣ и британскому музею. Многочисленные матеріалы Императорской Публичной библіотеки вошли въ разныя изданія археографической экспедиціи и археографической Комиссіи и русскаго историческаго общества.

Затѣмъ, Румянцевскій музей |имени канцлера графа Николая Петровича Румянцева |въ Москвѣ|, начало которому положено было собраніемъ книгъ и рукописей гр. |Румянцева.

ОБЗОРЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

I. ЛѢТОПИСИ.

Библіографія:

Шлецеръ. Несторъ.

Строевъ. Предисловіе къ Софійскому Временнику.

Его-же. О нынѣшней русской лѣтописи. С.1835.

Его-же. О недостовѣрности русской исторіи. С.1835.

Каченовскій. О баснословномъ времени въ русской исторіи. Уч. Зап. М.Ун т III, Кн.2 и 3.

Погодинъ. Изслѣдованія, лекціи и замѣтки, т.I и IУ.

Его-же. О первой русской лѣтописи. С.1875.

Бутковъ. Оборона Несторовой лѣтописи. С.1840.

Перевощиковъ. О русскихъ лѣтописцахъ и лѣтописяхъ. Труды. Рус. Ак. IУ.

Бѣляевъ. О Несторѣ лѣтописцѣ. Чтенія въ М.О.И. Др. годъ 2, № 5.

Сухомлиновъ. Древнія русскія лѣтописи. Записки II отд. Акад. 1869.

Срезневскій. Чтенія о древней русской лѣтописи. Зап. Ак. Н., т. II.

Бестужевъ-Рюминъ. О составѣ русскихъ лѣтописей. Лѣтопись занят. Арх. Ком. кн. IУ.

Тихомировъ. О Лаврентіевской лѣтописи. Ж.М.Н.Пр 1889. IO

Шахматовъ. Хронологія древнихъ русскихъ лѣтопис-

ныхъ сводовъ.

Лавровскій. Изслѣдованіе о Якимовской лѣтописи.

§ 8. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ЛѢТОПИСЕЙ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЯ.

Главнымъ и основнымъ источникомъ русской исторіи, на которомъ научная критическая мысль строитъ свои выводы и гипотезы, есть лѣтописи, подъ которыми разумѣется погодное описаніе событій, отличающееся то подробностью отдѣльныхъ повѣствованій, то краткими замѣтками, состоящими нерѣдко изъ двухъ трехъ словъ. Событія въ лѣтописи излагаются безъ всякой прагматической связи; единственная связь - хронологическая.

У каждаго народа лѣтописи появляются очень рано и, именно, тогда когда является хотя въ самомъ неопредѣленномъ видѣ сознаніе своей народности; когда на сцену выступаютъ герои, выдающіяся лица, тогда возникаютъ и повѣсти объ этихъ лицахъ - зачатки лѣтописнаго свода. Причины происхожденія этихъ памятниковъ коренятся въ самой природѣ человѣчества, которая требуетъ памяти о предкахъ и увѣковѣчиваетъ ихъ дѣянія. Отсюда ихъ громадное значеніе не только для исторіи, но и для жизни.

Какъ частное, такъ и общественное и оффиціальное значеніе они имѣли для князей и дружин-

никовъ, какъ главныхъ участниковъ въ событіяхъ описываемыхъ въ лѣтописяхъ. Впослѣдствіи они служили оправдательнымъ документомъ для возсозданія прошлаго историческихъ дѣятелей, ихъ родословной, и ихъ всевозможныхъ притязаній. Такое оффиціальное значеніе нашихъ лѣтописей подтверждается неоднократно историческими фактами. Когда въXIV в. князь Василій Васильевичъ судился съ Юріемъ Шемякою передъ ханомъ, то доказывалъ свои права "по отечеству и дѣдинству", а Юрій "искаше престола лѣтописцы и старыми списки". Когда Іоаннъ III замышлялъ уничтожить свободу Новгорода |1471|, то взялъ съ собою человѣка, знавшаго лѣтописную мудрость, чтобы показать новгородцамъ ихъ старинныя преступленія противъ князей и убѣдить ихъ въ томъ, что достоинство князя существовало издревле. Лѣтописи наши имѣли, наконецъ, и юридическое значеніе, что подтверждается тѣмъ, что въ нихъ найдены многіе памятники нашего древняго юридическаго быта: договоры нашихъ первыхъ князей съ греками, Русская Правда, разные другіе договоры князей, духовная Волынскаго князя Василька, а впослѣдствіи даже ханскіе ярлыки.

Еще большее значеніе лѣтописи имѣютъ для насъ въ настоящее время; правда, онѣ теперь со-

вершенно утратили тотъ характеръ литературнаго чтенія, которымъ дорожили люди стараго времени, но за то являются драгоцѣнными историческими памятниками, заключающими важный матеріалъ для бытовой и политической исторіи Россіи съ IX по XVII в.в.

§ 9. ИЗДАНІЕ ЛѢТОПИСЕЙ.

Изданіе лѣтописей началось у насъ сравнительно давно, именно съ 1767 года, когда былъ изданъ Кенигсберскій или Радзивилловскій списокъ. За нимъ слѣдуетъ рядъ другихъ изданій лѣтописей, но систематическое изданіе начато только съ 1841 года "Полнымъ собраніемъ русскихъ лѣтописей", изъ которыхъ уже издано XУ т.: въ I т. - Лаврентьевская и Троицкая, во II - Ипатьевская и Густынская, въ III - три Новгородскія, въ IУ -четвертая Новгородская и Псковская, въ У - Псковская и Софійская, въ УI - Софійская, въ УII и УIII - Воскресенская, въ IX и X - Никоновская, въ XУ - Тверская, въ XУI - такъ назыв. А.Абрамки. Въ 1871 году археографическая комиссія издала Ипатьевскій списокъ и тогда же фото-литографическое изданіе начальной лѣтописи по этому списку; впослѣдствіи появились фото-литографическія изданія начальной лѣтописи и нѣкоторыхъ

другихъ. Въ 1897 г. вышло III изданіе Лаврентьевской лѣтописи.

§ 10. ОЧЕРКЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ВОПРОСА О ЛѢТОПИСИ.

Неудивительно, что въ виду громаднаго значенія лѣтописей, изученіе ихъ началось одновременно съ возникновеніемъ науки русской исторіи. Въ настоящее время по этому предмету существуетъ громадная литература; много положеній остается еще спорныхъ, но многія изъ нихъ, рѣшавшіяся прежде неудовлетворительно, теперь не возбуждаютъ больше сомнѣній. Въ XVIII в. относительно нашей первоначальной лѣтописи господствовало мнѣніе, что она принадлежитъ иноку Кіево-Печерской Лавры - Нестору, такъ какъ на нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается это имя и почти всѣ русскіе историки этого времени считали лѣтопись отдѣльнымъ самостоятельнымъ трудомъ Нестора и придавали всему, что заключалось въ лѣтописи, значеніе неоспоримаго факта по своей достовѣрности.

В.Н.Татищевъ, написавшій "Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ", которая по своимъ достоинствамъ выдѣлялась изъ числа исторій этого времени, первый сталъ критически относиться къ лѣтописнымъ памятникамъ и отвергалъ въ нихъ нѣ-

который баснословный элементъ, но все-таки онъ стоялъ за принадлежность первоначальной лѣтописи Нестору. Этого же мнѣнія держался и извѣстный изслѣдователь этой лѣтописи нѣмецъ-академикъ Августъ Шлецеръ и объяснялъ несогласіе списковъ и явныя вставки невѣжествомъ переписчиковъ, на которыхъ и изливалъ свое негодованіе. Онъ даже предпринялъ трудъ возстановить текстъ Несторовой лѣтописи, посредствомъ сличенія и критическаго разбора разныхъ списковъ. Мнѣнія Шлецера касательно древней лѣтописи держался и его послѣдователь по этому вопросу Н.Карамзинъ. Но въ послѣдующее время, когда стали внимательнѣе изучать содержаніе этой лѣтописи, стали приходить къ иному выводу, именно, что лѣтопись далеко не такой цѣльный памятникъ, какъ думали Шлецеръ и Карамзинъ.

Скептическая школа. Но въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія такъ называемые скептики, во главѣ которыхъ стоялъ проф. Москв.Ун. М.Т.Каченовскій |и Строевъ|, заподозрѣли даже древнее происхожденіе "Повѣсти временныхъ лѣтъ". Скептики остановились на томъ фактѣ, что списки нашихъ лѣтописей не восходятъ ранѣе XIII в. и XIУ и стали утверждать, что это и есть произведеніе XIII или XIУ в. и для болѣе древнихъ временъ имѣетъ

мало значенія. То, что мы называемъ лѣтописью Нестора, по мнѣнію скептиковъ, имѣетъ въ своей основѣ монастырскія записки, которыя сводилъ Несторъ, и позднѣйшіе списатели его разукрасили баснями. Каченовскій и Строевъ, относя лѣтописи къ XIII и XIУ в.в., но при этомъ имѣя все-таки въ виду лишнія указанія въ лѣтописяхъ на время ихъ существованія въ началѣ XIУ в., долженъ былъ, конечно, признать поддѣльность лѣтописи. И дѣйствительно, такъ скептики и смотрѣли на лѣтописи, потому что не вѣрили въ возможность составленія лѣтописи въ XI-XII в по состоянію образованности въ Россіи въ то время.

Такимъ образомъ, Шлецеръ превращалъ въ tabula rasa нашу историческую жизнь до призванія князей и видѣлъ на этой tabula rasa однѣ лишь черты нашего варварства. Наши скептики превращали въ tabula rasa съ тѣми же чертами варварства и первые времена нашей княжеской Руси, уничтожая этимъ самымъ и призваніе князей и всю культурную работу эпохи норманской, которая такъ занимала нашихъ ученыхъ нѣмцевъ и въ томъ числѣ Шлецера.

Эта скептическая школа, надо замѣтить, образовалась подъ вліяніемъ историческаго метода Нибура, изгнавшаго своими изслѣдованіями все миѳологическое изъ Римской исторіи. Такимъ миѳо-

легическимъ вѣкомъ наши скептики признавали все время до Владиміра на томъ основаніи, что достовѣрная исторія является на сѣверѣ вездѣ только со времени принятія христіанства. Высшая критика, по мнѣнію скептиковъ, должна состоять въ строгомъ сличеніи нашихъ домашнихъ извѣстій съ иностранными, что дѣлалъ и Шлецеръ, и, кромѣ того, въ строгомъ соображеніи нашихъ событій съ ходомъ ихъ въ Западной Европѣ. Сравнительный методъ изученія нашей исторіи и исторіи другихъ народовъ сталъ догматомъ школы скептиковъ.

Догматическая школа. Этому скептическому направленію незамедлила вскорѣ явиться реакція въ лицѣ ярыхъ противниковъ скептической школы—Погодина и Буткова, которые снова возстановили реномэ лѣтописей, пошатнутое скептиками.

М.Н. Погодинъ въ своихъ лекціяхъ не отвергаетъ, что въ нашей лѣтописи есть баснословныя прибавки, напр., о смерти Олега, о мщеніи древлянамъ Ольги, о послахъ къ Владиміру съ предложеніемъ вѣры, но сравнительное изученіе Несторовой лѣтописи и иностранныхъ свидѣтельствъ о Россіи и вообще лѣтописей другихъ народовъ приводитъ его къ заключенію, что наша лѣтопись имѣетъ необыкновенную достовѣрность и составитель ея, Несторъ, заслуживаетъ величайшаго уваженія. Ма-

тематическій методъ доказательствъ Погодина, указаніе на богатство у Нестора точныхъ извѣстій, особенно указаніе на поражающее множество географическихъ данныхъ, которыхъ никто не можетъ опровергнуть, дали Погодину возможность освѣтить значеніе нашей начальной лѣтописи яркимъ свѣтомъ.

П.Г. Бутковъ въ своемъ сочиненіи "Оборона русской лѣтописи Несторовой отъ навѣтовъ скептиковъ" выступилъ также противъ послѣднихъ и упрекалъ ихъ въ несправедливости по отношенію къ нашимъ древнимъ памятникамъ и къ культурному достоинству нашего древняго прошедшаго. Онъ широко раздвинулъ область изысканія для уясненія культурнаго состоянія Россіи въ XI в., когда появилась наша первая лѣтопись; выяснилъ значеніе книжнаго просвѣтительнаго вліянія на насъ Византіи и просвѣтительное значеніе Кіево-Печерскаго монастыря, раскрылъ, какъ въ этомъ монастырѣ сосредоточивались извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Россіи и что обращало на себя вниманіе въ свое время. Все это утверждало Буткова въ убѣжденіи, что въ Кіевѣ дѣйствительно написана та лѣтопись, которая извѣстна у насъ подъ именемъ Несторовой, и что для объясненія происхожденія этого памятника нѣтъ надобности прибѣгать къ предположенію,

что предварительно существовали такъ называемыя монастырскія записки.

Въ первой части своего сочиненія Бутковъ разбираетъ съ большимъ знаніемъ и большою научностью иностранныя извѣстія о Россіи для уясненія ея состоянія и объясненія достоинствъ древнерусской культуры и древнерусской лѣтописи. Во второй же части своего сочиненія онъ рѣшаетъ главный вопросъ о Несторѣ и его лѣтописи.

Послѣ Погодина и Буткова, такъ жарко ратовавшихъ за Нестора, заявилъ новыя сомнѣнія относительно его П.С.Казанскій, указывавшій противорѣчія, существующія между сочиненіями - "Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ" и "Житіе Ѳеодосія", принадлежащими несомнѣнно монаху Нестору, и самою лѣтописью, гдѣ заключаются эти сочиненія. Тотъ, чье сочиненіе вошло въ лѣтопись, говоритъ, что онъ пришелъ къ Ѳеодосію, а Несторъ въ "Житіи Ѳеодосія" говоритъ, что онъ постригся при пріемникѣ Ѳеодосія, Стефанѣ, и о Ѳеодосіи говоритъ уже по преданію. Замѣчательно, что разсказъ о Борисѣ и Глѣбѣ въ лѣтописи принадлежитъ не Нестору, а Іакову Черноризцу. Вслѣдствіе этого Казанскій утверждалъ, что надо отказаться отъ мнѣнія, что первый сводъ сдѣланъ Несторомъ.

§ II. ВОПРОСЪ ОБЪ АВТОРѢ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Такимъ образомъ, Казанскій, признавая древность лѣтописи, отвергалъ только принадлежность ея Нестору и, не рѣшивъ, кто же авторъ ея, — оставилъ этотъ вопросъ открытымъ, предоставивъ его рѣшеніе послѣдующимъ русскимъ ученымъ.

Прежде ученые, утверждая единогласно, что авторомъ древнерусской лѣтописи былъ Несторъ, основывали свое мнѣніе, главнымъ образомъ, на томъ, что, во-первыхъ, въ нѣсколькихъ спискахъ говорится о Несторѣ, во-вторыхъ, въ посланіи игумена Печерскаго Поликарпа къ Акиндину говорится, что Несторъ написалъ въ лѣтописи житія Св. Даміана, Іереміи и др.; въ-третьихъ, въ воскресенскомъ спискѣ подъ 1081 г. разсказчикъ упоминаетъ о себѣ при открытіи мощей Св. Ѳеодосія, такимъ образомъ: "азъ же грѣшный, иже и лѣтописаніе сіе въ то же время писахъ вземъ регалію, начахъ копать" и т.д. Между тѣмъ въ Печерскомъ Патерикѣ называется лицо, которое было при открытіи мощей Ѳеодосія; это лицо - Несторъ. Но позднѣйшая историческая литература сумѣла рѣшить этотъ вопросъ иначе и подтвердить вѣскими доказательствами въ трудахъ Бестужева-Рюмина, Срезневскаго, Сухомлинова и цѣлаго ряда другихъ изслѣдователей. Капитальное сочиненіе Бестужева-

Рюмина, разработавшее вопросъ о состояніи древнерусской лѣтописи, утверждаетъ, что она не принадлежитъ Нестору, какъ отдѣльному автору, а представляетъ сборникъ, и что источники этого сборника могутъ быть опредѣлены. Бестужевъ Рюминъ весьма удачно исполнилъ эту задачу. Еще раньше сдѣлалъ это Сухомлиновъ въ своемъ изслѣдованіи о русской лѣтописи, какъ о памятникѣ литературномъ. Разница между этими двумя трудами заключается въ томъ, что Сухомлиновъ опредѣлилъ все разнообразіе источниковъ, какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ; указавъ на заимствованія изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, указалъ и на другія заимствованія, на народный элементъ, на преданія и пр. Словомъ, Сухомлиновъ совершенно ясно расчленилъ первоначальную лѣтопись на ея составныя части. Бестужевъ-Рюминъ точно опредѣлилъ туземные источники лѣтописи: это были краткія записки, которыя могли вестись въ стѣнахъ монастыря; записки, которыя могли отличаться характеромъ частнымъ; въ нихъ отмѣчались семейныя дѣла князей, т.е. годъ и день рожденія и смерти того или другого князя - все это въ краткихъ чертахъ. Съ другой стороны, это были обширныя повѣствованія свѣтскаго или духовнаго характера. Повѣствованія свѣтскаго характера тракту-

ютъ о войнахъ, междоусобицахъ князей, и, какъ видно изъ содержанія, онѣ отличаются самостоятельнымъ характеромъ и представляютъ собою вставки въ лѣтописи. Что же касается духовнаго характера, то сюда входятъ разнаго рода житія, напр., Ѳеодосія, Бориса и Глѣба, разсказы объ основаніи Кіево-Печерской Лавры и др. Костомаровъ отмѣчаетъ третій источникъ русской лѣтописи - элементъ народный и преданія. Сюда относятся баснословныя сказанія о смерти Олега, о походѣ Руссовъ на Византію. Съ этой точки зрѣнія онъ прослѣдилъ всѣ лѣтописные разсказы и отмѣтилъ всѣ ея преданія. При разборѣ этого труда Костомарова оказывается, что кое-какія преданія являются домыслами книжниковъ и начетчиковъ, которые дѣлали многія передѣлки въ лѣтописи, но тѣмъ не менѣе большія отдѣльныя части относятся къ преданіямъ народнымъ. Мы видѣли, что Несторъ не былъ авторомъ лѣтописи; кто же былъ ея авторомъ, были ли то свѣтскія или духовныя лица. - все говоритъ въ пользу послѣднихъ. Литературная дѣятельность возникла у насъ со времени введенія христіанства и носила постоянно церковно-религіозный характеръ. Извѣстные намъ лѣтописцы были лица духовныя: игуменъ Выдубецкаго монастыря Сильвестръ, еп. Іоакимъ и др. Въ Радзи-

виленскомъ спискѣ на картинѣ въ видѣ лѣтописца изображенъ монахъ; этотъ типъ увѣковѣченъ въ новѣйшей литературѣ, въ лицѣ Пимена въ драмѣ "Борисъ Годуновъ". Наконецъ, монастыри въ то время не были удалены отъ жизни, они принимали участіе въ тогдашнихъ политическихъ вопросахъ. Духовныя лица являются въ качествѣ послевъ съ крестными грамотами; слѣдовательно, они лучше другихъ знали о ходѣ переговоровъ, они сопровождали князей въ походахъ; самъ князь являлся въ монастырь испросить благословеніе на походъ, сообщить о его результатахъ. Сюда же стекались лица изъ разныхъ областей и могли передавать разсказы о своей родинѣ; наконецъ, и для самаго города монастырь являлся канцеляріей. Этимъ и объясняется присутствіе въ лѣтописи значительнаго количества монастырскихъ сказаній и религіозно-благочестивыхъ размышленій по поводу разныхъ событій. Не на ряду съ духовными авторами могли быть свѣтскія лица, ибо многія сообщенія, особенно касающіяся войнъ, изображаются съ такою подробностью, какая недоступна писцу духовному. Ипатьевскую лѣтопись составляли и духовныя и свѣтскія лица. Нѣкоторые факты, попадающіеся въ лѣтописи, обнаруживаютъ несомнѣнно оффиціальный характеръ; напр., въ Кіевской лѣтописи Ипа-

тьевскаго списка сообщается о томъ, какъ великій князь пользовался лѣтописью для своей цѣли, именно, онъ велѣлъ вписать въ лѣтопись крамолу жителей Берестья. Іоаннъ III, отправляясь въ Новгородъ, взялъ съ собою дьяковъ и лѣтописи, чтобы указать Новгородцамъ ихъ неправды. Въ это время, т.е. въ XIУ и ХУ ст. лѣтописи дѣйствительно принимаютъ эффиціальный характеръ: онѣ мало по малу превращаются въ разрядныя книги, которыя дошли до насъ въ значительномъ количествѣ и представляютъ своего рода лѣтописныя замѣтки, но оффиціальнаго характера. Теперь въ лѣтопись могли входить только такіе разсказы, которые были желательны великому князю. Такое измѣненіе въ характерѣ лѣтописи стоитъ въ связи съ перемѣной государственнаго быта въ XIУ и ХУ в.в. Областная раздробленность исчезаетъ, является идея централизаціи, а это должно было отразиться и на лѣтописи. Личное чувство автора нерѣдко сильно проявляется въ лѣтописи и особенно въ областныхъ. Оцѣнка одного и того же событія въ разныхъ лѣтописяхъ различна: у одного автора |Псковская лѣтопись| господствуетъ скорбное чувство; онъ оплакиваетъ паденіе древняго вѣча и самостоятельность своего роднаго города, между тѣмъ, какъ съ точки зрѣнія другого лѣтописца |Москов-

ковскаго въ Никоновскомъ спискѣ. Псковитяне являются же только крамольниками и вѣчниками которые должны быть уничтожены, но даже простыми мужиками, выкрикивающими на вѣчѣ безъ всякаго пониманія. Есть еще одна черта нашей древней лѣтописи, заслуживающая вниманія, - это строгая систематизація, которая заставляетъ лѣтописца представлять свои ученые домыслы, соображенія и гипотезы, хотя большею частью очень блѣдныя. До сихъ поръ же эти гипотезы смотрѣли какъ на народныя преданія; онѣ являются, можетъ быть недостаточными, но все же выступаютъ, какъ отголосокъ старой дѣйствительности. Такъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ Костомаровъ и другіе. Но гораздо правильнѣе видѣть въ этомъ просто ученые домыслы лѣтописцевъ. Такимъ, напримѣръ, характеромъ отличается извѣстіе нашего лѣтописца о переселеніи славянъ съ Дуная. Костомаровъ указываетъ, на возможное значеніе Дуная въ народныхъ пѣсняхъ но, повидимому, этотъ фактъ стоитъ въ связи съ книжными преданіями нашего лѣтописца о древней этнографіи Восточной Европы. Говоря это, мы не отрицаемъ существованія очень многихъ преданій въ лѣтописи.

§ 12. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЛѢТОПИСЕЙ.

Послѣ всѣхъ предыдущихъ предварительныхъ

замѣчаній мы можемъ поставить вопросъ: каково происхожденіе древней лѣтописи. Еще Шлецеръ высказалъ мнѣніе, долго господствовавшее въ наукѣ что "Повѣсть временныхъ лѣтъ" представляетъ подражаніе Византійскимъ образцамъ; слѣдовательно, онъ ставитъ ее въ прямую связь съ Византійскими хрониками; но здѣсь является одно затрудненіе, которое и до настоящаго времени не вполнѣ устранено. Оказывается, что мы не можемъ указать въ византійскомъ лѣтописаніи такихъ образцовъ, которымъ, будто-бы, подражалъ авторъ лѣтописи. Эта невозможность привела къ противоположному мнѣнію, что русская лѣтопись должна быть поставлена въ связь не съ византійскими, а съ западно-европейскими хрониками, или, такъ называемыми, анналами . Дѣйствительно было сходство русской лѣтописи съ латинскими анналами. У насъ, какъ и тамъ, одно и то же событіе расчленяется на двѣ и болѣе частей, если оно не случилось въ одинъ годъ; и тамъ, и у насъ существуютъ пустые годы. Такимъ образомъ, эти хроники являются наиболѣе характернымъ признакомъ лѣтописей. Но объяснить такое сходство нашихъ лѣтописей съ западно-европейскими анналами не было никакой возможности. Никто не могъ допустить непосредственнаго значенія нашихъ книжниковъ съ западно-евро-

нейокими анналами, написанными на латинскомъ языкѣ въ такое ранее время. Тогда пришли къ другому заключенію, что источники западно-европейскихъ анналовъ и нашихъ лѣтописей были одни и тѣ же и, именно, такъ называемые, пасхальныя таблицы, и даже удалось найти такія рукописныя краткія замѣтки на пасхальныхъ таблицахъ, относящихся къ XIIIи XIУ в.в. Съ первыхъ зачатковъ христіанства, еще до оффиціальнаго принятія его при Владимірѣ Святомъ, вопросъ о празднованіи Пасхи и другихъ подвижныхъ праздниковъ долженъ былъ получить важное значеніе. На основаніи источниковъ, можно установить празднованіе Пасхи, т.е. сдѣлать вычисленіе съ XII в. |въ XII в Кирикъ написалъ Ученіе, имъ же вѣдати человѣку число всѣхъ лѣтъ|, но, конечно, подобнаго рода таблицы могли существовать и раньше. Недаромъ въ нашей лѣтописи встрѣчаются термины церковной астрономіи и пасхаліи-индиктъ, вруцѣлѣто, кругъ луны, кругъ солнца; но они практическаго значенія въ лѣтописи не имѣютъ. Это, повидимому, остатки воспоминанія о прежнемъ времени. Наконецъ, фактическимъ подтвержденіемъ этого являются самыя пасхальныя таблицы съ замѣтками, найденныя въ одной старинной рукописи синодальной библіотеки отъ XIУ в. Оказалось, что эти замѣтки предста-

ляютъ краткую редакцію лѣтописныхъ извѣстій; напр., подъ 1015 годомъ въ пасхальной таблицѣ написано, "Борисъ", а въ лѣтописи подъ этимъ же годомъ говорится объ убійствѣ Бориса. Подъ 1215 г. въ таблицѣ стоитъ "Юрьева рать", а въ лѣтописи разсказывается о войнѣ Новгородцевъ съ великимъ княземъ Юріемъ. Подъ 1237 г., въ таблицѣ стоитъ "Татарѣско", а въ лѣтописи разсказывается о татарскомъ нашествіи. -Такимъ образомъ, краткія замѣтки на пасхальныхъ таблицахъ являются по всей вѣроятности первоначальной основой болѣе подробныхъ истерическихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ лѣтописи, но можно сказать и наоборотъ, что пасхальная таблица - сокращенная лѣтопись. Все-таки, не считая вполнѣ доказаннымъ подобное объясненіе, мы признаемъ его наиболѣе удачнымъ.

§ 13. ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ ЛѢТОПИСИ И МѢСТО ИХЪ НАПИСАНІЯ.

Теперь является другой вопросъ, когда возникла лѣтопись. При рѣшеніи этого вопроса слѣдуетъ различать краткія лѣтописныя замѣтки и своды этихъ замѣтокъ, редактированныхъ и соединенныхъ въ болѣе или менѣе обширныхъ лѣтописяхъ, которыя должны были существовать очень рано. Безъ сомнѣнія, такія замѣтки въ видѣ краткихъ

лѣтописей, существовали въ X в., но составленіе древняго лѣтописнаго свода или такъ назыв. "Повѣсти временныхъ лѣтъ", неправильно приписываемой Нестору, не можетъ относиться ранѣе XII или XI в. для составленія подобнаго сборника должны существовать такія условія письменности, которыя едва были возможны въ X в. Между тѣмъ, ко второй половинѣ XI и XII в. относится цѣлый рядъ литературныхъ самостоятельныхъ произведеній (Луки Жидяты, препод. Ѳеодосія, мон. Іакова, Митр. Кіевскаго Иларіона, Даніила Паломника, Даніила Заточника, Кирилла Туровскаго). Весь этотъ рядъ литературныхъ произведеній, довольно выдающихся, характеризующихъ XII столѣтіе, ясно указываетъ на значительное развитіе литературы и, поэтому нѣтъ основанія отодвигать составленіе древне-лѣтописнаго свода на 2 столѣтія позже, т.е. къ XIII и XIV ст., какъ это дѣлаютъ скептики. Правда, мы имѣемъ краткія указанія на существованіе лѣтописи до второй половины XI в., - это указаніе, съ одной стороны, на древняго Ростовскаго лѣтописца, а съ другой - на составителя Іоакимовской лѣтописи, которую сохранилъ извѣстный историкъ Татищевъ, но они слишкомъ неопредѣленны и сомнительны. Относительно мѣста написанія лѣтописей мы имѣемъ указанія, что онѣ велись въ разныхъ

мѣстахъ; мы знаемъ о веденіи ихъ въ Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ; можемъ съ неменьшею вѣроятностью говорить о лѣтописаніи на Волыни, въ Сѣверщинѣ, Полоцкѣ и др. Но вопросъ не въ томъ, гдѣ писаны лѣтописи, а въ томъ, гдѣ раньше всего онѣ стали появляться. Несомнѣнно, что прежде всего онѣ должны были возникнуть въ Кіевѣ, какъ тогдашнемъ культурномъ центрѣ, но краткія замѣтки, особенно въ древнихъ областяхъ могли возникнуть также рано, какъ и въ Кіевѣ. Кіевъ въ моментъ составленія свода (XI и XII в.) еще не утратилъ не только культурнаго, но и политическаго значенія: онъ является фактически политическимъ центромъ русской земли, потому то и эта первоначальная лѣтопись говоритъ намъ о событіяхъ всей русской земли. Въ это время областныя лѣтописи еще не получили своего значенія.

§ 14. ПОНЯТІЕ О СПИСКАХЪ, РАЗРЯДАХЪ, РЕДАКЦІЯХЪ И ИЗВОДАХЪ.

Рукописи, въ которыхъ дошли до насъ лѣтописи, называются лѣтописными списками. Такихъ списковъ одна археографическая Комиссія имѣла не менѣе 168; много ихъ находится въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ рукописей. Свое названіе списки получили по какому-нибудь случайному об-

стоятельству: по мѣсту нахожденія рукописи, по имени владѣльца или переписчика - Ипатьевской, Лаврентьевской |переписчикъ Лаврентій|, Кенигсбергской. Часто и совершенно неправильно вмѣсто слова "списокъ" употребляютъ названіе лѣтопись. Всѣ дошедшія до насъ списки лѣтописей дѣлятся на нѣсколько категорій; по своему содержанію или, правильнѣе говоря, по мѣсту описываемыхъ ими событій, лѣтописи дѣлятся на нѣсколько разрядовъ, раздѣляющіе всѣ эти списки для параллельной исторіи областей: "Кіевскія", "Псковскія" и т.п. Лѣтописи одного и того же разряда отличаются другъ отъ друга или выборомъ извѣстій, или ихъ размѣщеніемъ и на этомъ основаніи лѣтописи дѣлятся на редакціи. Напр., первоначальная лѣтопись составляетъ отдѣльный разрядъ Теперь этотъ разрядъ можетъ быть или южной или сѣверной редакціи. Ипатьевскій списокъ по разряду причисляется къ первоначальной лѣтописи, а редакція его - южная; Лаврентьевскій же, принадлежа къ тому же разряду, имѣетъ сѣверную редакцію. Вмѣсто термина "редакція" употребляется слово "изводъ": вмѣсто того, чтобы сказать: Кіевская лѣтопись южной редакціи, говорятъ: Кіевская лѣтопись южнаго извода. Иногда подъ редакціей разумѣется форма изложенія, большая или меньшая распространенность. Наконецъ,

по времени списки дѣлятся на древніе и новые; къ числу древнѣйшихъ относится Синодальный |I-й полов. XIУ в.|, Лаврентьевскій, Ипатьевскій и др.

Теперь перейдемъ къ обзору отдѣльныхъ лѣтописей.

"ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ".

Вопросъ объ ея авторѣ. Долгое время думали, что первоначальная лѣтопись не есть сводъ, а лѣтопись, принадлежащая преп.Нестору, иноку Печерскаго монастыря. Это мнѣніе основалось на томъ, что, во I-| въ нѣсколькихъ спискахъ |Хлѣбниковскомъ, Архивномъ и 3-хъ извѣстныхъ Татищеву и не дошедшихъ до насъ| стоитъ имя Нестора; 2| въ патерикѣ Печерскомъ, въ посланіи игумена Печерскаго Поликарпа къ Акиндину разсказывается, что Несторъ написалъ житія Св.Даміана, Іереміи, Матеія и Исаакія, а эти житія помѣщены въ лѣтописи; 3| въ Воскресенскомъ спискѣ лѣтописецъ говоритъ о себѣ: "Азъ же грѣшный, иже и лѣтописаніе сіе въ то время писахъ вземъ мотыку, начахъ прилежно копати"; въ Патерикѣ же Печерскомъ монахъ, бывшій при открытіи мощей Св.Ѳеодосія, называется Несторомъ. Въ другихъ древнихъ лѣтописныхъ спискахъ подъ 1051 годомъ говорится: "къ

нему же |Ѳеодосію| и азъ придохъ худый и недостойный рабъ и пріятъ мя сущю 17 лѣтъ отъ рождѣнія моего". Таковы аргументы за Нестора, автора "Повѣсти временныхъ лѣтъ". Но что въ самомъ дѣлѣ доказываютъ эти аргументы. Только то, что въ Печерскомъ монастырѣ жилъ монахъ и лѣтописецъ Несторъ, но какую лѣтопись онъ писалъ - неизвѣстно, - можетъ быть лѣтопись Печерскаго монастыря, которая въ отрывкахъ могла войти и въ первоначальную лѣтопись. Изъ Печерскаго Патерика мы знаемъ, что въ концѣ XI в. въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ дѣйствительно жилъ монахъ Несторъ, но пришелъ онъ туда не при Ѳеодосіи, а при его преемникѣ Стефанѣ и написалъ житіе Бориса и Глѣба, Св.Ѳеодосія и нѣкоторыхъ др. и монастырскую лѣтопись Мощи его и досель находятся въ Лаврѣ, но этому Нестору не принадлежитъ первоначальная лѣтопись, такъ какъ можно указать на множество разногласій между лѣтописью и тѣми свѣдѣніями, которыя находятся въ сочиненіи,принадлежащемъ несомнѣнно Нестору.Въ житіи Св.Бориса и Глѣба говорится, что до Владиміра не было ни одного апостола на.Руси, а въ лѣтописи говорится, что Ап.Андрей ходилъ по Руси и распространялъ христіанство. Для насъ не важно ходилъ или не ходилъ Ап.Андрей по Руси, но важно самое разногла-

сіе, свидѣтельствующее о томъ, что авторы этихъ сочиненій были различны. Въ житіи говорится, что Владиміръ далъ Борису Владиміръ Волынскій, а въ лѣтописи Ростовъ. Въ житіи говорится, что убійцы привезли Бориса къ Святополку уже мертвымъ, а въ лѣтописи говорится, что самъ Святополкъ приказалъ добить еще живого Бориса. Можно указать также на противорѣчіе между лѣтописью и другимъ сочиненіемъ Нестора - "Житіемъ Ѳеодосія". Наконецъ была указана существенная разница между языкомъ лѣтописи и языкомъ сочиненій, несомнѣнно принадлежащихъ Нестору. Затѣмъ, на составной, мозаичный характеръ лѣтописи указываютъ непримиримыя противорѣчія въ самой лѣтописи. Если бы Несторъ былъ авторомъ и составителемъ лѣтописи, то могъ ли бы онъ говорить объ основаніи Переяславля подъ 993 годомъ, сообщивши раньше подъ 907 г. извѣстіе о его торговлѣ съ Византіей; могъ ли Несторъ говорить два раза о приходѣ впервые печенѣговъ на русскую землю и т.д. Скорѣе можно думать, что "первоначальная лѣтопись" есть сводъ, въ которомъ мы можемъ указать главнѣйшіе его источники. Сводъ этотъ заканчивается началомъ XII в.; опредѣлить точно годъ довольно трудно, иные изслѣдователи указываютъ на 1110, другіе на 1113, 1115, 1116

и т.д. Во всякомъ случаѣ съ этого момента уже ясно замѣтна разница въ отдѣльныхъ спискахъ: очевидно, съ этого только времени списки распадаются на различныя редакціи. Составленіе свода къ XII в. нужно отнести на основаніи, напр., такихъ извѣстій, какъ извѣстіе о Давидѣ Игоревичѣ, получившемъ Дорогобужъ; о немъ сказано: "въ немъ же |Дорогобужѣ| умре", а умеръ онъ въ 1113 году.

Но кто же былъ авторомъ древнѣйшаго свода, если имъ не могъ быть Несторъ. Съ вѣроятностью можно предполагать, что имъ былъ игуменъ Выдубецкаго монастыря Сильвестръ; доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующее мѣсто въ сводѣ: "Игуменъ Сильвестръ Святого Михаила написахъ книгы си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милости пріяти, при князѣ Владимірѣ, княжащю ему въ Кіевѣ, а мнѣ въ то время игумняющу у Святого Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта, а иже чтѣль книгы сія, то буди же въ молитвахъ". На основаніи этого и предполагаютъ что Сильвестръ, игуменъ Михайло-Выдубецкаго монастыря въ Кіевѣ, былъ составителемъ перваго лѣтописнаго свода, который отличается особымъ заглавіемъ: "се повѣсти временныхъ лѣтъ" |въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: черноризца Ѳеодосьева монастыря Печерскаго|, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача пер-

вѣе княжити и откуду русская земля стала есть."

§ 15. ИСТОЧНИКИ СВОДА.

Больше всего заимствованій у лѣтописца мы видимъ 1| изъ Св.Писанія, что будетъ понятно, если мы примемъ во вниманіе время и обстоятельства составленія лѣтописи. Лѣтопись писалась еще въ то время, когда христіанство еще утверждалось не вполнѣ, когда во многихъ мѣстахъ держалось язычество со всѣми своими обычаями. Лѣтописецъ же, передавая о томъ, что было въ его время, не могъ умолчать о бытѣ язычниковъ, жившихъ въ предѣлахъ Россіи. Упоминаніе о языческихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ наталкивало лѣтописца на мысль о противоположныхъ и неизмѣримо высшихъ понятіяхъ и дѣйствіяхъ, открываемыхъ Божественныхъ ученіемъ Христа. Такимъ образомъ, тексты являются большею частью сами собой, вызываемые предметомъ повѣствованія . 2| Наряду со Св.Писаніемъ лѣтописецъ пользуется "Палеей". Подъ именемъ"Палеи", какъ особаго сочиненія, извѣстно изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ добавленіемъ собственныхъ толкованій и вставокъ изъ книгъ апокрифическихъ. Изложеніе имѣетъ характеръ полемики противъ іудеевъ и отчасти противъ магометанъ. Связь между сводомъ и "Палеей" не подлежитъ сомнѣнію, что особенно видно изъ лѣто-

писныхъ извѣстій подъ 986 г. о предложеніи вѣръ Владиміру - это находится и въ Палеѣ. Отзывъ греческаго миссіонера о вѣрѣ болгаръ, приведенный въ лѣтописи, объясняется полемикой Палеи противъ магометанства. Въ лѣтописи сравненіе поклонниковъ Магомета съ жителями Содома и Гоморры не имѣетъ надлежащаго смысла, который открывается только по сравненію съ Палеей. Послѣ указанія на ложное ученіе магометанъ и іудеевъ, помѣщена въ лѣтописи проповѣдь греческаго миссіонера, въ которой съ большой подробностью излагается Ветхозавѣтная исторія. Въ этомъ изложеніи основа удержана библейская. Сличая всѣ сходныя мѣста въ Палеѣ и лѣтописи, приходимъ къ заключенію, что большая часть ихъ перешла изъ Палеи въ лѣтопись и только немногія внесены изъ лѣтописи въ Палею.

3| Третьимъ заимствованіемъ у лѣтописца является исповѣданіе вѣры. Символъ вѣры, который приведенъ въ лѣтописи, какъ преподанный Владиміру при крещеніи, есть сокращеніе того символа, который гораздо пространнѣе излагается въ греческихъ сочиненіяхъ, какъ напр., въ исповѣданіи Вѣры Михаила Сенкела. Если сравнить лѣтописный Символъ Вѣры и Михаила Сенкелы, то не будетъ сомнѣнія, что лѣтописный символъ есть произве-

деніе не оригинальное русское, а переводное.

4| Далѣе у нашего лѣтописца слѣдуетъ заимствованное житье Кирилла и Меѳодія. Въ нашей лѣтописи подъ 898 г. говорится о нашествіи Угровъ и войнѣ съ моравами и Чехами, принадлежащими къ племени славянскому. Для славянъ въ это время переведены были святыя книги прибавляетъ лѣтописецъ, отчего и сама грамота называется "славянскою", употребляемая въ Россіи и Болгаріи. За упоминаніемъ о грамотѣ лѣтопись сообщаетъ самыя обстоятельства перевода книгъ: говоритъ о призывѣ къ этому дѣлу Кирилла и Меѳодія, объ изобрѣтеніи азбуки, о гоненіи на св. братьевъ и, наконецъ, о совершеніи ими подвига, къ которому были призваны. Свѣдѣнія эти о первоучителяхъ лѣтописецъ почерпалъ преимущественно изъ такъ назыв. "Каѳоликихъ житій," писанныхъ по-славянски. Внимательное сличеніе лѣтописи и сказаній о Кириллѣ и Меѳодіи привело изслѣдователя Горскаго къ заключенію, что не жизнеописатель пользовался лѣтописью, а лѣтописецъ жизнеописаніемъ.

5| Въ повѣствованіи о крещеніи Владиміра и всей земли русской лѣтописецъ нашъ слѣдовалъ автору "Житія блаженнаго Владиміра", которое съ вѣроятностью можетъ быть приписано монаху Іакову, русскому писателю XI в. Такъ какъ многія собы-

тія описаны въ лѣтописи подробнѣе, чѣмъ въ сочиненіи Нѣиха, то одно время возникъ вопросъ о томъ, не заимствовалъ ли авторъ житія у лѣтописца? Но тщательныя изслѣдованія доказали, что лѣтописецъ заимствовалъ у монаха Іакова, а не наоборотъ. Подтверждается это тѣми древностями, которыя находятся въ "Житіи" и многими особенностями выраженій, обличающихъ въ лѣтописцѣ позднѣйшаго повѣствователя въ сравненіи съ авторомъ "житія."

6| Исторія Бориса и Глѣба составляетъ сокращеніе пространнаго житія, сочиненнаго монахомъ Іаковомъ, авторомъ только что указаннаго житія Владиміра.

7| Часто также встрѣчаются въ лѣтописи выдержки изъ поученій Пр.Ѳеодосія Печерскаго. Лѣтописецъ, описывая нашествіе на Русскую землю половцевъ и побѣду ихъ надъ русскими князьями, говоритъ, что все это Богъ попустилъ за грѣхи наши. За этимъ приводится поученіе Ѳеодосія о тѣхъ причинахъ, вслѣдствіе которыхъ Богъ попускаетъ нашествіе иноплеменниковъ. Поученіе передается дословно, что видно изъ сравненія его съ текстомъ лѣтописи. На Ѳеодосія, какъ на автора поученія "О казняхъ Божіихъ", внесеннаго въ лѣтопись, указалъ и Востоковъ.

8| Въ числѣ событій, описанныхъ подъ 1097 г., главное мѣсто занимаетъ "Ослѣпленіе Василька Ростиславича". При описаніи какъ самаго злодѣянія, такъ и близкихъ къ нему происшествій, лѣтописецъ пользовался письменнымъ разсказомъ того Василія, который велъ переговоры съ ослѣпленнымъ княземъ. Сюда же нужно отнести сказанія Гуряты Роговича объ Игорѣ и затѣмъ отдѣльное сказаніе о Печерскомъ монастырѣ; духовное завѣщаніе Мономаха; письмо Мономаха къ Олегу.

9| Кромѣ русскихъ сочиненій лѣтописцы наши пользовались и византійскими источниками, на что указываютъ и составъ лѣтописи, и собственныя слова лѣтописцевъ, означавшихъ иногда, откуда ими почерпнуто то или другое извѣстіе. Между византійскими хронистами ближе всѣхъ стоитъ къ нашимъ лѣтописцамъ Георгій Амартолъ. Въ древней лѣтописи приводятся неоднократно мѣста изъ его хроники по разнымъ поводамъ и изъ разныхъ частей ея. Отсюда слѣдуетъ заключить, что древнему лѣтописцу извѣстна была хроника Амартола во всемъ ея объемѣ. Авторомъ первоначальнаго свода сдѣланы слѣдующія заимствованія: сказаніе о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ |взято цѣликомъ|; свѣдѣнія о раздѣленіи земли между потомками Ноя, съ перечисленіемъ странъ трехъ

частей свѣта.

Сверхъ космографическаго очерка лѣтописцемъ заимствованъ изъ того же источника разсказъ о нечестивыхъ обычаяхъ эллиновъ. Въ нашу лѣтопись перешло также изъ хроники извѣстіе о знаменіяхъ, являвшихся въ Іерусалимѣ при Иринѣ и о рожденіи ребенка съ рыбьимъ хвостомъ при Маврикіи. Сравненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ нашей лѣтописи и хроники Амартола показываетъ, что иныя заимствованія изложены лѣтописцемъ въ сокращеніи и своими словами, другія же выписаны дословно.

Источникомъ для лѣтописца служитъ скорѣе славянскій переводъ, нежели подлинникъ. Хронику Георгія Амартола назвалъ своимъ источникомъ самъ древній лѣтописецъ, сказавши однажды передъ описаніемъ быта различныхъ народовъ: "Глагольетъ Георгій въ лѣтописаніи"

10| Далѣе, нашъ лѣтописецъ ссылается на Меѳодія Патарскаго при разсказѣ о нашествіи половцевъ въ 1096 г. У Меѳодія также заимствовано сказаніе объ антихристѣ и кончинѣ міра.

11| Въ лѣтописи находится 4 договора: а|Олега |907гг.| съ царями Львомъ и Александромъ; в|Олега |912| съ тѣми же царями; с| договоръ Игоря |945| съ царемъ Романомъ и сыновьями его, Кон-

стантиномъ и Стефаномъ; d| - Святослава |971| съ Іоанномъ Цимисхіемъ.

Договоры состоятъ изъ статей большей частью переведенныхъ съ греческаго.

§ 16 ПРЕДАНІЯ ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Кромѣ заимствованій изъ письменныхъ источниковъ въ лѣтописи находится также много изустныхъ народныхъ преданій. Самое древнее и едва ли не самое важное во всей лѣтописи есть -

I| преданіе о переселеніи славянъ съ береговъ Дуная въ нынѣшнюю Россію. Событіе намъ исторически извѣстно только изъ нашего лѣтописца. Что это дѣйствительно древнее преданіе, а не какое нибудь книжное измышленіе, это подтверждаетъ для насъ и теперь значеніе Дуная въ поэтическомъ языкѣ народа; имя Дуная извѣстно на Руси, какъ нарицательное имя большой рѣки;

2| преданіе объ Уграхъ и Обрахъ. Зная изъ Византійскихъ источниковъ о нѣкоторыхъ варварскихъ народахъ, лѣтописецъ пріуручилъ къ этому преданія, ходившія среди народа. Онъ раздѣляетъ первыхъ на бѣлыхъ и черныхъ; подъ послѣдними, пріуроченными ко времени Олега, надо разумѣть венгровъ, подъ вторыми же ученые признаютъ хозаръ. Раздѣленіе на черныхъ и бѣлыхъ лѣтописецъ могъ сдѣлать съ голоса народныхъ преда-

ній; такое раздѣленіе принадлежитъ къ обычнымъ пріемамъ нашего народнаго способа поэтическихъ выраженій. Въ преданіи же объ Обрахъ еще очевиднѣе народный источникъ. Хотя лѣтописецъ и пріурочилъ къ аварамъ, но значеніе слова "обръ" - великанъ, прямо указываетъ на распространенное у всѣхъ народовъ представленіе о великанахъ, вѣрованіе, до сихъ поръ присущее нашему народу, что въ древности люди были выше и сильнѣе тѣломъ;

3| Преданіе о родоначальникахъ Радимѣ и Вяткѣ, отъ которыхъ, по лѣтописи, происходятъ радимичи и вятичи; 6 Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, которые построили городъ во имя своего старшаго брата и назвали его Кіевомъ. По смыслу преданія не значитъ, что радимичи и вятичи происходятъ отъ Радима и Вятки, что кіевляне были всѣ отъ Кія,-нѣтъ, послѣднимъ приписывалось только первое заселеніе края. Это подтверждается существующимъ до сихъ поръ строемъ подобныхъ воспоминаній и преданій названія селъ и даже городовъ по именамъ личностей, впервыя поселившихся въ извѣстной мѣстности.

4| Преданіе о хозарахъ, владѣвшихъ полянами и бравшихъ съ нихъ по мечу съ дыма. Тонъ разсказа и поэтическая плавность, а также и невозможность того, чтобы поляне могли давать въ

дань съ дыма по мечу, когда послѣдніе были рѣдкостью и драгоцѣнностью, указывать ясно на народный источникъ своего происхожденія ;

5| Призваніе князей. Многіе хотѣли видѣть въ этомъ историческую повѣсть,но на самомъ дѣлѣ оно носитъ легендарный характеръ. Названіе "Русь" встрѣчается раньше призванія князей; извѣстно, напр., о Черноморской Руси. Самый способъ приглашенія возбуждаетъ сомнѣніе; трудно предположить возможность соглашенія двухъ племенъ въ устройствѣ общей судьбы. Если даже допустить, что было совѣщаніе о призваніи князей, то какъ же согласить то, что пришло три князя, а не одинъ, да и самое число три - сказочное. При этихъ несообразностяхъ возникаетъ сильное подозрѣніе, что сказаніе собственно о призваніи есть перенесеніе признаковъ позднѣйшихъ временъ на болѣе раннія времена и составилось въ то время, когда во всѣхъ земляхъ при умноженіи князей, развилось понятіе, что князья должны быть избраны землей по ряду и володѣть по праву, которое заключалось въ народной волѣ.

6| Преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ встрѣчается одно имя Аскольда, а у арабскихъ писателей одно имя Дира; византійскіе же писатели даже ничего не говорятъ о нихъ

Наконецъ, Длугошъ, изложившій исторію Южной Россіи по нашимъ древнимъ лѣтописцамъ, не знаетъ никакой Руси, призванной изъ-за моря; напротивъ, у него это имя споконъ вѣковъ присуще той землѣ, въ которой онъ живетъ. Но онъ говоритъ о призваніи варяговъ. Поводомъ къ этому призванію послужило слѣдующее обстоятельство: Аскольдъ и Диръ, два брата, княжили въ-Кіевѣ, они были потомки древнихъ князей Кіевскихъ, которыхъ родоначальниками были Кій, Щекъ и Хоривъ. Часть русскихъ, переселившаяся въ другой край, была недовольна ихъ властью и призвала противъ нихъ варяговъ, которые и пришли подъ начальствомъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Они стали князьями, такъ какъ призвавшіе не могли согласиться относительно выбора князя изъ своей среды. Послѣ ихъ смерти онъ Рюрика, Игорь, коварно умертвилъ Аскольда и Дира и положилъ начало господства въ Россіи новаго княжескаго рода. Это приводитъ къ такому выводу, что въ Новгородѣ, находившемся подъ властью Кіева, образовалась партія недовольная этой властью и призвала на помощь иноплеменниковъ, которые сдѣлались господами. Противники ихъ убѣгали въ Кіевъ. Между Кіевомъ и Новгородомъ возникла борьба, кончившаяся тѣмъ, что Кіевъ былъ покоренъ, и тогда было положено нача-

ле новому княжескому роду, послужившему впослѣдствіи орудіемъ единенія для русско-славянскихъ народовъ.

7| Преданіе объ Олегѣ. Преданія о немъ касаются, главнымъ образомъ, подчиненія южно-русскихъ племенъ, войны съ Греціей и чудесной смерти. На подчиненіи племенъ, по лѣтописцу, употреблялось по году на каждое. Эта послѣдовательность отзывается искусственностью; обращеніе же Олега съ радимичами, обязавшимися добровольно платить ему дань, а не хазарамъ, выражено совершенно въ простодушномъ тонѣ народнаго преданія. Ѣдетъ Олегъ и на коняхъ, и на судахъ, у него двѣ тысячи кораблей и на каждомъ кораблѣ по 40 человѣкъ; удаль молодецкая, какъ всегда бываетъ въ народныхъ пѣсняхъ, - есть самая побудительная причина объявленія войны. Далѣе, въ походѣ на Грецію разсказывается хитрая постановка судовъ на колеса, отказъ Олега принять отъ грековъ предложенныя имъ яства и питье, въ увѣренности, что они отравлены; требованіе дани въ количествѣ двѣнадцати гривъ на человѣка |12 - число символич. Наконецъ, самая смерть Олега, - все это показываетъ, что на вѣщаго Олега перенесены идеальные вымыслы народнаго воображенія.

8| Преданіе объ Игорѣ и Ольгѣ. Въ значитель-

ней степени может быть отнесено къ легендамъ. Исторической основой служитъ одно столкновеніе Полянъ съ сѣверо-русскими племенами. Все же остальное - сожженіе Ольгой Коростеля, мщеніе древлянамъ, устройство тризны на могилѣ Игоря, земское строеніе русской земли, какъ и путешествіе Ольги въ Константинополь и крещеніе тамъ, разсказано въ лѣтописи въ чертахъ легендарнаго характера.

9| Преданіе о Святославѣ. Въ повѣствованіи о немъ есть даже выраженія, обличающія рѣчь поэтическихъ произведеній. Это бросается въ глаза особенно въ описаніи образа жизни Святослава. Какъ на преданіе можно смотрѣть на нападеніе печенѣговъ на Кіевъ въ отсутствіи Святослава и на спасеніе города какимъ-то находчивымъ киевлянкой. Походы его на болгаръ при всей исторической основѣ носятъ много легендарныхъ чертъ, какъ и сама смерть Святослава отъ печенѣговъ.

Чѣмъ ближе къ концу XI в., тѣмъ все менѣе видимъ въ лѣтописи изустныхъ преданій народа; появляются преданія книжнаго происхожденія, которыя, естественно образовались вслѣдствіе принятія христіанской вѣры и появленія житій и легендъ по византійскому образцу.

§ 17 ЛѢТОПИСЬ ЯКИМОВСКАЯ

Татищевъ, всегда ревностный въ дѣлѣ собиранія историческихъ памятниковъ, обратился съ этою цѣлью къ одному своему родственнику Мелхиседеку Берегову. Этотъ Мелхиседекъ бывалъ во многихъ монастыряхъ, и вотъ отъ него Татищевъ хотѣлъ что нибудь получить. Мелхиседекъ отвѣтилъ, что лично у него ничего нѣтъ, но есть знакомый монахъ Веніаминъ, который пишетъ исторію и имѣетъ много матеріала, при этомъ послалъ Татищеву 3 тетради, будто-бы взятыя имъ отъ Веніамина, и просилъ скорѣе возвратить. Списавъ эти тетради, Татищевъ отослалъ ихъ обратно и просилъ прислать продолженіе: но послѣ оказалось, что Мелхиседекъ умеръ, имѣніе его разграблено, Веніамина монаха и не было, а былъ казначей Веніаминъ, но онъ никакой исторіи не писалъ и никакихъ книгъ не имѣлъ; тѣ же 3 тетради, которыя Мелхиседекъ прислалъ, какъ собственность Веніамина, по словамъ послѣдняго, принадлежали самому Мелхиседеку, который скрывалъ эту рукопись и на вопросъ гдѣ взялъ, отвѣчалъ уклончиво и различно. Такимъ образомъ, монахъ Веніаминъ въ письмѣ Мелхиседека къ Татищеву есть лицо вымышленное. Мелхиседекъ, вѣроятно, опасаясь, чтобы Татищевъ, на правахъ родственника не присвоилъ себѣ посланныхъ тетрадей, назвалъ собственникомъ

ихъ Веніамина вмѣсто себя; съ другой стороны, Мельхиседекъ, какъ писатель-монахъ, съ свойственной этой братіи литературной скромностью, боясь открыть свое авторское имя, прикрылся вымышленнымъ лицомъ. То и другое предположенія, по мнѣнію Буткова имѣетъ мѣсто въ этомъ нѣсколько темномъ эпизодѣ пріобрѣтенія Татищевымъ рукописи извѣстной подъ именемъ Якимовской лѣтописи.

Содержаніе этой лѣтописи рѣзко раздѣляется на двѣ части, далеко не равныя по содержанію, времени возникновенія и исторической важности. Въ первой части, послѣ словъ: „О князяхъ русскихъ старобытныхъ Нестеръ монахъ не добрѣ свѣдомъ бѣ, что ся дѣяло у насъ славянъ въ Новгородѣ а святитель Іоакимъ добрѣ свѣдомый написа", говорится о томъ что по раздѣленіи и разселеніи сыновъ внуковъ Афета два брата княжеска города-Славенъ и Скифъ - съ востока двинулись на западъ Скифъ поселился на берегахъ Азовскаго моря и Чернаго а Словенъ подвинулся еще далѣе на Западъ завоевалъ Фракію и Иллирію и, отдавъ эти земли сыну своему Бастарну, самъ двинулся на сѣверъ и основалъ тамъ городъ Славянскъ. Этотъ старшій братъ и сдѣлался родоначальникомъ славянъ Между потомками Словена на сѣверѣ особенно прославился Вандалъ своими счастливыми войнами съ сосѣдями и уи-

нымъ внутреннимъ управленіемъ. Этотъ Вандалъ, усмиривъ безпокойныхъ младшихъ князей Гардарика и Гунигара, раздѣлилъ свои земли между тремя сыновьями: Изборомъ, Столпосватомъ и Владиміромъ, выстроилъ имъ три города и назвалъ каждый именемъ того, кому онъ долженъ былъ принадлежать. Изъ дома Владиміра особенно выдѣлился князь Боривой своими побѣдами надъ варягами, у которыхъ онъ завоевалъ Вiармію до рѣки Кумени. Запертый врагами въ крѣпости на островѣ р. Кумени, Боривой посылаетъ сына Гостомысла освободить великій городъ отъ варяговъ. Гостомыслъ, дѣйствительно, прогоняетъ варяговъ, освобождаетъ славянъ, Русь и Чудь отъ дани имъ и, счастливый въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики строитъ сыну своему Выбору городъ того же имени. Сыновья его однако скоро умираютъ и остаются 3 дочери, которыхъ онъ выдалъ за иноземныхъ пословъ. Опасаясь за свой столъ, Гостомыслъ спрашиваетъ боговъ и вѣщуновъ о наслѣдникѣ. Ему говорятъ, что наслѣдуетъ столъ происшедшій отъ его крови. Старый Гостомыслъ не вѣритъ. Разъ ночью, Гостомыслъ видитъ сонъ: изъ чрева его средней дочери выростаетъ деревъ, покрываетъ тѣнью великій городъ и кормитъ плодами всѣхъ его подданныхъ. Вѣщуны толкуютъ этотъ сонъ такъ, что послѣ его наслѣдуетъ его власть одинъ изъ сыновей средней дочери. Объясняя сонъ и тол-

кованіе его вельможамъ, умирающій Гостомыслъ посылаетъ старѣйшинъ отъ Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичей и Дреговичей къ варягамъ просить князя. Послѣ его смерти и пришелъ Рюрикъ съ братьями и родомъ своимъ. Вотъ содержаніе первой части отрывка Якимовской лѣтописи. Изложенная часть не принадлежитъ, собственно, Якимовской лѣтописи, а представляетъ какъ бы введеніе въ лѣтопись и и написана подъ сильнымъ вліяніемъ польскихъ лѣтописцевъ 16 и 17 в.в. Чтобы понять это, нужно принять во вниманіе слѣдующія соображенія. Польскіе лѣтописцы, начиная съ Кадлубка, особенно ревностно примѣняли къ историческимъ началамъ Польши лѣтописную фантазію. У Кадлубка историческое прошлое польскаго народа восходитъ къ временамъ Іафета и его сына Явина. Съ галлами и римлянами польскій народъ по его увѣреніямъ, ведетъ войны, поражаетъ Александра Македонскаго и вступаетъ въ родственныя связи, династическія, съ домомъ Цезаря. За Кадлубкомъ Кромеръ, Бѣльскій, Длугошъ и Стрыйковскій къ этимъ лѣтописнымъ фантазіямъ прибавляютъ свои, надѣляя не только свою исторію, но и сосѣднихъ народовъ небывалыми лицами и событіями. Вотъ эти то лѣтописныя басни въ концѣ XVI и въ XVII в. вкрадываются и въ наши отечественные хронографы; пылкая лѣтописная фан-

тазія начинаетъ заражать русскихъ. Типичнымъ представителемъ вліянія этой баснословной стороны польскихъ хроникъ служитъ "подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи", изданная Львовымъ; въ ней есть и олицетвореніе народовъ и мѣстностей въ именахъ лицъ; есть и сказаніе о славянахъ, древностью не уступающія сыновьямъ и внукамъ Аѳета, и стремленіе пріурочить эти сказанія къ древнему періоду русской исторіи. Подъ такимъ польскимъ вліяніемъ написана и первая часть Якимовской лѣтописи. Такія имена, какъ Словенъ, Синѳъ, Бастарнъ и Вандалъ есть въ польскихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ. Другія же имена какъ Гардарикъ, Гунигаръ свидѣтельствуютъ о знакомствѣ сочинителя этой части съ латинскими лѣтописями западныхъ и сѣверо-западныхъ народовъ, такъ какъ въ другихъ памятникахъ они не встрѣчаются; а это знакомство едва ли могло быть ранѣе 18 в. Таковы соображенія, на основаніи которыхъ можно опредѣлить время появленія этой первой части Якимовской лѣтописи |конецъ 17 и начало 18 в.|.

Что же касается автора, то имя его, вѣроятно, навсегда останется неизвѣстнымъ. Можетъ быть, это былъ и самъ Мельхиседекъ, а можетъ быть, и кто другой. Одно можно сказать: что былъ человѣкъ начитанный, а главное хорошо знакомый съ польскими

лѣтописцами, подъ вліяніемъ которыхъ онъ и самъ писалъ.

Вторая часть Якимовской лѣтописи повѣствуетъ о событіяхъ отъ Рюрика до Владиміра Св. включительно. Эта часть содержитъ достовѣрныя извѣстія о нашемъ отечествѣ, согласныя съ его историческимъ развитіемъ, какъ оно изображено у Нестора, опредѣляя порою самый смыслъ Несторовыхъ замѣтокъ точнѣе. Татищевъ назвалъ эту лѣтопись Якимовской, полагая, что составителемъ ея былъ архіепископъ Новгородскій Іоакимъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній: самая лѣтопись начинается такими словами:" о князѣхъ русскихъ...а святитель Іоакимъ добрѣ свѣдомый написа"; на тетради, присланной ему Мелхиседекомъ, была приписка:"святитель Іоакимъ написа", наконецъ, въ самой лѣтописи встрѣчаются выраженія: "пріидохомъ, мы же стояхомъ, ходихомъ, учахомъ, прибыхомъ." На основаніи этихъ соображеній Татищевъ считаетъ составителемъ ея Іоакима.

По мнѣнію Лавровскаго, если имя этого автора, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, и остается неизвѣстнымъ, то близость къ описываемой эпохѣ, вѣрность свѣдѣній о древнѣйшемъ бытѣ русскаго народа и отчетливость ихъ изложенія остаются внѣ всякаго сомнѣнія. Объемъ и первоначальный видъ

ея мы опредѣлить не можемъ, потому что до насъ дошелъ отрывокъ списка и при томъ сравнительно позднѣйшаго времени.

§ 18. ОСОБЕННОСТИ ЯКИМОВСКОЙ ЛѢТОПИСИ

Въ исторической литературѣ Якимовская лѣтопись долгое время не была оцѣнена должнымъ образомъ; на нее смотрѣли какъ на выдумку, не заслуживающую никакого вниманія; утверждали даже, что это подлогъ самого Татищева. Шлецеръ, подъ вліяніемъ своего скептическаго ума, на основаніи баснословной первой части и нѣкоторыхъ несогласій съ Несторовской лѣтописью 2-й части, первый съ такимъ незаслуженнымъ пренебреженіемъ заговорилъ о ней: "о такой глупости онъ ни одного слова не сказалъ бы, если бы въ 1792 году въ Петербургѣ Фелькнеръ не утверждалъ вѣрности сей пустой выдумки". За нимъ другой авторитетъ науки Карамзинъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ Шлецера, утверждалъ, что исторія Татищева вмѣстѣ съ Якимовской лѣтописью полна многихъ любопытныхъ анекдотовъ, источника которыхъ мы никогда не узнаемъ. Того же почти взгляда держались на эту лѣтопись Калайдовичъ, Полевой и Погодинъ. Только въ послѣднее время, благодаря трудамъ Ак. Буткова, арх. Макарія и особенно Соловьева и Лавровскаго этому

историческому памятнику отведено надлежащее мѣсто въ исторической литературѣ.

Укажемъ теперь на нѣкоторыя особенности, которыми Якимовская лѣтопись отличается отъ Несторовой, - особенности, служащія поясненіемъ, дополненіемъ, но никакъ не противорѣчіемъ лѣтописцу Кіевскому.

1| Говоря о смерти братьевъ перваго русскаго князя, Якимовская лѣтопись добавляетъ, что Рюрикъ владѣлъ ихъ землей, не имѣя ни съ кѣмъ войны. Послѣднихъ словъ у Нестора нѣтъ; онъ ни слова не говоритъ о томъ, чтобы Рюрикъ съ кѣмъ-либо велъ войны изъ сосѣдей. Если историки на основаніи молчанія Нестора, не отвергаютъ мирнаго княженія Рюрика, то слова Якимовской лѣтописи только подтверждаютъ, значитъ, правильность ихъ мнѣнія.

2| Въ Якимовской лѣтописи говорится, что Рюрикъ на 4-й годъ своего княженія переселился изъ Ладоги, стараго города въ выстроенный имъ Новгородъ. Что Ладога - старый городъ, который былъ до Рюрика, что Рюрикъ сначала въ немъ жилъ, а потомъ уже въ Новгородѣ, - это факты, о которыхъ не спорятъ. Что же касается времени, то у Нестора сказано только, что Рюрикъ у Ильменя поселился послѣ смерти братьевъ, но когда - не ска-

зано. Съ братьями Рюрикъ жилъ два года; слѣдовательно, остальные два года Якимовской лѣтописи настолько могутъ быть вѣрными, насколько ложнымъ произвольно допущенное предположеніе, по Несторовой лѣтописи, о переселеніи Рюрика сейчасъ же послѣ смерти братьевъ.

3| Въ Якимовской лѣтописи читаемъ: "посажа |Рюрикъ|по всѣмъ градомъ князи отъ варягъ и славянъ" Несторъ говоритъ только: "раздая мужемъ своимъ." Тамъ князья, здѣсь мужи. Но вспомнимъ, что Несторовы мужи въ договорахъ Олега и Игоря зовутся свѣтлыми князьями, вспомнимъ,что въ этихъ же договорахъ есть и славянскія имена, и тогда прибавка Якимовской лѣтописи "отъ славянъ" будетъ понятною.

4| Якимовская лѣтопись называетъ Олега дядей Игоря. У Нестора читаемъ такъ: "умершю Рюрикови, предаетъ княженіе свое Ольгови, отъ роду ему суща " По словамъ Татищева въ раскольничьемъ спискѣ Олегъ зовется "вуемъ" Игоря, а "вуи" по древне-русскому языку значитъ дядя по матери.

5| По Якимовской лѣтописи, кіевляне, притѣсняемые тяжелыми поборами хозаръ, сами просили Рюрика прислать...и пришелъ одинъ только Аскольдъ По Нестору, Аскольдъ и Диръ, на пути въ Царьградъ, завладѣли Кіевомъ. Слова Якимовской лѣтописи

можно такъ объяснить: кіевлянамъ жилось худо подъ властью хозаръ; они уже видѣли хорошій примѣръ призванія, который совершился передъ ихъ глазами. По самой Несторовой лѣтописи, пріобрѣтеніе Аскольдомъ и Диромъ было такъ легко, что скорѣе они явились друзьями и помощниками, а не врагами - завоевателями.

По Якимовской лѣтописи Аскольдъ правилъ полянами и горянами. Принявъ во вниманіе выраженіе Нестора: "Кіевляне, сидящіе на горахъ" и обычай древнихъ народовъ заимствовать свое названіе отъ мѣстностей, гдѣ сидятъ, это будетъ понятно.

Возвратившись въ Кіевъ послѣ похода на Константинополь и крушенія на морѣ, Аскольдъ "посла въ Царьградъ ко царю" . . . Здѣсь въ лѣтописи пропускъ; потомъ читаемъ: "Михаилъ же возблагодари Бога, идя въ Болгаріе". Еще Татищевъ видѣлъ въ этомъ мѣстѣ указаніе на крещеніе Аскольда и руссовъ. Это подтверждаютъ византійскіе писатели-современники и позднѣйшіе - Фотій, Константинъ Багрянородный, Кедринъ, Скилица и др. Образцовыя изслѣдованія по этому дѣлу архіеп. Макарія тоже подтверждаютъ. Принявъ его за фактъ, намъ будутъ понятны и слова Нестора: "На той могилѣ |Аскольдъ| поставилъ Олъма церковь Св.Ни-

колая". Надъ прахомъ язычника не ставятъ церквей, тѣмъ болѣе вскорѣ послѣ смерти.

6| Отличія Якимовской лѣтописи отъ Несторовой относятся еще до Ольги: Ольга, наученная вѣрѣ еще въ Кіевѣ отъ бывшихъ тамъ священниковъ, не крестилась въ отечествѣ изъ боязни народа; эта боязнь побудила ее ѣхать креститься въ Константинополь. Что Ольга могла научиться христіанской вѣрѣ въ Кіевѣ, это легко возможно допустить, зная, что при Игорѣ были въ Кіевѣ церкви |Св.Ильи|, были и служители церкви.

Константинъ Багрянородный упоминаетъ о священникѣ Григоріи, сопровождавшемъ Ольгу изъ Кіева въ Константинополь. Трудно допустить, чтобы онъ былъ только спутникомъ, а не учителемъ Ольги, ѣхавшей креститься. Труднѣе понять боязнь Ольги, княгини и мудрой жены, когда другіе простые люди не боялись исповѣдывать христіанскую вѣру. Но тутъ надо принять въ соображеніе, что одно дѣло простой народъ и другое, когда сама княгиня принимаетъ другую вѣру, потому что народъ въ этомъ обращеніи основательно могъ ждать скорой и вѣрной гибели язычеству.

Говоря о сынѣ Ольги, Святославѣ, Якимовская лѣтопись рѣзко отличается отъ Несторовой, представляя его грознымъ гонителемъ христіанъ, убив-

шимъ послѣ похода за Дунай, гдѣ погибла большая часть войска, многихъ христіанъ, участвовавшихъ въ этомъ походѣ, въ томъ числѣ и брата "единаго своего Глѣба", разрушившимъ храмы христіанъ въ Кіевѣ. Тутъ же лѣтопись добавляетъ, что Святославъ дѣлалъ это не безъ сильнаго вліянія ѳельможъ, "иже начаша клеветати на христіаны, сущіе въ воинствѣ, яко бы сіе паденіе вой приключилось отъ прогнѣванія лжебоговъ ихъ христіанами." Едва ли Якимовская лѣтопись грѣшитъ противъ исторической правды, выставляя Святослава такимъ гонителемъ христіанъ, когда у Нестора читаемъ о Святославѣ, что онъ "аще кто хотяще креститися.. ругахуся тому" или, "се же къ тому гнѣвашеся на матерь", которая по Никоновскому лѣтописцу "бѣ имуще пресвитера втайнѣ"

7| Упомянувъ о крещеніи Владиміра и Руси, Якимовская лѣтопись говоритъ: "царь же болгарскій Симеонъ присла іерея ученыя и книги довольны". Это мѣсто особенно возбуждало сомнѣніе, и въ немъ видѣли противники Якимовской лѣтописи доказательство ея подложности, неподлинности. Какъ можно допустить такой анахронизмъ Борисъ умеръ въ 927 г., а Владиміръ крестился въ 988 г., когда современникомъ ему былъ въ Болгаріи узурпаторъ Самуилъ, которому за его войной съ Византіей

вовсе было не до Владиміра. Чтобы понять, что здѣсь нѣтъ никакого анахронизма, нужно знать, что Самуилъ завладѣлъ болгарскимъ столомъ, когда были законные наслѣдники на него Борисъ и Романъ - дѣти Петра I, жившіе въ Константинополѣ, что Борисъ пытался съ войскомъ возвратить себѣ столъ отца своего, но былъ убитъ, что, наконецъ, оставшійся теперь одинъ наслѣникъ, Романъ, по извѣстіямъ Кедрина и Зонары, назывался Самеономъ въ честь своего дѣда Симеона Болгарскаго. Вотъ этотъ то Симеонъ и могъ прислать "іереи и книги" изъ Болгаріи, принявшей уже болѣе столѣтія назадъ христіанство и находившейся въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха.

8| По свидѣтельству Нестора, Борисъ и Глѣбъ родились отъ болгарыни, а по Якимовской лѣтописи, - отъ Анны. Какъ примирить это противорѣчіе, когда Анна слыветъ за сестру византійскихъ императоровъ Василія и Константина. Степенная книга говоритъ, что Глѣбъ былъ единоутробенъ Борису. Это подтверждается и взаимною ихъ любовью и любовью къ нимъ двумъ, преимущественно передъ другими людьми. Убиты они въ 1015 г. и еще довольно молодыми, о Борисѣ въ жизнеописаніи говорится: "аки цвѣтъ въ юности своей, брада млада и усъ, младъ бо бѣ еще", когда убили. А Глѣбъ сам-

о себѣ говоритъ такими словами, когда умоляетъ убійцъ: "Азъ, братіе, яко жъ видите возрастомъ незлобою младенствую." Если Владиміръ на Аннѣ женился въ 988 г. и "по крещеніи отпусти жены отъ себя", то, значитъ, Борису, какъ старшему сыну отъ Анны не могло бы быть болѣе |1015-988| 27 лѣтъ. Глѣбъ, въ предсмертной молитвѣ, обращаясь къ матери, называетъ ее"госпожей"; Борисъ, по лѣтописи, "" святися царски". Эти два выраженія напоминаютъ,по Соловьеву,ихъ царское происхожденіе по матери. Изъ этихъ соображеній выходитъ, что Борисъ и Глѣбъ не могли не быть дѣтьми Анны и что Якимовская лѣтопись въ данномъ случаѣ права.

Какъ же примирить Анну и болгарыню. Обратимся для этого къ мнѣнію Татищева, по которому Анна не была родной сестрой Василія и Константина. Византійскіе историки, упоминая о родной ихъ сестрѣ Епифаніи, вышедшей за германскаго императора Оттона II, ничего не говорятъ объ Аннѣ. Другіе же говорятъ, что была сестрою, но не родною. И вотъ Татищевъ думаетъ, что такъ какъ есть свидѣтельство о бракѣ Петра I съ сестрою Романа II, отца Василія и Константина| то дочь этого Петра, если только была, должна быть сестрой и Василія и Константина, только двоюрод-

ной, и жить, по причинѣ неурядицъ въ то время въ болгарскомъ царствѣ, въ Константинополѣ. Такимъ образомъ, всего естественнѣе можно объяснить эти на первый разъ противорѣчивыя извѣстія Нестора и Якимовской лѣтописи.

Вотъ и всѣ главнѣйшія особенности Якимовской лѣтописи съ Несторовой, - особенности вовсе не такого свойства, чтобы на основаніи ихъ считать Якимовскую лѣтопись какимъ то подозрительнымъ, даже подложнымъ памятникомъ; напротивъ, важныя сами по себѣ, онѣ нерѣдко уясняютъ безъ нихъ темный смыслъ самаго Нестора.

§ 19. ОБЛАСТНЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Съ начала XII в. области, вступившія въ составъ Кіевской державы мало по малу обособляются, достигаютъ значительной автономіи. Объединенная первыми Кіевскими князьями Русь снова распадается на рядъ областей, играющихъ самостоятельную роль по отношенію къ Кіеву. Кіевъ постепенно теряетъ свое значеніе политическаго центра, хотя долгое время еще продолжаетъ быть центромъ культурнымъ. Неудивительно поэтому, что, начиная съ XII в., возникаетъ рядъ мѣстныхъ областныхъ лѣтописей. Онѣ то и служатъ главнѣйшимъ источникомъ для исторіи областно-вѣчеваго

періода русской исторіи. Изъ областныхъ лѣтописей разберемъ главнѣйшія: 1| Кіевскую, 2| Волыно-Галицкую, 3| Новгородскія, 4| Псковскія и 5|Суздальскія и Тверскую.

I Кіевская лѣтопись. Въ Ипатьевскомъ спискѣ она начинается въ 1110 г. и оканчивается 1200. До 1110 г., какъ извѣстно, въ Ипатьевскомъ спискѣ помѣщена начальная лѣтопись объ общерусскихъ событіяхъ. Но съ этого года Кіевская лѣтопись останавливается преимущественно на Кіевскихъ событіяхъ. Мы говоримъ - преимущественно, потому что находимъ событія, совершившіяся въ другихъ областяхъ русскихъ. Кромѣ того, есть много такихъ событій, которыя могли быть записаны только на мѣстѣ: въ Черниговѣ, Галичѣ, Новгородѣ, Полоцкѣ и т.д. Все это ведетъ къ заключенію, что и эта Кіевская лѣтопись есть такой же сводъ, какъ и "Повѣсть временныхъ лѣтъ". Авторъ Кіевскаго свода воспользовался извѣстіями многихъ мѣстныхъ лѣтописей. Съ другой стороны, не нужно забывать, что въ сѣверномъ Суздальскомъ сводѣ |Лаврент., Троиц.| сохранилось много такихъ извѣстій, которыя относятся къ южной Руси и не находятся въ южномъ сводѣ; нѣкоторыя южно-русскія событія изложены въ сѣверномъ сводѣ пространнѣе, чѣмъ въ южномъ. На составной характеръ Кіевской лѣтопи-

си указываетъ ближайшій анализъ ея содержанія. Н.И.Костомаровъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ постепенно измѣняется характеръ изложенія событій, и раздѣляетъ всю Кіевскую лѣтопись на нѣсколько частей. Погединъ поступаетъ точно также. Дѣйствительно, нѣсколько разъ въ продолженіи разсказа мы находимъ прямыя указанія объ авторѣ того или иного отрывка. Лѣтописецъ говоритъ о себѣ подъ 1171 г. въ разсказѣ о перенесеніи изъ Вышгорода въ Кіевъ тѣла Владиміра Мстиславича: "на утрія же въ суббѣту пойдохомъ съ Владиміромъ изъ Вышгорода". А мы знаемъ, что перенесеніе тѣла было поручено княземъ Глѣбомъ двумъ игуменамъ - Печерскому Поликарпу и Андреевскому Симеону. Такимъ образомъ, лѣтописцемъ могъ быть одинъ изъ нихъ, но о Поликарпѣ говорится въ третьемъ лицѣ, слѣдов., этотъ отрывокъ лѣтописи могъ принадлежать Симеону.

Описывая подъ 1151 г. борьбу Изяслава Мстиславича съ Юріемъ, лѣтописецъ говоритъ объ Изяславѣ: "и рече слово то, ако же и переже слышахомъ: не идетъ мѣсто головѣ, но голова къ мѣсту; изъ подробностей въ описаніи военныхъ дѣйствій видно, что это былъ военный человѣкъ.

Но врядъ ли можно приписывать этимъ лѣтописцамъ все то, что помѣщено въ лѣтописи, и раз-

дѣлятъ ее, такимъ образомъ на нѣсколько частей, какъ дѣлаетъ, напр., Погодинъ. Гораздо удобнѣе заняться разложеніемъ лѣтописи на ея составныя части, какъ дѣлаетъ это Бестужевъ-Рюминъ. И Кіевская, какъ и "Первоначальная лѣтопись" состоитъ, съ одной стороны, изъ отдѣльныхъ сказаній, а съ другой - изъ частныхъ отрывочныхъ извѣстій.

Къ отдѣльнымъ сказаніямъ правдоподобно можно причислить слѣдующія:

1) Сказаніе о стеклянныхъ глазкахъ, падающихъ съ тучи и выбрасываемыхъ р. Волховомъ, а также другихъ чудесахъ за горскими и самоѣдскими землями. Авторъ говоритъ о себѣ "пришедшю ми въ Ладогу, повѣдаша ми Ладожане". Трудно допустить, чтобы Кіевскій лѣтописецъ самъ ѣздилъ въ Ладогу, иначе мы имѣли бы много извѣстій о Новгородѣ.

2) Сказаніе объ Изяславѣ Мстиславичѣ, которое по всѣмъ признакамъ было написано его современникомъ, сторонникомъ и даже сотрудникомъ. Въ этомъ, именно отрывкѣ мы находимъ то указаніе лѣтописца на свою личность, которое было приведено раньше; "и рече слово то, яко же и". Гдѣ мы совсѣмъ не находимъ благочестивыхъ размышленій, текстовъ изъ Св. Писанія, какіе часто попадаются въ другихъ мѣстахъ лѣтописи; изъ церковныхъ событій мы имѣемъ одно только единственное -

разсказъ объ избраніи митр.Клима. Все вниманіе писателя сосредоточивается на событіяхъ политическихъ, на борьбѣ князей изъ-за Кіева. Впрочемъ и въ этомъ разсказѣ попадаются вставки, нарушающія его цѣльность; такой вставкой нужно признать извѣстія объ Игорѣ Ольговичѣ, замученномъ въ Кіевѣ. Съ другой стороны, нѣкоторые его мѣста дошли до насъ въ сокращенномъ видѣ; въ одномъ мѣстѣ мы читаемъ, что Святославъ отпустилъ своихъ воиновъ къ половцамъ, давъ имъ многіе дары, "ихъ же мы прежди написахомъ", между тѣмъ о нихъ нигдѣ нѣтъ ни слова.

3| Сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго носитъ на себѣ всѣ признаки отдѣльнаго сказанія. Въ Ипатьевскомъ спискѣ внизу страницы, въ выноскѣ, написано: "убіеніе великаго князя Андрея Юрьевича Володимерьскаго". Начинается оно, какъ и всѣ отдѣльныя повѣсти, похвалою его дѣятельности |устроеніе городовъ и церквей|, а оканчивается молитвеннымъ обращеніемъ: "молимся помиловати братію свою, да подастъ имъ Господь побѣду на противныя, а мирную державу, и царство честно и многолѣтно, во вся вѣки-вѣковъ. аминь." Разсказъ до такой степени подробенъ, что предполагаетъ необходимо очевидца. Если мы обратимъ вниманіе на роль въ этомъ дѣлѣ кіевлянина Кузьмища, то

невольно должны сдѣлать догадку, что этотъ разсказъ принадлежитъ ему. Тогда для насъ выяснится почему наиболѣе полный разсказъ объ этомъ событіи сохранился въ Южно-русскомъ сводѣ |Ипат. сп.|. При этомъ, впрочемъ, составитель Кіевской лѣтописи воспользовался и тѣми источниками, которые были въ рукахъ автора сѣвернаго-суздальскаго свода.

4| Сказаніе о несчастномъ походѣ Игоря Святославича Сѣверскаго на половцевъ. Объ этомъ же событіи говоритъ и всякому извѣстно "Слово о полку Игоревѣ". На отдѣльность этого сказанія въ лѣтописи указываютъ слѣдующіе признаки: походъ Игоря 1185 г. стоитъ безъ всякой связи съ предшествующимъ; начинается сказаніе отправленіемъ Игоря изъ Новгорода-Сѣверска, а заканчивается возвращеніемъ его изъ половецкаго плѣна и посѣщеніемъ Ярослава Черниговскаго и Святослава Кіевскаго. Все сказаніе проникнуто одною мыслью, что бѣдствія отъ поганыхъ посланы самимъ Господомъ за грѣхи наши: "и се Богъ казня ны, грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганые, не яко милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны къ покаянію да быхом ся востягнули отъ злыхъ своихъ дѣлъ". Самъ Игорь точно также объясняетъ свое бѣдствіе; припоминая взятіе на щитъ города Глѣбля, онъ говоритъ: "и

та вся сотворивъ азъ,- рече Игорь: недостойно ми бяшатъ жити,и се нынѣ вижю отместіе отъ Господа, Бога моего" Подробность и точность разсказа свидѣтельствуютъ также объ очевидцѣ. Но любопытно, что время обозначается не числами мѣсяца, а просто днями; это указываетъ на то, что разсказчикъ потерялъ въ походѣ и въ плѣну числа мѣсяца и только хорошо помнилъ дни

Наконецъ, послѣднее отдѣльное сказаніе о построеніи Рюрикомъ Ростиславичемъ каменной стѣны въ Выдубецкомъ Михайловскомъ монастырѣ, написано по всей вѣроятности, въ Выдубецкомъ монастырѣ.

Вся остальная часть свода наполнена отдѣльными краткими извѣстіями, написанными, впрочемъ,преимущественно въ Кіевѣ. Относительно же тѣхъ извѣстій, которыя не могли быть записаны въ Кіевѣ, нельзя сказать утвердительно, взяты ли они авторомъ Кіевскаго свода изъ мѣстныхъ лѣтописныхъ сводовъ, или же изъ краткихъ погодныхъ замѣтокъ, принадлежащихъ перу одного автора.

§ 20. ВОЛЫНО-ГАЛИЦКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Въ Ипатьевскомъ спискѣ она начинается съ 1202 года |сейчасъ послѣ Кіевской| и оканчивается 1292 г. Впрочемъ,начало ея не дошло до насъ,

отъ него сохранилось только одно заглавіе: "Начало княженія великаго князя Романа, самодержавца бывша всей русской земли, князя Галичкого". Вслѣдъ за тѣмъ мы читаемъ: "по смерти же великаго князя Романа". княженія Романа и не оказывается на лицо. Эта лѣтопись представляетъ исключительное явленіе въ нашей исторіографіи. Она исключительно повѣствуетъ намъ о галицкихъ и волынскихъ дѣлахъ, игнорируя совершенно восточную Русь. Велась она въ Галичѣ и на Волыни; по мнѣнію Костомарова, 1260 годомъ она раздѣляется на двѣ части; до 1260 г преобладаетъ разсказъ о Галицкихъ событіяхъ, съ 1261 г. выступаютъ на первый планъ интересы Владиміро-Волынскаго княжества. По общему мнѣнію она первоначально была написана безъ годовъ съ претензіей на прогматизмъ, годы же были поставлены послѣ, можетъ быть тѣмъ лицомъ, которое присоединило ее къ Кіевскому своду. Объ этомъ мы находимъ прямое указаніе въ лѣтописи: "хронографу же нужа есть списати все и вся бывшая овогда же писати, въ передняя, овогда же выступати въ задняя: чьтый мудрый разумѣетъ; число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, въ задняя впишемъ. вся же лѣта впишемъ, расъчет ше задняя". Дѣйствительно, числа разставлены такъ, что прерываютъ иногда связный разсказъ.

Напр., разсказъ подъ 1213 г. заканчивается такъ: "Данилови же, прославшу въ Володимерѣ", а подъ 1214 г. читаемъ: "Сѣтъ тишина"; подъ 1215 г. продолженіе прерваннаго разсказа: "Божіимъ повелѣніимъ прислана князи Литовскихъ къ великой княгинѣ Романовѣ и Данилови и Василькови, миръ дальше". Очевидно, наличный матеріалъ не давалъ возможности запомнить всѣ годы, и потому то къ нѣсколькимъ годамъ относится такое событіе, которое совершилось въ теченіе одного. Иногда онъ вслѣдствіе этого допускаетъ прямыя ошибки, относя, напр., смерть Романа къ 1120 г., между тѣмъ, какъ онъ убитъ въ 1165 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ на себя наше вниманіе отсутствіе краткихъ лѣтописныхъ замѣтокъ, какія попадаются въ значительномъ количествѣ въ Кіевскомъ и др. сводахъ; мы находимъ въ Волыно-Галицкой лѣтописи и пустые годы, или же болѣе или менѣе обширныя повѣствованія. И здѣсь также можно указать на нѣсколько отдѣльныхъ сказаній.

1| Сказаніе о битвѣ при Калкѣ, гдѣ авторъ говоритъ о себѣ: "вся намъ посуху же Днѣпръ перешедшимъ", судя по сочувствію, съ которымъ онъ отзывается о Даніилѣ, можно предположить, что онъ былъ галичанинъ.

2| Сказаніе о Батыевомъ нашествіи. Здѣсь мы

находимъ наиболѣе подробный разсказъ о судьбѣ Кіева .

3| Сказаніе о смерти Владиміра Васильевича.

Сказавъ, что Владиміръ четыре года лежалъ въ болѣзни, лѣтописецъ продолжаетъ: "болѣзнь же его сице скажемъ"... и затѣмъ подробное повѣствованіе, написанное, можетъ быть, для его брата Мстислава.

Кромѣ этого, авторъ Волыно-Галицкой лѣтописи пользовался и оффиціальными источниками. Подъ 1289 годомъ мы находимъ извѣстіе объ оффиціальной грамотѣ, въ которой въ наказаніе за измѣну накладывались на жителей г. Берестья нѣкоторыя повинности; въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ: "и ѣха король Угорскій съ Романомъ и да сестру Герцюкову за Романа и створити обѣтъ, его же за множество весь не списахомъ" Подъ 1287 годомъ въ лѣтописи помѣщено: "князя Володимера рукописаніе" |духовное завѣщаніе|.

Въ описаніи событій видны современники,, ибо упоминаются даже такія подробности, какъ какой масти была лошадь. Церковныхъ событій почти совсѣмъ нѣтъ, наоборотъ, все вниманіе обращено на дѣла политическія. Авторъ при этомъ не является безпристрастнымъ повѣствователемъ, а вноситъ свою субъективную оцѣнку, подчасъ очень рѣзкую.

Языкъ Волыно-Галицкой лѣтописи сильный, образный, картинный. Вотъ что, напр., читаемъ о Романѣ: "по смерти же великаго князя Романа, присиопамяна́го самодержца всея Руси, одолѣвша всимъ погань-скимъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣ-дямъ Божіимъ: устремилбося бяше на поганыя, яко и левъ сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше яко и крокодилъ, и прижожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ..... Волыно-Галицкая лѣтопись заключаетъ въ себѣ множество чрезвычайно важныхъ фактовъ для исторіи Юго-Западной Руси въ XIII в. здѣсь, напр., мы найдемъ данныя для политической исторіи, экономическаго положенія страны и внутреннихъ бытовыхъ отношеній. Мало того, очень важныя указанія здѣсь можно найти и для исторіи сосѣднихъ народовъ, въ особенности Литовцевъ; своими свѣдѣніями объ ятвягахъ мы обязаны почти исключительно Волыно-Галицкой лѣтописи.

§ 21—3. НОВГОРОДСКІЯ ЛѢТОПИСИ

Археографической Комиссіей доселѣ издано 4 новгородскихъ лѣтописи. Первая Новгородская лѣтопись въ печатномъ изданіи начинается съ 1016 года, а оканчивается 1444 г. Издателю ставятъ въ вину то обстоятельство, что начало ея

не напечатано, между тѣмъ какъ оно заключаетъ нѣкоторые варіанты сравнительно съ другими изданными текстами. Въ началѣ эта лѣтопись представляетъ сухой перечень чрезвычайно краткихъ замѣтокъ съ массою пустыхъ годовъ. Изъ этого выводятъ заключеніе, что эта часть составлена глав. обр., по краткимъ даннымъ синодиковъ, куда вносились для поминанія имена умершихъ и убитыхъ въ сраженіяхъ; только съ 1117 г. лѣтопись дѣлается нѣсколько подробнѣе, но обстоятельной дѣлается только съ 1137 г.; съ этого только времени начинается настоящая самостоятельная Новгородская лѣтопись Дальше она является то болѣе систематической, то болѣе отрывочной, причемъ иногда на первый планъ выступаютъ политическія, а иногда церковныя событія.

По своему содержанію она имѣетъ очень важное значеніе для новгородской исторіи. Она рисуетъ намъ политическое, гражданское и церковное устройство Новгорода; отношенія къ другимъ русскимъ княжествамъ и сосѣдямъ |Чуди. Литвѣ, Ганзѣ, Даніи и т. д.|; внутреннія неустройства и народныя бѣдствія |голодъ, болѣзни пожары|.

Источниками для нея служили: 1| отдѣльныя сказанія - о взятіи крестоносцами Царьграда, битва на рѣкѣ Калкѣ, нашествіе Батыя на Рязань и Вла-

димiръ Мамаево побоище; 2| монастырскiя и церковныя записки; 3| записки частныхъ лицъ и оффиціальные акты.

Первая Новгородская лѣтопись имѣетъ особенно важное значеніе для начальной исторіи Новгорода |до XУ в.|, потому что извѣстія другихъ новгородскихъ лѣтописей за этотъ періодъ не заключаютъ въ себѣ много новаго и важнаго.

Вторая Новгородская лѣтопись |съ 911 по 1587|, до конца XУ в. не представляетъ почти никакихъ важныхъ варіантовъ съ первою; любопытна только приписка подъ 1421 г, гдѣ говорится о новгородскихъ лѣтописцахъ. Но за то за XУI в. она содержитъ чрезвычайно важныя оригинальныя извѣстія, исключительно, впрочемъ, о Новгородѣ. Къ этой лѣтописи присоединены въ изданіи Археографической комиссіи списокъ новгородскихъ владыкъ и отрывокъ изъ разряда Новгородскихъ лѣтописей.

Третья Новгородская лѣтопись |988-1716 г.|, заключающая въ себѣ собственно говоря, исторію построенія новгородскихъ церквей, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ея заглавіе. Кромѣ того, она заключаетъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ сказаній, изъ коихъ на первомъ планѣ нужно поставить описаніе побоища, учиненнаго Иваномъ Васильевичемъ въ Новгородѣ въ 1576 г

Четвертая Новгородская лѣтопись есть сводъ предъидущихъ съ добавленіемъ нѣкоторыхъ извѣстій о Суздальской, Тверской и Литовской земляхъ. Такимъ образомъ, въ ней мы находимъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ сказаній и правительственныхъ актовъ.

4 ПСКОВСКІЯ ЛѢТОПИСИ

Археографической комиссіей изданы двѣ Псковскія лѣтописи (I-ая и 2-ая). Первая лѣтопись (859-1650). Оригинальныя событія начинаются только съ конца XII в.; подъ 1265 г. находится первое самобытное сказаніе о Довмонтѣ. Съ этого момента мы видимъ въ ней рядъ мѣстныхъ псковскихъ извѣстій (о постройкахъ, народныхъ бѣдствіяхъ, войнахъ съ сосѣдями, гражданскихъ и церковныхъ дѣлахъ). Лѣтопись эта отличается въ значительной степени оффиціальнымъ характеромъ. Вторая Псковская лѣтопись представляетъ варіантъ первой съ нѣкоторыми интересными частностями. Сюда же можно отнести и неизданную доселѣ Вятскую лѣтопись, содержащую интересныя данныя для новгородской колоніи - Хлынова.

5 СУЗДАЛЬСКІЯ ЛѢТОПИСИ

Мы не имѣемъ, собственно говоря, ни одного лѣтописнаго списка, который заключалъ бы въ себѣ исключительно Суздальскую лѣтопись, но на существованіе ея указываютъ многія вѣскія соображе

нія. Суздальскія событія сохранились въ спискахъ Лаврентьевскомъ Троицкомъ, Софійскомъ и Воскресенскомъ начиная со времени Андрея Боголюбскаго. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописцы ясно даютъ о себѣ знать, какъ о жителяхъ Ростово-Суздальской земли; имѣется прямое указаніе на существованіе стараго Ростовскаго лѣтописца Симпатія лѣтописца лежатъ на сторонѣ владимірскихъ князей и г. Владиміра, отсюда дѣлаютъ заключеніе что лѣтопись велась въ г. Владиміръ И дѣйствительно, Владимірскимъ князьямъ придается какъ бы царственное значеніе отдается предпочтеніе наслѣдованію отъ отца къ старшему сыну, а не брату; побѣды великихъ князей владимірскихъ объясняются помощью Божіею борьба противъ владимірскихъ князей признается дѣломъ грѣховнымъ Церковныя понятія, такимъ образомъ призываются здѣсь на помощь возникающему самодержавію. Съ XIУ в лѣтопись переходитъ въ Москву, но обозначить точно время этого перехода нѣтъ никакой возможности

Сюда должна быть отнесена также и лѣтопись Переяславля Суздальскаго, доведенная только до 1214 г. Къ Переяславлю ее относятъ только потому, что въ разсказѣ ея объ убіеніи Андрея Боголюбскаго лѣтописецъ называетъ "нашимъ" княземъ Ярослава, княжившаго въ Переяславѣ, а кромѣ того пере-

ярославцевъ называетъ союзниками владимірцевъ |другіе списки ничего объ этомъ не говорятъ|. Она заключаетъ въ себѣ нѣкоторые любопытные варіанты даже о древнѣйшихъ дѣлахъ |сообщаетъ, напр., интересныя подробности о бытѣ родимичей и вятичей|. Впрочемъ, текстъ ея во многомъ испорченъ переписчиками. Есть и еще нѣсколько областныхъ лѣтописей, но онѣ относятся къ болѣе позднему періоду, напр., Тверская, заключающая въ себѣ данныя для исторіи Тверского княжества съ XIУ в.

Лѣтописные большіе сборники. Съ развитіемъ Московскаго самодержавія, съ объединеніемъ областей подъ властью великаго князя московскаго, объединяется и само лѣтописное дѣло; взамѣнъ прежнихъ мѣстныхъ, областныхъ лѣтописей появляются большею частью въ Москвѣ большіе лѣтописные сборники:- Воскресенскій, Софійскій Никоновскій, въ которыхъ означаются событія во всей русской землѣ. Изложеніе событій въ значительной степени проникаетъ оффиціальный характеръ: лѣтописи служатъ отчасти интересамъ государственнымъ. Уже съ начала XУ в. лѣтописецъ, выхваляя времена "оного великаго Сильвестра Выдубецкаго, не украшая пишущаго", говоритъ: "первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣваща вся добрая и недобрая прилучившаяся написывать" чѣмъ показываетъ ясно, что

уже и въ его время была правительственная лѣтопись; князь Юрій Дмитріевичъ въ своихъ исканіяхъ великокняжескаго стола опирался въ ордѣ „на старые лѣтописцы". Великій князь Иванъ Васильевичъ послалъ въ Новгородъ дьяка Брадатаго доказывать новгородцамъ старыми лѣтописцами ихъ неправду. Становясь все болѣе и болѣе оффиціальной, лѣтопись сближалась съ разрядными книгами и, наконецъ, перешла въ нихъ окончательно. Составныя части лѣтописей состоятъ изъ трехъ группъ: 1| древняя лѣтопись, 2| областныя лѣтописи и 3| общерусская или Московская. На ряду съ такими сборниками мы встрѣчаемъ и нѣкоторыя мѣстныя лѣтописи въ родѣ, напр., Двинской, Нижегородской, но онѣ вытѣсняются скоро чисто монастырскими записями. Въ этомъ случаѣ надо только выдѣлить, такъ наз., Сибирскія лѣтописи, которыя составляютъ особую характерную группу. Начало сибирскаго лѣтописанія приписывается Кипріяну, митр. Тобольскому; до насъ дошло нѣсколько сибирскихъ лѣтописей, болѣе или менѣе отклоняющихся одна отъ другой.

Особое и важное мѣсто въ русскомъ бытописаніи занимаютъ Литовскія лѣтописи. Мы имѣемъ двѣ редакціи этой лѣтописи - краткую, начинающуюся со смерти Гедимина, собственно даже со смерти Ольгерда и оканчивающуюся 1446 г., и полную, отъ

баснословныхъ временъ до 1506 г.

Съ другой стороны, въ Юго-Западной Руси развивается особое лѣтописаніе; возникаетъ циклъ такъ называемыхъ казацкихъ лѣтописей, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ драматической исторіи южно-русскаго казачества. Изъ нихъ самая важная-Самовидца; что касается до лѣтописей Самуила Величка и Григорія Грабянки, то онѣ совершенно баснословны, какъ и ихъ воспроизведеніе и продолженіе - "исторія Руссовъ", ложно приписываемая Конисскому

§ 22 ХРОНОГРАФЫ

Библіографія

Ивановъ. Общее понятіе о хронографахъ. Казань 1843 г.

Лазаревскій. Записка о русскомъ хронографѣ. Изв. II отд. Ак. Н. т. 8 и 9.

А. Поповъ. Обзоръ хронографовъ русской редакціи. 1866 - 1869.

Ягичъ. *Ein Beitrage zur serbischen Analekten (Arch. für. slav. Phil 1877).*

Шахматовъ. Къ вопросу о происхожденіи хронографовъ. С. 1899.

Поповъ. Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей внесенныхъ въ хронографъ русской

редакціи,

Лѣтописи появляются, развиваются и ослабѣваютъ сообразно съ развитіемъ государственности въ данное время и въ данной мѣстности. При единой Руси лѣтописи являются общерусскими; при распаденіи Руси на части лѣтописи становятся областными и принимаютъ мѣстный характеръ. Съ развитіемъ Московскаго единодержавія объединяются и лѣтописи - является по преимуществу сборный, сводный характеръ лѣтописей. Наконецъ, по мѣрѣ сближенія московскаго государства съ другими государствами и лѣтописи теряютъ исключительно русскій характеръ и принимаютъ характеръ обще-историческій, превращаются въ такъ называемые хронографы, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія не только о Россіи, но и о другихъ странахъ, греческихъ, славянскихъ и западно-европейскихъ. У грековъ къ Палеямъ, т.е. священнымъ исторіямъ, при соединялись лѣтописныя извѣстія и такія сборники, назывались хронографами. Хронографы эти въ славянскихъ переводахъ и съ славянскими прибавленіями стали переходить и къ намъ, переписывались и дополнялись свѣдѣніями о нашихъ государственныхъ дѣлахъ и дѣлахъ западно-европейскихъ государствъ. Дошедшіе до насъ хронографы имѣютъ двѣ редакціи. Хронографъ I-ой редакціи

отнесенный къ 1512 г., не сочиненъ однимъ лицомъ, а собранъ изъ разныхъ источниковъ, по своему происхожденію принадлежащихъ литературамъ: византійской, болгарской, арабской и русской. Начинается онъ отъ сотворенія міра и оканчивается 1453 г. взятіемъ Царьграда турками. Выдѣливши изъ общаго его состава всѣ статьи славянскаго происхожденія, въ основѣ хронографа получимъ: библейскую исторію, выписки изъ византійскихъ историковъ, разныя мелкія вносныя статьи и предпосланное предисловіе греческаго происхожденія, въ которомъ неизвѣстный авторъ объявляетъ, что въ своемъ трудѣ онъ "избралъ отъ многихъ лѣтописныхъ и бытейскихъ книгъ нужнѣйшее и добрѣйшее и совокупилъ во едино".

Въ основу этого хронографа положены слѣдующіе византійскіе писатели:

1. Константинъ Манассія. Стихотворная всемірная хроника отъ сотворенія міра до смерти импер. Никифора Вотаніата, 1081 г.
2. Георгій Амартолъ. - Временникъ отъ сотворенія міра до 867 г.
3. Іоаннъ Зонара. Хронографъ отъ сотворенія міра до 1118 г.
4. Іоаннъ Антіохійскій Малала - хронографъ отъ сотворенія міра до 566 г.

5 Никифоръ патріархъ - χρονογραφία συντομος отъ сотворенія міра до 829 г.

Что же касается вопроса: переведенъ ли этотъ хронографъ съ греческаго или со славянскаго языка, то, обратившись къ славянскимъ переводамъ византійскихъ историковъ, мы найдемъ тамъ признаки, на основаніи которыхъ имѣемъ право думать, что нашъ хронографъ не переведенъ съ греческаго, а собранъ славяниномъ по славянскимъ переводамъ византійскихъ писателей. Именно, переводы византійскихъ писателей, вошедшихъ въ хронографы, совершенные въ разное время и на разныя славянскія нарѣчія, существовали за долго до момента составленія нашего хронографа, т.е. 1512 г. Такъ, хроника Манассіи была переведена на среднеболгарскій языкъ въ первой половинѣ XIV ст.

Георгій Амартолъ переведенъ въ глубокой древности и ранѣе 1116 г., потому что имъ пользовался составитель нашей "повѣсти временныхъ лѣтъ".

Переводъ хронографа Малалы относится ко времени болгарскаго князя Симеона - до 927 г.

Хронографъ І. Зонары переведенъ на сербскій языкъ въ 1344 г. и, наконецъ, хронографъ Никифора патріарха переведенъ въ древнѣйшій періодъ славянской письменности; сохранился въ спискѣ XIII г.

Все это указываетъ на возможность составленія хронографа по славянскимъ переводамъ, но есть признаки, убѣждающіе, что хронографъ дѣйствительно собранъ славяниномъ, а не переведенъ съ греческаго. Признаки эти слѣдующіе:

I Близость текста разбираемаго хронографа съ текстомъ переводныхъ византійскихъ: Манассіи, Амартола, Малалы и Зонары.

2. Въ хронографѣ изъ византійскихъ историческихъ сочиненій помѣщено только то, что можно было найти въ переводахъ, другими словами, въ хронографѣ нѣтъ ни одной статьи по общей исторіи, которой, конечно, не было бы въ славянскихъ переводахъ византійцевъ.

3. Подробныя выписки изъ византійскихъ историковъ прекращаются въ хронографѣ тамъ, гдѣ собирателя оставили славянскіе переводы, именно, съ окончаніемъ хроники Манассіи, на 1081 году.

4. Въ славянскомъ переводѣ Манассіи переводчикъ на поляхъ своей рукописи сдѣлалъ оригинальныя замѣтки, большей частью по исторіи болгаръ, коихъ нѣтъ въ подлинникѣ Манассіи; всѣ эти славянскія глоссы вмѣстѣ съ хроникою Манассіи вошли въ текстъ нашего хронографа.

5. Собиратель хронографа приводитъ изъ хроники Зонары только тѣ статьи, которыя есть въ сербскомъ

сокращенномъ переводѣ, извѣстномъ подъ заглавіемъ Паралипоменъ Зонаринъ.

Что касается русскихъ статей въ хронографѣ разсматріеваемой въ редакціи, то онѣ за немногими исключеніями составлены по лѣтописямъ. Первая русская лѣтописная статья говоритъ:

I. О славянскомъ языкѣ и о русскомъ. Содержитъ въ себѣ мѣсто: "и посадиша старѣйшину Гостомысла", и потому дословно согласна съ лѣтописными сводами.

2. О пришествіи Руси на Царьградъ. Безъ вставки именъ Аскольда и Дира, какъ въ большей части списковъ Временника Амартола.

3. О князѣхъ русскихъ.

4. О преложеніи книгъ отъ греческаго языка на словенскій.

5. О войнѣ Ольговѣ на Царьградъ. Подъ общимъ заглавіемъ передается лѣтописный разсказъ о походѣ Олега на Царьградъ и смерти его отъ змѣи.

6. Статьи объ Игорѣ и Ольгѣ во всемъ согласны съ лѣтописными за исключеніемъ замѣтки, что крещеніе Ольги совершилось при царѣ Романѣ.

7. Статьи о Святославѣ обращаютъ на себя вниманіе по дополненіямъ противъ лѣтописныхъ разсказовъ.

8. О русскомъ великомъ князѣ Владимірѣ и о его

крещенія - краткое извлеченіе изъ лѣтописи.

9. Подъ 6745 г. вставлена обширная повѣсть о Дмитріи Донскомъ и Куликовской битвѣ, отличающаяся отъ лѣтописныхъ болѣе сжатымъ изложеніемъ.

2-я Редакція. Болѣе ста лѣтъ первая редакція хронографа переписывалась на Руси безъ существенныхъ измѣненій въ своемъ составѣ. Только въ началѣ XVII ст., въ 1617 г., появляется новая передѣлка, такъ называемая вторая русская редакція. Она отличается отъ первой дополненіями по новымъ источникамъ, между прочимъ и польскимъ, и новымъ продолженіемъ, доведеннымъ до воцаренія Михаила Ѳеодоровича.

Источниками 2-ой редакціи хронографовъ служатъ уже произведенія латинско-польской литературы. Сюда принадлежатъ:

1. "Всемірная хроника" Мартина Бѣльскаго; она сообщала много новаго, неизвѣстнаго прежде матеріала, по космографіи, исторіи западно-европейской и польской, - исторію папъ и разсказъ объ открытіи Америки

и 2. "Хроника чудесъ" Конрада Лакостена.

Что касается русскихъ историческихъ статей, не до взятія Царьграда турками, онѣ почти тѣ же, съ небольшими измѣненіями, что и въ 1-ой редакціи. Отъ царствованія Василія Васильевича до Ива-

на Грознаго |1452 - 1534| слѣдуетъ выборка изъ лѣтописныхъ извѣстій; отъ Грознаго же и до конца хронографа оригинальное цѣльное сочиненіе неизвѣстнаго русскаго автора. Оно не столько богато фактами, сколько общими характеристиками историческихъ лицъ и событій; такъ, онъ характеризуетъ двѣ стороны царствованія Грознаго - первую блестящую, ознаменованную покореніемъ Казани, Астрахани, Сибирской земли, и другую, ознаменованную опалами, казнями и учрежденіемъ опричины. Далѣе идутъ характеристики Ѳеодора Ивановича, Бориса, Самозванца, Василія Шуйскаго и др.

Кто былъ авторомъ этого сочиненія, угадать нельзя; зная только, что его сочиненіе, оконченное въ первыхъ годахъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, совпадаетъ съ временемъ составленія 2-ой редакціи, т.е. съ 1617 г., на этомъ основаніи Поповъ позволяетъ себѣ думать, что онъ одно лицо съ собирателемъ хронографа.

Помимо различныхъ видоизмѣненій, которымъ подверглась 2-я редакція хронографа, въ XVII в. |позднѣе 1620| возникла еще 3-я редакція, характеризующаяся передѣлкой по новымъ источникамъ самой важной исторической части хронографа въ русскихъ статьяхъ отъ царствованія Ѳеодора Ивановича до воцаренія Михаила Ѳеодоровича и имѣющая

источниками: 1| статьи 2-ой редакціи хронографа; 2| " Исторію въ память предъидущимъ родомъ" келаря Троицкаго монастыря Авраамія Палицина и 3| сказаніе о самозванцахъ.

Кромѣ многочисленныхъ списковъ хронографовъ трехъ редакцій съ ихъ видоизмѣненіями въ нашей письменности существуютъ и такіе хронографы, которые не подходятъ ни подъ одну изъ указанныхъ выше категорій и потому называются хронографами особаго состава. Подъ редакціей разумѣется извѣстная группа списковъ, а подъ особымъ составомъ разумѣются хронографы или самостоятельно составленные извѣстными лицами, или же безымянными собирателями, труды которыхъ не были распространены, не вошли въ общій оборотъ между переписчиками, и потому дошли до насъ, по большей части, всего въ одномъ лишь спискѣ. Таковыхъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ попытокъ перестроить хронографъ, внести въ него новый порядокъ и новый историческій матеріалъ извѣстно 9, изъ которыхъ замѣчателенъ хронографъ Сергѣя Кубасова, тобольскаго боярскаго сына. По содержанію своему этотъ хронографъ распадается на двѣ части: одна заимствована, главнымъ образомъ, изъ первой редакціи лѣтописей и другихъ немногихъ источниковъ, другая оригинальная, принадлежащая самому автору, начинающаяся

отъ царствованія Ивана Грознаго и до конца хроно графа , при томъ весь матеріалъ по своему характеру подраздѣленъ на два отдѣла: въ первомъ заключается исключительно обще-историческая сторона изложенія, во второмъ же только русскія статьи.

Въ юго-западной и западной Руси, гдѣ была не меньшая потребность въ общеисторическихъ сочиненіяхъ и гдѣ было болѣе средствъ къ образованію, должны были, конечно, также существовать хронографы. но до насъ дошелъ изъ оригинальн южно-русск. опытовъ только одинъ хронографъ іеромонаха Леонтія Боболинскаго, отличающійся компилятивнымъ характеромъ свѣдѣній о происшествіяхъ церковной и гражданской исторіи отъ сотворенія міра до начала XVII ст.

§ 23. ПОВѢСТВОВАНІЯ И ЖИТІЯ ВЪ ЛѢТОПИСЯХЪ И ОТДѢЛЬНО.

Библіографія

Ключевскій. Древне-русскія житья, какъ источникъ исторический

Кадлубовскій. Житія святыхъ.

Яковлевъ. Древнія сказанія о кіевскихъ святыхъ.

Яхонтовъ. Житія святыхъ, какъ историческій источникъ. С. 1864 г.

Хрущевъ. О сказаніяхъ и повѣстяхъ древне-рус-

скихъ 1878.

Въ лѣтописи рядомъ съ краткими хронологическими извѣстіями встрѣчаются подробные разсказы, которые можно назвать сказаніями или повѣстями. Очень многія изъ такихъ сказаній встрѣчаются въ отдѣльномъ видѣ, другія, по всей вѣроятности, хотя и дошли до насъ только въ текстѣ лѣтописей, должны были тоже существовать отдѣльно. Такія сказанія посвящались или описанію какого-либо событія или изображенію жизни лица, прославившагося своею святостью. Послѣдній отдѣлъ сказаній извѣстенъ подъ именемъ житій святыхъ.

Къ такимъ сказаніямъ принадлежатъ многіе разсказы первоначальной лѣтописи, преимущественно сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, объ ослѣпленіи Василька; сюда же можетъ относиться сказаніе объ основаніи монастыря Печерскаго, а также извѣстіе о кончинѣ Ѳеодосія и объ обрѣтеніи его мощей. Въ послѣдующихъ лѣтописяхъ также много сказаній. Сюда относится, напр., сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, о распрѣ его братьевъ съ племянниками, о походѣ Игоря на половцевъ, о Липецкой битвѣ, о битвѣ при Калкѣ, о нашествіи Батыя. Послѣ татарскаго погрома число этихъ сказаній особенно возросло; укажемъ на самыя важныя: какимъ то Андреемъ написано вошедшее во многіе сборни -

ки лѣтописные "Слово новосвятому мученику Михаила князя и Ѳеодора воеводы его," заключающее, на основаніи разсказовъ очевидцевъ, повѣствованіе о мученіи Михаила Черниговскаго; объ Александрѣ Невскомъ тоже имѣемъ отдѣльное сказаніе, вошедшее или въ цѣлости или по частямъ въ лѣтописные сборники, жизнь славнаго литовскаго кзязя Довмонта, охранителя Пскова отъ нѣмцевъ, послужила предметомъ особаго сказанія „О благовѣрномъ князѣ Довмонтѣ и о храбрости его". Между сказаніями этой эпохи любопытно сказаніе о курскомъ княженіи, характиризующее отношеніе русскихъ князей къ татарскимъ баскакамъ и страхъ передъ татарами. Куликовская битва вызвала нѣсколько различныхъ описаній; въ настоящее время они распредѣляются на три редакціи, послѣдовательность и взаимную зависимость которыхъ пока еще трудно опредѣлить Первая изъ этихъ редакцій носитъ названіе: "Сказаніе о побоищѣ великаго князя Дмитрія Ивановича съ Мамаемъ". Эта редакція представляетъ мало фактовъ, но много благочестивыхъ размышленій. Вторая редакція: "Повѣсть или повѣданіе о побоищѣ великаго князя Дмитрія Ивановича" представляетъ много подробностей и не чужда анахронизмовъ. Третья редакція есть поэтическое произведеніе, навѣянное,

быть можетъ, словомъ о Полку Игоревѣ, и извѣстна подъ именемъ "Слова о Задонщинѣ".

Нашествіе Тахтамыша описано подробно и почти одинаково во многихъ лѣтописныхъ сборникахъ, что и заставляетъ считать это описаніе особою повѣстью. По случаю нашествія Тамерлана сложилось двѣ повѣсти. Нѣкоторыя изъ событій временъ великаго князя Ивана Васильевича также подали поводъ къ особымъ повѣстямъ; такъ мы имѣемъ повѣсть о покореніи Новгорода. При Василіи Ивановичѣ отдѣльнымъ сказаніемъ можно считать паденіе Пскова. Взятіе Казани вмѣстѣ съ исторіей Казанскаго царства передается тоже въ сказаніи. Событія смутнаго времени и времени первыхъ Романовыхъ вызвали рядъ сказаній; къ нимъ принадлежатъ сказанія объ Азовскомъ сидѣніи и о взятіи Астрахани Разинымъ.

ЖИТІЯ.

ПОНЯТІЕ О ЖИТІЯХЪ, КАКЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ МАТЕРІАЛѢ.

Отдѣлъ житій, какъ исторической литературы, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Религіозный элементъ стоитъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ древней Руси; онъ сплетается со всѣми явленіями жизни - политическими, общественными и семейны-

ми. При этой всеобщности религіознаго элемента жизнеописанія лицъ, прославившихся своею святостью, пользовавшихся особымъ почетомъ во время своей жизни и вслѣдствіе того приходившихъ въ разнообразныя столкновенія со всѣми слоями общества, должны, несомнѣнно, служить однимъ изъ первостепенныхъ источниковъ для историка. Въ нихъ рисуется особенно ярко бытовая сторона жизни: основывается монастырь, изображается положеніе края, являются богомольцы посовѣтоваться со святымъ при его жизни или поклониться его мощамъ. Изображаются разные житейскіе случаи. Въ этомъ отношеніи особенно важны чудеса, ибо каждое чудо вызывается какимъ-нибудь случаемъ; въ описаніи этихъ случаевъ встрѣчается много бытовыхъ чертъ. При изученіи житій не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не всѣ они писались современниками святого или, по крайней мѣрѣ, не всѣ сохранились въ первоначальныхъ редакціяхъ; многія дошли въ редакціяхъ значительно позднѣйшихъ; слѣдовательно, изучая характеръ той эпохи, въ которой жилъ святой, мы должны осторожно обращаться съ источниками этого рода, ибо знаемъ, что исторической критики совсѣмъ не было въ виду писателей житій, имѣвшихъ своею главною цѣлью нравственное поученіе современниковъ. Такимъ обра-

зомъ, далеко не всѣ житія могутъ служить источникомъ для изученія эпохи, въ нихъ изображаемой; но за то они служатъ драгоцѣннымъ источникомъ для изученія этой эпохи, когда они написаны.

Форма и содержаніе житія. Житіе по существу своему состоитъ изъ двухъ элементовъ совершенно различнаго происхожденія и свойства. Житіе - это ораторское произведеніе, церковная проповѣдь, предметомъ которой служатъ тѣ же религіозно-нравственныя истины, какъ и въ простомъ церковномъ словѣ, но разсматриваемыя не въ отвлеченномъ анализѣ или практическомъ приложеніи, а на извѣстныхъ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Оба эти элемента - литературный и историческій - имѣли свою судьбу въ развитіи древне-русскаго житія, но при этомъ трудно найти другой родъ литературныхъ произведеній, въ которомъ форма въ большей степени господствовала бы надъ содержаніемъ, подчиняя послѣднее своимъ твердымъ неизмѣннымъ правиламъ.

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНАГО ЭЛЕМЕНТА ЖИТІЙ.

Церковное прологное* житіе до XУ в. На всей литерат. исторіи древне-русскаго житія замѣтно сказывается дѣйствіе среды, въ которой зароди-

* Прологомъ называется сборникъ краткихъ житій, а иногда и поученій, расположенныхъ по днямъ мѣсяца.

лось это житіе и съ которой, главнымъ образомъ, связано было его распространеніе. Разсматривая житіе критически, не слѣдуетъ забывать, что оно входило въ составъ богослуженія, читалось въ церкви во время службы святому на шестой пѣсни канона, вслѣдъ за кондакомъ и икосомъ. Въ содержаніи и въ формѣ этихъ кондаковъ и икосовъ не трудно замѣтить литературное родство ихъ съ житіемъ. Кондакъ кратко передаетъ въ повѣствовательной формѣ основныя черты дѣятельности святого; икосъ на основаніи этихъ чертъ излагаетъ похвалу святому, начиная каждую черту возгласомъ "радуйся". Такимъ образомъ, въ этихъ пѣсняхъ содержится литературная программа житія. Такъ-вы, именно, по своему строю древнѣйшіе памятники сѣверо-русской аніобіографіи Объ этихъ,именно, житіяхъ рукописи сохранили прямыя указанія на ихъ церковное происхожденіе или употребленіе: ихъ помѣщали въ прологахъ или среди службы святому послѣ шестой пѣсни канона. Этотъ первоначальный типъ житія, точнѣе - проложный, господствовалъ въ сѣверо-русской литературѣ житій до конца XIУ в. Но онъ не исчезъ и послѣ, когда развились и утвердились другія формы житія: пока древне-русская агіобіографія хранила свой старый, строго-церковный стиль и не преврати-

лась въ простую біографію, до тѣхъ поръ существовала потребность имѣть рядомъ съ пространнымъ украшеннымъ житіемъ и его краткое пролежное изложеніе.

РАСПРОСТРАНЕННОЕ ВИТІЕВАТОЕ ЖИТІЕ ПОСЛѢДУЮЩАГО ВРЕМЕНИ. Съ XУ в. литературная форма житія получила дальнѣйшее развитіе. Въ началѣ и концѣ біографіи появились части, содержаніе и цѣль которыхъ составляло не воспроизведеніе историческаго явленія: предъ біографическимъ разсказомъ явилось ораторское предисловіе; прежняя краткая похвала въ концѣ пролежнаго житія расширилась въ пространное похвальное слово и отдѣлилась отъ біографіи въ видѣ особой статьи. Чудеса сдѣлались существенной и необходимой частью житія. Въ самомъ біографическомъ разсказѣ развились , именно, тѣ типичныя черты, которыя обобщали историческое, мѣстное и индивидуальное явленіе, приближая его къ общему христіанскому идеалу. Церковно-ораторскіе элементы житія стали на первомъ планѣ, закрывъ собою элементы историческіе. Житіе превратилось въ стройное и сложное архитектурное зданіе, въ однообразныя формы котораго стремились облекать разнообразныя историческія явленія.

Съ этого времени въ житіяхъ получаютъ гос-

подство искусственные литературные пріемы, устанавливаются сложныя правила. Сказаніе о святомъ уже не ограничивается простой исторической задачей сохранить о немъ память въ потомствѣ, но ставитъ на первомъ планѣ другія цѣли. Эти пріемы и цѣли не только устанавливаютъ въ житіяхъ особую точку зрѣнія, извѣстный условный взглядъ на описываемыя явленія, но и опредѣляютъ въ нихъ самый выборъ содержанія, которымъ можетъ пользоваться историкъ. Если это содержаніе становится вообще гораздо богаче въ сравненіи съ житіями предшествующаго времени, то примѣсь постороннихъ не историческихъ элементовъ даетъ ему особую условную оболочку, которую предварительно долженъ снять съ него историкъ. Это направленіе развивалось въ сѣверной агіобіографіи подъ южно-славянскимъ, кіевскимъ вліяніемъ, проникавшимъ въ нашу литературу двумя путями. Съ юга усиливается въ сѣверной Руси наплывъ славянскихъ оригинальныхъ произведеній и переводовъ, послужившихъ образцами и пособіями для изложенія житій въ новомъ направленіи. Въ то же время, вслѣдъ за письменными памятниками юга, появляются пришлые оттуда же литературные таланты, которые даютъ нашей литературѣ первые опыты этого искусственнаго изложенія.

Отступленіе отъ этого. Рядомъ съ господствующимъ стилемъ развились и отступленія. Въ житіяхъ XУI и XУII в.в. замѣтна чисто историографическая цѣль: не покидая пріемовъ искусственнаго стиля, стараясь держаться на высотѣ его риторическихъ требованій, они, однако, стремятся расширить свое фактическое содержаніе на счетъ общихъ мѣстъ житія. Немного раньше стали появляться житія, отступающія отъ господствующаго стиля; мало заботясь о фактическомъ изученіи, неизвѣстные составители ихъ еще менѣе думали о стилистической обработкѣ и отступали не только отъ принятыхъ въ агіобіографіи пріемовъ риторическаго изображенія, но иногда и отъ обязательнаго для нея церковнаго языка приближаясь въ своемъ изложеніи къ живой рѣчи Оба видоизмѣненія установившагося стиля были переходомъ отъ житія къ простой біографіи

Житіе было неразлучно съ представленіемъ о святой жизни и только она имѣла право на такое изображеніе Единственный интересъ ихъ былъ не историческій или психологическій, а нравственно назидательный. Онъ состоялъ въ тѣхъ общихъ типичныхъ чертахъ или нравствен. схемахъ, кот. составляютъ содержаніе христіанскаго идеала и осуществленіе которыхъ, разумѣется можно найти не во всякой

отдѣльной жизни. Для такого изображенія не нужна ни-критика, ни фактическое изученіе. Но и для древнерусскаго автобіографа были неизбѣжны случаи, когда вопросъ объ историческомъ фактѣ выступалъ на верхъ передъ этими нравственными схемами: такъ было, когда лицо, за жизнеописаніе котораго онъ брался, стояло слишкомъ близко къ историческимъ событіямъ, занимавшимъ общество, а самъ онъ былъ слишкомъ близокъ къ описываемому лицу, чтобы забыть подробности этихъ событій или пренебречь ими. До XVI и XVII в.в. меньшую наклонность къ риторическимъ распространеніямъ можно замѣтить въ житіяхъ князей и высшихъ представителей церковной іерархіи. Естественно, что встрѣча съ явленіями, удалявшимися отъ церковной сферы въ тѣсномъ смыслѣ, заставляла и писателя въ выборѣ біографическаго матеріала выступать изъ тѣсныхъ рамокъ житія, намѣченныхъ въ кондакѣ и икосѣ. Но и въ кругу монастырской жизни біографу встрѣчались положенія, усиливавшія его внимательность къ простымъ житейскимъ подробностямъ описываемой жизни. Съ половины XIV в. развитіе монастырской колонизаціи выставило рядъ подвижниковъ, основавшихъ монашескія общины въ лѣсныхъ пустыняхъ. Благоговѣйное воспоминаніе о нихъ не скоро облеклось въ формы церковнаго чество-

ванія, но возбуждало желаніе сберечь, записать черты его жизни, пока онѣ свѣжи были въ памяти. До церковной канонизаціи жизнеписатель имѣлъ больше простора для своего пера, ибо онъ писалъ не для церковной службы, дѣлавшей принятыя въ житіяхъ обобщенія обязательными для біографа, а для читателей-современниковъ, въ памяти которыхъ подробности с жизни человѣка, имъ знакомаго, и въ своемъ реальномъ видѣ еще не потеряли живого интереса. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется появленіе и размноженіе съ XУ в. преимущественно простыхъ біографическихъ записокъ, авторы которыхъ не принимая на себя обязанности писать полную біографію и, не стѣсняясь рамками житія, тѣмъ съ большей простотой и откровенностью излагали наиболѣе близкія и дорогія для нихъ воспоминанія.

ПОДЪ КАКИМЪ ВЛІЯНІЕМЪ ВЫРАБАТЫВАЛСЯ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ХАРАКТЕРЪ ЖИТІЙ. Удаленіе отъ непосредственнаго вліянія церковнаго богослуженія отражалось не на одномъ выборѣ біографическаго содержанія житія; можетъ быть, еще замѣтнѣе отражалось на изложеніи этого содержанія. Удаляясь отъ своего первоначальнаго источника, агіобіографія встрѣчала другое условіе, тоже содѣйствовавшее упадку ея искусственнаго стиля. Этотъ

стиль былъ доступенъ читателямъ, имѣвшимъ хорошее книжное образованіе, т.е. очень немногимъ въ древне-русскомъ обществѣ; можно замѣтить даже, что многимъ ссоставителямъ житій онъ былъ не подъ силу и они часто отступали отъ него съ видимымъ прискорбіемъ. Между тѣмъ въ письменности XVI в. сохранились указанія, что житія распространялись и съ любовью читались не только въ духовномъ, но и свѣтскомъ обществѣ. Списыванія житій стали для грамотныхъ людей однимъ изъ проявленій усердія къ памяти святого, дѣлались по обѣту въ болѣзни. Варіанты, представляемые текстомъ наиболѣе распространенныхъ житій, въ многочисленныхъ спискахъ XVI и XVII в., могутъ служить наглядным подтвержденіемъ мысли, что самое усиленіе переписки житій для публики, не посвященной въ тонкости высокаго слога, упрощало ихъ изложеніе, насколько это зависѣло отъ лѣтописца.

Въ связи съ быстрымъ размноженіемъ пустынныхъ монастырей стояло 3-е условіе, которое еще сильнѣе двухъ вышеуказанныхъ содѣйствовало ослабленію стилистической изысканности въ литературѣ житій XVI и XVII в.в. Большинство житій, появившихся до этого времени, написано было въ городахъ и монастыряхъ, бывшихъ средоточіемъ книжна-

го образованія, гдѣ не было недостатка въ литературныхъ мастерахъ для изображенія подвиговъ еще не многочисленныхъ дѣятелей прославленныхъ церковью. Распространеніе же монастырей въ глухихъ пустыняхъ сѣвера понизило уровень образованія среди монашества набиравшагося изъ темной мѣстной массы. Когда же эти монастыри стали богаты преданіями и памятными дѣятелями, а между тѣмъ въ средѣ братій не имѣли людей, умѣющихъ писать, то эти преданія изустно ходили до тѣхъ поръ, пока какой-либо гость, случайный заѣзжій гармотѣй, не записывалъ преданія. Разсмотрѣнныя условія позволяютъ сдѣлать выводъ, что искусственность стиля житій находилась въ обратномъ отношеніи къ ихъ литературному распространенію. Совокупное дѣйствіе этихъ условій произвело рядъ памятниковъ агіобіографіи, въ которыхъ церковно-риторическіе пріемы низведены до полнаго паденія.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ ЖИТІЙ.

Источники житій. Главное значеніе въ литературѣ житій по широтѣ дѣйствія и внутреннему качеству имѣли изустные источники. Первое мѣсто между ними занимаютъ живые свидѣтели, "самовидцы и памятухи" Святаго, къ числу которыхъ могъ принадлежать и самъ біографъ. Послѣднее, впрочемъ

было сравнитель рѣдкимъ случаемъ. Чаще оставшіеся самовидцы передавали свои воспоминанія о святомъ біографу, который не зналъ его лично Въ монастыряхъ дорожили "остатками древнихъ отецъ" и старались сберечь ихъ показанія. За ними слѣдуютъ"достовѣрные сказатели",чрезвычайно разнообразные по степени достовѣрности; къ нимъ относились и люди, получившіе свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, отъ ближайшихъ учениковъ святого, и люди, до которыхъ эти свѣдѣнія доходили въ видѣ смутной легенды, не помнящей своего происхожденія. Впрочемъ, различное отношеніе самовидцевъ и достовѣрныхъ сказателей къ святому, само по себѣ не всегда точно опредѣляло сравнительное достоинство ихъ, какъ источниковъ житія.

Невозможно точно опредѣлить степень участія въ житіяхъ письменныхъ источниковъ, сравнительно съ изустными; сами біографы выражаются объ этомъ не всегда ясно и достовѣрными сказателями называютъ иногда составителей первоначальныхъ записокъ. Вообще, не ставя воспроизведеніе факта главной задачей своего труда и находя самую надежную опору для своего повѣствовательнаго авторитета не въ свойствѣ фактическихъ источниковъ, писатель житія большею частью не считалъ нужнымъ подробно разсказывать

читателю, откуда добылъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Это равнодушіе въ значительной степени объясняется и обстоятельствами, окружавшими написаніе житія. Ближайшей публикой, имѣющейся въ виду у автора, была братія одного съ нимъ монастыря, которая сама хорошо знала, чѣмъ онъ могъ воспользоваться для своего труда, поэтому онъ ограничивался иногда замѣчаніемъ, что отважился на такой трудъ потому, что "извѣстно вѣдаетъ паче инѣхъ" житіе святого и въ предупрежденіе недовѣрчивыхъ вопросовъ, прибавлялъ: "да не подумаетъ кто-нибудь, что я не знаю истины о святомъ, ибо я писалъ со словъ достовѣрныхъ свидѣтелей о святомъ" и подобное въ этомъ родѣ. Вообще, очень немногіе говорятъ о своихъ поискахъ съ цѣлью собрать матеріалъ для житія или провѣрить свой разсказъ.

Опредѣляя поэтому участіе письменныхъ источниковъ въ литературѣ житій, едва ли можно ошибится, сказавъ, что имъ можно отвести второстепенное мѣсто предъ изустными. Послѣ самовидцевъ и достовѣрныхъ сказателей всего чаще авторы житій ссылаются на старые записки или свитки. Большая часть ихъ погибла, вытѣсненная изъ письменнаго обращенія житіями. Изъ уцѣлѣвшимъ запискамъ, точно также по отзывамъ житій о нѣкоторыхъ

изъ пропавшихъ записокъ видно, что біографу иногда оставались обширные и исполненные любопытнихъ подробностей разсказы, не лишенные и книжнаго искусства. Чтобы поставить свой разсказъ въ связь съ общими историческими событія, въ которыхъ принималъ участіе описываемый святой, біографы иногда обращались къ общей лѣтописи.

Житіе не оканчивалось кончиной святого, и для изображенія посмертнаго продолженія его дѣятельности біографъ гораздо чаще находилъ въ монастырѣ обильныя записки, похожія на лѣтопись. Посмертныя чудеса основателя были явленіями въ монастырской жизни, которыми болѣе всего дорожила братія. Указанія на монастырскую книгу чудесъ встрѣчаемъ даже тамъ, гдѣ, благодаря небрежности или малограмотности монаховъ, не сохранилось никакихъ записокъ объ основаніи и первоначальной судьбѣ монастыря. Пространное, правильно составленное житіе безъ посмертныхъ чудесъ - чрезвычайно рѣдкое исключеніе. Напротивъ, иногда повѣсть о жизни святого по объему и содержанію является не болѣе, какъ бѣглымъ предисловіемъ къ гораздо болѣе обширному и тщательнѣе составленному описанію чудесъ.

ОТНОШЕНІЕ АВТОРОВЪ ЖИТІЙ КЪ ФАКТАМЪ.

Всѣ условія, вліявшія на литературу житій,

клали въ основу житія церковно-моралистическій взглядъ на людей и ихъ дѣянія. Было бы однако же большой ошибкой думать, что біографъ святого сходится въ точкѣ зрѣнія съ историкомъ моралистомъ, для котораго поучительны въ исторіи и уклоненія отъ нравственнаго идеала. Древне-русское міросозерцаніе, на которомъ стоялъ біографъ, не любило подыматься на такую моральную абстракцію. Точнѣе опредѣлимъ это міросозерцаніе, сказавъ, что оно искало только непосредственнаго назиданія. Задачей біографа передъ такими требованіями было извлечь изъ описываемой дѣятельности практическіе уроки жизни, представить въ біографическихъ чертахъ нравственныя парадигмы. Понятно равнодушіе, съ какимъ біографъ относился къ біографическому факту въ его дѣйствительной простотѣ. Этотъ фактъ имѣлъ для него цѣну только той стороной, которая укладывалась въ описываемыя выше нормы жизни. Такое отношеніе къ факту сообщало біографическому содержанію житій отвлеченность, которая дѣлаетъ его неуловимымъ для простого повѣствованія, дорога лишь той стороной явленій, которая обращена къ идеалу, біографъ забывалъ о подробностяхъ обстановки, мѣста и времени, безъ чего для историка не существуетъ историческаго факта.

§ 24. А К Т Ы.

Библіографія:

Эверсъ. Древнѣйшее русское право въ его историческомъ развитіи С.1853.

Рожковъ. Очеркъ юридическаго быта по Русской Правдѣ Ж.М.Н.Пр. 1897 г. № II

Каченовскій. Изъ разсужденій о Русской Правдѣ |Уч. зап.Моск.Ун.1835|.

П.Б.|утковъ| О Русской Правдѣ. Сынъ Отеч. т. CLXXV.

Сергѣевичъ.Вѣче и князь.

Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т.II

Владимірскій-Будановъ. Исторія русскаго права.

Дювернуа. Источники права и судъ въ древней Руси.

Загоскинъ. Уставныя грамоты XIУ-XУI в. Казань 1875.

Ключевскій. Боярская Дума.

Діаконовъ. Власть Московскихъ государей.

Ждановъ. Церковно-земскій соборъ 1551 г. |Истор. Вѣст. 1880. № 2|

Кедровъ. Духовный регламентъ въ связи съ законодательной дѣятельностью.

С.М.Соловьевъ. О мѣстничествѣ. Моск.Сбор.1847г.

Въ обществѣ первоначальномъ, не знающемъ еще письменности, всѣ отношенія и недоразумѣнія

между членами опредѣляются и рѣшаются на основаніи обычаевъ, освященныхъ религіозными вѣрованіями. На основаніи этихъ обычаевъ, рѣшеніе, напримѣръ какого-либо недоразумѣнія выражается въ приговорѣ старшихъ и закрѣпляется какимъ-либо символическимъ обрядомъ, играющимъ роль гражданскаго акта. Объявленіе войны, какъ и вообще всякій результатъ междуплеменныхъ отношеній, тоже закрѣпляется какимъ-нибудь торжественнымъ религіознымъ актомъ, съ символическимъ обрядомъ. Но съ появленіемъ письменности - судъ, гражданскія сдѣлки, государственное управленіе, сношеніе съ иностранными государствами, - все начинаетъ записываться; являются такъ называемые акты.

Значеніе государственныхъ актовъ для историка несомнѣнно. Для полной достовѣрности принимаются особыя мѣры, они пишутся въ извѣстныхъ формахъ, скрѣпляются подписями, печатями, обозначаются годомъ и числомъ. Слѣдовательно, на нихъ прежде всего основываетъ точная хронологія. Если бы даже случилось, что былевыя данныя, сообщаемыя актомъ, недостовѣрны, напр., что въ сраженіи, которое въ реляціи представляется побѣдою, верхъ принадлежитъ не той сторонѣ, которая о томъ заявляетъ, или - если, заявляя о неудавшихся дипломатическихъ переговорахъ, то или

другое правительство указываетъ на противника, какъ на виновника неудачи, тогда какъ дѣло наоборотъ — и тогда актъ имѣетъ несомнѣнную важность: онъ рисуетъ цѣли и намѣренія правительства, его надежды и опасенія и тѣмъ, при помощи, разумѣется, другихъ данныхъ, вводитъ въ самую жизнь эпохи.

Со стороны же бытовой, каждый актъ есть памятникъ неоцѣненный, только надо умѣть имъ пользоваться; здѣсь вступаетъ во всѣ свои права внутренняя критика. Просьбы, подаваемыя правительству отъ сословій, городовъ и т.п., могутъ быть невѣрны со стороны былевой: разореніе, на которое они жалуются не было такъ велико, угнетеніе не было такъ сильно, какъ они показываютъ, но историкъ пользоваться ими долженъ, умѣряя тонъ жалобъ и сличая ихъ между собою; даже если жалобы невѣрны, историку важно знать, на что жалуются, чего просятъ. Памятники юридическіе такъ же важны: они знакомятъ со взглядомъ общества, со степенью его образованія, съ его строемъ общественнымъ, что составляетъ въ сущности самое содержаніе исторіи.

Мѣстонахожденіе актовъ. Государственные акты хранятся, главнымъ образомъ, въ различныхъ правительственныхъ хранилищахъ, какъ-то: москов-

скій архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, государственный архивъ въ Петербургѣ, архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ, Сенатскій архивъ, архивъ Св.Синода и нѣкоторые другіе. О происхожденіи, составѣ и разбработкѣ этихъ архивовъ было сказано въ § § 7 и 8 .

Акты до-Монгольскаго періода. Сюда надо причислить, во-первыхъ, - четыре договора первыхъ русскихъ князей Олега, Игоря и Святослава съ Византійскими царями. Эти договоры, относящіеся къ 907, 911, 945 и 971 г.г., чрезвычано важный источникъ для изученія, какъ политическаго, такъ и юридическаго быта Руси, въ первый періодъ ея исторіи; такъ какъ Русь въ Греціи судилась по своимъ законамъ, то здѣсь находимъ указаніе на эти законы ; указанія на то, кто посылалъ по - словъ, знакомятъ насъ съ политическимъ строемъ и предосторожности, принимаеыя греками - съ характеромъ тогдашней торговли.

2| Договоры Смоленска, Полоцка и Новгорода съ нѣмцами и ганзейскими городами знакомятъ съ торговлей, служатъ драгоцѣнными матеріалами для знакомства съ юридическими отношеніями, ибо въ нихъ опредѣляются правила суда;

3|Русская Правда, представляющая основной матеріалъ для изученія правилъ суда, преимуще-

ственно касающихся вопроса о вирахъ.

4| Церковные памятники; сюда принадлежатъ уставы: - св. Владиміра, "о судѣхъ церковныхъ и десятинѣ," Ярослава - "о судѣхъ церковныхъ". Всеволода Гавріила и уставная грамота Ростислава Мстиславича Смоленскаго смоленской епископіи. Всѣ они служатъ приложеніемъ началъ церковнаго права къ обычаямъ русской жизни, высказывая и измѣненія, вызванныя отличіями жизни русской отъ византійской; послѣдняя же грамота опредѣляетъ и доходы церкви. Жалованныя грамоты князей церквамъ и монастырямъ, напр., Всеволода-Гавріила Юрьевскому монастырю 1130 г., представляютъ огромную массу матеріала, важнаго для опредѣленія какъ политическаго, такъ и гражданскаго и финансоваго отношенія церкви къ государству. Постановленія же соборовъ, напр., собора 1274 г. подъ предсѣдательствомъ Кирилла II, рисуютъ намъ состояніе общества въ этотъ періодъ.

Акты Монгольскаго періода. Сюда относятся:

I| Договорныя грамоты князей, заключавшія въ себѣ изложеніе правъ и обязанностей князей по отношенію къ народу и другъ другу, даютъ намъ чрезвычайно обильный и важный матеріалъ для исторіи состоянія тогдашней Руси, отношеній народа къ князю и взаимныхъ отношеній князей и городовъ.

2| Жалованныя граматы, каковымъ названіемъ пользовался въ древней Руси всякій актъ, предоставляющій церквамъ, монастырямъ, различнымъ корпораціямъ, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ различныя льготы и преимущества. Различаютъ нѣсколько видовъ жалованныхъ граматъ, какъ то - вотчинныя, освободительныя, льготныя и другія.

3| Уставныя граматы опредѣляли управленіе той или иной области, причемъ не были привиллегіями, изъятіями изъ общихъ нормъ, но опредѣляли лишь мѣстное ихъ примѣненіе. Таковы - Двинская и Бѣлоозерская уставныя граматы.

4| Губныя граматы заключаютъ въ себѣ наставленія губнымъ старостамъ для служенія по дѣламъ уголовнымъ.

5| Судныя граматы, опредѣляющія виды порядокъ суда, судебныя доказательства, заключающія законы объ уголовныхъ и преимущественно гражданскихъ преступленіяхъ; къ таковымъ принадлежитъ Псковская судная грамата XУ в. и Новгородская судная грамата 1456 г.

6| Изъ переводныхъ памятниковъ церковнаго законодательства замѣчателенъ "Номоканонъ" или Кормчая книга, заключающая въ себѣ постановленія, дѣйствующія въ православной церкви на востокѣ

АКТЫ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА |съ 1497 г.|

Законодательство московскихъ государей выразилось, главнымъ образомъ, въ судебникахъ:- 1| Великаго князя Ивана Васильевича 1497 г. и 2| Василія Васильевича "царскій судебникъ" 1550 г., заключающихъ въ себѣ правила суда для руководства намѣстникамъ и волостелямъ, а также и судьямъ по приказамъ, 3| "Стоглавъ" 1551 г, изображающій въ отрицательныхъ чертахъ положеніе общества имѣетъ несомнѣнно важное историческое значеніе; 4| Упомянутые судебники, дополняясь новыми постановленіями въ приказахъ, составили такъ наз. "Записныя книги приказовъ", изъ которыхъ наиболѣе извѣстна "Уставная книга разбойнаго приказа". Изъ такихъ книгъ составилось 5| "Соборное уложеніе" Алексѣя Михайловича 1648 г.; 6| Мѣстническія книги съ уничтоженіемъ же мѣстничества, вмѣсто сожженыхъ книгъ, стали вести книги родословныя, изъ которыхъ извѣстна такъ называемая Бархатная книга |1683 г.|

Съ подданныхъ брались "крестоцѣловальныя записи"; съ ненадежныхъ бояръ "поручныя". Воеводамъ давали "наказы"; отъ нихъ посылались "отписки"; приказы сносились между собою "памятями". По дѣламъ служебнымъ процессъ начинался "Челобитной" за отвѣтчикомъ посылался приставъ съ

"приставною памятою"; записанный судъ и выданный отвѣтчику назывался "правой грамотой"; допросы скольнихъ людей по разнымъ судебнымъ дѣламъ назывались „обыскомъ"; сообщеніе суду и вообще всякое показаніе называлось"сказкой". Основой землевладѣнія служили документы: "духовныя", "купчія", "данныя", "межевыя", "отводныя", "поступныя".

Всѣ граматы сначала писались на пергаментѣ, а потомъ на листахъ бумаги и склеивались, образуя свитки, но потомъ, для удобствъ дѣлопроизводства, были заведены книги: - "записныя книги приказовъ", "таможенныя","писцовыя", "дозорныя", "засѣчныя", "разрядныя", "боярскія" и др.

Акты императорскаго періода: I| "Духовный регламентъ" I72I г. и 2| Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи 46 т. |I640 - I825| и 54 т. |I825 - I880|.

§ 25. СКАЗАНІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

Библіографія:

Гаркави. Сказаніе мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. С.П.Б. I870 г.

Фортинскій. Дитмаръ Мерзебургскій и его хроника.

Середонинъ. Сочиненіе Джильса Флетчера, какъ историческій источникъ. С. I89I г.

Замысловскій. Герберштейнъ и его сочиненіе о Рос

сіи |Древн. и Нов. Россія 1895 г. № 9, 10, 12|.

Сочиненія Марко Поло переведены на рус. яз. Шемякинымъ и напечатаны въ М. Общ Ист. и Древ. 1861 г.

Zeissberg. Die polnische geschichts chreibung des Mittelalters Leipzig 1873.

Толстой. Сказаніе англичанина Горсея о Россіи въ исходѣ XУ в |Отеч. Зап. 1889|

Барсовъ. Предисловіе переводчика къ русскому переводу путешестія Олеарія |Чт въ М Общ. Ист. и Древ. 1868 г.|

Несомнѣнно однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ русской исторіи должно признать сказанія иностранцевъ, давно обратившія на себя вниманіе въ русской исторической литературѣ. Достоинство этихъ источниковъ опредѣляется, во 1-хъ, цѣнными свѣдѣніями по обыденной сторонѣ жизни русскихъ, сторонѣ, которая обыкновенно не останавливаетъ вниманія туземцевъ; во 2-хъ, безпристрастіемъ иноземцевъ и нескрываніемъ въ силу этого истины изъ-за какихъ либо практическихъ соображеній; и, въ 3-хъ, сравнительно высшимъ образованіемъ, способностью по этому понимать многое и восходить къ общимъ выводамъ. Но рядомъ съ этими достоинствами есть въ нихъ много недостатковъ, которые не позволяютъ слишкомъ довѣрчиво относиться къ

этимъ источникамъ. Прежде всего та же способность къ общимъ выводамъ приводитъ иностранца въ заблужденіе, именно, къ легкости обобщенія по совершенно случайнымъ явленіямъ; но это относится къ большей или меньшей наблюдательности и осторожности пишущаго. Есть другія условія, которыя мѣшали иностранцамъ добывать истинныя свѣдѣнія. Это обыкновеніе русскихъ рѣдко сообщать путешественникамъ истинныя свѣдѣнія или изъ желанія пошутить надъ иностранцемъ, или изъ-за патріотическихъ цѣлей, и то изолированное положеніе иностранныхъ пословъ, преобладающихъ повѣствователей о Россіи, въ которое ихъ ставило московское правительство, запирая въ посольскомъ дворѣ и давая единственныхъ посредниковъ съ жизнью - приставовъ, отъ которыхъ, всегда готовыхъ поддержать важность своего правительства и народа, послы могли узнавать только искаженія. Что же касается наблюдателя иностранца новой эпохи русской исторіи, то усиленіе Россіи и въ силу этого неблагосклонный взглядъ на нее, многія особенности сторонъ частной, общественной и государственной жизни Россіи, не представляющія аналогіи въ западно-европейскомъ обществѣ, препятствовали иностранцу не только безпристрастно сообщать, но даже достаточно понимать яв-

ленія, наблюдаемой ими жизни.

По древности сообщаемыхъ свѣдѣній о Россіи на первомъ мѣстѣ стоятъ греческіе и римскіе писатели - Геродотъ V в., Страбонъ I в. по Р.Х. и Тацитъ - I в. Не будучи непосредственными наблюдателями, они сообщаютъ о славянахъ вообще и въ частности о народахъ Сѣв.-Вост. Европы, подъ которыми разумѣются русскіе только то, что могли слышать въ легендарной передачѣ отъ современниковъ или предшественниковъ; въ большинствѣ случаевъ сообщенія объ обитателяхъ сѣв.-вост. Европы отрывочны и туманны, хотя бываютъ и не лишены истины.

Византійская имперія рано подверглась нападенію славянъ, и потому въ сказаніяхъ Византійскихъ историковъ, начиная съ VI в., есть много любопытныхъ извѣстій о нравахъ славянъ, а впослѣдствіи и русскихъ. Первый, сообщившій важныя свидѣтельства о славянахъ, былъ Прокопій VI в.; въ его исторіи много важныхъ свѣдѣній о древнемъ бытѣ и религіи славянъ; еще болѣе сообщаетъ императоръ Маврикій (VI в.); его "стратегика" имѣетъ цѣлью показать способы борьбы съ варварами, основанные на изученіи ихъ нравовъ и обычаевъ. Патр.Фотій, бесѣды и посланія котораго важны для исторіи крещенія Руси въ IX в. Изъ

сочиненій Константина Багрянороднаго |X в.| важны для русской исторіи: "Объ управленіи имперіей", гдѣ онъ излагаетъ сыну о томъ, какъ онъ долженъ обращаться съ варварами, между прочимъ и съ русскими, и "О церемоніяхъ византійскаго двора", гдѣ разсказъ о пріемѣ Ольги. Къ X-му же вѣку относится Левъ Діаконъ, сопровождавшій Цимисхія въ его походѣ и описавшій войну Святослава съ греками.

У писателей мусульманскаго востока тоже встрѣчаются свѣдѣнія, касающіяся древней Руси. Восточное преувеличеніе, богатство фантазій, неопредѣленность ихъ географической номенклатуры и восточное правописаніе мѣшаютъ нерѣдко добывать отъ нихъ истинныя свѣдѣнія, но несмотря на это, восточныя извѣстія, по причинѣ доказанныхъ находками монетъ давнихъ сношеній Россіи съ востокомъ, весьма важны для русскаго изслѣдователя.

Важнѣйшіе изъ арабскихъ писателей:

1| Ибнъ-Фацланъ |X в.|, участвовавшій въ походѣ отъ Халифа къ новообращенному болгарскому царю и оставившій извѣстія о болгарахъ, хозарахъ и руссахъ.

2| Ибнъ-Хордадзе |X в.|, имѣвшій по своей близости съ Халифомъ доступъ въ государственные архивы, составилъ "Книгу путей и государствъ", гдѣ

говорится о торговлѣ славянъ.

3| Тараби |X в.|, оставившій "Исторію царей", гдѣ много любопытныхъ свѣдѣній о хозарахъ.

4| Массуди |X в.| - знаменитый путешественникъ и энциклопедистъ, оставившій сочиненіе "Золотые луга", гдѣ говорится о походѣ Руси по Каспійскому морю.

5| Ибнъ-Доста |X в.|; въ его сочиненіи много свѣдѣній, проливающихъ новый свѣтъ на этнографію народовъ, населявшихъ тогда Россію.

6| Къ XII в. относится самый важный Едризи жившій въ Испаніи, много путешествовавшій и написавшій для сицилійскаго короля Рожера большое сочиненіе о географіи, гдѣ имѣются любопытныя свѣдѣнія о Руси и Польшѣ.

Западные писатели заинтересовываются Россіей собственно со времени принятія ею христіанства. Важнѣйшіе писатели, сюда относящіеся, слѣдующіе: Дитмаръ Мерзебургскій |X и XI в.|; въ его сочиненіи, кромѣ важныхъ свѣдѣній о Польшѣ, находится извѣстіе о Владимірѣ и Святославѣ; Бруно, нѣмецкій миссіонеръ, посѣтилъ около 1008 года Кіевъ и сообщилъ о своемъ путешествіи императору Генриху II. Изъ польскихъ лѣтописцевъ замѣчательны: Мартинъ Галлъ |XII в.|, сообщающій о междоусобіи сыновей Владиміра и вмѣшатель-

ствѣ Болеслава Храбраго. В.Кадлубекъ, епископъ Краковскій, передающій свѣдѣнія о Романѣ Мстиславичѣ Галицкомъ, и Янъ Длугошъ, въ громадной компиляціи котораго изъ первоначальныхъ лѣтописцевъ польскихъ, русскихъ, прусскихъ заключается много неоцѣнимаго матеріала для своего времени.

Путешествія западныхъ европейцевъ къ татарамъ, знакомя насъ съ состояніемъ татаръ, даютъ свѣдѣнія о Россіи. Важнѣйшіе: Плано-Карпини, который въ 1245 г. ѣздилъ къ хану Гаюку въ Вели-кую Монголію съ порученіемъ отъ папы Иннокентія IУ. Это путешествіе - одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для изученія татаръ; для насъ важны замѣтки его о проѣздѣ черезъ Россію и о вел. князѣ Ярославѣ. Рубрукисъ, голландскій монахъ, посланный Людовикомъ IX къ хану Мангу по ложному извѣстію, будто этотъ послѣдній принялъ христіанство. Знаменитый венеціанецъ Марко Поло |XIII и XIУ ст.| жилъ долго въ Монголіи, въ Китаѣ, при господствѣ монгольской династіи, посѣтилъ Индію, Персію. Гумбольдтъ |XII в.| ~~~~~ "Создатель новой географіи", какъ его называетъ Мальтебренъ въ своей книгѣ, сообщая свѣдѣнія о татарахъ, важныя для насъ, касается отчасти и Россіи. I.Барбаро |XУ в.|, венеціанскій дворянинъ, посѣтившій Тану |нынѣшній Азовъ| и оставившій

описаніе азовскихъ татаръ и краткія, но любопытныя свѣдѣнія о Московіи и ея внутреннемъ бытѣ.

Съ усиленіемъ Московскаго государства число пишущихъ о Россіи значительно возрастаетъ. Посолъ Венеціанской республики А.Контарини, на обратномъ пути изъ Персіи посѣтившій Москву при Иванѣ Васильевичѣ (1473 г.) и передавшій о ней много важныхъ свѣдѣній; голландецъ Л.Кампензе, писавшій къ папѣ Клименту VII любопытное письмо о дѣлахъ Московіи, о которыхъ онъ зналъ отъ отца и брата, долго жившихъ въ Москвѣ; С.Герберштейнъ, ѣздившій два раза (1517 и 1525 г.г.) въ Москву при Василіи Ивановичѣ. Сочиненіе его "Rerum Moscovitorum commentarii", бывшее плодомъ его поѣздокъ, одно изъ самыхъ капитальныхъ произведеній, писанныхъ иностранцами о Россіи и одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для изученія русской исторіи. Кромѣ личныхъ воспоминаній и наблюденій, Герберштейнъ вставилъ въ свое сочиненіе многіе русскіе памятники и пользовался кромѣ того лѣтописями.

Съ 1553 г. начинается сношеніе Англіи съ Россіей и рядъ путешественниковъ англичанъ. Первый былъ Ченслеръ, посѣтившій Россію при Грозномъ и оставившій описаніе своего путешествія. С.Горсей, жившій въ Россіи почти без-

прерывно въ теченіе 18 лѣтъ и пользующійся въ нашей литературѣ большимъ почетомъ. Въ донесеніяхъ цесарск. посла І.Кобенцеля и сочиненіяхъ секретаря его Даніила фонъ-Бухау также заключается много любопытныхъ свѣдѣній о Россіи. Знаменитый іезуитъ Антоній Поссевинъ, пріѣзжавшій для проповѣди, въ чемъ, какъ извѣстно, потерпѣлъ неудачу, оставилъ и разсказъ о своихъ преніяхъ, рядъ дипломатическихъ сношеній и описаніе Московскаго государства. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ посѣтилъ Россію въ 1588 г. Дж.Флетчеръ, посолъ королевы Елизаветы, докторъ правъ; пробылъ въ Россіи 8 мѣсяцевъ. Въ своемъ сочиненіи, которое можно по важности, особенно въ вопросахъ финансовыхъ, поставить на ряду съ книгой Герберштейна, онъ даетъ географическій очеркъ Россіи, говоритъ о формѣ правленія, боярской думѣ, земскихъ соборахъ, о доходахъ государства; описываетъ положеніе простого народа, судъ и судопроизводство, администрацію, роль воеводъ, финансы, войско, способы веденія войны, религію, нравы и обычаи. Сочиненіе, написанное по его собственнымъ наблюденіямъ и разсказамъ, особенно Горсея, не лишено, конечно, ошибокъ, но отличается строгостью сужденій.

Сказанія современниковъ о смутномъ времени.

какъ по количеству, такъ и по качеству представляютъ богатый матеріалъ для исторіи упомянутой эпохи.

"Лѣтопись Московская" К. Буссова, долго жившаго въ Россіи, куда онъ переселился въ 1601 году, и составившаго упомянутое сочиненіе съ Ѳедора Ивановича до разоренія Москвы, [1584-1612 г.]. Будучи человѣкомъ наблюдательнымъ и образованнымъ, онъ сообщаетъ свѣдѣнія, дѣйствительность которыхъ подтверждается актами; даетъ мастерскія характеристики Бориса, Самозванца, и Василія Шуйскаго, описываетъ все царствованіе Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова, Самозванца, періодъ междуцарствія, гдѣ — доказательства, что Димитрій Самозванецъ не былъ истиннымъ царевичемъ; правленіе Василія Шуйскаго и 5 остальныхъ самозванцевъ или смутную эпоху. Но при всѣхъ своихъ неоцѣнимыхъ достоинствахъ въ его сочиненіи проглядываетъ слишкомъ строгое осужденіе русскихъ, на которыхъ онъ смотритъ, какъ на идолопоклонниковъ, и явное пристрастіе къ нѣмцамъ и полякамъ. Маржеретъ, капитанъ иноземныхъ тѣлохранителей Бориса и Димитрія Самозванца, отличающійся добросовѣстностью въ своихъ сообщеніяхъ, большою наблюдательностью и тонкимъ умомъ. Въ своемъ сочиненіи "Состояніе Россійскаго государства въ началѣ XVII в.", посвя-

щенномъ королю Генриху IУ, онъ говоритъ, прежде всего, о пространствѣ, климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ Россіи, о свойствахъ русскаго народа; описываетъ далѣе правленіе Ивана IУ, Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова, Самозванца, Шуйскаго, излагаетъ свое мнѣніе о Лже-Димитріи, а также подробно касается религіи, гражданскаго устройства, государственныхъ доходовъ, монеты, войска и обычаевъ. Важны также записки Нюренбергскаго купца Г. Паэрле, прибывшаго въ Москву въ смутное время съ товарами для торговли. Но здѣсь былъ ограбленъ, попалъ въ плѣнъ и просидѣлъ 18 мѣсяцевъ. Въ это время онъ и написалъ отъ скуки свой дневникъ; въ первой части его онъ говоритъ о Самозванцѣ, во второй же описываетъ волненія въ Москвѣ и даетъ замѣчательный разсказъ о пути Самозванца въ Россію. Но у него нѣтъ тонкаго ума Маржерета, повѣствовательнаго таланта Буссова; во всемъ его сочиненіи проглядываетъ нерасположеніе къ москвитянамъ.

Изъ польскихъ писателей этой эпохи важенъ дневникъ, веденный польскими послами Олесницкимъ и Сонсѣвскимъ |1606 г.|, въ которомъ описано какъ посольство, такъ и заключеніе пословъ. Дневникъ Маскѣвича служитъ къ предъидущему весьма важнымъ дополненіемъ, изображая въ безхитростномъ

разсказъ положеніе поляковъ въ Москвѣ. Также важенъ дневникъ Марины Мнишекъ, касающійся нѣкоторыхъ событій этой эпохи. Но важнѣе всѣхъ записки Германа Жолкѣвскаго, знаменитаго полководца польскаго, который самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ событіяхъ смутнаго времени.

Изъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, самый важный Адамъ Олеарій, оставившій подробное описаніе путешествія гольштинскаго посольства въ Московію и Персію и бывшій два раза въ Россіи: въ 1634 и 1636 году на пути въ Персію и обратно. Сочиненіе Олеарія, состоящее изъ 6 книгъ, по большой наблюдательности автора и по добросовѣстности его показаній, по множеству сообщаемыхъ намъ свѣдѣній о нравахъ и событіяхъ, считается однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія XVII в. Въ 1-й книгѣ онъ описываетъ первое путешествіе въ Москву и нѣкоторые обычаи русскихъ |пріемъ, празднованіе Новаго года, крестный ходъ|; во 2-ой - второе посольство; въѣздъ въ Москву, продовольствіе, отпуски въ Персію; въ 3-й - подробно описываетъ Русское государство: области, рѣки, климатъ, почву, растенія, внѣшній видъ русскихъ, нравы и обычаи, домашній бытъ, пищу, бракъ, положеніе женщины, свѣтскую власть и полицію; о Московскихъ великихъ

князьяхъ, о вѣнчаніи царей, о доходахъ и расходахъ государства, о столѣ и врачѣ великаго князя, о его свадьбѣ, о возмущеніи въ Псковѣ, о боярахъ, приказахъ, судахъ, законахъ и наказаніяхъ, о религіи, письмѣ, языкѣ, училищахъ, праздникахъ, богослуженіи, церквахъ, крестномъ знаменіи, о святыхъ, о духовенствѣ и монахахъ, о постахъ, погребеніи и объ иноземныхъ исповѣданіяхъ; въ 4-й книгѣ описываетъ путь изъ Москвы по р.р. Москвѣ, Окѣ, и Волгѣ; далѣе говоритъ объ Астрахани, Ногаяхъ, о 2-мъ кораблекрушеніи, Шемахѣ и Испагани, въ 5-й заключается описаніе персидскаго царства и, наконецъ, въ 6-й - описываетъ обратное путешествіе, гдѣ упоминаетъ о татарахъ, прибытіе въ Москву и отсюда возвращеніе домой.

§ 26 ЗАПИСКИ И МЕМУАРЫ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Библіографія:

I. "Сказаніе князя Курбскаго", издан. Устряловa 1833 г.

2. "Рукопись Филарета", изд. отдѣльно Мухановымъ въ 1837 г.

3. Сочиненіе Котошихина о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича; изд. Археограф. Комиссіей 3 раза: въ 1840,59 и 87 г.г.

4. Записки Андрея Артамоновича Матвѣева Ивана Афанасьевича Желябужскаго и Петра Никифоровича Крекшина. Изданы Сахаровымъ въ"Записках русскихъ людей."

5. Жизнь и приключенія Андрея Болотова; изд. Русской Старины 1871 - 72.

6. Дневникъ Храповицкаго, изданъ Барсуковымъ, помѣстившимъ въ предисловіи и біографію его.

7 Дневникъ Порошина; изд. въ 1881 г. въ исправленномъ и дополненномъ по новымъ рукописямъ видѣ редакціей „Русскаго Вѣстника".

8. Записки Ник. Алек. Саблукова; напеч. въ"Рус. Архивѣ." 69 г.

9. Записки М.В. Данилова; напеч. въ "Рус. Архивахъ". 1883.

10. Мемуары Екатерины Романовны Дашковой въ подлинникѣ по французски; помѣщены въ "Архивѣ кн. Воронцова" кн. XXI „Mon histoire".

11. Сочиненія Екатерины II. Изданы Смородинымъ.

12. Гротъ. Котошихинъ и его сочиненіе. "Сборн. Отд. рус. языка и словесности" Имп. Ак Наукъ. 1882 г.

13. Пекарскій Русскіе мемуары XVIII в. Сов 1855 г.

14. Геннади. Записки русскихъ людей. "Чтенія въ Москов. Общ. Исторіи и Древностей" 1861.

15 Сухомлиновъ. Исторія россійской акад Наукъ.

часть I-ая |о Дашковой|.

I6. Семевскій. О Дашковой. Русская Старина. I879

I7. Пекарскій. Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины В. |С.П.Б. I863.|

I8. Семевскій. "Дневникъ Порошина". Русскій Вѣстникъ I866 г.

I9 Шумигорскій. Императрица - публицистъ |С.П.Б. I887 г.

Записки и письма русскихъ людей представляютъ собою видъ историческаго матеріала, получившаго начало въ XVI в. До этого времени мы видимъ лѣтописи, отдѣльныя сказанія и житія. Они представляютъ или записки современниковъ описываемыхъ ими событій, такъ наз. дневныя записки, которыя ведутся изо дня въ день, или воспоминанія человѣка прошлаго, или мемуары событій, участниками которыхъ были сами авторы. Въ этомъ ихъ достоинство и недостатки. Они не имѣютъ характера оффиціальнаго, такъ какъ авторы ихъ не стоятъ большею частью у кормила правленія, и записываемыя ими событія не имѣютъ государственной важности Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ находились близко у дѣла правленія, и такія записки очень важны. Но если даже въ мемуарахъ описывается и частное

событіе, то и тогда они имѣютъ важное значеніе, какъ могущіе объяснить тѣ или другія подробности, освѣтить ту или другую сторону извѣстнаго событія. Несмотря однако, на такое относительно важное значеніе записокъ современниковъ, необходимо ~~~~~ ими толково пользоваться, имѣя въ виду, что авторы ихъ склонны къ субъективизму и тенденціозности; необходимость критики, съ одной стороны, обусловливается тѣмъ, что автору свойственно преувеличивать событія, въ которыхъ онъ принималъ участіе, а съ другой — тѣмъ, что иные мемуаристы составляли записки по частнымъ источникамъ Записки эти по времени, къ которому онѣ относятся, можно раздѣлить на три группы: I| Записки русскихъ людей до - Петровской эпохи; 2| - Петровской эпохи и 3| послѣ Петровской

ЗАПИСКИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ ДО - ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ записки кн Курбскаго главное сочиненіе его "Исторія великаго князя Московскаго," написанное въ формѣ мемуаровъ Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, по происхожденію потомокъ ярославскихъ князей, враждовавшихъ съ князьями московскими; съ раннихъ лѣтъ находился на службѣ у великаго князя московскаго; онъ участвовалъ въ казанскомъ походѣ и въ походѣ противъ черемисовъ; далѣе, служилъ во

все царствованіе Ивана Грознаго вплоть до 1563 г, когда переѣхалъ въ Литву Съ этого времени начинается его извѣстная переписка съ Грознымъ. Въ 1563г. онъ написалъ первое свое письмо къ Ивану IУ, на которое въ скоромъ времени получилъ отвѣтъ. Поводомъ къ написанію "Исторіи вел. кн. московскаго" послужили вопросы нѣкоторыхъ изъ знатныхъ мужей, - почему произошла перемѣна въ характерѣ ивана Грознаго Содержаніе его исторіи обнимаетъ значительную часть царствованія Грознаго, начиная съ его воспитанія Онъ говоритъ о потворствѣ бояръ, результатомъ чего было развитіе злыхъ инстинктовъ, о мятежѣ объ исправленіи Ивана подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, о казанскомъ походѣ, о покореніи Астрахани и Ливонской войнѣ Вторая часть говоритъ "о злыхъ дѣлахъ". Здѣсь онъ разсказываетъ о побіеніи боярскихъ и дворянскихъ родовъ о страданіи священниковъ и въ заключеніе сравниваетъ Іоанна съ другими мучителями. Это сочиненіе Курбскаго значительно отличается отъ всѣхъ историческихъ попытокъ до XУI в., оно проникнуто прагматизмомъ. Основная мысль сочиненія заключается въ томъ, что Иванъ въ первую половину своего царствованія, находясь подъ вліяніемъ добрыхъ совѣтниковъ, стяжалъ себѣ славу но потомъ нѣтъ добрыхъ совѣтниковъ, нѣтъ и славы

Историческое значеніе этого сочиненія очень велико, какъ современника и человѣка умнаго и очень образованнаго по своему времени, но въ то же время оно въ вышей степени тенденціозно. Это скорѣе памфлетъ, особенно вторая часть, чѣмъ строгое объективное изслѣдованіе; однако, не смотря на это, разсказы Курбскаго о мучительствахъ Грознаго почти всѣ подтверждаются другими источниками. При чтеніи исторіи Курбскаго необходимо принять во вниманіе собственное свидѣтельство самаго Грознаго - его отвѣтныя письма. Курбскій, говоря о порочныхъ наклонностяхъ, не указываетъ на причины. Грозный же указываетъ на дурное воспитаніе, на факты боярскаго самовластія и т.д. Письма Ивана должны поправлять и исправлять исторію Курбскаго. Литературное значеніе этого памятника также очень велико; при сравненіи писемъ Ивана съ сочиненіями Курбскаго, замѣтна громадная разница. Недаромъ Курбскій укоряетъ Грознаго, что его письма – наборы матеріаловъ, дурно сшитыхъ. Напротивъ, сочиненія Курбскаго читаются съ удовольствіемъ и въ настоящее время; онъ лучшій литераторъ своего времени. Его сочиненія изданы въ двухъ томахъ Устряловымъ.

Сказанія объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря Авраамія Палицына. Сочиненъ е это обнимаетъ

эпоху съ кончины Ивана Васильевича до воцаренія Михаила Ѳеодоровича и особенно останавливается на смутномъ времени и осадѣ монастыря. Главный его недостатокъ состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ преувеличиваетъ значеніе дѣяній Троицкой обители и своихъ собственныхъ.

Рукопись Филарета |съ 1606 - 1613| по позднѣйшимъ изысканіямъ не принадлежитъ ему, а была только составлена въ его время; и имъ исправлена. Въ этомъ сочиненіи особенно интересны данныя о Скопинѣ Шуйскомъ, Ляпуновѣ и Гермогенѣ.

"О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича" Котошихина. Это чрезвычайно важный историческій памятникъ. Котошихинъ-подъячій Московскаго приказа Когда князь Долгорукій побуждалъ его сдѣлать ложный доносъ и грозилъ ему, онъ убѣжалъ въ Польшу, а потомъ въ Швецію, гдѣ и написалъ свое сочиненіе, которое было найдено въ городѣ Упсалѣ профессоромъ Соловьевымъ. Теперь оно вышло уже третьимъ изданіемъ. Состоитъ изъ 13 главъ, раздѣленныхъ на 234 статьи и рисуетъ подробно все внутреннее состояніе Московскаго государства, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, иностранную публику. Котошихинъ подробно коснулся всѣхъ отраслей государственнаго управленія, суда и судопроизводства и мастерски нарисовалъ

картину придворныхъ, общественныхъ и частныхъ обычаевъ эпохи. Менѣе свѣдѣній находимъ у него о дѣлахъ военныхъ, торговыхъ и земскихъ; о церкви почти ничего. По своему огромному значенію памятникъ этотъ можетъ быть поставленъ на ряду съ сочиненіями серба Крыжанича. Таковы главныя записки русскихъ людей до Петровской эпохи.

ЗАПИСКИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ.

Записки Сильвестра Медвѣдева. Медвѣдевъ былъ подъячій; потомъ сталъ обучаться словесности у Симеона Полоцкаго и прославился своимъ споромъ съ греческими учеными; затѣмъ онъ является въ качествѣ строителя и настоятеля Заиконоспасскаго монастыря; за участіе во второмъ Стрѣлецкомъ бунтѣ былъ казненъ. Въ своемъ сочиненіи онъ изобразилъ первый Стрѣлецкій бунтъ 1686 г. Онъ большой поклонникъ царевны Софьи и относится къ ней съ большимъ пристрастіемъ. Медвѣдевъ имѣлъ свободный доступъ ко двору и былъ кандидатомъ въ патріархи. Этою близостью къ дѣламъ и объясняется, почему мы находимъ въ его сочиненіяхъ большое количество оффиціальныхъ документовъ. Значеніе этого памятника для исторіи перваго Стрѣлецкаго бунта велико.

Записки графа Андрея Артамоновича Матвѣева, оставившаго по себѣ воспоминанія, какъ объ образо-

ванномъ человѣкѣ своего времени и поборникѣ европейскаго просвѣщенія. Авторъ былъ сынъ боярина временъ Алексѣя Михайловича, извѣстнаго своею плачевною судьбою; онъ подвергся опалѣ и ссылкѣ, потомъ, вернувшись, сдѣлался свидѣтелемъ и жертвою Стрѣлецкаго бунта. Автору было тогда только 16 лѣтъ, и онъ составилъ потомъ разсказъ объ этомъ событіи по своимъ воспоминаніямъ. Цѣль его сочиненія выражена въ такихъ словахъ: "сей авторъ не за любочестіе свое и не за праздную себѣ хвалу, но для общей всѣмъ памяти о томъ потщился сей малый трудъ принять, дабы всегда въ Россійскомъ государствѣ благоразумные и любопытные читатели, вразумляющіеся полезно, къ будущему извѣстію своему, для познанія родящихся сыновей своихъ отъ рода въ родъ оставляли незабвенно". Эти записки и упомянутыя нами Сильвестра Медвѣдева взаимно дополняютъ другъ друга и служатъ важнымъ матеріаломъ для описываемой эпохи. Записки Желябужскаго |съ 1682-1709| представляютъ собою краткій сухой дневникъ, просто сборникъ матеріаловъ, относящихся до суда и наказаній за преступленія, что даетъ намъ поводъ думать, что онъ служилъ въ судѣ. Рѣдко можно встрѣтить факты другого рода; таковъ, напр. разсказъ о летающемъ мужикѣ, интересный для ха-

рактеристики нравовъ того времени и состоящій въ томъ, какъ этотъ мужикъ хотѣлъ одурачить народъ съ цѣлью выманить деньги, но разсказъ,клонящійся только къ тому, чтобы потомъ только разсказать о наказаніи и судѣ, которые слѣдовали ему за его плутни. Записки эти содержатъ много оффиціальныхъ документовъ.

Записки Новгородскаго дворянина Крекшина.

Крекшинъ служилъ при Петрѣ Великомъ и былъ подвергнутъ суду за взятки; потомъ былъ помилованъ и всю жизнь посвятилъ собиранію матеріаловъ о Петрѣ Великомъ. Онъ былъ восторженный поклонникъ Петра. I4 лѣтъ онъ собиралъ матеріалы и потомъ они дополнялись въ теченіе I5 лѣтъ, но сохранилось изъ этого только начало царствованія Петра,съ рожденія до Азовскихъ походовъ включительно

Изданы Сахаровымъ въ"Сказаніяхъ русскаго народа" Характерной чертой записокъ является полное отсутствіе критики; извѣстія передаются въ риторической формѣ, хотя авторъ и старается увѣрить читателя въ противномъ. Записки содержатъ, впрочемъ, много оффиціальныхъ документовъ. Для того, чтобы покончить съ записками русскихъ людей Петровской эпохи, намъ остается разсмотрѣть путешественныя записки русскихъ молодыхъ людей,

посланныхъ Петромъ Великимъ за границу. Записки Неплюева начинаются временемъ Петра Великаго и кончаются царствованіемъ Екатерины Второй. Записки эти заключаютъ въ себѣ рядъ разсказовъ, характеризующихъ бытъ молодыхъ людей, отправляемыхъ Петромъ за границу, и рядъ впечатлѣній изъ ихъ путешествій и ихъ заграничной жизни.

Неплюевъ передаетъ, что "учатся они въ Академіи съ французскими гардемаринами навигаціи, инженерству, артиллеріи, рисовать масштабы, какъ корабли строятся, боцманству, т.е. оснащивать корабли, артикулу солдатскому, танцевать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить". Когда онъ пріѣхалъ въ Амстердамъ, тамъ было около 50 русскихъ; они обучались экипажеству, механикѣ, мѣдному и столярному ремесламъ. Положеніе русскихъ людей за границей было подчасъ очень затруднительно, во 1-хъ, отъ незнанія иностраннаго языка и, потомъ, отъ скуднаго ихъ содержанія, слѣдствіемъ чего были постоянныя жалобы и просьбы вернуться домой. По возвращеніи домой, имъ самимъ Петромъ былъ устроенъ экзаменъ. Неплюевъ блистательно его выдержалъ и былъ опредѣленъ къ навигаціонному дѣлу. Затѣмъ Неплюевъ описываетъ свое пребываніе въ Константинополѣ, когда онъ отправленъ былъ туда въ качествѣ посла. Но

самый интересный рядъ разсказовъ относится къ тому времени, когда онъ управлялъ Оренбургскимъ краемъ. Остальное содержаніе записокъ относится къ преемникамъ Петра Великаго. Неплюевъ питомецъ Петра и восторженный его поклонникъ; къ его реформаторской дѣятельности онъ преисполненъ самыхъ высокихъ чувствъ:-"Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и мы люди, однимъ словомъ, на что въ Россіи не взгляни, все его началомъ имѣетъ и что бы впредь не дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ" Приведемъ еще нѣкоторые отрывки изъ записокъ молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ за границу. Они рисуютъ не современную Россію, но самихъ авторовъ и то положеніе, въ которомъ они очутились въ чужой сторонѣ. Образованіе ихъ весьма поверхностное, что и отражается въ ихъ запискахъ. Вотъ, напр., выдержка изъ дневника Толстого: "Есть въ Варшавѣ одна палата великая, которую поляки называютъ изба сенаторская; въ той палатѣ у поляковъ бываетъ сеймъ; у которой палаты окна великія и окончины были стекольчатыя, всѣ повыломаны и окна разбиты отъ нестройнаго совѣту и отъ несогласія во всякихъ дѣлахъ пьяныхъ поляковъ, а покоевыя королевскія палаты отъ той палаты далеко". Авторъ

этой выдержки, побывавъ въ Варшавѣ, только и обратилъ вниманіе на окна. Еще наивнѣе его замѣчанія о германскомъ народѣ, -"Народъ германскій мужеска полу и женска неблагообразенъ и убогъ; многіе поселяне носятъ кафтаны сермяжные, также и женскій полъ германскій платья носитъ особою модою; зѣло короткія - только по колѣни, а на головѣ женскій полъ носитъ шляпы высокія, тонкія, веденыя изъ бараньей шерсти; около шеи носятъ широкія полотнянныя брижки, какъ жиды и жидовки носятъ, которые живутъ въ Польшѣ. Вода въ Германіи зѣло по употребленію человѣкъ нездорова - отъ тое воды въ Германіи люди многіе мужеска и женска полу имѣютъ подбородки зѣло великіе около шеи, а паче на гортаняхъ кевлаки великіе, и отъ того многіе изъ нихъ говорятъ съ великою трудностью". Затѣмъ онъ описываетъ Венецію и нравы жителей:-" Народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ и строенъ и политиченъ, тонокъ и во всемъ изряденъ, а къ ручному дѣлу не очень охочь: больше заживаютъ въ прохладахъ - всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ и ко грѣху тѣлесному зѣло слабы. Все время карнавала ходятъ всѣ въ машкарахъ мужчины и женны и дѣвицы и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ хочетъ и никто никого не знаетъ". А вотъ, напр. выдерж

изъ дневника неизвѣстнаго, который долгое время приписывали Петру Великому, но оказалось, что онъ принадлежитъ одному изъ молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ за границу: - "Былъ, гдѣ собираются дважды на недѣлю ученые люди и диспутуютъ промежду собою о разныхъ вещахъ богословскихъ и философскихъ; видѣлъ рыбу, у которой пила на носу, - величиною она съ небольшую бѣлугу; тутъ же видѣлъ рыбу, которая останавливаетъ корабль, она маленькая, прилипаетъ ко дну множество и оттого останавливается корабль". Еще болѣе характерно его описаніе фонтана въ Генуѣ, сооруженнаго знаменитымъ художникомъ. Фонтаны превеликіе: три лошади, на нихъ мужикъ сидитъ; у средней лошади изъ языка вода течетъ, а у тѣхъ изъ ноздрей; кругомъ тѣхъ лошадей робятки маленькіе изъ мрамора высѣчены, сидятъ и воду пьютъ." Всѣ эти дневники представляютъ не малый интересъ для характеристики умственнаго состоянія людей Петровской эпохи. Этимъ мы и покончимъ съ эпохой Петра и перейдемъ къ слѣдующей.

Мемуары русскихъ людей при преемникахъ Петра Великаго. Съ теченіемъ времени, число записокъ и мемуаровъ постепенно увеличивается. Выбираемъ представляющіе наибольшій интересъ.

Записки фельдмаршала Миниха и сына его Эрне-

ста Миниха. Фельдмаршалъ Минихъ представляетъ изъ себя умнаго и наблюдательнаго человѣка и талантливаго писателя, который сочиненіемъ своимъ далъ иностранцамъ понятіе о внутреннемъ состояніи Россіи послѣ Петра Великаго. Сынъ его, Эрнестъ Минихъ, написалъ сочиненіе: "Записки гр. Миниха, сына фельдмаршала, писанныя имъ для дѣтей своихъ," которое заключаетъ рядъ разсказовъ о главныхъ событіяхъ времени его отца и дѣлаетъ вѣрныя характеристики Анны Ивановны и ея царедворцевъ. Они написаны просто и безъискусственно.

Записки Екатерины II

Записки Якова Шаховского |1719-1766| интересны для характеристики внутреннихъ отношеній въ государствѣ. Яковъ Шаховской - дѣятель и сенаторъ временъ Елизаветы Петровны и Екатерины II. Службу свою онъ началъ въ полку; потомъ отправился въ Малороссію къ своему дядѣ, правителю послѣдней. Ему уже открывалась видная карьера, когда судьба послала рядъ характерныхъ испытаній. Онъ поспорилъ съ Бирономъ, защищая своего дядю Даніила Апостола; но въ то же время находитъ себѣ покровительство у Артемія Волынскаго, о пріятномъ знакомствѣ съ которымъ онъ подробно разсказываетъ въ своихъ запискахъ. Однако, Во-

лынскій скоро былъ преданъ всесильнымъ времен щикомъ суду и казненъ; потомъ взялись и за лю бимцевъ Волынскаго; такимъ образомъ, планы Ша ховского не осуществились и онъ принужденъ былъ довольствоваться скромнымъ мѣстомъ въ полиціи. Разсказываетъ онъ, между прочимъ, какъ однажды его пригласилъ Биронъ, какъ онъ вошелъ въ переднюю, гдѣ толпились люди, усыпанные звѣздами, какъ Биронъ посадилъ его, предложилъ кофе, об ласкалъ; мечты опять зароились у него въ голо вѣ, какъ вдругъ Биронъ былъ свергнутъ и мѣсто его заняло новое правительство, въ лицѣ Анны Лео польдовны и Миниха. Опять повторилась прежняя исторія, - онъ снискалъ расположеніе Головкина, судьба ему уже улыбалась, какъ вдругъ произо шелъ дворцовый переворомъ и на престолъ вступи ла Елизавета Петровна. Испытавъ столько превратностей, онъ, наконецъ, назначенъ былъ Оберъ-Про курором Синода; хотя здѣсь и пришлось ему вы держать борьбу, но все же онъ разсказываетъ намъ о своихъ пріятныхъ впечатлѣніяхъ, - какъ его встрѣтили въ Синодѣ, какъ пришлось тамъ ему играть почетную роль и т.д. Потомъ онъ былъ на значенъ генералъ-комиссаромъ и оберъ-прокуро ромъ въ сенатѣ; а въ началѣ царствованія Екате рины II - сенаторомъ; принималъ участіе въ Комис -

сіи уложенія и, наконецъ, вышелъ въ отставку. Какъ мы видимъ, записки Шаховского знакомятъ насъ только съ его служебной дѣятельностью, - "разъ былъ только въ комедіи, говоритъ онъ, да и то думалъ тамъ о должности"; но въ этомъ то ихъ и интересъ, онѣ знакомятъ насъ съ законодательною дѣятельностью правительства; онѣ же раскрываютъ передъ нами все дѣлопроизводство и судо - производство въ Синодѣ и Сенатѣ. Имѣютъ нѣкоторый интересъ и слѣдующіе эпизоды его жизни. Однажды онъ проектировалъ отвести часть императорскихъ покоевъ подъ больницу и за это послѣдовалъ указъ - помѣстить опасно больныхъ въ его, Шаховского, квартиру, при этомъ не стѣсняться его кабинетомъ и спальней. Потомъ ему пришлось отправлять въ ссылку Остермана и Головкина, своихъ бывшихъ благодѣтелей. Въ введеніи онъ говоритъ, что его заставило писать записки, это - просьба нѣкоторыхъ добрыхъ людей и служебное честолюбіе. Характерныя черты автора записокъ: неподкупная честность, прямота и честолюбіе. Честность его подвергалась однажды большому искусу, онъ предложилъ, чтобы сукно для арміи покупалось въ Россіи, а не привозилось изъ Англіи. Ему предложена была взятка въ 25000 р., но онъ, хотя не безъ борьбы, отказался отъ нея.

Это характеризуетъ его честность, столь рѣдкую въ то время. Языкъ записокъ является характернымъ образцомъ языка, господствовавшаго въ дѣлопроизводствѣ, въ Сенатѣ и въ Синодѣ.

Записки артиллеріи маіора Михаила Васильевича Даниловa, написанныя имъ въ 1771 г., являются однимъ изъ любопытнѣйшихъ источниковъ для внутренней бытовой исторіи XVIII в. Даниловъ - сынъ небогатаго помѣщика, получилъ первоначальное образованіе у богатыхъ родственниковъ, потомъ въ артиллерійской школѣ. Дослужившись до офицера, онъ всю жизнь занимался приготовленіемъ фейерверковъ. Болѣе подробное разсмотрѣніе его біографіи можетъ дать намъ опредѣленное понятіе о жизни современнаго ему дворянства. До поступленія въ артиллерійскую школу Даниловъ вмѣстѣ съ братьями учился у дьяка Бурдастаго. Вотъ какъ самъ Даниловъ вспоминаетъ объ этомъ времени: "памятно мнѣ мое ученіе у Бурдастаго и по днесь по той, можетъ быть, причинѣ, что часто меня сѣкли лозою; я не могу признаться ——— по справедливости, чтобы во мнѣ были тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный по моей силѣ, который я затверживалъ скоро, но такъ какъ намъ, кромѣ обѣда, ни-

куда отъ Бурдастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безвыходно и въ долгіе лѣтніе дни великое мученіе притерпѣвали, то я отъ такого всегдашняго сидѣнія ослабѣвалъ такъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ наизусть, при слушаніи урока, къ вечеру, и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція меня, какъ непонятнаго, "сѣчь". Когда Бурдастый отлучался изъ школы, жена его побуждала учениковъ кричать громче, чтобы показать, что они занимаются, - „кричать хотя бы и не то, что учимъ". Дѣти въ его отсутствіе однажды повѣсили его кота и истязали его, за что Бурдастый отвѣтилъ имъ такимъ же образомъ. Изъ школы Даниловъ былъ отвезенъ къ богатой родственницѣ, "чтобы грамотѣ учиться и племяннику ея дѣлять компанію, но компанія эта состояла въ томъ, что, такъ какъ вдова баловала своего племянника и не принуждала его заниматься, то они ничего не дѣлали, а за всякую продѣлку племянника отвѣчали Даниловъ и ихъ учитель; такъ, однажды племянникъ посбивалъ яблоки съ дерева и вдова "въ страхъ племяннику приказала поднять учителя нашего на козелъ и сѣкли его долгое время немилостиво, причитая "не сбивай яблокъ съ яблони". Потомъ вдова приказала и меня поднять на козелъ,

и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблокъ отнюдь не сбивали. Племяннику вдова изволила сдѣлать только выговоръ, а послѣ, поцѣловавъ его, сказала: - "чаятельно ты, Иванушка, давеча испугался, когда сѣкли твоихъ товарищей; не бойся, голубчикъ, я тебя никогда сѣчь не стану". Затѣмъ Даниловъ поступилъ въ артиллерійскую школу. Проходя однажды по Петербургу, онъ былъ приглашенъ одной дамой переѣхать къ ней, чтобы учить ея сына ариѳметикѣ, но вскорѣ другая родственница переманила его, упросивъ помогать ея мужу, который тоже числился въ артиллерійской школѣ; но толку отъ этой помощи не вышло никакого, такъ какъ онъ "великій былъ шалунъ и ничего учить не хотѣлъ". Далѣе Даниловъ описываетъ свое пребываніе въ Данковѣ, въ гостяхъ у своего родственника Крюкова: "Отпуститъ насъ на недѣлю Рождества Христова воевода съ сыномъ по тому уѣзду Христа славить, а за нами посылалъ подводъ по пяти и болѣе порожнихъ саней на подаяніе за славленіе: мы каждый день привозили посланныя за нами подводы полны хлѣбомъ и живыми курами и по нѣскольку денегъ... При ономъ славленіи нашемъ насмотрѣлся я, что воеводскіе люди поступаютъ въ уѣздѣ нахайливѣе и безстыднѣе городскихъ разсыльщи-

ковъ"... Интересный разсказъ приводитъ Даниловъ о своемъ зятѣ Астафьевѣ, который, имѣя громадное состояніе, очень неохотно служилъ въ полку, но такъ какъ въ отставку тогда нельзя было выходить, то онъ бралъ годовые отпуски за взятки людьми, которыхъ онъ дарилъ полковому секретарю. "Секретарь былъ доволенъ, когда за паспортъ получитъ душенъ двѣнадцать мужескаго пола съ женами и дѣтьми". Неменьшій интересъ представляетъ и описаніе смотринъ невѣстъ, которыя были назначены при помощи одной старушки въ церкви.

Записки Андрея Тимофеевича Болотова. |1740--1791 г.|. Біографія Болотова напоминаетъ предшествующую. Онъ сынъ бѣднаго дворянина Тульской губерніи; учиться началъ у старика малороссіянина и при этомъ обнаружилъ такія способности, что отецъ его захотѣлъ, чтобы онъ учился и нѣмецкому языку, для чего былъ нанятъ унтеръ-офицеръ Миллеръ, который, однако, по своей неспособности, принесъ мало пользы молодому Болотову. Тогда онъ былъ отправленъ къ курляндцу Нидельгорсту, во время пребыванія въ домѣ котораго онъ изучилъ нѣмецкій языкъ. Затѣмъ онъ былъ опредѣленъ въ пансіонъ Фере, гдѣ читали французскій языкъ, географію и рисованіе, на исторію же обращали очень мало вниманія. Одна-

ко, Болотовъ французскій языкъ здѣсь не изучилъ, нѣмецкій же забылъ. Также мало пользы принесъ ему и гувернеръ Лапи, подъ руководство котораго онъ былъ впослѣдствіи отданъ. Образованіе свое Болотовъ дополнилъ потомъ самъ чтеніемъ духовныхъ книгъ. Съ двадцати семи лѣтъ, выйдя въ отставку, онъ посвятилъ себя литературной дѣятельности; сочиненій его довольно много. Записки его касаются, главнымъ образомъ, быта сельскаго дворянства; онъ очень многорѣчивъ и потому даетъ намъ массу матеріаловъ; рѣчь его проста и даже наивна.

Ко времени царствованія Екатерины II относятся любопытныя записки статсъ-секретарей Храповицкаго и Грабовскаго. Записки Храповицкаго, при всей своей отрывочности, заключаютъ въ себѣ самый разнообразный матеріалъ въ историческомъ отношеніи, очень важный для характеристики двора, самой императрицы и ея научной дѣятельности. Кромѣ того, въ запискахъ разбросано много мѣткихъ замѣчаній относительно фаворитовъ Екатерины II и вообще лицъ, ее окружавшихъ. Менѣе важное значеніе имѣютъ записки Грабовскаго, хотя нельзя согласиться со строгимъ приговоромъ профессора Бестужева-Рюмина, когда онъ говоритъ, что записки Грабовскаго безтолковы. Авторъ, прав-

да отличается малоспособностью, но это не мѣшаетъ ему въ качествѣ наивнаго повѣствователя, не касаясь важныхъ вещей, передать много любопытнаго о вельможахъ и вообще о нравахъ того времени.

Къ началу царствованія Екатерины II относятся записки Екатерины Романовны Дашковой, вышедшія въ Лондонѣ. Въ запискахъ княгини Дашковой мы замѣчаемъ такую особенность: авторъ всюду старается выставить свою личность. Нельзя, конечно, отрицать, что историческое прошлое давало нѣкоторое право автору говорить о своемъ „я", но не въ такой, однако, мѣрѣ, какъ это позволяетъ себѣ авторъ, говоря, напр., о переворотѣ 62 г. и той роли, которую ему пришлось выполнить тогда. Вообще къ запискамъ Дашковой необходимо относиться съ осторожностью.

Ко времени Павла Петровича относится нѣсколько записокъ; изъ нихъ самое видное мѣсто занимаютъ записки Семена Андреевича Порошина. Будучи однимъ изъ учителей цесаревича Павла Петровича, Порошинъ въ своихъ запискахъ передаетъ много важныхъ подробностей о личности Павла, о его воспитаніи, способностяхъ, о лицахъ, его окружающихъ. Все это имѣетъ тѣмъ большій интересъ, что Павелъ Петровичъ доселѣ въ исторіи

является личностью мало выясненною. Свои записки Порошинъ писалъ въ видѣ дневника, гдѣ подъ каждымъ числомъ говоритъ, что дѣлалъ Павелъ Петровичъ въ теченіе дня: когда вставалъ, когда ложился спать, чѣмъ занимался и какъ успѣвалъ въ занятіяхъ. Вотъ какъ, напримѣръ, Порошинъ отзывается о способностяхъ къ математикѣ Павла Петровича: "Если бы Его Величество человѣкъ былъ партикулярный и могъ совсѣмъ предаться одному только математическому ученію, то-бъ по остротѣ своей весьма удобно быть могъ нашимъ россійскимъ Паскалемъ". Конечно, это преувеличено, и побудило Порошина такъ отозваться о математическихъ способностяхъ Павла Петровича вотъ что: "сегодня при ученіи у меня самъ Его Высочество изволилъ сдѣлать примѣчаніе, что когда неравное число или нечетное вычтешь изъ числа равнаго или четнаго, остатокъ всегда будетъ нечетъ". А вотъ нѣкоторыя другія черты, которыя тогда уже проглядывали въ Павлѣ Петровичѣ и которымъ въ будущемъ онъ обязанъ своими ошибками. Въ дворцовомъ театрѣ было постановлено за правило, чтобы никто изъ присутствующихъ не аплодировалъ раньше, чѣмъ начнетъ Екатерина. Однажды Екатерины въ театрѣ не было. Нѣкоторые изъ публики аплодировали; обиженный цесаревичъ, возвращаясь

домой, замѣчаетъ: "я не слыхалъ, чтобы государыня приказывать изволила, чтобы при мнѣ аплодировали, когда я не зачну. Впередъ я выпрошу, чтобы тѣхъ можно было высылать вонъ, которые начнутъ при мнѣ хлопать, когда я не хлопаю. Это противъ благопристойности". Кромѣ вспыльчивости и честолюбія въ характерѣ Павла Петровича была и другая странная черта, - это -спѣшить вездѣ "у Его Высочества ужасная привычка, чтобы спѣшить во всемъ: спѣшить вставать, спѣшить кушать, спѣшить опочивать ложиться. Передъ обѣдомъ за часъ еще времени или болѣе до того, какъ за столъ обыкновенно у насъ садятся |т.е. въ началѣ второго часу|, засылаетъ тайно къ Никитѣ Ивановичу гофъ-фурьера, чтобы спроситься не прикажетъ ли за кушаніемъ послать, и всѣ хитрости употребляетъ, чтобы хотя нѣсколько минутъ выгадать, чтобы за столъ сѣсть пораньше. Объ ужинѣ такія же заботы " Общій выводъ изъ записокъ Порошина такой: "о воспитаніи Павла Петровича заботились; лица, къ нему приставленныя, какъ братья Панины, дѣйствовали развивающимъ образомъ на него; способности у Павла Петровича были хорошія и изъ него могъ выйти развитой человѣкъ."

Къ этому же времени относятся записки Саблукова, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о полжи-

тельныхъ качествахъ Императора Павла При вступленіи на престолъ, разсказываетъ Саблуковъ, Павелъ приказалъ вырубить въ своемъ дворцѣ маленькое окошечко, куда опускали прошенія, отвѣтъ на которыя Павелъ приказывалъ печатать въ газетахъ.

Ко времени Павла Петровича относятся разсказы, записанные со словъ Котлубицкаго. Какъ Саблуковъ, такъ и Котлубицкій стояли ко двору очень близко, а потому передали немало интересныхъ свѣдѣній о придворной жизни того времени.

Къ царствованію Александра I относится множество мемуаровъ. Записки Филиппа Филипповича Вигеля должны занять между ними первое мѣсто. Печатались онѣ сначала въ Русскомъ Вѣстникѣ, а потомъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 7-ми частяхъ, съ сокращеніями и выпусками. Полный оригиналъ этихъ записокъ хранится въ Императорской публичной Библіотекѣ. Несмотря на сокращенія и выпуски, видно, что авторъ - личность даровитая, съ большимъ литературнымъ талантомъ. Достоинства эти авторъ очень хорошо въ себѣ сознавалъ, хотя и говоритъ въ запискахъ о себѣ очень скромно: "Отъ самаго рожденія, говоритъ авторъ, природой и фортуной былъ осужденъ, по мнѣнію моему, болѣе чѣмъ на ничтожество, во всемъ полу-

чивъ стъ судьбы въ удѣлъ посредственность. я, однако, бесѣдовалъ много съ мудрѣйшими изъ моихъ соотечественниковъ, бывъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ просвѣщеннѣйшими изъ нихъ. Глупцы и невѣжды мнѣ также вовсе не чужды - я не уб галъ даже отъ нищеты и не отказывался отъ знакомства съ богатыми: отъ знатнаго до простолюдина всѣ состоянія мнѣ были извѣстны." Наряду съ напускною скромностью въ этихъ словахъ видно и сознаніе своихъ многосторонних способностей Записки Вигеля, какъ выше было сказано, изданы въ 7-ми частяхъ. Въ первой части авторъ говоритъ о дворянствѣ при Екатеринѣ II. о кіевскомъ обществѣ гдѣ ему пришлось провести дѣтство, о французскихъ эмигрантахъ при Павлѣ Петровичѣ, которые убѣгали изъ революціонной Франціи Во второй части-о дѣятеляхъ при Александрѣ I-мъ: Сперанскомъ, Мордвиновѣ, о петербургскомъ обществѣ, о посольствѣ въ Китай Въ этомъ посольствѣ Ф.Ф Вигель самъ принималъ участіе и послѣ описалъ это путешествіе съ свойственной ему наблюдательностью. Въ третьей части авторъ говоритъ о перемѣнѣ министерства, о новомъ министрѣ Румянцевѣ, о государственномъ совѣтѣ. литературѣ и журналахъ Въ четвертой части - о правительственномъ и литературномъ обществахъ,

объ отъѣздѣ Мордвинова Въ пятой и шестой частяхъ - о петербургскомъ обществѣ послѣ войны 12-го года, о военныхъ поселеніяхъ Аракчеева Въ седьмой части Вигель говоритъ о реакціи и господствѣ Магницкаго.

Въ запискахъ Ф Ф Вигеля очень мало находимъ мы положительныхъ характеровъ; авторъ -человѣкъ съ страстью; относится строго къ людямъ; о такихъ личностяхъ, какъ Сперанскій и Крыловъ, авторъ отзывается стрицательно. Только о Жуковскомъ въ запискахъ Вигеля мы находимъ нѣсколько теплыхъ словъ

Къ Александро-Николаевскому времени относятся воспоминанія Панаева, Шашкова и семейная хроника Аксакова Въ послѣдней авторъ поэтически воспроизводитъ жизнь дворянъ того времени

ПИСЬМА Какъ историческій матеріалъ письма подходятъ подъ разрядъ мемуаровъ Первымъ письмомъ имѣющимъ такое значеніе, можно назвать письмо Владиміра Мономаха къ Олегу Черниго-Сѣверскому князю Чѣмъ дальше, тѣмъ число писемъ становится больше и больше По времени они относятся къ удѣльному періоду, Московскому, Петровской эпохѣ, эпохѣ Екатерины, Александра I и т д Знаменитая переписка Грознаго съ Курбскимъ, письма смутнаго времени, потомъ"ти-

шайшаго" Алексѣя Михайловича, особенно Петра Великаго и Екатерины II - все это цѣнный историческій матеріалъ. Въ послѣднее время поднятъ вопросъ о систематическомъ изданіи писемъ Петра Великаго. Нельзя, конечно, не пожелать этому дѣлу скораго и счастливаго окончанія, ибо это былъ бы капитальный и неоцѣненный трудъ нашего времени.

Конецъ
первой части.

РУССКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Часть вторая.

РАЗРАБОТКА ИСТОРІИ, КАКЪ НАУКИ.

§ I. РАЗРАБОТКА РУССКОЙ ИСТОРІИ ВЪ XVIII в.

Еще въ XVI и XVII в. мы можемъ указать на нѣкоторыя попытки прагматическаго изложенія событій русской исторіи. Къ числу таковыхъ нужно отнести князя Курбскаго "Жизнь и дѣятельность Іоанна Грознаго." Конечно, эта попытка не можетъ быть названа русской исторіей въ собственномъ смыслѣ слова. Но уже при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Московскомъ приказѣ возникла мысль о написаніи русской исторіи, и эта задача была поручена дьяку Грибоѣдову. Грибоѣдовъ составилъ русскую исторію для практическихъ цѣлей; Соловьевъ читалъ эту исторію и приводитъ изъ нея выдержки; это сплошной панегирикъ; здѣсь всѣ отрицательныя стороны жизни совершенно игнорируются, и потому трудъ этотъ нужно признать неудачнымъ. Гораздо выше нужно поставить другую попытку; это извѣстный Синопсисъ, приписываемый Иннокентію Гизелю. Книга эта, явившаяся плодомъ кіевской образованности, вызвана была стремленіемъ южно-русскихъ ученыхъ оглянуться на свое прошлое и подвести ему итоги. Южно-русскимъ происхожденіемъ этой

книги объясняются особенности ея содержанія, которое почти цѣликомъ пріурочено къ Кіеву; но между прочимъ, въ началѣ ея помѣщено разсужденіе о происхожденіи славянъ, куда примыкаетъ полное собраніе басенъ и легендъ, повторявшихся потомъ позднѣйшими изслѣдователями. Вслѣдъ затѣмъ авторъ пріурочиваетъ свой разсказъ къ судьбамъ Кіева, и разсказъ этотъ ведется до монгольскаго нашествія. Послѣ этого вкратцѣ сообщается о нѣкоторыхъ событіяхъ въ Московскомъ государствѣ и опять говорится о Кіевѣ до XVII в. Въ послѣдующее время Синопсисъ дополнялся, и мы имѣемъ до 30 печатныхъ его изданій, что свидѣтельствуетъ о громадной распространенности его и о томъ интересѣ, который онъ возбуждалъ. Слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ памятникѣ значительное обиліе польскихъ источниковъ; въ этомъ отношеніи Синопсисъ подходитъ къ Густынской лѣтописи, которая является его прообразомъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мы находимъ точныя ссылки на польскихъ авторовъ, изъ которыхъ ими были заимствованы разныя данныя. Итакъ, въ двухъ сочиненіяхъ XVII в. - сѣверомосковскомъ |Грибоѣдова| и южно-русскомъ |Гизеля| мы видимъ двѣ первыя попытки прагматической русской исторіи.

Къ царствованію Петра Великаго также отно-

сится нѣсколько подобныхъ попытокъ. Петръ Великій былъ человѣкъ практической жизни, и литература при немъ отличается практицизмомъ. Этотъ послѣдній отразился и на сочиненіяхъ по русской исторіи. Петръ поручилъ написать русскую исторію нѣкоему Поликарпову. Былъ ли Поликарповъ подготовленъ къ этому труду, объ этомъ не подумали; и несмотря на то, что въ распоряженіе Поликарпова былъ предоставленъ богатый матеріалъ, все-таки написанное имъ оказалось крайне неудачнымъ. Въ виду этого рѣшили составить сводъ лѣтописей, но этотъ трудъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ. Гораздо выше нужно поставить другую книгу, которая, кажется, была посвящена Петру Великому, то - "Ядро Россійской Исторіи", приписываемое Хилкову, но, какъ кажется, составленное секретаремъ его Манкіевымъ. Оба они и Хилковъ, и Манкіевъ были въ плѣну у шведовъ, и вотъ Манкіевъ, имѣя подъ руками Синопсисъ, рѣшилъ дополнить его, главнымъ образомъ, по русскимъ лѣтописямъ. Такимъ образомъ, и явилась новая книга, которая стояла несравненно выше прежнихъ попытокъ, вмѣсто польскихъ источниковъ здѣсь царятъ русскіе и при томъ достовѣрные. Со времени Петра Великаго, при его ближайшихъ преемникахъ началась научная обработка русской исто-

ріи въ двухъ историческихъ школахъ: I| въ русской исторической школѣ и 2| въ школѣ нѣмцевъ, историковъ академиковъ.

Сдѣлаемъ сперва характеристику представителей русскаго историческаго направленія, а затѣмъ перейдемъ къ нѣмецкимъ.

§ 2. ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

Библіографія.

Поповъ Татищевъ и его время . М. I86I.

Бестужевъ-Рюминъ. Біографіи и характеристики С. I882

Корсаковъ Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIIIв. Казань I89I.

Поповъ. Ученые и литературные труды Татищева. I886 г

Милюковъ. Главныя теченія исторической мысли М I906 г.

В.Н.Татищевъ. На первомъ мѣстѣ среди русскихъ историковъ XVIII в. нужно поставить знаменитаго птенца Петра Великаго, государственнаго дѣятеля царствованій Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны В Н Татищева. Въ наше время его правильно оцѣнили и сняли съ него тотъ упрекъ, который тяготѣлъ надъ нимъ еще со времени Шлецера. Долгое время относились скептически къ его Рос-

сійской исторіи, считали его самого сочинителемъ ложныхъ извѣстій. Но въ настоящее время послѣ цѣлаго ряда изслѣдованій его важное значеніе для русской исторіи вполнѣ возстановлено. Правда, и теперь еще не вполнѣ объяснены тѣ извѣстія Россійской исторіи Татищева, которыя основаны на не дошедшихъ до насъ источникахъ несмотря на то, что составилась уже цѣлая литература о научной дѣятельности Татищева |Соловьева, Лавровскаго - "изслѣд о лѣт Якимов", Бестужева-Рюмина и, наконецъ, Нила Попова - "Татищевъ и его время"|. Эта литература о Татищевѣ увеличивается все новыми матеріалами; такъ, ко времени празднованія юбилея Татищева появился его знаменитый "разговоръ о пользѣ наукъ".

Полная біографія Татищева представляетъ большой интересъ Онъ является человѣкомъ образованнымъ и чрезвычайно дѣятельнымъ; его нельзя назвать спеціалистомъ въ одной какой-либо области; вполнѣ справедливо сказано о Татищевѣ, что онъ былъ - университетомъ для своего времени; это былъ истинный питомецъ Петра Великаго Эпоха Петра Великаго требовала разнообразныхъ дѣятелей, а людей дѣятельныхъ съ талантомъ было не особенно много; и вотъ Татищевъ былъ вмѣстѣ и горнымъ инженеромъ, и спеціалистомъ монетнаго дѣла, и

устроителемъ школъ. Онъ стоялъ во главѣ башкирцевъ, а вслѣдъ затѣмъ попалъ въ калмыцкую экспедицію. - Однимъ словомъ, большую часть своей жизни онъ провелъ въ административной дѣятельности. Но прежде чѣмъ приступить ко всѣмъ этимъ занятіямъ, онъ предпринялъ путешествіе за границу, гдѣ слушалъ курсы во многихъ университетскихъ городахъ и тамъ же изучилъ горное дѣло. Съ возвращеніемъ въ Россію, Татищевъ былъ поставленъ на Уралѣ во главѣ горныхъ заводовъ, а затѣмъ ему было поручено и монетное дѣло, и здѣсь, какъ всюду, примѣняя свои просвѣтительныя идеи, питомецъ Петровой эпохи устраивалъ школы для рабочихъ. Не будемъ останавливаться на башкирской и калмыцкой экспедиціяхъ и только скажемъ два слова о нравственномъ обликѣ Татищева; его много разъ осуждали и обвиняли во взяточничествѣ; это-то темное пятно и требуетъ разъясненій. Мы имѣемъ разговоръ Татищева съ Петромъ, въ которомъ первый говоритъ: "посулъ неправедныхъ брать не слѣдуетъ, но благодарность получать можно, особенно если судья произвелъ рѣшеніе дѣла послѣ обѣда, если судья справедливо рѣшилъ дѣло и употребилъ особенное усиліе, чтобы оправдать, то въ такихъ случаяхъ благодарность получать можно." Дѣлая возраженія на подобный взглядъ, Петръ Вели-

кій далъ отвѣтъ, что для худыхъ людей это очень опасно, такъ какъ они этимъ будутъ злоупотреблять. Очевидно, что Татищевъ не былъ совершенно чистъ и признавалъ возможность "получать благодарность". Сообразно такому главнѣйшему недостатку Татищева и самая жизнь его исполнена была треволненій. Послѣ всякой экспедиціи и службы ему нѣсколько разъ приходилось являться въ Петербургъ для оправданій. Подъ судомъ онъ прожилъ и послѣдніе годы своей жизни, за нѣсколько дней до смерти ему пришлось оправдываться.

Литературные труды Татищева были слѣдующіе: 1| "Духовная сыну", 2| "Разговоръ о пользѣ наукъ"; 3| "Экономическія записки". Духовная предназначалась сколько для массы читателей, столько и для его собственнаго сына; въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ этотъ трудъ Татищева отличается довольно общимъ характеромъ. Его экономическія записки рисуютъ взглядъ на экономическое положеніе крестьянъ и онѣ, такимъ образомъ, напоминаютъ намъ нѣсколько сочиненія крестьянина экономиста Посошкова. Но на первомъ планѣ стоитъ его "Разговоръ о пользѣ наукъ"; этотъ литературный памятникъ въ отрывкахъ напечатанъ только въ недавнее время профессоромъ Поповымъ въ чтеніяхъ Московскаго общества Исторіи и Древно-

стей. Въ этомъ сочиненіи мы находимъ весь кодексъ общественныхъ воззрѣній Татищева. Онъ весь проникнутъ любовью къ наукѣ; авторъ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ о пользѣ науки. Но мы не будемъ останавливаться на этомъ литературномъ памятникѣ; гораздо большую связь съ его исторической дѣятельностью имѣетъ его сочиненіе по географіи. Собственно говоря, исторіей Татищевъ началъ заниматься съ того времени, какъ ему было поручено Брюссомъ составить географію Россіи; и вотъ Татищевъ съ любовью и энтузіазмомъ сталъ заниматься географическими изслѣдованіями. Въ связи съ этой дѣятельностью въ области географіи нужно поставить инструкцію, составленную Татищевымъ для собиранія географическаго и этнографическаго матеріала. Эта инструкція была разослана въ разныя области и на эти вопросы былъ полученъ цѣлый рядъ отвѣтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта инструкція указываетъ на широту плановъ Татищева въ дѣлѣ изученія русской природы. Положивъ, такимъ образомъ, начало русской географіи, Татищевъ затѣмъ обратился къ составленію русскаго географическаго словаря, который былъ доведенъ имъ до буквы „К". Этотъ словарь, несмотря на то, что позже его явился другой, не утратилъ своего значенія и до настоя-

щаго времени и свидѣтельствуетъ объ обширности географическихъ свѣдѣній его составителя. Точно также Татищевъ подготовилъ себя и къ изданію юридическихъ памятниковъ древней Руси, именно къ изданію Русской Правды и Судебника. Татищеву принадлежатъ реальныя комментаріи къ этимъ юридическимъ памятникамъ, и здѣсь мы находимъ много интересныхъ замѣтокъ и объясненій терминовъ, которые въ настоящее время непонятны. Такъ приготовилъ себя Татищевъ къ своей Россійской Исторіи.

Обращаемся къ характеристикѣ важнѣйшаго труда Татищева, именно - Россійской Исторіи. Этотъ трудъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей. Въ первой мы находимъ предварительныя понятія и опредѣленія исторіи. Татищевъ опредѣляетъ исторію такимъ образомъ: "исторія - слово греческое, то самое значитъ, что у насъ дѣи или дѣянія; и хотя нѣкоторые мнятъ, что слово дѣянія единственно дѣла, учиненныя людьми значитъ, а приключенія естественныя или чрезъ естественныя выключаются; но, внятно разсмотря, всякъ познаетъ, что нѣтъ никоего приключенія, чтобы не могло дѣяніемъ назваться". Далѣе онъ послѣдовательно излагаетъ дѣленіе исторіи на sacra , т.е. священную и т.д.; тутъ же авторъ опредѣляетъ

пользу исторіи; она является, по его воззрѣнію, практически полезною и для богослова, и для юриста, медика и т.д. Что же касается русской исторіи въ частности, то и она также полезна, какъ и другія. Въ высшей степени интересны требованія Татищева отъ историка. На первомъ планѣ стоитъ правдивость: "сверхъ всего, что о историописателяхъ разсуждать надлежитъ, то во-первыхъ - вѣрность сказанія за главное почесться можетъ, оное же на многія степени раздѣляется." Вслѣдъ затѣмъ, перечисливъ источники и лѣтописные списки, въ числѣ которыхъ есть и такіе, которые не дошли до насъ, авторъ говоритъ о мотивахъ, которые побудили его писать исторію. Брюсу, дѣятелю той же эпохи, было поручено написать географію Россіи. Брюсъ поручилъ это дѣло Татищеву, который, - принявшись за трудъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что прежде чѣмъ писать географію, нужно написать исторію Россіи. Такимъ образомъ его трудъ явился результатомъ тридцатилѣтнихъ занятій исторіей. Затѣмъ, въ первой части, состоявшей изъ 16 главъ, мы находимъ свѣдѣнія о древности письма славянъ, о идолослуженіи, о крещеніи, а въ одной изъ главъ встрѣчаемъ едва ли не самый важный отрывокъ, заключающій Іоакимовскую лѣтопись. Здѣсь сначала

разсказывается, какъ Татищевъ пріобрѣлъ эту лѣтопись. Первая часть ея наполнена разнаго рода баснословными сказаніями; вторая же имѣетъ признаки, на основаніи которыхъ можетъ быть признана достовѣрною. Вслѣдъ затѣмъ Татищевъ говоритъ о Несторѣ, его лѣтописи и его продолжателяхъ; далѣе идутъ сказанія о скивахъ и другихъ народахъ, жившихъ въ территоріи южной Руси. Свѣдѣнія о нихъ были выбраны Татищевымъ изъ Геродота, Птоломея и другихъ авторовъ. Таковъ первый томъ, представляющій собою введеніе въ настоящую исторію. Остальныя 4 части представляютъ ни что иное, какъ простой сводъ лѣтописныхъ списковъ, а не прагматическую исторію: здѣсь мы не находимъ критики, но за то онѣ снабжены разнаго рода примѣчаніями, особенно первыя три. Таково содержаніе этого наиболѣе замѣчательнаго труда Татищева.

Дѣлая общую оцѣнку значенія Татищева въ русской исторіографіи, я приведу выдержки изъ статей двухъ ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, именно Соловьева и Бестужева-Рюмина. "За слуга Татищева, говоритъ Соловьевъ, состоитъ въ томъ, что онъ первый началъ дѣло такъ, какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія, снабдилъ

ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для позднѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи, однимъ словомъ, указалъ путь и далъ средства своимъ соотечественникамъ заниматься русской исторіей."

Бестужевъ-Рюминъ, разобравъ первую часть труда Татищева, высказываетъ свое мнѣніе въ такихъ чертахъ: "Таково это введеніе, свидѣтельствующее о любознательности, начитанности и ширинѣ ученыхъ требованій автора: географія и этнографія, политика и правовѣдѣніе, филологія и археологія - все занимаетъ его, все кажется ему важнымъ на страницахъ исторіи. И этотъ человѣкъ стоитъ въ самомъ началѣ нашей исторической науки и работаетъ почти что одинъ на полѣ, совершенно не разработанномъ".

Грустно только думать, что такъ долго мы его не знали, или, что еще хуже, пренебрегали имъ. Что же касается до самаго свода, то подробно говорить о немъ здѣсь не мѣсто; достаточно только замѣтить что Татищевъ часто указываетъ свои источники и это, по большей части, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы не находимъ свѣдѣній въ сохра-

нившихся до насъ лѣтописяхъ, и тѣмъ облегчаетъ трудъ тому, кто принялся бы за полную провѣрку его извѣстій. Примѣчанія Татищева, заключающія въ себѣ, по обыкновенію, множество указаній, важныхъ для исторіи его времени и для характеристики его воззрѣній, идутъ только до нашествія татаръ.

Таковъ главнѣйшій представитель русской исторической школы первой половины XVIII в. Здѣсь нужно замѣтить, что судьба этого сочиненія была печальна; оно было напечатано послѣ его смерти и то безъ пятой части, которая была напечатана только въ первой половинѣ XIX вѣка Бодянскимъ въ „чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей "

Обращаемся теперь къ трудамъ двухъ лицъ, которыя занимались русской исторіей и которыя вели ожесточенную борьбу съ представителями нѣмецкой школы,—это были Тредьяковскій и Ломоносовъ.

Тредьяковскій извѣстенъ своею работой, "Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ", а именно : I| о первенствѣ языка славянъ передъ тевтонскимъ; 2| о первоначаліи россовъ, 3| О варягахъ-руссахъ. Въ этомъ трудѣ, изданномъ въ концѣ XVIII в., обнаружилась замѣча-

тельная начитанность въ разныхъ авторахъ. но все сочиненіе является произвольнымъ, не систематичнымъ; видно полное отсутствіе школы, и что самое главное, основаніемъ для выводовъ является созвучіе Я приведу нѣсколько образчиковъ филологіи Тредьяковскаго. Онъ доказываетъ, что скиѳы и кельты принадлежатъ къ одному племени - славянамъ "Цельтъ есть по славянски- желтъ, а цельты, слѣдовательно, желты, т.е. народъ свѣтлорусскій" "Агатирсъ есть окодыржъ, т.е. окодержъ отъ надсмотра или надзора."

"Липоксаісъ. Арпоксаісъ, и Каласаісъ. Первый естъ лѣпоша отъ лѣпоши. Второй -Ярпеша отъ яраго или скораго пѣшеходства. Третій - калаша отъ колесницы, кола или колеса, имѣющій Авхаты, т.е. обхваты для того, что. какъ а часто мѣняется на „о" такъ у грековъ „в" - за римское „б" "Отъ Арпоксаіса - Катіары и Траспіи, а значатъ они ходы яры и Дерехбіи, одни отъ стремительнаго шествія, а другіе старанія и разбиванія на битвахъ

"Массагеты, мѣсточеты, т.е. общества, преходящія по мѣстамъ Упаніаны, обчеяны, т.е. общники Аргипеи или Аржипеи, о-рчи-баи т.е. о рѣчи баятели или сказатели дѣльнаго и справедливаго Исседаны, ищедомы или изъ-за Таны, т.е.

изъ-за рѣки пришедшіе" Сарматъ не происходитъ ли отъ словенскаго Царметъ, т.е. отъ человѣка умѣющаго превосходно метать.

Испанія имя это повреждено съ славянскаго и есть Выспанія, какъ будто полуостровная

Германію германцы производятъ отъ земли населенной военными людьми Гверре и манъ; или она есть отъ холмовъ Хольманія Халманія и Алманія

Скандинавія есть Шкондынавія т е отъ вреда, вѣющаго въ ней съ близкаго сѣвера.

Волгъ отъ Валоги, какъ многовлажная.

Донъ отъ Тона, т е отъ глубины и ширины ибо и понынѣ тихія и водянистыя мѣста называются на низу затоны.

Бористенъ отъ Бористѣны, какъ рѣка, срывающая быстро и низвергающая берега или правѣе отъ пертія мути со дна. Бугъ - прежде Гипань. отъ купанія - купань

Косары обозначаетъ людей, косящихъ непріятелей своихъ Гусары - суть ни что иное какъ токмо поврежденное имя отъ косаровъ " Приведенныя отрывки достаточно характерны Очевидно что, желая сдѣлать славянъ древнѣе германцевъ, Тредьяковскій зашелъ уже слишкомъ далеко даже въ сравненіи съ другими историками-патріотами

§ 3. ЛОМОНОСОВЪ И ЩЕРБАТОВЪ.

Библіографія.

С.М. Соловьевъ. Писатели русской исторіи XVIII в. |Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній|. Калачевскій 1855 г. кн. II. Мякотинъ. Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи. "Русское Богатство" 1898 г.

Чечулинъ. Русскій соціальный романъ XVIII в.

Ломоносовъ собственно имѣлъ такой же исходный пунктъ, какъ и Тредьяковскій. Они оба были ярыми противниками представителей нѣмецкой школы Байера, Миллера и Шлецера; это были двѣ партіи въ Академіи Наукъ. Ломоносовъ стоялъ во главѣ оппозиціи противъ нѣмецкой школы и, чтобы показать, какъ нужно писать русскую исторію, онъ предложилъ Академіи свои услуги; писалъ онъ очень долго; но, хотя онъ и былъ человѣкъ геніальный, все-таки дѣло это было совершенно новое и весьма трудное. Оно затянулось до 60-хъ годовъ и напечатанъ былъ только первый томъ, гдѣ Россійская исторія была доведена до Ярослава Мудраго. Здѣсь нужно отмѣтить нѣкоторые его выводы. Между прочимъ, авторъ высказываетъ мысль о единствѣ славянскихъ народовъ, основанномъ на единствѣ славянской миѳологіи; затѣмъ говоритъ

о призваніи славянъ не изъ Скандинавіи, а изъ славянскаго поморья, - мысль, которая получила дальнѣйшее развитіе сравнительно въ недавнее время въ трудахъ Гедеонова, Забѣлина и другихъ современныхъ изслѣдователей. Общая тенденція его труда - патріотизмъ, т.е. желаніе дать преимущество славянамъ надъ нѣмцами. Кромѣ этого онъ приводитъ сравненія нашей исторіи съ исторіей Рима и Греціи. А что касается до изложе--нія, то оно отличается риторическимъ характеромъ. Впрочемъ, оно у него не доведено до такой крайней степени, какъ это мы видимъ въ трудахъ Эмина и Елагина.

Щербатовъ является однимъ изъ наиболѣе выдающихся людей своего времени; онъ хорошо зналъ и древніе и новые языки, имѣлъ библіотеку изъ пятидесяти тысячъ томовъ; занимался разнаго рода публицистическими вопросами, участвовалъ въ комиссіи по составленію Уложенія. Щербатовъ, если не былъ подготовленъ къ сочиненію русской исторіи, зато общая подготовка его была очень высока. Въ его распоряженіе Екатерина II предложила кабинетъ Петра Великаго, гдѣ были собраны бумаги этого государя и открыла доступъ во всѣ государственные архивы. Съ этого момента Щербатовъ началъ заниматься русской исторіей и пло-

домъ его неутомимой дѣятельности было 15 томовъ, доведенныхъ до начала XVII ст., т.е. до 1610 г. Это сочиненіе является выдающимся историческимъ трудомъ своего времени. Къ числу достоинствъ нужно отнести ссылку автора на источники; въ этомъ отношеніи Щербатовъ превосходитъ всѣхъ своихъ современниковъ; онъ отличался такою аккуратностью и точностью, какой мы не видимъ ни у кого изъ его предшественниковъ. Онъ разобрался удачно въ значительномъ количествѣ матеріала; былъ хорошо знакомъ съ исторіей всемірной и поэтому приводилъ уподобленія и сравненія событій русской исторіи съ событіями исторіи западноевропейской. Пытаясь объяснить смыслъ русской исторіи, онъ дѣлаетъ оригинальные выводы и вообще отличается своеобразностью въ самостоятельныхъ воззрѣніяхъ. Конечно, дѣло не обходится иногда безъ странностей и курьезовъ; онъ, напримѣръ, объясняетъ сватовство Константина Багрянороднаго къ Ольгѣ желаніемъ Византіи вступить въ союзъ съ Русью и, такимъ образомъ, совмѣстно дѣйствовать въ политическихъ стремленіяхъ. Тѣмъ не менѣе Щербатову удалось высказать взгляды, заслуживающіе вниманія; такъ, онъ указываетъ на важное значеніе дѣятельности Ивана III въ дѣлѣ московскаго единодержавія, въ дѣлѣ собиранія

Руси. Къ числу недостатковъ этого труда нужно отнести тяжелый слогъ, что отбиваетъ охоту у читателей. Этотъ же авторъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность и другимъ сочиненіемъ - "О поврежденіи нравовъ въ Россіи" - это работа, носившая характеръ сатиры на Петровское время и на русское общество; здѣсь слышится желаніе возвратиться обратно въ допетровскую старину; доказывается, что русская исторія со временъ Петра пошла по ложному пути.

§ 4. Б О Л Т И Н Ъ.

Болтинъ стоялъ цѣлою головою выше Щербатова, хотя подобно Щербатову, и не занимался спеціально русской исторіей. Болтинъ жилъ на югѣ, въ Васильковской таможнѣ. Былъ онъ не очень образованнымъ человѣкомъ, но чрезвычайно интересовался исторіей. Былъ начетникомъ, какъ въ русской, такъ и во всеобщей исторіи, и оставался простымъ любителемъ, пока случай не заставилъ его обратиться на путь самостоятельнаго изученія русской исторіи. Въ это время во Франціи появилась книга Леклерка о Россіи: "Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne." Въ этой книгѣ изложена исторія Россіи и высказанъ взглядъ на

ея современное положеніе; и все это изображено было въ отрицательномъ и невѣрномъ видѣ. Болтинъ не выдержалъ и рѣшился написать свои примѣчанія на исторію Леклерка. Трудъ этотъ вышелъ въ двухъ томахъ. Общій характеръ сочиненія Болтина таковъ: это не есть систематическое сочиненіе; авторъ дѣлалъ выписки изъ книги Леклерка, присоединяя къ нимъ свои критическія замѣчанія, и, такимъ образомъ, составилось цѣлыхъ два тома критическихъ примѣчаній на книгу Леклерка. Чтобы разобраться въ нихъ, Болтинъ помѣстилъ предметный указатель. Общій характеръ труда Болтина - патріотическій: онъ старался защищать русскія начала русской исторіи; онъ вооружался противъ мнѣнія Леклерка, что древняя Русь до призванія князей не имѣла цивилизаціи. Онъ старался опровергать невѣрныя мнѣнія относительно смутной эпохи, защищалъ русское имя, русскихъ людей противъ поляковъ; доказывалъ, что татары не имѣли громаднаго вліянія на русскихъ |какъ извѣстно, Соловьевъ воспринялъ эту мысль Болтина|, онъ опровергалъ нападки на единодержавіе: сравнивая русскую исторію съ исторіей Западной Европы, находилъ, что у насъ былъ одинъ тиранъ, Иванъ Грозный, а на Западѣ ихъ было много. Книга эта обнаружила изумительную начитанность и

критическій талантъ; авторъ ея представляетъ собою самородка критика, являясь какъ бы антиподомъ Шлецера. Кромѣ этого сочиненія Болтинъ написалъ еще критическія примѣчанія на два первые тома Россійской исторіи кн.Щербатова; это убійственная, ѣдкая критика, гдѣ Болтинъ указывалъ не только на неправильность выводовъ, но даже и на неумѣніе обращаться съ матеріаломъ. Сперва онъ написалъ небольшую брошюру, въ которой ядовито каралъ трудъ Щербатова; послѣдній отвѣтилъ Болтину письмомъ, гдѣ простодушно извиняетъ себя въ промахахъ массою источниковъ и неимовѣрною трудностью разобраться въ нихъ. Тогда Болтинъ написалъ цѣлую книгу и указалъ цѣлый рядъ горькихъ истинъ: Что, молъ, не слѣдуетъ и браться за дѣло человѣку, который не можетъ разобраться въ древнихъ извѣстіяхъ, который не имѣетъ критическаго таланта и которому неизвѣстны многіе матеріалы, необходимые для такого труда, какъ Россійская исторія. При этомъ Болтинъ указалъ на достоинства Нестора, доказалъ достовѣрность Якимовской лѣтописи. Впрочемъ, и у Болтина находимъ одну странную мысль, которая обнаруживаетъ въ немъ непониманіе значенія народной поэзіи. Болтинъ полагалъ, что народныя пѣсни не имѣютъ историческаго значенія, будучи произведе-

ніемъ одной черни или бродягъ. Между тѣмъ въ этомъ отношеніи кн.Щербатовъ, человѣкъ аристократическаго образа мыслей, высказалъ взглядъ совершенно правильный.

Таковы два важнѣйшіе представителя русской исторической школы въ царствованіе Екатерины II. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о запискахъ самой Екатерины II, доведенныхъ до Куликовской битвы; онѣ не имѣютъ историческаго значенія. Екатерина хотя и занималась русской исторіей, но не могла самостоятельно разрабатывать ее; она стояла на точкѣ зрѣнія Синопсиса и находилась подъ вліяніемъ Татищева и Болтина. Кромѣ этого Екатерина старалась развивать драматическое искусство при дворѣ, а для этого брала сюжеты изъ русской исторіи и сама писала драмы для представленій. Чтобы покончить съ русскимъ направленіемъ, нужно упомянуть еще о двухъ дѣятеляхъ - Эминѣ и Елагинѣ. Имъ нужна была русская исторія для историческихъ драмъ; одинъ изъ нихъ былъ драматургомъ и стремился театральное направленіе внести въ русскую исторію: дѣйствующія лица у него говорятъ превычурно. Оба эти писателя признаются, что они сочиняли рѣчи потому, что въ исторіи должны быть, по ихъ мнѣнію, высокопарныя фразы.

ШКОЛА НѢМЕЦКИХЪ АКАДЕМИКОВЪ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІОГРАФІИ.

Библіографія

Соловьевъ Г.Ф.Миллеръ |Современникъ 1854|

Кояловскій Объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Миллера. Уч.Зап.М.Ун.1839.

Пекарскій: Исторія Импер.Акад Наукъ |т.I стр 180-196 - посвящена Байеру|.

Автобіографія Шлецера помѣщена въ XIII т. сборника отд. русскаго яз. и словестности Имп. Акад.Наукъ.

Соловьевъ. Шлецеръ и антиисторическое направленіе |Русскій Вѣстникъ 1856 и 1857|.

Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. С.П.Б. 1906 г.

Указавъ представителей русской школы въ нашей исторіографіи, мы должны перейти къ характеристикѣ нѣмецкой школы - къ дѣятельности нѣмецкихъ членовъ русской Академіи Наукъ. Важнѣйшими представителями этой школы нужно признать Байера, Герарда, Фридриха Миллера и Шлецера. Къ дѣятельности этихъ трехъ лицъ мы и обратимся.

§ 5. БАЙЕРЪ.

Байеръ былъ собственно по научнымъ занятіямъ филологъ и оріенталистъ. За границей съ

самыхъ юныхъ лѣтъ онъ занимался древними языками; еще до поступленія въ университетъ, онъ прекрасно изучилъ латинскій языкъ; послѣ этого занялся восточными языками, и эти занятія сдѣлались любимыми. Вскорѣ затѣмъ Байеръ перешелъ въ русскую Академію Наукъ въ качествѣ члена и здѣсь занимался филологіей и оріенталистикой. Дѣлая общую оцѣнку дѣятельности Байера, мы можемъ привести здѣсь о немъ свидѣтельство одного изъ современниковъ: "Байеръ, говорится во всеобщей энциклопедіи Эр Грубера, былъ такой изслѣдователь по части языкознанія, такой ученый розыскатель по части исторіи, что только немногіе могутъ быть сравнены съ нимъ. Владѣя богатымъ запасомъ ученаго языкознанія и будучи надѣленъ геніальною сообразительностью, онъ пользовался этимъ для разъясненія темныхъ мѣстъ древней и средней исторіи. Всѣ его сочиненія, отличающіяся вкусомъ и классическою латынью, полны новыхъ открытій и возникли изъ рѣдкой даровитости соединять во взаимно-связное цѣлое незначительныя историческія данныя и намеки." Какъ видно изъ этого, Байеръ былъ настоящимъ ученымъ въ западно-европейскомъ смыслѣ слова; но онъ былъ далекъ отъ занятій русской исторіей; достаточно знать, что съ русскимъ языкомъ Байеръ не былъ знакомъ, и

при такихъ условіяхъ онъ долженъ былъ обратить все свое вниманіе на древній сѣверъ и на древнихъ скиѳовъ, т.е. на тотъ періодъ, когда Русь не появлялась на исторической сценѣ, при чемъ нѣмецкій ученый долженъ былъ основывать свои изслѣдованія не на русскихъ памятникахъ, а на иностранныхъ Вотъ такимъ именно характеромъ и отличаются всѣ его статьи "De origine et priscis sedibus Scytharum"; „De varagis"; „Origines Russicae"; Geographia Russiae Vicinarumque regionum... et Constantini Porfirogeneta, geographia Russiae et scriptoribus." Всѣ эти сочиненія, относящіяся къ глубокому древне-славянскому сѣверу, основаны на сказаніяхъ иностранцевъ; нѣкоторыя изъ этихъ работъ были переведены на русскій языкъ; мнѣнія же и воззрѣнія Байера вызвали въ свое время полемику русскихъ членовъ Академіи Наукъ - Тредьяковскаго и Ломоносова Таковъ былъ первый ученый по русской исторіи, занимавшійся скандинавскимъ сѣверомъ.

§ 6. ГЕРАРДЪ ФРИДРИХЪ МИЛЛЕРЪ.

Продолжателемъ Байера явился знаменитый его замѣститель - Миллеръ; его біографія представляетъ уже значительный интересъ; онъ былъ обрусѣлымъ нѣмцемъ и его иначе и не называли, какъ

Ѳедоромъ Ивановичемъ. За границей онъ не получилъ такой серьезной подготовки, какъ Байеръ и Шлецеръ; въ этомъ отношеніи Шлецеръ могъ смотрѣть свысока на Миллера, который сперва поступилъ въ Академію Наукъ въ качествѣ адъюнкта, а затѣмъ былъ назначенъ для чтенія лекцій въ гимназіи, находившейся при той же Академіи Наукъ. Вначалѣ онъ находился въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ съ президентомъ Академіи Наукъ Шумахеромъ; этотъ послѣдній пользовался значительнымъ вліяніемъ въ то время, и потому содѣйствіе его для Миллера было очень важно. Но вскорѣ возникла между ними вражда, которая продолжалась многіе годы; она началась послѣ путешествія Миллера на западъ. Вотъ эта то вражда съ Шумахеромъ и невозможность обычнымъ путемъ выдвинуться въ Академіи Наукъ послужили поводомъ для занятій русской исторіей. Самъ Миллеръ объ этомъ свидѣтельствуетъ такъ: "Съ молодыхъ лѣтъ до возвращенія моего изъ путешествія, сдѣланнаго по Англіи, Голландіи и Германіи, я болѣе прилежалъ къ полигисторіи Моргофа, къ исторіи учености, къ свѣдѣніямъ, треуѳемымъ отъ библіотекаря. Обширная библіотека моего отца воспитывала во мнѣ эту склонность. Я поддерживалъ ее въ университетахъ и путешествіяхъ. Быть можетъ, въ Петербургѣ я сдѣлалъ

бы съ нею мое счастье, когда бы дѣла не приняли иной оборотъ послѣ недовѣрія, которое показалъ г.Шумахеръ вскрытіемъ и расхищеніемъ моего шкафа... Я счелъ нужнымъ проложить другой ученый путь - это была русская исторія, которую я вознамѣрился не только самъ прилежно изучать, но и сдѣлать извѣстною другимъ въ сочиненіяхъ по лучшимъ источникамъ. Смѣлое предпріятіе! Я еще ничего не сдѣлалъ въ этой области и былъ еще не совсѣмъ опытенъ въ русскомъ языкѣ, однако полагался на мои литературныя познанія и на мое знакомство съ тѣми изъ находившихся въ академической библіотекѣ книгами и рукописями, которыя я учился переводить при помощи переводчика. Господинъ Байеръ, объяснявшій древнюю русскую исторію и географію изъ греческихъ и сѣверныхъ писателей, подкрѣплялъ меня въ этомъ предпріятіи Его намѣреніе было, чтобы я помогалъ ему въ составленіи статей и въ предварительной обработкѣ, когда бы мнѣ удалось изучить русскій языкъ, въ чемъ онъ не сомнѣвался, потому что я былъ молодъ и дѣятеленъ Теперь вотъ что изъ этого послѣдовало: я началъ предложеніемъ объ улучшеніи русской исторіи посредствомъ печатанія выпусками сборника различныхъ извѣстій, относящихся до обстоятельствъ и событій въ Россій-

скомъ государствѣ". На первыхъ же порахъ съ Миллеромъ приключился непріятный казусъ; онъ приписалъ Несторову лѣтопись игумену Ѳеодосію только потому, что тамъ стояло "Ѳеодосіева монастыря". Пробывши нѣкоторое время въ Академіи, въ 30 годахъ Миллеръ совершилъ знаменитую экспедицію въ Сибирь; эта экспедиція была совершена по мысли капитана Беринга. Онъ отправился для изученія Сибири; къ нему присоединились Гмелинъ и Миллеръ вмѣстѣ съ нѣсколькими студентами, въ томъ числѣ и Крашенинниковъ; кромѣ того, было достаточно писцовъ и помощниковъ. Миллеръ занимался здѣсь историческими и этнографическими изслѣдованіями и наблюденіями. Особенной признательности заслуживаютъ его работы въ тамошнихъ архивахъ. Онъ первый изучилъ сибирскіе архивы, познакомился съ ихъ содержаніемъ и сдѣлалъ изъ нихъ цѣлую массу всевозможныхъ выписокъ; выписки эти представляютъ собою 20 фоліантовъ, которыми пользовались многіе послѣдующіе историки. Въ городѣ Тобольскѣ онъ нашелъ знаменитую сибирскую лѣтопись; объ этомъ онъ свидѣтельствуетъ такимъ образомъ: "Я былъ такъ счастливъ, что досталъ въ Тобольскѣ старинную сибирскую лѣтопись съ изображеніями, которая разъясняетъ всѣ недоумѣнія и противъ которой невозможно возразить.

По возвращеніи моемъ я приподнесъ эту рукопись академической библіотекѣ, какъ особенную драгоцѣнность. Съ нея не существуетъ ни одного списка кромѣ того, который я велѣлъ сдѣлать для собственнаго употребленія. На ней основывается исторія завоеванія, какъ она разсказана мной въ первой части моей Сибирской исторіи" Кромѣ этого онъ нашелъ цѣлую массу архивныхъ матеріаловъ въ другихъ городахъ Сибири. Изъ Туринска Миллеръ пишетъ въ Академію такимъ образомъ "Время, проведенное мною, согласно высочайшему Императорскому повелѣнію, въ Сибири, дозволяло мнѣ въ особенности прилежать къ приведенію въ полную ясность сибирской исторіи собраніемъ всѣхъ до нея принадлежащихъ актовъ, и я имѣлъ счастье извлечь изъ архивовъ подобныя извѣстія о всѣхъ главныхъ происшествіяхъ, случившихся съ 7101 г. |1593| по греческому времяисчисленію. Но о годахъ предшествовавшихъ, а также о первыхъ отправленіяхъ, которыя были учреждены и приказаны изъ Россіи послѣ начатаго Ермакомъ Тимофеевымъ въ 7085 г. |1577| покоренія Сибири, - въ Сибирскихъ архивахъ никакихъ старинныхъ извѣстій не попадалось, хотя города Тюмень и Тобольскъ, какъ свѣдѣтельствуютъ обыкновенныя сибирскія лѣтописи, построены въ 7094 и 7095 г.г. |1586 и 1587| Изъ

тѣхъ же лѣтописей явствуетъ, что еще прежде въ 7091 и 7093 г.г. въ Сибири были воеводы изъ Москвы. Такъ какъ архивы въ Тюмени начинаются съ 7102 года, въ Тобольскѣ съ 7133 г., въ Пелымѣ, Берцовѣ и Тарѣ съ годами ихъ постройки съ 7101 и 7102 г., то обо всемъ этомъ нельзя узнать ничего обстоятельнѣе, кромѣ того, что содержится вкратцѣ въ сказанныхъ лѣтописяхъ."

Въ этой сибирской экспедиціи Миллеръ пробылъ цѣлые 10 лѣтъ; за все это время, кромѣ того, что онъ собралъ много историческаго матеріала, сдѣлалъ также массу историко-этнографическихъ наблюденій. Замѣчательна судьба сибирскихъ документовъ, собранныхъ Миллеромъ. Всѣ они хранятся въ Москвѣ при архивѣ иностранныхъ дѣлъ и въ теченіе всего времени они служили для разнаго рода ученыхъ изданій. Ими пользовались многіе преемники Миллера, Археографическая Комиссія и другія историческія общества, но и въ настоящее время портфели Миллера еще не исчерпаны. Возвратившись изъ сибирской экспедиціи, Миллеръ, съ одной стороны, занялся обработкой того матеріала, который былъ собранъ, а съ другой стороны, внесъ предложеніе объ учрежденіи Историческаго Департамента для сочиненія исторіи и географіи Россійской Имперіи. Конечно, насъ не должно

изумлять это названіе, такъ какъ въ то время на всякое научное общество смотрѣли, какъ на департаментъ, центромъ котораго должна быть Москва. Во главѣ этого департамента долженъ былъ стоять Миллеръ и два помощника - одинъ нѣмецъ, другой - русскій Кромѣ этого должны быть еще и писцы. Но этотъ проектъ не осуществился; Миллеръ между тѣмъ принужденъ былъ принять русское подданство, и только тогда его положеніе въ академіи было упрочено: онъ сдѣлался и профессоромъ, и исторіографомъ, и, наконецъ, принялъ должность конференцъ-секретаря Академіи Наукъ. Въ это время и его матеріальное положеніе значительно улучшилось; онъ сталъ получать 1570 рублей Въ числѣ послѣднихъ заботъ Миллера мы должны указать на его старанія о сохраненіи рукописей Татищева. Онъ два раза предупреждалъ Правительство о принятіи мѣръ для сбереженія этихъ рукописей, говоря, что въ противномъ случаѣ онѣ или сгорятъ, или такъ пропадутъ, какъ извѣстно библіотека Татищева вся сгорѣла Въ это же время Миллеръ долженъ былъ вступить въ пререканіе съ другими членами Академіи - Ломоносовымъ, Крашенинниковымъ и Тепловымъ. Обстоятельство это дѣйствовало на него самымъ удручающимъ образомъ. Тепловъ, какъ видно, всячески преслѣдовалъ Миллера Ломоно-

совъ также пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы унизить его. Крашенинниковъ же, еще будучи студентомъ, участвовалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Сибирской экспедиціи, но когда Миллеръ не захотѣлъ отправиться для описанія Камчатки, то съ того времени произошло между ними несогласіе. Особенную распрю произвела рѣчь "О происхожденіи народа и имени Россійскаго"; по словамъ Ломоносова, Миллеръ долженъ былъ прочитать эту рѣчь, потому что "у него довольно хорошее русское произношеніе, громкій голосъ и присутствіе духа, очень близкое къ нахальству". Эта рѣчь и произвела въ Академіи превеканіе; академики нашли, что въ этой рѣчи много непатріотическаго. Оригинальны, но вмѣстѣ съ тѣмъ односторонни, возраженія Теплова, утверждающаго, что „Миллеръ во всей рѣчи ни одного случая не показалъ къ славѣ Россійскаго народа, но только упомянулъ о томъ больше, что къ безславію служить можетъ, а именно: какъ ихъ многократно разбивали въ сраженіяхъ, гдѣ грабежемъ, огнемъ и мечемъ опустошили и у царей сокровища грабили. А напослѣдокъ удивленія достойно, съ какою неосторожностью употребилъ экспрессію, что Скандинавы побѣдоноснымъ своимъ оруженіемъ благополучно себѣ всю Россію покорили". Оскорбленный и обижен-

ный этими нападками, Миллеръ попросилъ назначить особую комиссію для разсмотрѣнія его рѣчи, но, не взирая на это, она не была произнесена. Послѣ этого Миллеръ переходитъ въ Москву на службу при воспитательномъ домѣ, а вскорѣ затѣмъ получаетъ мѣсто въ качествѣ директора при московскомъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь положеніе его было совершенно самостоятельное, и онъ сдѣлалъ немало хорошаго для этого архива. Его библіотека была у него куплена Екатериной II, но съ условіемъ, чтобы онъ ею пользовался до самой смерти. Важнѣйшіе труды Миллера слѣдующіе: "Сибирская исторія". напечатанъ одинъ первый томъ, а продолженія ея появлялись только въ отрывкахъ въ его " Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ." Эта работа является первою исторіей Сибири, отличавшеюся богатымъ фактическимъ содержаніемъ; здѣсь мы находимъ исторію завоеванія Сибири и послѣдующую судьбу ея на основаніи разныхъ актовъ и грамотъ. Въ рукописяхъ Миллера были грамоты, жалованныя графамъ Строгановымъ отъ московскихъ царей Въ ряду трудовъ Миллера слѣдуетъ отмѣтить "Ежемѣсячныя сочиненія" и отдѣльныя статьи его о Несторѣ, о торговлѣ Сибири, о запорожскихъ казакахъ. Имъ же начата была Исторія Академіи Наукъ; она не была напечатана, но этою книгою

пользовался и Пекарскій для составленія исторіи имп. Академіи Наукъ. Кромѣ этихъ сочиненій Миллеръ извѣстенъ еще какъ издатель. Онъ издалъ "Описаніе Камчатки" Крашенинникова, исторію восточныхъ татаръ, Судебникъ Ивана IV, Ядро россійской исторіи и нѣкоторыя другія. Затѣмъ остается еще много сочиненій Миллера въ рукописяхъ. Дѣлая общую оцѣнку заслугъ этого нѣмецкаго ученаго въ русской исторіографіи, мы должны сказать, что дѣятельность его стоитъ гораздо выше дѣятельности Байера. Въ то время, какъ первый совершенно незнакомъ былъ съ русскимъ языкомъ, Миллеръ занимался русскимъ и славянскимъ языками и былъ хорошо начитанъ въ памятникахъ русской исторіи. Такимъ образомъ, первое основаніе русской исторіи было положено этимъ иностранцемъ, принесшимъ пользу своими изслѣдованіями и еще болѣе-собраніемъ документовъ. Трудомъ Миллера о Сибири воспользовался Фигнеръ; но этотъ послѣдній представилъ простую компиляцію. Если мы сравнимъ труды обоихъ ученыхъ, то первый изъ нихъ является критикомъ и ученымъ изслѣдователемъ, второй же жалкимъ компиляторомъ.

§ 7. ШЛЕЦЕРЪ.

Шлецеръ былъ родомъ изъ Германіи. Еще въ юныхъ лѣтахъ онъ имѣлъ большую склонность къ

древнимъ языкамъ - изучалъ классическіе языки и нѣкоторые восточные. Уже 9, IO лѣтъ онъ изумлялъ своимъ знаніемъ латинскаго языка и необыкновенною чистотою произношенія. Воспитывался онъ въ Виттенбергскомъ Университетѣ, а затѣмъ въ Геттингенскомъ, который въ то время славился своей ученостью. Здѣсь, въ Геттингенскомъ Университетѣ, онъ слушалъ Михаэлиса, спеціалиста по еврейскимъ древностямъ и отъ этого послѣдняго получилъ страсть къ изученію Востока, еврейскаго, арабскаго и др. языковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе Михаэлиса опредѣлило всю дальнѣйшую жизнь и дѣятельность Шлецера. Съ этимъ Михаэлисомъ онъ находился потомъ въ перепискѣ и благодаря ему же получилъ впослѣдствіи приглашеніе отъ Миллера въ Россію. Подъ вліяніемъ Михаэлиса у него составился планъ о путешествіи на Востокъ; но онъ былъ бѣденъ и не имѣлъ никакихъ средствъ, а потому привести въ исполненіе свой планъ ему не удалось. Тогда онъ рѣшился поступить учителемъ въ Стокгольмъ, такъ какъ это приближало его къ осуществленію завѣтной цѣли. Будучи въ Стокгольмѣ, онъ занимался изученіемъ языковъ готскаго, исландскаго, Лапландскаго и польскаго; онъ изучилъ ихъ въ короткое время и достаточно твердо; вообще онъ былъ необыкновенно способенъ къ изу-

ченію новыхъ языковъ и изучалъ ихъ раціональнымъ образомъ, какъ увидимъ далѣе изъ его собственныхъ разсказовъ. Будучи еще въ Швеціи, онъ написалъ два сочиненія - первое подъ заглавіемъ " Исторія учености въ Швеціи ;" второе "Опытъ всеобщей исторіи мореплаванія и торговли съ древнихъ временъ." Впрочемъ, этой послѣдней книги вышелъ только первый выпускъ, который обнималъ собою торговлю финновъ;оба эти сочиненія были написаны на шведскомъ языкѣ. Послѣ этого онъ возвратился въ Германію, въ Гетингенскій университетъ, и продолжалъ заниматься науками; въ это именно время онъ получилъ то широкое энциклопедическое образованіе, которое впослѣдствіи принесло ему громадную пользу. Въ первое время онъ интересовался и работалъ надъ естественными, медицинскими, юридическими науками и, въ частности, статистикой; съ какою-то ненасытною алчностью онъ предавался этимъ занятіямъ. Но все-таки и въ это время мысль о путешествіи на востокъ не покидала его. Въ это то время онъ отправился въ Россію и поступилъ въ качествѣ учителя къ Миллеру. Приглашеніе это онъ получилъ при посредствѣ Бюшинга и Михаэлиса. Бюшингъ долженъ былъ отправиться въ Россію въ качествѣ пастора, и здѣсь Миллеръ просилъ его отыскать человѣка образованнаго, знающаго исторію

и географію; и вотъ по рекомендаціи Михаэлиса Бюшингъ и посовѣтывалъ Миллеру пригласить въ качествѣ домашняго учителя - Шлецера Собственно говоря эта должность не могла привлечь Шлецера, такъ какъ она оплачивалась всего 200 рублями, т. е. такой суммой, которая была значительно меньше содержанія, получаемаго ремесленниками - иностранцами Но Шлецеръ принялъ это прдложеніе, имѣя въ виду осуществить свой проектъ путешествія на востокъ Сохранилась переписка между Миллеромъ и Шлецеромъ, гдѣ послѣдній настаивалъ на намѣреніи осуществить свое путешествіе на востокъ, а до того времени соглашался заниматься и русскими лѣтописями и русской исторіей и наконецъ, помогать Миллеру въ его истор.ич. занятіяхъ. Прежде чѣмъ Шлецеръ прибылъ въ Петербургъ, онъ испыталъ трудный морской путь; это было какое-то злосчастное путешествіе Такъ какъ не было попутнаго вѣтра, то ему приходилось 6 или 7 разъ возвращаться назадъ Наконецъ, онъ прибылъ въ Петербургъ и явился къ Миллеру Довольны любопытны свѣдѣнія, сообщенныя имъ о первыхъ впечатлѣніяхъ у Миллера: "Первое вступленіе мое въ домъ Миллера, говоритъ Шлецеръ, незадолго до обѣда было мнѣ пріятно Это былъ большой, обширный кирпичный домъ на берегу Невы, въ 13-й линіи Васильев-

ского острова. Здѣсь все давало знать, если не о роскоши, то о счастливомъ благосостояніи. Миллеръ держалъ хорошій нѣмецкій столъ, имѣлъ даже экипажъ. Какъ профессоръ исторіографъ и секретарь своей Академіи, онъ получалъ 1700 руб. въ годъ и, однако, не имѣлъ долговъ, что тогда, до появленія бумажныхъ денегъ, было рѣдкостью въ этомъ классѣ людей въ Петербургѣ." Явившись въ домъ Миллера, онъ засталъ тамъ цѣлую нѣмецкую колонію; у него жило много нѣмцевъ иностранцевъ; они имѣли свободный доступъ къ нему, и вотъ какъ описываетъ Шлецеръ свое положеніе въ домѣ Миллера: "Въ нашемъ домѣ говорили постоянно на 4-хъ языкахъ: на нѣмецкомъ, русскомъ, финскомъ и шведскомъ. Крѣпостной 14-лѣтній мальчикъ говорилъ свободно и правильно на первыхъ 3-хъ, не смѣшивая ихъ. Къ этому присоединялся часто пятый французскій, т.к. изъ толпы иностранцевъ, прибывшихъ въ Петербургъ изъ всѣхъ частей Европы, не было ни одного, кто бы не посѣтилъ знаменитаго Миллера. Не упоминаю о многихъ иностранныхъ посланникахъ, которые пользовались назидательнымъ знакомствомъ съ этимъ человѣкомъ. Со всѣми ими разговорнымъ языкомъ былъ обыкновенно французскій". Отношенія къ Миллеру на первыхъ порахъ установились очень дружественныя: "Миллеръ - и

это очень естественно - на цѣлыя тридцать лѣтъ отсталъ отъ нѣмецкой литературы Вѣроятно, онъ до I725 года пріобрѣлъ хорошія основанія, особенно въ классической литературѣ, у своего отца, ректора въ Герфардѣ Пребываніе его въ Петербургѣ съ I725 года, а еще болѣе десятилѣтніе разъѣзды по Сибири |съ I733-I743| на протяженіи 4480 нѣмецкихъ миль - стерли все до-чиста. Въ немъ сохранилось только глубокое уваженіе ко всему, что называлось литературой Можетъ быть, онъ долгое время не находилъ человѣка, съ которымъ могъ бы поговорить объ этомъ и который былъ бы въ состояніи пополнить пробѣлы; я же вышелъ изъ одного изъ главныхъ источниковъ, Гетингена - вотъ первая причина его чрезмѣрнаго - сказать-ли мнѣ: расположенія - или даже уваженія ко мнѣ Къ этому присоединялась вторая причина: погруженный въ древнюю русскую исторію, тѣсно связанную съ сѣверо-скандинавскою, онъ давалъ послѣдней большое значеніе, но не зналъ по шведски и былъ мало знакомъ съ шведскою литературой, которая именно въ то время, особенно въ области исторіи, благодаря трудамъ Ире, Стіернмана, Бринга, была поднята на блистательную высоту И тутъ онъ былъ мнѣ радъ, и тутъ, къ величайшему его восхищенію, я могъ сообщить ему самыя живыя новости И еще третья

причина въ послѣдніе три мѣсяца въ Гетингенѣ съ усиленнымъ прилежаніемъ готовился я къ путешествію въ Россію и узналъ почти все главное, что объ этомъ государствѣ можно было тогда узнать внѣ его предѣловъ. И такъ я зналъ то, чего я не зналъ, и умѣлъ спрашивать, чѣмъ давалъ Миллеру поводъ изливать во всѣхъ нашихъ разговорахъ свое неисчерпаемое богатство свѣдѣній о Россіи, онъ этому радовался, а я удивлялся".

Первымъ дѣломъ Шлецера по прибытіи къ Миллеру было изученіе русскаго языка; интересны тѣ пособія, которыми пользовался Шлецеръ; съ одной стороны, пособіями были книги, съ другой - живыя лица. Шлецеръ сообщаетъ объ этомъ любопытныя свѣдѣнія; онъ читалъ описаніе Камчатки Крашенинникова; при этомъ чтеніи живымъ лицомъ былъ Миллеръ и его жена. Когда оказывалось, что онъ не зналъ какой-нибудь рыбы, то жена Миллера шла на базаръ и покупала тамъ для образнаго разъясненія Шлецеру эту рыбу. Кромѣ того Шлецеръ воспользовался словаремъ Кондратовича и ему чрезвычайно помогла принятая имъ система изученія. Онъ былъ филологъ и изучалъ языки научнымъ образомъ по корнямъ. Онъ знакомился съ главнѣйшими корнями, а затѣмъ путемъ суффиксовъ и приставокъ образовывалъ массу другихъ словъ. Такимъ образомъ, онъ

изучилъ и чешскій, и славянскій, и друг. языки. Вслѣдъ затѣмъ, два мѣсяца спустя, онъ перевелъ первый указъ на нѣмецкій языкъ и этимъ привелъ въ изумленіе членовъ академіи. Сдѣлавши такой большой успѣхъ въ изученіи русскаго языка, Шлецеръ думалъ сдѣлаться полезнымъ въ ученыхъ работахъ Миллера, который въ это время издавалъ Samtlung Russische geschichte. Здѣсь Шлецеръ хотѣлъ оказать содѣйствіе Миллеру; онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на собранныя рукописи: "Главнымъ предметомъ нашихъ первыхъ разговоровъ была географія и статистика Россіи. Свѣдѣнія этого человѣка и огромное собраніе до сихъ поръ нетронутыхъ рукописей, касающихся всевозможныхъ отдѣловъ этихъ наукъ, приводили меня въ истинное удивленіе. Часто, когда за чаемъ или за столомъ шелъ разговоръ о Бухаріи, о ловлѣ бѣлуги, объ Амурѣ, о горномъ промыслѣ - онъ велъ меня на верхъ въ свой кабинетъ, вытаскивалъ одно за другимъ тетрадь, свитокъ, квартантъ все еще въ видѣ рукописей, отчасти русскихъ отчасти нѣмецкихъ-и давалъ ихъ мнѣ перелистывать. «Тутъ работа для васъ, для меня и для десятерыхъ другихъ на всю жизнь», сказалъ онъ мнѣ однажды, указывая на цѣлую стѣну, заваленную такими сокровищами. Я горѣлъ желаніемъ приняться за дѣло:

каждый мѣсяцъ я могъ бы приготовить къ печати полъ - алфавита важныхъ свѣдѣній, которыя всѣ были бы новы, потому что тогда еще удивительно мало было извѣстно о географіи и статистикѣ Россіи". "Итакъ, я, бѣдный Тантал, могъ только перелистывать и изумляться. Когда я въ восхищеніи дѣлалъ видъ, что желаю унести рукопись къ себѣ въ комнату, онъ нѣжно вынималъ ее изъ моихъ рукъ, лѣзъ на свою лѣсенку и пряталъ ее въ папку. Если я просилъ настоятельно, то обыкновенно говорилось: «Не горячитесь, еще будетъ время, не надо слишкомъ торопиться». "Я же торопился". „А однажды, заставъ меня, когда я читалъ одну рукопись, полную глубокихъ свѣдѣній и важныхъ матеріаловъ, и по привычкѣ выписывалъ кое-что на осьмушку бумаги, онъ воскликнулъ: «Боже мой! вѣдь вы все переписываете!»" |Только впослѣдствіи это восклицаніе мнѣ стало ясно|. Дѣйствительно, это переписываніе причиняло ему большое безпокойство. Но, однажды Миллеръ принесъ Шлецеру первый корректурный листъ лѣтописи, которая издавалась Таубертомъ при Академіи Наукъ; это былъ Радзивилловскій списокъ древней лѣтописи. Шлецеръ открылъ въ ней значительныя ошибки, которыя произошли отъ небрежности переписчика и указалъ это Миллеру: "Но какъ я удивился, когда уже на первыхъ страницахъ этихъ

листовъ наткнулся на совершенныя безсмыслицы. Лѣтопись, какъ многія лѣтописи въ Европѣ, начиналась съ потопа и перечисленія странъ древняго міра по тому, какъ Ной раздѣлилъ ихъ между своими сыновьями. Я тотчасъ же почуялъ, что все это мѣсто переписано изъ византійцевъ; но прежде, чѣмъ я успѣлъ найти это мѣсто у нихъ, меня поразили нѣкоторыя грубѣйшія искаженія названій странъ, напр: Ватръ вмѣсто Бактрія, Фивадлій вмѣсто Ѳивы, Ливія. Я поспѣшилъ со своими открытіями къ Миллеру. О, какъ онъ торжествовалъ! Тутъ онъ въ первый разъ высказался предо мною, что онъ былъ не въ ладахъ съ своимъ товарищемъ |и начальникомъ| Таубертомъ. Онъ говорилъ, что "положительно требовалъ сличенія нѣсколькихъ списковъ, чтобы избѣжать грубѣйшихъ ошибокъ невѣжественныхъ переписчиковъ; притомъ настоятельно убѣждалъ не подновлять ореорграфіи и т. д., но его не послушали". Такимъ образомъ, Миллеръ, находясь во враждѣ съ Таубертомъ, написалъ свои примѣчанія къ его изданію. Но Шлецеръ до сихъ поръ былъ домашнимъ учителемъ у Миллера; этою должностью онъ тяготился; онъ хотѣлъ чего-то большаго и прежде всего мѣста адъюнкта при академіи. Между тѣмъ Миллеръ хотѣлъ его сдѣлать адъюнктомъ при себѣ; но Шлецеръ, зная враждебныя отношенія

Тауберта и Миллера, воспользовался этимъ и Тауберть рѣшился оказать содѣйствіе Шлецеру, который получилъ мѣсто адъюнкта при академіи въ 360 руб. въ годъ. Онъ долженъ былъ работать надъ лѣтописями, а вмѣстѣ съ тѣмъ переводить разные указы. Кромѣ этого онъ занималъ мѣсто преподавателя при институтѣ Разумовскаго; дѣло въ томъ, что президентъ Академіи Наукъ Разумовскій устроилъ институтъ для своихъ дѣтей и для дѣтей другихъ лицъ. Институтъ находился подъ дирекціей невѣжественнаго француза, а Шлецеръ занималъ мѣсто преподавателя сначала нѣмецкаго языка, затѣмъ латинскаго, а одно время преподавалъ статистику. Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя Шлецеромъ о томъ, какъ ему пришла мысль о статистикѣ.- "Однажды я осмѣлился сказать Тауберту, что въ учебномъ планѣ нашихъ молодыхъ людей забыта географія или даже еще болѣе важная наука, вполнѣ соотвѣтствующая назначенію нашихъ воспитанниковъ, а именно отчизновѣдѣніе. Подъ послѣднимъ я разумѣлъ статистику, но не осмѣлился выговорить этого совершенно незнакомаго слова, котораго не произносилъ еще языкъ ни одного русскаго. Этотъ человѣкъ, несмотря на свои годы, еще сохранявшій воспріимчивость къ новымъ идеямъ, если только онѣ были очевидно справедливы и полезны, немедленно принялъ ме

предложеніе и просилъ, чтобы я самъ испыталъ его на дѣлѣ. Мои первые уроки были: "Какъ велика Россія въ сравненіи съ Германіей и Голландіей?" "Что такое Юстицъ-Коллегія"? "Что покупаетъ и продаетъ русскій?" "Откуда получаетъ онъ золото и серебро?" Никогда я не забуду, съ какимъ наслажденіемъ Таубертъ слушалъ однажды такой урокъ. За столомъ онъ продолжалъ разговоръ о тѣхъ же предметахъ, экзаменовалъ учениковъ и наставлялъ меня. Кончилось тѣмъ, что кромѣ 6 уроковъ латинскаго языка я долженъ былъ еженедѣльно давать 5 уроковъ статистики и получать за нихъ 100 руб. въ годъ" Дѣло въ томъ, что прежде для своихъ занятій статистикой Шлецеръ получалъ свѣдѣнія изъ-заграницы, а теперь Таубертъ самъ доставлялъ ему эти свѣдѣнія, и Шлецеръ переводилъ ихъ и отправлялъ заграницу. Его занятіе статистикой привело къ полезному дѣлу. Шлецеръ сообщилъ мысль объ устройствѣ статистическаго бюро. Эта мысль понравилась Тауберту, и стали собирать статистическія данныя. Черезъ нѣкоторое время Шлецеръ неудовлетворился своимъ положеніемъ |ему подходилъ 30-ый годъ| и вотъ онъ рѣшился занять мѣсто профессора при Академіи Наукъ, а для этого онъ предложилъ планъ обработки и занятій русской исторіей. Этотъ планъ изображаетъ намъ Шлецера, какъ исто-

рика и критика. Шлецеръ предложилъ слѣдующую обработку русской исторіи: "я думаю,- русская исторія должна идти 3-мя путями, поэтому обработку русской исторіи я дѣлю на три различные класса работъ, изъ коихъ первые два составляютъ только приготовленіе и средство къ третьему, заключающему въ себѣ конечную цѣль:

I: Studium monumentorum domesticorum,

II. Studium monumentorum extraricorum,

III Usus utrorumque ad corpus historiae Russiae conficiendum.

I. Studium monumentorum domesticorum.

Подъ этимъ monumentis domesticis я разумѣю преимущественно хроники, множествомъ, подробностью и хронологическою точностью которыхъ русская исторія можетъ гордиться. Эти хроники требуютъ также троякой работы: I| -критической - нужно имѣть хроники; 2| грамматической - нужно ихъ понимать; 3| исторической - ихъ нужно сравнить.

I. Studium annalium criticum — критическая работа.

A. Нужно имѣть хроники. Я полагаю, что большая часть изъ нихъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшія, находятся въ Императорской библіотекѣ; съ тѣхъ же, которыя разбросаны по монастырямъ, возможно бу-

детъ въ нѣсколько лѣтъ снять копіи, если только къ тому будутъ приняты мѣры. А тѣ, которыя находятся въ частныхъ рукахъ, пусть потомство приведетъ въ извѣстность. Въ сущности всѣ эти хроники по многимъ основательнымъ причинамъ слѣдовало бы напечатать. Въ большей части государствъ существуютъ большія ихъ собранія; но такъ какъ этого нельзя ожидать въ скоромъ времени, то пока нужно удовлетворяться однѣми рукописями. Только слѣдовало бы всѣ эти рукописи точно описать, пронумеровать, или означить инымъ какимъ-нибудь опредѣленнымъ способомъ, чтобы впредь при цитатахъ можно было ссылаться на нихъ безъ опасенія перемѣшать одну съ другою. Этотъ трудъ мало-помалу собралъ бы матеріалы для статьи: De fontibus historiae Russiae.

В. Но если я не знаю, которое отдѣльное предложеніе, которое отдѣльное слово принадлежитъ, напр. Нестору, а не его переписчику, когда у меня нѣтъ самого Нестора, то здѣсь начинается большая работа, которую я называю "Studium annalium criticum"; она состоитъ въ томъ, чтобы сравнить хроники между собою, замѣтить въ различныхъ спискахъ варіанты, пропуски, вставки и точно ихъ обозначить. Для этой цѣли я бы просилъ себѣ копію съ каждой хроники съ широкими

полями, или проложенную чистыми листами, чтобы мало-по-малу вносить туда варіанты изъ всѣхъ другихъ списковъ, какіе попадутся мнѣ въ руки, съ точнымъ указаніемъ рукописи, изъ которой они взяты. Впослѣдствіи этотъ экземпляръ постоянно оставался бы въ библіотекѣ и доставлялъ бы значительную пользу будущимъ изслѣдователямъ русской исторіи. Только эту работу нужно бы было исполнять медленно, потому что она, вслѣдствіе того, что вниманіе обращается на безчисленныя мелочи, притупляетъ и глаза и умъ. Это именно та работа надъ хрониками, которая требуетъ самаго большого труда, которая драгоцѣннѣе всего для знатока, а у французовъ - самая презрѣнная. Гронова называли педантомъ, потому что онъ тщательно и добросовѣстно замѣчалъ, когда въ одномъ спискѣ онъ находилъ et, а въ другомъ atque.

Но безъ педантизма голландскаго филолога Монтескье не могъ бы написать своего безсмертнаго сочиненія о причинахъ величія и паденія римлянъ, и безъ Давида Милліа англійскіе деисты не одержали бы побѣды надъ религіей. Бываютъ случаи, когда очевидно обнаруживается не только польза, но и необходимость этихъ, такъ называемыхъ, пустяковъ. Я нахожу, напримѣръ, въ законахъ Ярослава |XI| слово КОЛБЯГЪ; я изслѣдую его

значеніе, истощаюсь въ догадкахъ и, наконецъ, нахожу, что это слово не Ярослава, а его небрежнаго переписчика, а въ другихъ спискахъ нахожу другое, понятное слово. Отсутствіе критики сыграло со мною такую же шутку, какъ золотой зубъ съ докторомъ и я даю обѣщаніе не приниматься за объясненіе такихъ хроникъ, въ достовѣрности и правильности чтенія которыхъ я не буду убѣжденъ заранѣе. При этомъ я напоминаю, что къ этой работѣ, сравненію хроникъ, иностранецъ въ извѣстномъ отношеніи способнѣе туземца. Не довѣряя своему знанію языка, онъ будетъ болѣе смотрѣть, чѣмъ разсуждать и менѣе будетъ расположенъ къ поправкамъ, основаннымъ на остроумныхъ предположеніяхъ.

2. Studium annalium grammaticorum - грамматическая работа. За первою работою слѣдуетъ вторая: нужно понимать хроники. Знать по-русски и понимать хроники - разныя вещи. Первое предполагается, но еще далеко не достаточно. Можно быть природнымъ, даже ученымъ нѣмцемъ и не понимать Willeram: не относится ли это также и къ русскому. Знаніе древняго языка страны - особенное studium. Это дѣло учености, плодъ изслѣдованій. Иностранецъ, который никакъ не можетъ надѣяться овладѣть живымъ языкомъ, какъ ту-

земецъ, смѣло можетъ стать caeteris partibus, на ряду съ туземцемъ, когда рѣчь идетъ о древнемъ языкѣ.

Вахтеръ великій человѣкъ, природный нѣмецъ, зналъ по древне-нѣмецки; но публика говоритъ, что Ире, шведъ, знаетъ еще лучше. Средствомъ для пониманія древнихъ языковъ въ другихъ странахъ служатъ глоссаріи. Но для пониманія славянскаго языка еще нѣтъ глоссарій. Нужно стараться другими средствами дойти до пониманія русскихъ хроникъ, и употребленіе именно этихъ средствъ можетъ мало-по-малу положить основаніе славянскому глоссарію. Средства эти слѣдующія:

А| Устные разспросы. Прежде знаніе и содѣйствіе г. надв. совѣтника Полетики были мнѣ весьма полезны; льщу себя надеждою на такое же благосклонное содѣйствіе со стороны тѣхъ членовъ академіи, для которыхъ русскій языкъ есть языкъ природный, и особенно г. Ломоносова.

Б. Чтеніе славянской Библіи. Такъ какъ она буквально переведена съ LXX толковниковъ, то для тѣхъ, кто въ состояніи сравнивать ее съ оригиналомъ, можетъ служить богатымъ и надежнымъ лексикономъ. Кромѣ того знакомство съ славянской библіей приноситъ двоякую пользу.—

а| Сочинители хроникъ были монахи, прилежно читавшіе библію, ея слогъ образовалъ ихъ историческій слогъ. Выраженія, обороты и весь ихъ способъ разсказа, очевидно, библейскій; слѣдовательно, знающій славянскую библію, найдетъ менѣе трудностей при чтеніи хроникъ; точно такъ же, какъ арабскіе историки и поэты гораздо доступнѣе для тѣхъ, кто свободно читаетъ коранъ.

в| Славянскій переводъ библіи открываетъ еще непочатый источникъ для собранія варіантовъ библіи. Чрезвычайная важность этой работы извѣстна знатокамъ библейской филологіи.

С. Изслѣдованіе славянскихъ нарѣчій. Извѣстно, что очень часто слова, утратившіяся въ одномъ нарѣчіи, остались въ другомъ. Триста лѣтъ тому назадъ слово *bidnu* было нѣмецкое, теперь оно шведское, но ни одинъ нѣмецъ его уже не понимаетъ. Какъ много должно быть встрѣчается въ хроникахъ такихъ словъ, которыхъ теперь не понимаетъ ни одинъ русскій, но которые живутъ въ устахъ крестьянина-чеха, поляка, литовца, венда...

3. *Studium annalium historicum* - историческая работа. Нужно сравнить хроники: не различные списки одной и той же хроники въ отношеніи чтенія - это было первымъ дѣломъ, но различныя хроники объ одномъ и томъ же событіи въ

отношеніи содержанія. Часто въ степенныхъ книгахъ находятся обстоятельства, которыхъ напрасно ищешь у Нестора и его продолжателей, и часто Новгородская лѣтопись разсказываетъ о томъ, чего нѣтъ ни у тѣхъ, ни у другихъ. Чтобы сдѣлать эту работу возможно болѣе полезною, какъ для себя, такъ и для тѣхъ, кто впослѣдствіи будетъ заниматься русскою исторіей, я раздѣлю ее на маленькіе отдѣлы; для каждаго отдѣла заведу особую книгу и въ каждую книгу буду вносить все то, что найду объ отдѣльной эпохѣ, или объ отдѣльномъ событіи во всѣхъ хроникахъ, или въ другихъ древнихъ книгахъ, какія попадутся мнѣ подъ руку. Само собою разумѣется, что источники, изъ коихъ я черпалъ бы эти дополненія, были бы точно обозначены. Это составило бы родъ регистратуры, или general-Repertorio для русской исторіи.

II. Studium monumentorum extraniorum.

Исторія Россіи переплетается съ исторіей множества другихъ народовъ. Войны, дружественные договоры и родственныя отношенія, связали ее не только съ сосѣдями, но и съ далеками бриттами и французами. Здѣсь открывается широкое поле, на которомъ обширная историческая ученость можетъ явиться во всемъ своемъ величіи. Собрать всѣ свѣдѣнія, разсѣянныя у иностранныхъ истори-

ковъ, и нерѣдко тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ищутъ; разрѣшить ихъ противорѣчія и judicio discretino historico, точно опредѣлить случаи, гдѣ туземный лѣтописецъ заслуживаетъ болѣе вѣроятія, нежели иностранный и наоборотъ - было бы дѣломъ труднымъ, но для полноты русской исторіи необходимымъ.

III. Usus utrorumque ad Corpus historiae Russiae conficiendum.

Ясно, что 1| какъ я уже выше упомянулъ, пока всѣ эти работы не будутъ исполнены надлежащимъ образомъ, нечего и думать о системѣ русской исторіи, которая могла бы соперничать съ исторіей другихъ государствъ, а слѣдовательно, достойна части народа и академіи; 2| но когда только эти работы будутъ дѣйствительно исполнены, то составленіе такой системы естественнымъ образомъ значительно облегчится, если 3| составитель будетъ обладать качествами, необходимыми не только для того, чтобы собрать матеріалы, но и воспользоваться ими сообразно съ указанною конечною цѣлью. Вотъ въ такихъ чертахъ Шлецеръ составилъ себѣ планъ обработки и занятій русской исторіей. Но вмѣстѣ съ этимъ Шлецеръ предложилъ и другой проектъ - это планъ изданія популярныхъ книгъ, въ которыхъ русское общество

нуждалось. Одинъ экземпляръ такихъ книгъ былъ доставленъ въ Академію, но встрѣтилъ страшное сопротивленіе въ членахъ Академіи - Ломоносовѣ, Миллерѣ и другихъ. Ломоносовъ выразился объ этомъ такъ: "Свидѣтельства иностранныхъ профессоровъ о знаніи г. Шлецера въ россійской древности почитать должно недѣйствительными, затѣмъ, что они сами оныхъ не знаютъ. Чтожъ до меня надлежитъ, то оному Шлецеру много надобно учиться, пока можетъ быть профессоромъ Россійской исторіи. Сверхъ того и мѣста ему при Академіи нѣтъ порохняго. Г-да Миллеръ и Фишеръ суть профессоры исторіи. Я ужъ и самъ сочиняю Россійскую и уже въ печати. И такъ памянутой Шлецеръ профессоромъ Россійской Исторіи быть не можетъ и нѣтъ мѣста". Но это еще ничто въ сравненіи съ другимъ болѣе рѣзкимъ мнѣніемъ Ломоносова: "сколько можетъ наколобродить допущенная къ Россійскимъ древностямъ сія скотина".

Что касается до Миллера, то отзывъ этого послѣдняго отличается большею обстоятельностью и дипломатичностью: Миллеръ упираетъ на то, что Шлецеръ могъ бы быть полезнымъ, если бы онъ посвятилъ себя всецѣло русской исторіи, но "я сомнѣваюсь, что онъ будетъ жить постоянно въ Россіи, и полагаю, что онъ можетъ скоро уѣхать за грани-

цу". Это заявленіе, дѣйствительно, поставило Шлецера въ неловкое положеніе; когда онъ захотѣлъ уѣхать въ Германію, то сенатъ, по донесенію Ломоносова, не выдавалъ ему отпускнаго паспорта; онъ безпрестанно бомбандировалъ правительство просьбами, но послѣднія оставались безъ послѣдствій; даже покровительство Тауберта ничего не могло сдѣлать, и только случай спасъ Шлецера: нѣкто Козловъ рѣшился передать императрицѣ записку Шлецера, и немного спустя послѣдовало распоряженіе о выдачѣ отпускного паспорта, но при этомъ было предложено условіе, чтобы онъ остался ординарнымъ членомъ Академіи Наукъ. Вотъ этотъ подлинный контрактъ: I| По имянному указу Ея Импер. Величества, бывшій предъ симъ адъюнктъ Ав. Люд. Шлецеръ опредѣляется при Акад. Наукъ профессоромъ ординарнымъ исторіи и членомъ академическаго собранія, съ жалованіемъ въ годъ по 860 рублей, включая въ томъ квартиру, дрова и свѣчи.

2| Какъ скоро академія снабжена будетъ новымъ регламентомъ, то ему пользоваться всѣми выгодами, какія въ ономъ опредѣлены будутъ академикамъ ординарнымъ.

3| Главное его упражненіе имѣетъ состоять въ древней россійской исторіи и во всякихъ до объясненія оной касающихся сочиненіяхъ; а для сего

дѣла не только не возбраняется ему употреблять всѣ, находящіяся въ императорской библіотекѣ и при Академіи книги, манускрипты и прочія къ древней исторіи принадлежащія извѣстія, но и дозволяется требовать чрезъ Академію всего того, что къ большему совершенству поручаемаго ему дѣла служить можетъ.

5| Сей контрактъ заключается на пять лѣтъ; а по прошествіи оныхъ вольно ему, Шлецеру, либо далѣе продолжать службу свою, или возвратиться въ свое отечество безъ всякаго препятствія и задержанія.

7| Для поправленія его здоровья и для свиданія съ фамиліею дозволяется ему наступающею весною на три мѣсяца ѣхать въ Германію; а дабы онъ на предписанный срокъ возвратился, взять съ него по обыкновенію реверсъ и снабдить его такими отъ Академіи комиссіями, которыми бы онъ, производимое ему на то время жалованіе, заслужить могъ. Такимъ образомъ, Шлецеръ получилъ отпускъ за границу, куда онъ уѣхалъ съ порученіемъ осмотрѣть дома умалишенныхъ. Вскорѣ онъ опять возвратился въ Петербургъ и предположилъ нѣкоторыя изданія; такъ онъ выпустилъ въ печать Русскую Правду, исполнивъ этотъ трудъ совмѣстно съ Башиловымъ. Кромѣ этого онъ издалъ Никоновскую лѣтопись съ

собственнымъ предисловіемъ, а затѣмъ онъ уѣхалъ изъ Россіи и получилъ мѣсто профессора въ Геттингенскомъ университетѣ; здѣсь онъ очутился въ своей сферѣ; - занимался преподавательскою дѣятельностью и издалъ цѣлый рядъ сочиненій. Увлекался публицистикой, былъ выдающимся по своему времени человѣкомъ и пользовался громаднымъ вліяніемъ на современное общество. Не буду останавливаться на тѣхъ изданіяхъ, которыя касаются Европы; скажу только о тѣхъ, которыя имѣютъ значеніе для русской исторіи. Сюда относятся: 1|"Probe russischer Annalen" 2|" Всеобщая исторія сѣвера и 3| плодъ 32 - лѣтнихъ усилій - знаменитый "Несторъ".

Капитальнымъ трудомъ Шлецера, на которомъ основана его ученая слава, нужно признать "Нестора", который изданъ за границей въ 1802 году и который является результатомъ 32 - лѣтнихъ занятій русской исторіей. Онъ былъ написанъ на нѣмецкомъ языкѣ, переведенъ на русскій г. Языковымъ и изданъ въ 3-хъ частяхъ. Составленіе этого труда и его содержаніе заслуживаютъ полнаго нашего вниманія, ибо онъ является настольною книгою для всякаго занимающагося русской исторіей. Трудъ этотъ сотоитъ изъ "Предувѣдомленія", "Введенія въ русскую исторію вообще" и "Русскаго временни-

ка" на древнеславянскомъ языкѣ съ переводомъ на русскій яз. и комментаріями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта работа цѣликомъ не обнимаетъ древняго періода русской исторіи. Содержаніе предувѣдомленія таково: прежде всего Шлецеръ указываетъ на лѣтописные списки, которыми онъ пользовался: было I2 печатныхъ и 9 рукописныхъ; но изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, впрочемъ, что ихъ было не 2I, а I5, а еще нѣсколькими страницами далѣе и самъ Шлецеръ сознается, что онъ пользовался всего I3 списками, частью печатными, частью же рукописными. Планъ своей работы Шлецеръ изображаетъ такимъ образомъ: "Первое, труднѣйшее, но нужнѣйшее мое дѣло состояло въ томъ, что бы сличить всѣ сіи списки и мѣста, находящіяся во всѣхъ, или во многихъ изъ вышесказанныхъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, сравнить слово въ слово, буква въ букву. Я для этой цѣли раздѣлилъ текстъ на большіе и малые сегменты; мои списки такъ были мнѣ извѣстны, что я зналъ, которые изъ нихъ походили, или очень отличались одинъ отъ другого". Планъ же изложенія работы таковъ: представляется весь текстъ Нестора; главная часть состоитъ изъ кореннаго славянскаго текста; это и есть очищенный Несторъ, исправленный имъ самимъ на основаніи сличенія. За этимъ кореннымъ очищеннымъ Не-

сторомъ слѣдуетъ переводъ его на русскій языкъ, а за нимъ его примѣчанія и комментаріи. Текстъ, слѣдовательно, "раздѣляется на 3 части: I| славянскій коренной текстъ, 2| переводъ онаго, 3| замѣчанія или объясненія, гдѣ приводятся причины, почему я иныя мѣста читалъ и переводилъ такъ, а не иначе, и гдѣ объясняю, толкую и исправляю лѣтописателя". Таково изложеніе и общій характеръ содержанія его труда. Для этого онъ долженъ былъ представить очищеннаго Нестора и очищеннаго посредствомъ малой и высшей критики: "я окончилъ малую критику, или сличеніе, описанное на стр.IX; имѣлъ предъ глазами мѣста изъ I0 и болѣе рукописей; часто случалось, что одно слово написано было въ I0 спискахъ десятью различными образами; въ иныхъ его недоставало; цѣлыя длинныя мѣста были только въ немногихъ и пр.:здѣсь началась высшая критика. Изъ I0 чтеній надобно было избрать одно настоящее, или отгадать, ежели избирать было невозможно; надобно было вставить выпущенныя мѣста; отъ несторовскихъ словъ отдѣлить толкованія, разсужденія и постороннія вставки. Вотъ какимъ образомъ произошелъ мой славяксій коренной текстъ, въ которомъ, однако же |по крайней мѣрѣ такъ мнѣ хотѣлось|, нѣтъ ни одной буквы, которой бы не было по меньшей мѣрѣ

въ одномъ изъ моихъ списковъ...По собственному моему расположенію хотѣлось мнѣ издать очищеннаго Нестора, а не своднаго, что теперь было бы еще безполезно для нерусскаго читателя. Я не замѣчалъ простыхъ орѳографическихъ разночтеній; явныя и слишкомъ глупыя описки вносилъ я иногда въ замѣчанія, дабы показать, каковы были переписчики, но важныя и сомнительныя разночтенія описывалъ я подробно и главныя мѣста часто приводилъ слово въ слово изъ многихъ списковъ". Главною цѣлью работы Шлецера являлось очищеніе русской исторіи отъ басенъ: въ описаніяхъ происшествій, бывшихъ при послѣдующихъ государяхъ, а особливо при св. Ольгѣ и Владимірѣ Великомъ представляются такія же вздорныя басни и несообразности, принадлежащія, какъ переписчикамъ, такъ и самому Нестору, и которыя должна разобрать критика. Первый законъ въ исторіи - не говорить ничего ложнаго. Очистить еще мало обработанную исторію отъ басней, ошибокъ и вздорныхъ мнѣній - можно по справедливости назвать трудомъ, заслуживающимъ уваженія, хотя часто и неблагодарнымъ. Нелегко отстать отъ положеній, которыя долгое время вообще всѣми принимались; оскорбляешься, если покажутъ тебѣ важную, а часто даже смѣшную ошибку; сердишься на того, кто смѣетъ противорѣ-

чить всѣмъ, кто только что разрушаетъ, вмѣсто того, чтобы созидать, и кто изъ одной только ученой дерзости взводитъ сомнѣнія на доказанныя истины. Но сомнѣніе и легковѣріе суть двѣ крайности, которыя подобно всѣмъ крайностямъ никуда не годятся". Вотъ въ этомъ отношеніи Шлецеръ могъ быть причисленъ къ числу тѣхъ историковъ-критиковъ, I-е мѣсто среди котор. занимаютъ Нибуръ, Ранке и др. Таково содержаніе предувѣдомленія.

Затѣмъ слѣдуетъ введеніе, гдѣ сообщаются разнаго рода свѣдѣнія, особенно интересныя для иностранныхъ читателей - о Несторѣ и его лѣтописи, о жизни перваго лѣтописца Нестора, монаха Кіево-Печерскаго монастыря. Свѣдѣнія, сообщаемыя Шлецеромъ, отличаются точностью и весьма любопытны; данныя о жизни Нестора извлечены изъ самаго сочиненія Нестора. Затѣмъ говорится о составленіи имъ лѣтописи и опредѣляется ея важное значеніе сравнительно съ западно-европейскими хрониками. Интересно то, что этотъ представитель западно-европейской науки ставитъ ее выше всѣхъ западно-европейскихъ хроникъ. Сообщая, что въ Несторовой лѣтописи есть басни, онъ говоритъ: "развѣ временники современныхъ южно-европейскихъ монаховъ отличнѣе въ этомъ? Развѣ не разсказываютъ они въ этомъ такихъ же глупыхъ чу-

десъ и пустяковъ. Но этотъ руссъ въ сравненіи съ позднѣйшими исландцами и поляками такъ превосходенъ, какъ разсудокъ иногда затмѣвающійся въ сравненіи съ безпрестанною глупостью. Можетъ быть также въ послѣдующее время при строгомъ критическомъ сличеніи списковъ окажется, что многія глупыя мѣста принадлежатъ не Нестору, а подправщикамъ, жившимъ послѣ него болѣе 400 лѣтъ". Сообщая свѣдѣнія о Несторѣ, Шлецеръ разсказываетъ о продолжателяхъ его и первымъ такимъ продолжателемъ признаетъ игумена Выдубецкаго монастыря Сильвестра. Затѣмъ разсматриваетъ лѣтопись Нестора, какъ источникъ не только для русской исторіи, но для всей сѣверной исторіи. "Что было бы, говоритъ Шлецеръ, если бы не было Нестора? Что знали бы о сѣверѣ, не зная Нестора? Теперь, говоритъ онъ, сравняютъ безпристрастно русское богатство съ бѣдностью всей остальной верхнесѣверной исторіи; Несторову древность съ молодостью скандинавовъ, прочихъ словенъ и венгровъ; полноту и связь въ русской исторіи съ отрывками другихъ; ея правдивость и важность съ легкомысленными выдумками первыхъ скандинавскихъ, славянскихъ и венгерскихъ временниковъ и всѣми ихъ продолженіями до XVI столѣтія. Долгое время Несторъ остается единствен-

нымъ настоящимъ лѣтописателемъ между своими со-товарищами. Современникъ его, Адамъ, ограничивается только Даніей и смежными землями и своимъ временемъ. Несторъ, еще разъ повторяю, на всемъ этомъ обширномъ поприщѣ, есть одинъ только настоящій въ своемъ родѣ полный и справедливый лѣтописатель. Одинъ только Генрихъ Латышъ можетъ еще быть поставленъ подлѣ его, хотя описываемый предметъ и не столь обширенъ; но исландецъ Снорро въ сравненіи съ нимъ едва можетъ быть терпимъ, ибо, какъ полу-ученый, нещадно баснословитъ и подробно разсказываетъ пустыя мелочи." Затѣмъ слѣдуютъ не потерявшія своего значенія и до настоящаго времени свѣдѣнія Шлецера о разнаго рода русскихъ временникахъ; онъ сообщаетъ названія и содержаніе этихъ временниковъ; говоритъ, что оригиналы временниковъ до насъ не дошли; разсказываетъ о матеріалѣ, на которомъ писаны были временники, о форматѣ, о письмѣ ихъ, объ отсутствіи знаковъ препинанія, о надстрочныхъ знакахъ и сокращеніяхъ, объ обозначеніи чиселъ буквами; указываетъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ мы замѣчаемъ рисунки и фигуры, напримѣръ, въ одномъ временникѣ изображается монахъ, пишущій лѣтопись; затѣмъ говоритъ о древнихъ временахъ, особенно подробно распростраия-

ется о томъ славянскомъ языкѣ, на которомъ написаны временники. Въ высшей степени интересны соображенія его, что русскіе временники написаны не на чужомъ, а на родномъ, или почти родномъ для читателей языкѣ; въ этомъ отношеніи онъ отдаетъ преимущество русскимъ временникамъ предъ Западно-Европейскими хрониками, написанными на латинскомъ языкѣ: "Нельзя исчислить вреда, нанесеннаго этимъ религіи, словесности и и общему просвѣщенію. Образованіе въ народахъ начинается съ того только времени, когда они начнутъ писать на собственномъ языкѣ: доказательствомъ сему можетъ служить исторія Италіи, Англіи, Франціи, Германіи и др. Большая часть другихъ словенскихъ народовъ взошла на эту ступень образованія только послѣ реформаціи; но руссы, такъ же какъ и другіе словенскіе народы, бывшіе въ связи съ разсудительнѣйшими цареградскими главами духовенства, съ самаго начала стали молиться на словенскомъ языкѣ. Вотъ первый и естественный способъ обрабатывать народный свой языкъ."

Разсказавши о временникахъ, какъ самыхъ главныхъ источникахъ для русской исторіи, Шлецеръ даетъ намъ понятіе о другихъ памятникахъ русской исторіи и останавливается на степенныхъ

книгахъ, на ихъ характеристикѣ, на особенностяхъ ихъ изложенія; названы онѣ такъ потому, что событія здѣсь изображаются не хронологически, а по степени родства; здѣсь представляется дѣятельность одного и того же поколѣнія и степени. Затѣмъ онъ обращается къ хронографамъ, дѣлаетъ характеристику содержанія и изложенія ихъ, характеризуетъ родословныя и разрядныя книги, указываетъ на заслуги Миллера и другихъ лицъ въ дѣлѣ изданія актовъ, на значеніе археологіи.- Словомъ, вы видите здѣсь критическій трактатъ по русской исторіографіи. Послѣ этого Шлецеръ переходитъ ко второй части исторіографіи, гдѣ слѣдитъ за странною судьбою русской исторіи; онъ весьма картинно изображаетъ это бѣдствіе русской исторіи, говоря: "Гдѣ же хранилось тогда это сокровище? Тамъ же, гдѣ и теперь лежитъ, спустя слишкомъ 400 лѣтъ послѣ сего: въ магазинѣ, невѣроятно богатомъ, но который походитъ на такую архиву, въ которую никогда не заглядывалъ архиваріусъ; разсѣянно безъ порядка на пространствѣ, занимающемъ, можетъ быть, 50000 квадр. миль. Тутъ сотнями валяются временники |совсѣмъ другого разбора отъ китайскихъ|, которымъ даже нѣтъ и описи; тутъ тысячами пылятся древнія сочиненія, граматы, монеты, древ-

ности, которыхъ никто еще не считалъ, а и того менѣе описывалъ и изъяснялъ: какое множество припасовъ для русскія палеографіи, для русскія церковныя исторіи, для собранія дипломатики, нумизматики, для множества томовъ писателей русскія исторіи, припасы славные, но грубые, еще не совсѣмъ выдѣланные, а частью еще и неизвѣстные". Затѣмъ нѣмецкій ученый разсказываетъ о дальнѣйшей обработкѣ русской исторіи, слѣдитъ за скудною нитью этой разработки во все продолженіе литераторскаго періода нашей исторіи, при чемъ съ особенною подробностью останавливается на XVIII вѣкѣ. Общее же его заключеніе весьма не утѣшительно; когда онъ подходитъ къ послѣднему десятилѣтію XVIII вѣка, то имъ замѣчается regress въ дѣлѣ критики и изданія разныхъ памятниковъ; и этотъ regress заставляетъ высказать слѣдующую фразу, указывающую на состояніе русской исторіи въ 1790-1800 годахъ: "тутъ экъ-профессоръ русской исторіи потерялъ все терпѣніе, съ которымъ онъ лѣтъ десять издали смотрѣлъ на этотъ плачевный упадокъ, и написалъ эту книгу."

Затѣмъ слѣдуетъ самая книга, состоящая изъ введенія и главной ея части. Введеніе обзрѣваетъ содержаніе древней русской лѣтописи до начала русскаго государства - до Рюрика; главная

же часть - дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей. Планъ, какъ введенія, такъ и главной части совершенно одинаковъ: онъ дѣлитъ лѣтописи на сегменты и начинаетъ разсматривать по главамъ ихъ содержаніе.

Первая глава - древняя космографія. Прежде всего Шлецеръ открываетъ древнѣйшую космографію: "По потопѣ тріе сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ." - Слѣдуетъ славянскій текстъ лѣтописи, а затѣмъ его примѣры и цѣлыя цитаты изъ византійскихъ писателей, изъ Синкелла, Пасхалиса и Кедрина: "Πάσαν δὲ κουμένην διεμέρισε Νωε"... или, напр., по лѣтописи: И ася востокъ Симови: Персида, Ватръ, даже и до Индикія вдолгошу..., у Византійцевъ: "Σημ... ἔβαλεν ἀπὸ Περσίδος καὶ Βακτρῶν ἕως Ἰνδικῆς μήκος, πλάτος δὲ ἀπὸ Ἰνδικῆς ἕως...; такимъ образомъ, оказывается полное тождество между нашей лѣтописью и извѣстіями Византійскихъ писателей. "Затѣмъ, послѣ потопа, говоритъ Шлецеръ, Ной, посовѣтовавшись съ З-мя своими сынами, раздѣлилъ имъ высохшую отъ воды вселенную! Эту сказку Брешіанскій епископъ Филастріусъ поставилъ въ число членовъ вѣры и кто ей не вѣрилъ, тотъ дѣлался однимъ изъ его 150 еретиковъ!" Слѣдуетъ разборъ этой сказки. Такъ онъ

заканчиваетъ первую главу о древней космографіи. Затѣмъ переходитъ ко второй, гдѣ заключается описаніе земель и народовъ, населяющихъ Европу въ XI столѣтіи. Приводится текстъ лѣтописи :"До Паньтскаго моря на полуношныя страны, Дунай, Днѣстръ, и Кавказскія горы, рекше Угорьскія"..... а за симъ идутъ краткія указанія на необыкновенную начитанность Нестора во многихъ Византійскихъ авторахъ. Кромѣ того, Шлецеръ отдаетъ преимущество Нестору передъ другими авторами, особенно древне-классическими, въ знаніи восточной половины Европы. Третья глава трактуетъ о Вавилонскомъ столпотвореніи, гдѣ также Шлецеръ представляетъ текстъ, переводъ и свои замѣтки. Затѣмъ идетъ глава о переселеніи славянъ въ русскую землю; здѣсь онъ сообщаетъ о путяхъ. Содержаніе главной части отличается такимъ же характеромъ, какъ и введеніе; здѣсь онъ разсматриваетъ критически о дѣяніяхъ первыхъ русскихъ князей по лѣтописи, излагаетъ лѣтописные разсказы и пріурочиваетъ ихъ къ дѣятельности тѣхъ или другихъ князей. И въ настоящее время "Несторъ" Шлецера не потерялъ своего значенія, хотя теперь едва ли могутъ быть приняты многіе выводы Шлецера, - даже его основная мысль объ очищенномъ Несторѣ; для этого нужно

было воспользоваться большимъ числомъ списковъ, изучить ихъ болѣе внимательно. Необходимо было обратить вниманіе на относительную древность ихъ; между тѣмъ, у Шлецера рядомъ фигурируютъ и Никоновскій, и Лаврентьевскій, и Троицкій списки.

Но, несмотря на не вполнѣ удовлетворительно выполненную задачу, все таки эта книга должна остаться монументальнымъ памятникомъ въ разработкѣ русской лѣтописи и русской исторіи. Неудивительно поэтому, что прежде она имѣла такое громадное вліяніе; она зародила критицизмъ и скептицизмъ и въ послѣдующемъ поколѣніи русскихъ историковъ. Интересно при этомъ, что Шлецера своимъ отцомъ и родоначальникомъ признаютъ не только наши скептики - Каченовскій и др., но вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ противники. Погодинъ, напримѣръ, писалъ свои сочиненія предъ портретомъ Шлецера, а онъ былъ, между тѣмъ, ярымъ противникомъ скептиковъ, называлъ ихъ выводы "навѣтами". Едва ли будетъ справедливо до такой степени уменьшать заслуги Шлецера, какъ это дѣлаетъ Кояловичъ въ своей "Исторіи русскаго самосознанія"; говоря, что Шлецеръ лучше бы сдѣлалъ, если бы совсѣмъ не писалъ "Нестора", потому что онъ этимъ принесъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

§ 8. Н. М. КАРАМЗИНЪ.

Библіографія:

Каченовскій. Критическія статьи объ "Исторіи Карамзина". Вѣстникъ Европы 1819.

Соловьевъ. Шесть статей Карамзина |Отечественныя Записки 1853-1856|.

Старчевскій. Жизнь Карамзина. |СПБ. 1849|.

Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I |СПБ. 1885|.

Веселовскій. Западное вліяніе въ русской литературѣ |С. 1882|.

Біографія Н.М.Карамзина можетъ быть раздѣлена на два періода: первый періодъ - до времени составленія "Исторіи Государства Россійскаго"; второй же начинается съ того момента, когда онъ сдѣлался исторіографомъ и началъ работать надъ "Исторіей Госуд.Рос."

Семья Карамзина |повидимому, татарскаго происхожденія| происходила изъ Оренбургской губ., но воспитывался Карамзинъ въ городѣ Симбирскѣ. Послѣ этого Николая Михайловича отдали въ Москву въ пансіонъ иностранца проф. Шадена. Шаденъ былъ профессоромъ при Московскомъ университетѣ и, видя полное отсутствіе приготовительныхъ школъ, сдѣлалъ попытку открыть такую школу или

гимназію; въ числѣ учениковъ его пансіона былъ и Карамзинъ. Этотъ пансіонъ Шадена далъ Карамзину между прочимъ знакомство съ новыми европейскими языками; здѣсь онъ изучилъ въ совершенствѣ французскій и нѣмецкій языки. Шаденъ нерѣдко бралъ его съ собою къ своимъ знакомымъ иностранцамъ для практическаго усовершенствованія въ этихъ языкахъ. По совѣту проф.Шадена Н.М.Карамзинъ сталъ посѣщать и университетскія лекціи; эти послѣднія познакомили его съ тѣми историко-филологическими науками, къ которымъ онъ чувствовалъ особый интересъ. Затѣмъ, по обычаю того времени, онъ поступилъ въ гвардейскій полкъ и велъ разсѣянную свѣтскую жизнь. Черезъ нѣсколько времени Карамзинъ вступилъ въ извѣстный кружокъ Новикова - въ тотъ самый кружокъ, который образовался по мысли этого знаменитаго русскаго общественнаго дѣятеля Екатерининскаго времени, и который поставилъ своею цѣлью просвѣщеніе тогдашняго русскаго общества. Карамзинъ состоялъ членомъ дружественнаго типографическаго общества, и Новиковъ обратилъ вниманіе на этого молодого человѣка, съ одной стороны, благодаря его литературнымъ вкусамъ и стремленіямъ, съ другой - въ силу его знакомства съ новыми языками. Въ это время Карамзинъ подверг-

ся благотворному вліянію одного изъ членовъ Новиковскаго общества - Петрова. Петровъ мало былъ извѣстенъ, какъ самостоятельный литераторъ, но за то онъ сдѣлалъ массу переводовъ на русскій языкъ. И вотъ Карамзинъ вмѣстѣ съ нимъ сталъ издавать "Дѣтское Чтеніе". Статьи для этого "Дѣтскаго чтенія" онъ переводилъ изъ иностранныхъ журналовъ. Вслѣдъ за тѣмъ Карамзинъ отправился въ путешествіе за границу, именно въ 1789 году съ цѣлью "собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми картинами". По ходившимъ тогда слухамъ, Карамзинъ являлся какъ бы комиссаромъ Новиковскаго Товарищества; существовало даже мнѣніе, будто бы Новиковъ далъ ему средства для этого путешествія, но это подвержено сомнѣнію. Несомнѣнно только то, что Карамзинъ, отправляясь въ путешествіе, получилъ письменную инструкцію отъ Гамалѣя. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы объѣхать и посѣтить знаменитыя мѣста и людей. Такъ,

онъ отправился въ Кельнъ и посѣтилъ тамъ Канта; онъ пришелъ къ нему и прямо отрекомендовался, что онъ русскій дворянинъ, и разсказывалъ о цѣли своего путешествія. Кантъ вообще обошелся съ нимъ очень любезно. Затѣмъ онъ посѣтилъ Берлинъ, Лейпцигъ, Веймаръ, который славился

тогда тремя знаменитостями: Гердеромъ, Виландомъ и Гёте; съ двумя первыми онъ познакомился, и, между прочимъ, Гердеръ принялъ его очень любезно; Виландъ , напротивъ, очень холодно и сухо. Когда Карамзинъ явился къ нему и сказалъ, что предпринялъ путешествіе, чтобы съ нимъ познакомиться, то Виландъ отвѣтилъ, что не стоило ему предпринимать такой трудъ изъ-за этого. Оказалось, что Виландъ болѣе всего боялся того, чтобы Карамзинъ не описалъ его. Затѣмъ, побывавъ въ Швейцаріи и познакомившись тамъ съ Лафатеромъ, онъ отправился въ Парижъ и имѣлъ возможность говорить съ Левекомъ, который написалъ "Русскую исторію" . Карамзинъ при этомъ высказалъ свой взглядъ на русскую исторію. Интересно то, что это воззрѣніе находилось въ противорѣчіи со взглядомъ, проведеннымъ впослѣдствіи въ "Исторіи государства Россійскаго". Вотъ что самъ Карамзинъ говоритъ о русской исторіи Левека : "Руская исторія" Левека хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожъ лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей русской исторіи, т.е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ - вотъ образцы!

Говорятъ, что наша исторія менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословныя князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги половцевъ не очень любопытны, соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы. Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ англійской исторіи, но всѣ черты, которыя означаютъ свойства народа русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, собственно такъ называемые анекдоты, собрать, описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій - Владиміръ и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи и даже въ исторіи человѣчества; его то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель Анджело. Левекъ, какъ писатель не безъ дарованія, не безъ достоинствъ, соображаетъ довольно хорошо, разсказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо, но кисть его слаба, краски не живы; слогъ правиль-

ный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему, не наша кровь течетъ въ его жилахъ"; затѣмъ далѣе: "я слыхалъ, прибавляетъ Карамзинъ, такое мнѣніе, доже отъ русскихъ и никогда не могъ слышать безъ досады: путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ."- "Все національное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей,то не можетъ быть дурно для русскихъ". Наконецъ, послѣ всего онъ пріѣхалъ въ Англію, которой на первыхъ порахъ остался очень доволенъ, но потомъ разочаровался.

Значеніе заграничнаго путешествія для Карамзина весьма велико; черезъ него онъ сталъ выше многихъ др.литераторовъ; онъ лично познакомился съ западно-европейской культурой, съ западно-европейскими учрежденіями, съ западно-европейской литературой и ея представителями,и они сдѣлались для него очень близки и понятны. Неудивительно поэтому, что путешествіе это подготовило журнальную дѣятельность Карамзина. Явившись въ Россію, онъ издаетъ „Московскій журналъ"; журналъ этотъ представляетъ замѣчательное явленіе своего времени: здѣсь помѣщались оригинальныя произведенія, переводы изъ иностранной литературы и,

наконецъ, театральный обзоръ, гдѣ можно прослѣдить оцѣнку разныхъ произведеній того времени. Въ числѣ статей этого журнала главное мѣсто занимаютъ: "Письма русскаго путешественника"; значеніе ихъ для Россіи было громадно: они открыли русскому обществу новый міръ, міръ литературныхъ интересовъ Западной Европы, прежде совершенно недоступный для русскаго общества. Карамзинъ, какъ бы вводилъ русское образованное общество въ этотъ міръ; его сочиненія были написаны такимъ языкомъ, что читались съ полнымъ удовольствіемъ и восторгомъ. Карамзинъ сдѣлался новаторомъ въ русскомъ языкѣ и далъ такіе образчики русскаго литературнаго языка, которыхъ не могли дать его предшественники. Затѣмъ, онъ издавалъ альманахъ "Аглая" и "Пантеонъ иностранной словесности", гдѣ помѣщались переводы съ иностранныхъ языковъ. Около этого же времени Карамзинъ начинаетъ спеціализироваться въ историческихъ сочиненіяхъ. Онъ понялъ, что его слово не коснулось одного литературнаго образца, это именно исторіи. Весьма интересно то, что, приступая къ занятію русской исторіей, онъ прямо обратился къ современной эпохѣ - къ времени Екатерины II. Первымъ его историческимъ сочиненіемъ было "Похвальное слово Екатеринѣ II-ой", которое можно назвать въ

полномъ смыслѣ слова панегирикомъ. Приступая къ этой работѣ, Карамзинъ руководился двумя мотивами: съ одной стороны, онъ желалъ создать ораторскій родъ произведеній, къ чему его побудили рѣчи политическихъ ораторовъ, которыя ему пришлось слышать во Франціи; съ другой стороны, онъ желалъ показать Александру I-му примѣръ, достойный подражанія. И дѣйствительно, императоръ Александръ въ своемъ манифестѣ далъ слово царствовать въ духѣ Екатерины II-ой. Образчикомъ Карамзинскаго стиля можетъ служить слѣдующее мѣсто: "Екатерина II-ая въ силѣ творческаго духа и въ дѣйствительной мудрости правленія была непосредственной преемницей Петра Великаго; раздѣляющее ихъ пространство исчезаетъ въ исторіи. И два ума, два характера, столь между собой различные, оставляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для счастья народа Россійскаго. Чтобы утвердить славу мужественнаго, смѣлаго, ученаго Петра, должна черезъ 40 лѣтъ послѣ его царствовать Екатерина; чтобы предуготовить славу кроткой, человѣколюбивой, просвѣщенной Екатерины, долженствовалъ царствовать Петръ".

При изложеніи этого труда онъ не обращалъ вниманія на акты, которые были въ его распоряженіи; онъ пользовался ими какъ канвою, на которой

выводилъ свои узоры.

Вторымъ его историческимъ сочиненіемъ былъ "Пантеонъ Россійскихъ авторовъ"; здѣсь помѣщались біографіи разнаго рода историковъ и литераторовъ прежняго времени; такъ, напримѣръ, біографія Тредьяковскаго: "Еслибъ охота и прилежаніе могли замѣнить дарованіе, кого-бъ не превзошелъ Тредьяковскій въ стихотвореніи и краснорѣчіи. Тредьяковскій учился во Франціи у славнаго Роллена, зналъ древніе и новые языки, читалъ всѣхъ лучшихъ авторовъ и написалъ множество томовъ въ доказательство, что онъ не имѣлъ способности писать. Однакожъ труды его были не совсѣмъ безполезны. Онъ первый изъяснилъ на русскомъ языкѣ мѣру стиховъ и перевелъ древнюю исторію, которую по сіе время читаютъ наши провинціальные дворяне. Имя Тредьковскаго будетъ извѣстно самымъ отдаленнымъ потомкамъ. Сохранимъ же образъ его и почтимъ въ немъ... трудолюбіе науки и несчастье природы." Наконецъ, Карамзинъ помѣстилъ цѣлый рядъ историческихъ статей въ Вѣстникѣ Европы; такова статья о Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, составленная по сказаніямъ иностранцевъ; такова его статья "Русская старина", гдѣ сдѣлана характеристика состоянія Московскаго государства въ XVI и XVII в., и гдѣ авторъ дѣлаетъ

выписки изъ сказаній иностранцевъ: Гербенштейна, Олеарія, Маржерета и др. Онъ первый, такимъ образомъ, обратилъ серьезное вниманіе на извѣстія иностранцевъ, какъ на важный источникъ для исторіи Россіи. Такова статья о "тайной канцеляріи", гдѣ Карамзинъ опровергаетъ мнѣніе Левека и Шлецера, будто-бы тайная канцелярія учреждена Алексѣемъ Михайловичемъ, и находитъ также ошибку у Татищева, говоря, что дѣйствительно у Алексѣя Михайловича была тайная канцелярія, но не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее Татищевъ, и что слово "тайная" значило при Алексѣѣ Михайловичѣ домашняя, или приватная канцелярія, въ вѣдѣніи которой находились дѣла экономическія.

Изданіе "Вѣстника Европы" было прекращено, когда Карамзинъ получилъ при посредствѣ Муравьева званіе русскаго исторіографа съ 2000 рублей жалованія. Это назначеніе дало возможность Карамзину приступить къ составленію "Исторіи государства Россійскаго". Теперь наступаетъ самый интересный періодъ жизни нашего исторіографа. Научную подготовку къ этой работѣ самого Карамзина нельзя назвать блестящей; онъ былъ ~~бы~~ все-таки, главнымъ образомъ, литераторомъ, и его требованія были не особенно широки. Онъ хотѣлъ дать такую исторію государства Россійскаго, какую можно

было бы читать русскому народу; онъ и не подозрѣвалъ тогда тѣхъ трудностей, какія встрѣчалъ на своемъ пути. Состояніе исторической науки у насъ тогда было печальное, какъ это видно изъ свидѣтельства Погодина: "Библіотеки не имѣли каталоговъ, источниковъ никто не собиралъ, не указывалъ ихъ, не приводилъ въ порядокъ. Лѣтописи не были изслѣдованы, объяснены, даже изданы ученымъ образомъ, грамоты лежали разсыпанныя по монастырямъ и архивамъ; хронографовъ никто не зналъ; ни одна часть исторіи не была обработана, ни исторія церкви, ни исторія права, ни исторія словесности, торговли, обычаевъ. Для древней географіи не было сдѣлано никакихъ приготовленій; хронологія перепутана; генеалогіей не занимались; нумизматическихъ собраній не существовало; археологіи не было и въ поминѣ; ни одинъ городъ, ни одно княжество не имѣло порядочной исторіи. Сношенія съ сосѣдними государствами покоились въ статейныхъ спискахъ, иностранныя лѣтописи, кромѣ греческихъ, не принимались въ соображеніе. Древніе европейскіе путешественники въ Россіи едва были извѣстны по слуху; съ сочиненіями иностранныхъ ученыхъ, въ которыхъ разсѣяны разсужденія о древней Россіи, никто не справлялся; ни одного вопроса изъ тысячей не рѣшено окончательно, ни

одно противорѣчіе не соглашено.

Что же сдѣлано было? Издано нѣсколько лѣтописей, коими нельзя было пользоваться по отсутствію всякой отчетливости; написано нѣсколько исторій, удовлетворявшихъ потребностямъ своего времени, но онѣ не помогали, а увеличивали работу, приводя ученаго въ сомнѣніе своими прибавленіями и заставляя отыскивать ихъ источники.

Объяснено нѣсколько древнихъ памятниковъ, но безъ необходимыхъ, строгихъ доказательствъ Положено прочное основаніе разрѣшенію одного вопроса - о происхожденіи Руси, и Шлецеръ только что указалъ, какъ надо приниматься за лѣтописи, напечатавъ первую часть своихъ толкованій на Нестора.

Россійская Вивліоѳика, изданная Новиковымъ и ея продолженіе изданія Миллера: Степенная книга, Царственная книга, Родословная, Кенигсбергскій Никоновскій списокъ Нестора съ прод., Новгородская лѣтопись, сочиненія Татищева, критическія замѣчанія Болтина, опыты Мусина-Пушкина съ помощью Болтина: о Русской Правдѣ, о Тмутараканскомъ камнѣ, о Мономаховомъ поученіи, о "Словѣ о полку Игоревѣ". Вотъ главныя пособія Карамзина.

При такомъ состояніи русской исторической науки, Карамзинъ усердно принялся за свою

работу. Въ это самое время онъ женился на дочери князя Вяземскаго и поселился въ одной изъ его деревень, гдѣ у него былъ самый простой кабинетъ съ обыкновеннымъ столомъ, твердой мебелью и шкафами, переполненными разнаго рода документами, актами, граматами и проч. И вотъ здѣсь онъ занимался самымъ систематическимъ образомъ; только по утрамъ онъ позволялъ себѣ прогулки, или катанье верхомъ на лошади; остальное время посвящалъ занятію. Прежде всего онъ долженъ былъ заняться введеніемъ въ русскую исторію, обозрѣть ее и ея источники до временъ Рюрика. Это для него была самая темная область, въ которой разобраться ему было очень трудно; но нужно все-таки поставить въ заслугу Карамзину то, что онъ познакомился и съ этой эпохой по пособіямъ, сдѣлалъ извлеченія изъ источниковъ, начиная отъ Геродота до Марцелина, и довелъ свое введеніе до Рюрика. Вслѣдъ за тѣмъ онъ принялся за продолженіе своей исторіи. Только теперь онъ сталъ получать массу документовъ изъ Москвы, гдѣ въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ былъ тогда Бантышъ-Каменскій и др.; кромѣ того онъ получалъ лѣтописи отъ разныхъ частныхъ лицъ, въ томъ числѣ и два харатейныхъ списка на пергаментѣ, относящіеся къ XIУ вѣку. Волынскую лѣтопись онъ пріобрѣлъ уже тогда, ког-

да составилъ часть своего труда, а потому принужденъ былъ его передѣлывать. Онъ находился въ постоянной перепискѣ съ тогдашними дѣятелями русской исторіи и такъ работалъ въ теченіи 12 лѣтъ, написавъ 8 томовъ. Съ этимъ готовымъ трудомъ онъ отправился въ Петербургъ. Нужно замѣтить, что еще раньше онъ вошелъ въ милость у великой княгини Екатерины Павловны; послѣдняя вступила въ переписку съ Карамзинымъ и приглашала его къ себѣ въ Тверь. Тамъ Карамзину часто приходилось читать отрывки изъ своего сочиненія самому Александру I, который имъ былъ очень доволенъ и только предъ отъѣздомъ изъ Твери вдругъ сдѣлался холоденъ къ нему. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что Екатерина Павловна дала Александру I записку о древней и новой Россіи; эта записка и произвела охлажденіе. Понятно, съ какимъ чувствомъ ѣхалъ Карамзинъ въ Петербургъ и какими сомнѣніями и колебаніями преисполнена была его душа. Долгое время онъ жилъ въ Петербургѣ безъ всякихъ результатовъ. Въ это время палъ Сперанскій и приближеннымъ Александра I сдѣлался Аракчеевъ, къ которому Карамзинъ и обратился съ просьбой. Аракчеевъ сказалъ о желаніи Карамзина Александру и послѣдній принялъ его очень милостиво и даже велѣлъ отпустить ему изъ казны 60 тыс.

рублей. Въ виду этого Карамзина на расхватъ принимали во многихъ домахъ, гдѣ онъ читалъ свой трудъ и гдѣ ему курили ѳиміамъ и аплодировали. Вслѣдъ затѣмъ онъ переѣхалъ въ Москву, не прекращая заниматься корректурой своей исторіи. Успѣхъ изданія превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія: въ Петербургѣ раскуплено было около 3000 экземпляровъ въ 25 дней; въ Москвѣ же, какъ говорили съ ироніей, разошлось столько, сколько въ городѣ Иркутскѣ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ близко познакомился съ августѣйшимъ семействомъ Александра I и въ это же время зорко слѣдилъ за событіями; результатомъ его наблюденій и были записки о Полыпѣ. Александръ I сказалъ въ разговорѣ, что онъ рѣшился возстановить Польское королевство; по этому поводу Карамзинъ и составилъ записку, гдѣ ратовалъ противъ этого намѣренія. Вообще онъ во многомъ расходился съ Александромъ I, въ особенности въ первую половину его царствованія. Такъ провелъ Карамзинъ свою жизнь въ Москвѣ и Петербургѣ. Между тѣмъ здоровье его все разшатывалось и являлась необходимость въ путешествіи. Уже онъ собирался въ началѣ царствованія Николая I отправиться въ путь для поправленія здоровья, какъ декабрьскій переворотъ задержалъ его. Николай унаслѣдовалъ расположеніе

къ Карамзину отъ своего брата, такъ что, когда тотъ отправлялся за границу, онъ велѣлъ приготовить для него отдѣльный фрегатъ. Будучи на югѣ, Карамзинъ получилъ отъ государя рескриптъ, гдѣ ему назначался громадный пенсіонъ въ 5000 рублей въ годъ; но вскорѣ послѣ этого онъ умеръ.

"Записки о древней и новой Россіи" Карамзина. Теперь намъ нужно обратиться къ характеристикѣ историческихъ воззрѣній Карамзина и ихъ вліянія на ходъ русской исторіи. Важнымъ матеріаломъ для насъ является въ этомъ случаѣ его "Записка о древней и новой Россіи". Эта книга была написана въ то именно время, когда Карамзинъ былъ у великой княгини, сестры Александра I, въ Твери, когда здѣсь присутствовалъ самъ государь, которому Карамзинъ и вручилъ свою книгу. Государь прочелъ ее, но остался ею недоволенъ. Я остановлюсь только на наиболѣе характерныхъ мѣстахъ этой "записки", въ которыхъ ярко выражаются воззрѣнія Карамзина на историческую и общественную жизнь Россіи. Первая половина этой книги заключаетъ взгляды на историческую судьбу Россіи до Александра I, вторая же - оцѣнку царствованія Александра I. Она представляетъ историческую канву, по которой должна быть написана "Исторія государства Россійскаго". Карамзинъ на-

чинаетъ свою записку съ обозрѣнія древнихъ судебъ Россіи и говоритъ, что еще съ XI вѣка первые кіевскіе князья держали подъ своимъ скипетромъ Россію, что "въ XI вѣкѣ государство Россійское могло, какъ бодрый, пылкій юноша, обѣщать себѣ долголѣтіе и славную дѣятельность". Такимъ образомъ, онъ смотритъ на первыхъ кіевскихъ князей, какъ на монарховъ; но "къ несчастью она въ сей бодрой юности не предохранила себя отъ общей язвы тогдашняго времени, которую народы германскіе сообщили Европѣ: говорю о системѣ удѣльной". Съ ослабленіемъ государственнаго могущества ослабѣла и внутренняя связь подданства съ властью". Слѣдовательно, эпоха удѣльно-вѣчевой системы представлялась Карамзину, какъ самое печальное время русской исторіи. По его мнѣнію, только "глубокомысленная политика князей московскихъ не удовольствовалась собраніемъ частей въ одно цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо и единовластіе усилить самодержавіемъ". Въ этомъ, главнымъ образомъ, заключается заслуга Московскихъ князей; самодержавіе было достигнуто вовсе не геройскими подвигами, а "единственно умною политическою системою, согласною съ обстоятельствами времени. Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластья, а спаслась

мудрымъ самодержавіемъ."

Съ этой точки зрѣнія онъ оцѣниваетъ московскихъ князей; но образцомъ самодержавія онъ считаетъ Іоанна III и Іоанна IV Грознаго; несмотря на его опричниковъ, "всѣ люди знаменитые богатствомъ, или саномъ ежедневно готовились къ смерти и не предпринимали ничего для спасенія жизни своей. Нигдѣ и никогда грозное самовластіе не предлагало столь жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности, или повиновенія, но сія добродѣтель даже не усумнилась въ выборѣ между гибелью и сопротивленіемъ". Но далѣе Карамзинъ говоритъ: "случилось, чему необходимо надлежало случиться: бояре видѣли въ полумонархѣ дѣло рукъ своихъ и хотѣли, такъ сказать, продолжать оное, болѣе и болѣе стѣсняя власть его. Поздно очнулся Шуйскій и тщетно хотѣлъ порывами великодушія утвердить колеблемость трона. Воскресли древнія смуты боярскія и народъ, волнуемый на площади наемниками нѣкоторыхъ коварныхъ вельможъ, толпами стремился ко дворцу Кремлевскому предписывать законы государю. Представители церкви вмѣстѣ съ народомъ и боярами наименовали единодушно и единогласно Михаила Самодержцемъ, монархомъ неограниченнымъ". Такимъ образомъ, и въ эти тяжелые годы самодержавіе вышло съ честью

изъ этой борьбы.

Но вотъ явился Петръ. Взглядъ Карамзина на Петра Великаго весьма оригиналенъ; это не былъ тотъ взглядъ, который онъ высказалъ раньше въ "письмахъ русскаго путешественника". Здѣсь онъ указываетъ, что страсть въ Петрѣ къ новымъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія. "Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государства, подобное физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть ничто иное какъ привязанность къ нашему особенному, ничто иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля, вводя иностранные, государь Россіи уникалъ россіанъ въ собственномъ ихъ сердцѣ". Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя права различныя. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы, есть насиліе, беззаконное и для монарха самодержавнаго". Такимъ образомъ, рука самодержца не должна простираться на исконные обычаи. Петровская реформа

произвела глубокій расколъ между высшими и низшими классами русскаго общества: "дотолѣ, говоритъ Карамзинъ, отъ сохи до престола Россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ: со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ низшихъ и русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ увидѣлъ нѣмцевъ въ русскихъ дворянахъ ко вреду братскаго, народнаго единодушія государственныхъ состояній". — "Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи. Виною былъ Петръ. Онъ великъ, безъ сомнѣнія, но еще могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ Россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей". "Далѣе, стремясь къ самодержавію, Петръ уничтожилъ патріаршество и этимъ самымъ онъ сдѣлалъ ошибку", замѣчаетъ Карамзинъ, уже потому, что "со временъ Петровыхъ значеніе духовенства въ Россіи пало."

Но утаимъ ли мы отъ себя еще одну блестящую ошибку Петра Великаго? Разумѣю основаніе новой столицы на сѣверномъ краѣ государства, среди зыбей болотныхъ, въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ. Еще не имѣя ни Риги, ни Ревеля, онъ могъ заложить на берегахъ

Невы купеческій городъ для ввоза и вывоза товаровъ; но мысль утвердить тамъ пребываніе нашихъ государей была, есть и будетъ вредною. Сколько людей погибло, сколько милліоновъ и трудовъ употреблено для приведенія въ дѣйство сего намѣренія! Можно сказать, что Петербургъ основанъ на слезахъ и трупахъ. Иноземный путешественникъ, въѣзжая въ государство ищетъ столицы обыкновенно среди мѣстъ плодоноснѣйшихъ, благопріятнѣйшихъ для жизни и здоровія; въ Россіи онъ видитъ прекрасныя равнины, обогащенныя всѣми дарами природы, осѣненныя липовыми, дубовыми рощами, пересѣкаемыя судоходными рѣками, коихъ берега живописны для зрѣнія, и гдѣ въ климатѣ умѣренномъ благорастворенный воздухъ способствуетъ долголѣтію, видитъ и, съ сожалѣніемъ оставляя сіи прекрасныя страны за собою, въѣзжаетъ въ пески, въ болота, въ песчаные лѣса сосновые, гдѣ царствуетъ бѣдность, уныніе, болѣзни; тамъ обитаютъ Государи Россійскіе, съ величайшимъ усиліемъ домогаясь, чтобы ихъ царедворцы и стража не умирали голодомъ и чтобы ежегодная убыль въ жителяхъ наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человѣкъ не одолѣетъ натуры!" Какъ извѣстно, эта мысль была подхвачена впослѣдствіи славянофилами. Точно также, вопре-

ки другимъ историкамъ, онъ относится не съ осо-
беннымъ уваженіемъ къ дочери Петра I Елизавет
Петровнѣ: не смотря на то, что "Елизавета бы
праздная, сластолюбивая и не могла управлять
государствомъ, однако царствованіе ея всѣ Рос
сіяне хвалили: она изъявляла къ нимъ болѣе дов
ренности, нежели къ нѣмцамъ, возстановила власт
Сената, отмѣнила смертную казнь, имѣла любовни
ковъ добродушныхъ, страсть къ веселью и нѣж-
нымъ стихамъ. Вопреки своему человѣколюбію Ели-
завета вмѣшалась въ войну кровопролитную и для
насъ безполезную. Первымъ государственнымъ чело-
вѣкомъ сего времени былъ канцлеръ Бестужевъ,
умный и дѣятельный, но корыстолюбивый и пристра
стный. Усыпленная нѣгой, монархиня, давала ему
волю торговать политикою и силами государства
наконецъ свергнула его и сдѣлала новую ошибку
торжественно объявивъ народу, что сей мини
душа почти всего ея царствованія, есть гнуснѣй
шій изъ смертныхъ". Иначе онъ относится къ цар
ствованію Екатерины II; онъ выражаетъ желан
чтобы и Александръ I слѣдовалъ по ея стопамъ.
Вотъ что говоритъ Карамзинъ о царствован
Екатерины II: "Екатерина очистила самодержавіе отъ
примѣсовъ тиранства. Слѣдствіемъ были спокой-
ствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ

знанія разума. Россія съ честью и славой занимала одно изъ первыхъ мѣстъ государственной Европейской системы. Воинствуя мы разили: Петръ удивилъ Европу своими побѣдами, Екатерина пріучила ее къ нашимъ побѣдамъ". "Но согласимся, что блестящее царствованіе Екатерины представляетъ взору наблюдателя и нѣкоторыя пятна. Нравы болѣе развратились въ палатахъ и хижинахъ: тамъ - отъ примѣровъ двора любострастнаго, здѣсь - отъ выгоднаго для казны умноженія питейныхъ домовъ. Примѣръ Анны и Елизаветы извиняетъ ли Екатерину? Богатства государственныя принадлежатъ ли тому, кто имѣетъ единственно красивое лицо? Слабость тайная есть только слабость; явная - порокъ, ибо соблазняетъ другихъ. Само достоинство государя терпитъ, когда онъ нарушаетъ уставъ благонравія: какъ люди ни развратны, но внутренно не могутъ уважать развратныхъ. Требуется ли доказательствъ, что истинное почтеніе къ добродѣтелямъ монарха утверждаетъ власть его? Горестно, но должно признаться, что хваля усердно Екатерину за превосходныя качества души, невольно вспоминаемъ ея слабости и краснѣемъ за человѣчество. Замѣтимъ еще, что правосудіе не цвѣло въ сіе время; вельможа, чувствуя несправедливость свою въ тяжбѣ съ дворяниномъ, переносилъ дѣло въ ка-

бинетъ; тамъ засыпало оно и не пробуждалось. Въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянію вещей, но красивѣйшее по формамъ. Таково было новое учрежденіе губерній. Далѣе Карамзинъ утверждаетъ, что "вельможа не стыдился быть развратнымъ, торговали правдой и чинами", и дѣлаетъ такое заключеніе:

"По крайней мѣрѣ, сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина Россійскаго".

Къ Павлу Карамзинъ относится съ полнымъ расположеніемъ; онъ говоритъ, что Павелъ "заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго |самодержавія|. Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому изумленію Россіанъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя ни какимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами. Россіяне смотрѣли на сего монарха, какъ на грозный метеоръ, считая минуты и съ нетерпѣніемъ ожидая послѣдней минуты: она пришла, и вѣсть о томъ въ цѣломъ государствѣ была вѣстью искупленія: въ домахъ и на улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга, какъ въ день

Свѣтлаго Воскресенія. Кто былъ несчастливѣе Павла?" Затѣмъ слѣдуютъ намеки, какимъ образомъ умеръ Павелъ.

По смерти Павла вступаетъ на престолъ Александръ. "Два мнѣнія, говоритъ Карамзинъ, были тогда господствующими въ умахъ: одни хотѣли, чтобы Александръ I къ вѣчной славѣ своей взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, отъ бѣдственнаго при его родителѣ; другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатерининa царствованія, столь счастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла". "Всѣ Россіяне были согласны въ добромъ мнѣніи о качествахъ юнаго монарха; онъ царствуетъ 10 лѣтъ и никто не перемѣнитъ о томъ своихъ мыслей. Скажу еще болѣе: всѣ согласны, что едва ли кто-нибудь изъ государей превосходитъ Александра въ любви, въ ревности къ общему благу; едва ли кто-нибудь столь мало ослѣплялся блескомъ вѣнца и столь умѣлъ быть человѣкомъ на тронѣ, какъ онъ!... Но здѣсь имѣю нужду въ твердости духа, чтобы сказать истину. Россія наполнена недовольными: жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ, не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры. Удивительный

государственный феноменъ"! Затѣмъ слѣдуетъ на многія страницы эта истина. Карамзинъ разбираетъ внѣшнюю политику Александра I и высказываетъ свои взгляды на нее, а затѣмъ переходитъ къ внутренней реформѣ Сперанскаго и здѣсь также не скрываетъ порицанія; "разсматривая такимъ образомъ сіи новыя государственныя творенія и видя ихъ незрѣлость, добрые Россіяне жалѣютъ о бывшемъ порядкѣ вещей". Вообще всѣ намѣренія Александра клонятся къ общему благу. „Гнушаясь безсмысленнымъ правиломъ - удержать умы въ невѣжествѣ, чтобы властвовать тѣмъ спокойнѣе, онъ употребилъ милліоны для образованія университетовъ, гимназій, школъ; къ сожалѣнію, видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества. Выписали профессоровъ, не приготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; - ученики не разумѣютъ иноземныхъ учителей, ибо худо знаютъ языкъ латинскій, и число ихъ такъ не велико, что профессора теряютъ охоту ходить въ классы". Здѣсь онъ говоритъ о причинахъ подобнаго рода печальныхъ обстоятельствъ, что у насъ университеты образованы по нѣмецкимъ образцамъ, что дворяне у насъ стремятся только служить, а купцы - знать ариѳметику, да иностранные языки для собственной выгоды; что, все это - "строить

университеты, заводить библіотеки, кабинеты, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрологовъ, филологовъ – есть пускать пыль въ глаза. Чего не преподаютъ даже въ Харьковѣ и Казани? Замѣтимъ также нѣкоторыя странности въ семъ новомъ образованіи ученой части. Лучшіе профессора, коихъ время должно быть посвящено наукѣ, занимаются подрядами свѣчъ и дровъ для университета! Сверхъ того профессора обязаны ежегодно ѣздить по губерніямъ для обозрѣнія школъ: сколько денегъ и трудовъ потерянныхъ!" Жалко и смѣшно, говоритъ Карамзинъ, смотрѣть на этихъ профессоровъ, трясущихся въ кибиткахъ осенью по дорогамъ. Затѣмъ, онъ особенно порицаетъ экзамены при производствѣ въ чины: "сдѣлавъ многое для успѣха наукъ въ Россіи и съ неудовольствіемъ видя слабую ревность дворянъ въ снисканіи ученыхъ свѣдѣній въ университетахъ, правительство желало насъ принудить къ тому и выдало несчастный указъ объ экзаменахъ. Отнынѣ никто не долженъ быть производимъ ни въ статскіе совѣтники, ни въ коллежскіе ассессоры безъ свидѣтельства о своей ученности; отъ каждаго чиновника нужно требовать знанія сообразнаго его службѣ, а у насъ теперь предсѣдатель Гражданской Палаты долженъ знать Гомера и Феокрита, надзиратель въ домѣ сумасшед-

шихъ - римское право; въ противномъ же случаѣ умрутъ коллежскими и титулярными совѣтниками."

Затѣмъ слѣдуетъ его мнѣніе относительно намѣренія правительства дать свободу крестьянамъ и въ этомъ вопросѣ онъ является ретроградомъ: здѣсь онъ говоритъ о причинахъ закрѣпощенія, о главныхъ разрядахъ крестьянъ и приходитъ къ слѣдующему заключенію: "мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе порабощать людей, нежели дать имъ не во-время свободу для которой надобно готовить человѣка нравственнымъ исправленіемъ. Въ заключеніе скажемъ доброму монарху "Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало, но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ "

Далѣе Карамзинъ говоритъ о собираніи казенныхъ налоговъ: "казна богатѣетъ только двумя способами. размноженіемъ вещей или умньшеніемъ расходовъ, промышленностью и бережливостью. Если годъ отъ года будетъ у насъ болѣе хлѣба и конъ, кожъ, холста, то содержаніе арміи должно стоитъ менѣе, а тщательная экономія богаче золотыхъ рудниковъ. Милліонъ, сохраненный въ казнѣ за расходами обращается въ два, милліо-

налогомъ пріобрѣтенный, уменьшается нынѣ въ половину, завтра будетъ нулемъ." Затѣмъ онъ касается экономіи, соблюдаемой при дворѣ, говоря, что "бережливость государя, не есть государственная: Александра называютъ даже скупымъ;но сколько изобрѣтено новыхъ мѣстъ, сколько чиновниковъ ненужныхъ! Здѣсь три генерала стерегутъ туфли Петра Великаго; тамъ одинъ человѣкъ беретъ изъ пяти мѣстъ жалованье, всякому столовыя деньги, множество пенсій излишнихъ ... однимъ словомъ, отъ начала Россіи не бывало государя столь умѣреннаго въ своихъ особенныхъ расходахъ, какъ Александръ, и царствованія столь расточительнаго, какъ его."

Затѣмъ, у Карамзина идетъ рѣчь о законодательствѣ царствованія Александра. Онъ говоритъ, что цѣликомъ не слѣдовало бы брать Наполеонова кодекса, а лучше взяться было бы за исправленіе и дополненіе своего собственнаго; порицаетъ формы управленій разныхъ вѣдомствъ и заявляетъ, что отъ этихъ новыхъ формъ дѣла находятся не въ лучшемъ положеніи. Къ этому прибавляется слѣдующее: "Самодержавіе есть палладіумъ Россіи, цѣлость ея необходима для ея счастья; изъ сего не слѣдуетъ, чтобы государь,единственный источникъ власти, имѣлъ причины уникать

дворянство, столь же древнее, какъ и Россія Оно было всегда ни что иное, какъ братство знаменитыхъ слугъ великокняжескихъ, или царскихъ. "
"Надлежало бы не дворянству быть по чинамъ, но чинамъ по дворянству, т.е. для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ чиновъ надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у насъ со временъ Петра Великаго не соблюдается. Офицеръ есть уже дворянинъ" Такимъ образомъ, онъ становится на сторону дворянства и наряду съ нимъ ставитъ и духовенство: "какъ дворянство, такъ и духовенство бываетъ полезно государству по мѣрѣ общаго къ нимъ народнаго уваженія. Не предлагаю возстановить патріаршество, но желаю чтобы Синодъ имѣлъ болѣе важности въ составѣ его и въ дѣйствіяхъ, чтобы въ немъ засѣдали одни архіепископы, чтобы онъ, въ случаѣ новыхъ коренныхъ государственныхъ постановленій, сходился вмѣстѣ съ Сенатомъ для выслушанія, для принятія оныхъ въ свое хранилище законовъ и для обнародованія, разумѣется, безъ всякаго противорѣчія. Дворянство и духовенство, Сенатъ и Синодъ, какъ хранилище законовъ , надъ всѣми государь, единственный законодатель, единовластный источникъ властей. Вотъ основаніе Россійской монархіи, которое можетъ быть утверждено, или ослаблено царствую-

щими."

Наконецъ, слѣдуетъ заключеніе, въ которомъ проводится мысль, что, если Александръ будетъ сохранять прежнія учрежденія, если благоразумною строгостью онъ постарается заставить вельможъ исполнять ревностно свои служебныя обязанности, если онъ спасетъ Россію отъ опасной войны съ Наполеономъ и, что вообще, если все свое вниманіе обратитъ на внутреннее положеніе дѣлъ, то вся Россія благословитъ Александра, колебанія утихнутъ, неудовольствія исчезнутъ."

Тутъ же помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ письма Н.М.Карамзина къ императору Александру. Однажды государь высказалъ мысль, что желаетъ возстановить Польское королевство. Карамзинъ написалъ возраженіе, гдѣ говоритъ: "Вы христіанинъ, но вы истребили полки Наполеона въ Россіи, какъ греки-язычники истребили персовъ на берегахъ Эллады . . . Какъ христіанинъ, Вы любите своихъ личныхъ враговъ Но Богъ далъ Вамъ царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ снаго." Затѣмъ, сказавъ о препятствіяхъ и трудностяхъ возстановленія Польши во всѣхъ прежнихъ ея владѣніяхъ, что Австрія не уступитъ Галиціи для новаго государства, онъ продолжаетъ: "Но если бы возстановилась древняя

Польша и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи." Письмо свое Карамзинъ заканчиваетъ тѣмъ, что вновь возстановленное государство никогда не будетъ искренно - дружески относиться къ Россіи.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

Переходимъ теперь къ его "Исторіи государства Россійскаго". Прежде всего обратимся къ мыслямъ, которыя Карамзинъ высказалъ въ предисловіи къ своей исторіи. Предисловіе начинается съ опредѣленія исторіи: "Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ - главная, необходимая, зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго." Конечно, это опредѣленіе исторіи въ настоящее время не удовлетворяетъ насъ и отличается чисто утилитарнымъ характеромъ.

Затѣмъ Карамзинъ доказываетъ пользу исторіи для правителей, законодателей, которые смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чер-

тежи морей; для нихъ исторія, слѣдовательно, представляетъ образцы и примѣры. Но и простому гражданину должно читать исторію. Почему? - "Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось. Она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества." "Такова польза исторіи. Сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ... Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многооб-

разныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ, или питаютъ чувствительность." Далѣе, "если всякая исторія бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній, то тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое, или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы же всѣ граждане въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абессиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя." Такъ Карамзинъ говоритъ о національности. Затѣмъ онъ доказываетъ, что русская исторія интересна не только для русскаго, но и для всякаго иноземца. "Не надобно быть русскимъ, надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостью и мужествомъ снискалъ господство надъ 9-ю частью міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи, и просвѣтилъ Божественною вѣрою."

Правда, исторія Фукидида, Ливія и Геродота весьма интересна для всякаго, такъ какъ тамъ говорится о странахъ и народахъ просвѣщенныхъ, однако же смѣло можно сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги

Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіанъ при Донскомъ и т.д. Знаю, говоритъ Карамзинъ, что битвы нашего Удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума, что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматики, ни красотами для живописца, но исторія - не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно. Она изображаетъ дѣйствительный міръ. Кромѣ того, и сама древняя исторія не представляетъ глубокаго интереса, если, напримѣръ, исключить изъ исторіи Фукидида его рѣчи, то останется только голый разсказъ о междоусобіяхъ греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова дома."

Но какова же должна быть исторія? Есть три рода исторіи: первая современная, напримѣръ Фукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; вторая, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; третья извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка. Затѣмъ, Карамзинъ опредѣляетъ требованія отъ историка: "Исторія , говорятъ, наполнена ложью; скажемъ лучше, что въ ней

какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи; однакожъ характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскательнѣе и строже критика; тѣмъ непозволительнѣе историку, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ читателей, мыслить и говорить за героевъ, которые уже давно безмолвствуютъ въ могилахъ. Что же остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ хартіямъ древности?-Порядокъ, ясность, сила, живопись." При описаніи имѣетъ значеніе патріотизмъ: любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души." Обращаясь, наконецъ, къ своему труду, Карамзинъ говоритъ: "не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ переданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность". Далѣе у него идетъ рѣчь о примѣчаніяхъ и выпискахъ, которыя онъ сдѣлалъ въ своемъ трудѣ: "Множество сдѣланныхъ мною при-

мѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самого. Счастливы древніе: они не вѣдали сего мелочного труда, въ коемъ теряется полсвина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе, тягостная жертва, приносимая достовѣрности, однако же необходимая! Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены критикою, то мнѣ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ, когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено - надобно вооружиться терпѣніемъ. Съ XУ же вѣка уже менѣе выписываю; источники размножаются и дѣлаются яснѣе.

Наконецъ, въ концѣ Карамзинъ говоритъ о раздѣленіи русской исторіи на періоды: "Шлецеръ сказалъ, что наша исторія должна раздѣляться на слѣдующіе 5 періодовъ: отъ 862 года до Святополка должна быть названа рождающеюся; отъ Ярослава до монголовъ - раздѣленною; отъ Батыя до Іоанна III - угнетенною; отъ Іоанна до Петра Велика - побѣдоносною, отъ Петра до Екатерины II - процвѣтающею."

Не соглашаясь съ этимъ дѣленіемъ, Карамзинъ предлагаетъ слѣдующее: "гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе исторія наша дѣлится на древнѣйшую отъ Рюрика до Іоанна III, на среднюю отъ

Іоанна до Петра и новую - отъ Петра до Александра. Система удѣловъ была характеромъ первой эпохи, единовластіе - второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ - третьей." Свое предисловіе къ "Исторіи государства Россійскаго" Карамзинъ заканчиваетъ перечисленіемъ источниковъ, которые были въ его распоряженіи; тутъ прежде всего нужно упомянуть: 1| о лѣтописяхъ; онъ сообщаетъ о тѣхъ лѣтописныхъ спискахъ, которыми онъ пользовался; говоритъ, что у него были и такіе списки, которые не были извѣстны Шлецеру. Кромѣ лѣтописей сюда относятся также и другіе источники; 2| Степенная книга; 3| хронографы, или всеобщая исторія по византійскимъ лѣтописямъ, со внесеніемъ и нашей весьма краткой; 4| житія святыхъ - въ патерикѣ, въ прологахъ и минеяхъ; 5| особенныя дѣянисанія: напримѣръ, сказаніе объ Александрѣ Невскомъ; 6| разряды, или распредѣленіе воеводъ и полковъ; 7| родословная книга; 8| посланія святителей; 9| археологическія данныя, грамоты, статейные списки, иностранныя современныя лѣтописи, государственныя бумаги иностранныхъ архивовъ. - "Вотъ матеріалы исторіи и предметъ исторической критики"! - такъ заканчиваетъ Карамзинъ предисловіе къ "Исторіи государства Россійскаго". Теперь обращаемся къ

самой исторіи. Она доведена до 1611 года включительно Послѣдняя фраза, заключающая этотъ трудъ, такова: "Орѣшекъ не сдавался." Нужно замѣтить, что примѣчанія въ разныхъ изданіяхъ не одинаковы Прежде всего нужно различать два изданія: одно полное, а другое въ сокращенномъ видѣ, предназначенное для простого чтенія; это послѣднее издано Смирдинымъ; въ полномъ же видѣ издано Эйнерлингомъ. Переходя къ самой "Исторіи государства Россійскаго", я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно значенія и характера разныхъ эпохъ: разсказъ о судьбахъ древней нашей исторіи не отличается самостоятельнымъ характеромъ, но зато Карамзинъ представляетъ довольно ясное изложеніе дѣлъ, на основаніи уже существующей литературы. Взглядъ на кіевскій періодъ отличается уже большею самостоятельностью; онъ смотритъ на эту эпоху, какъ на періодъ монархическій |и, конечно, ошибается|. Удѣльный періодъ по мнѣнію Карамзина, былъ самымъ печальнымъ временемъ; это было время упадка силы и могущества русскаго государства, паденія единовластія, одна изъ самыхъскучныхъ и непріятныхъ страницъ русской исторіи. Отъ этой эпохи Карамзинъ переходитъ къ развитію московскаго единодержавія; здѣсь онъ какъ бы ободряется, съ особеннымъ ин-

тересомъ слѣдитъ за развитіемъ московскаго единодержавія и останавливается главнымъ образомъ на личности Іоанна III, котораго ставитъ даже выше Петра Великаго. Затѣмъ онъ останавливается на Іоаннѣ Грозномъ и здѣсь изображаетъ его такимъ же тираномъ, какимъ изобразилъ его въ наше время Костомаровъ; онъ доволенъ только, что русскій народъ вышелъ съ честью изъ этого испытанія. Наконецъ, переходя къ смутной эпохѣ, Карамзинъ дѣлаетъ замѣчательную характеристику лихолѣтія, которое было въ Русской землѣ передъ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича.

" Исторія Государства Россійскаго" пользовалась громаднымъ успѣхомъ въ публикѣ. Въ теченіе перваго мѣсяца разошлось 300 экземпляровъ, а въ теченіе года 3000. Вслѣдъ затѣмъ слѣдовали второе и третье изданіе. Въ нѣкоторыхъ журналахъ того времени, редактированныхъ Каченовскимъ и Полевымъ, появились, впрочемъ, отрицательные отзывы объ "Исторіи Государства Россійскаго " Карамзина; эти отзывы исходили отъ скептиковъ, на взглядахъ которыхъ я остановлюсь послѣ. Здѣсь же отмѣчу мнѣнія другихъ лицъ. Кромѣ Каченовскаго и Полевого, отрицательныя мнѣнія были высказаны Арцыбашевымъ, Ходаковскимъ, который оказалъ громадную пользу русской архео-

логіи, хотя его теорія о городищахъ едва ли можетъ быть принята, Лелевелемъ, мнѣніе котораго относится къ предисловію "Исторіи Карамзина", и наконецъ, Муравьевымъ, который до нѣкоторой степени примыкаетъ къ декабристамъ. Другіе лица высказывали восторженные отзывы; сюда нужно отнести Старчевскаго, Струдзу, Жуковскаго.

Вотъ отзывъ Струдзы: "Его "Исторія государства Россійскаго" подобна зданію огромному, вышина коего обличаетъ глубину и многотрудность прочнаго основанія. Время очень немного догадокъ его опровергло; добросовѣстность историка подаетъ читателямъ ключъ къ отысканію ошибокъ его въ богатомъ запасѣ его примѣчаній. Конечно, его розысканія о происхожденіи славянъ не совсѣмъ удовлетворительныя и сужденія его о Востокѣ отзываются предразсудками западной образованности, но, въ оправданіе Карамзина, замѣтимъ, что надъ колыбелью каждаго народа простерта непроницаемая пелена, которую поднять и знаменитѣйшимъ историкамъ не удавалось. Что же касается до взгляда его на Востокъ, онъ не всегда вѣренъ, потому что рѣшительно насъ такъ воспитываютъ. Однако, загляните въ его исторію: съ какимъ усердіемъ слѣдитъ онъ въ ней постепенное развитіе христіанства въ нашемъ отечествѣ!

То, что ускользнуло отъ его взора, приводится теперь въ стройный составъ похвальными трудами новѣйшихъ изслѣдователей. А нравы, обычаи, языкъ древней Руси, какъ занимаютъ его! Съ какимъ усердіемъ ловитъ онъ недосказанныя слова лѣтописцевъ и пишетъ картину русскаго народа въ разные времена, вопреки несправедливой укоризнѣ тѣхъ, кои стараются увѣрить насъ, что Карамзинъ, занявшись государствомъ, забылъ о народѣ!... Слогъ безсмертнаго повѣствователя выше всякой похвалы; выдержанный безъ образца, онъ сдѣлался образцовымъ и, если въ немъ желалось бы иногда болѣе упругости и твердаго выраженія мыслей, то эта излишняя мягкость часто уступаетъ вдохновенію бытописателя.

Въ заключеніе скажемъ: Николай Михайловичъ Карамзинъ живой примѣръ безпримѣрнаго добродушія, незлобія и даровитости ума, началъ и открылъ для насъ періодъ народнаго самосознанія. До него Россія походила на тѣ полярныя страны, въ которыя должно пробираться по сугробамъ и глубокимъ снѣгамъ при багровомъ отливѣ сѣверныхъ сіяній, или въ полуночномъ мракѣ. Онъ проложилъ и разработалъ стези къ знанію прошедшаго, а безъ сего знанія нравственная жизнь и доблесть какого бы то ни было народа поглощает-

ся долу преклоннымъ влеченіемъ къ веществу, или рабольпствомъ ко всему чужеземному. Такая заслуга выше всѣхъ заслугъ, въ особенности, когда человѣкъ не ниже великаго писателя". Таковъ отзывъ г.Струдзы. Пушкинъ не былъ въ числѣ отрицательныхъ критиковъ "Исторіи государства Россійскаго " Карамзина, но написалъ на нее злую эпиграмму:

1. "Въ его исторіи изящность, простота
Доказываютъ намъ - безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута".

2. Послушайте меня, я сказку вамъ скажу
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ и время золотое
И, наконецъ, про Грознаго Царя.
И, бабушка, затѣяла пустое:
Докончи намъ Илью богатыря." Пушкинъ.

Трудъ Карамзина былъ встрѣченъ благосклонно не только въ русской исторической литературѣ, но даже и за границей; еще при жизни его "Исторія государства Россійскаго" была переведена на французскій языкъ. Одинъ переводъ былъ сдѣланъ въ Парижѣ, другой въ Петербургѣ. Во французскомъ журналѣ "Constitutionnel" въ это время писалось: "можно ли автору быть умѣрен-

нѣе, скромнѣе въ своихъ ожиданіяхъ? Явленіе удивительное! Вотъ черта, которая лучше всего изображаетъ намъ высокую душу Карамзина. Великій писатель, заслуженный историкъ, знаменитый гражданинъ, забывая о всѣхъ своихъ заслугахъ и правахъ на признательность потомства, радуется болѣе всего тому, что потомство признаетъ его честнымъ человѣкомъ." Самъ Карамзинъ говоритъ объ этомъ отзывѣ: "Либеральный Constitutionnel въ № 13 - октября, пишетъ Карамзинъ, осыпалъ меня похвалами, хвалитъ даже мою либеральность вопреки либералистамъ! Странно, что они, французы, въ тѣни находятъ болѣе, нежели иные братья русскіе въ вещи |тѣнью называю переводъ|. Я мысленно и словами часто бранилъ французскихъ переводчиковъ, а первые парижскіе журналисты хвалятъ ихъ даже ревностно". Здѣсь же упоминаемъ и объ отзывѣ нѣмецкаго писателя Берне: „Карамзина "Исторія государства Россійскаго" мастерское произведеніе, достойное своего предмета. Распредѣленіе частей соотвѣтствуетъ цѣли, ясно и разумно. Перепутанная масса странъ и народовъ, изъ которыхъ мало-по-малу сложилось громадное государство, съ большимъ искусствомъ разобрана и, сообразно своему значенію, болѣе или менѣе освѣщена. Слогъ благородный.

сильный и, гдѣ слѣдовадо, живописный. Нѣтъ недостатка въ превосходныхъ разсужденіяхъ, но онѣ вытекаютъ изъ событій, а не приданы сочинителемъ, въ видѣ высокопарныхъ вставокъ. Гдѣ требовала правда, Карамзинъ, если не такъ радостно, то тѣмъ не менѣе вѣрно, говоритъ объ ошибкахъ и пораженіяхъ своего народа, равно какъ и о его побѣдахъ и доблестяхъ. Особенно поражаетъ его откровенность, съ которой онъ тепло и одобрительно выставляетъ нѣкоторые принципы, отъ принятія которыхъ въ жизнь Россія еще такъ далека, не столько потому, что правительству недостаетъ любви къ свободнымъ учрежденіямъ, сколько вслѣдствіе недостатка въ обществѣ чувства свободы...". Русская критическая литература относится къ труду Карамзина съ большимъ уваженіемъ. Мы имѣемъ два отзыва: Старчевскаго и Погодина. Старчевскій довольно характеристично опредѣляетъ значеніе "Исторіи государства Россійскаго", хотя нельзя не сказать, что онъ нѣсколько идеализируетъ его: "Въ наше время, когда въ послѣдніе 25 лѣтъ науки такъ быстро подвинулись впередъ, а многія получили даже совершенно новое значеніе и направленіе въ особенности исторія и филологія, "Исторія государства Россійскаго" все-таки остается великимъ произведеніемъ великаго писателя. Для дѣй-

ствительно полезной критики на "Исторію государства Россійскаго, надо предпринимать 12-лѣтній походъ въ область археологіи и критики, какой совершилъ самъ Карамзинъ. Конечно, такой походъ будетъ теперь гораздо легче, ибо многое, чѣмъ пользовался Карамзинъ въ рукописи, теперь уже издано. Результатомъ этого похода можетъ быть только убѣжденіе, что Карамзинъ, не имѣя вѣрнѣйшихъ данныхъ объ извѣстномъ событіи, долженъ былъ пользоваться тѣми, какія у него были подъ рукой, отчего и могла произойти не одна ошибка. Но за всѣмъ тѣмъ никто не въ правѣ сказать, что Карамзинъ исказилъ то или другое событіе, что онъ провелъ въ своемъ трудѣ ложную идею, ложный взглядъ на вещи и ввелъ другихъ въ заблужденіе, какъ дѣлали это послѣдующіе историки; словомъ, никто не можетъ упрекнуть Карамзина въ недобросовѣстности"..... "Начиная съ того мѣста, гдѣ русская исторія дѣлается достовѣрнѣе и гдѣ не было недостатка въ отечественныхъ памятникахъ Карамзинъ выполнилъ свое дѣло какъ нельзя лучше и добросовѣстнѣе. Можно только замѣтить, что онъ придавалъ излишнее значеніе древнему великому княжеству Кіевскому и его государямъ; но въ эту ошибку онъ могъ быть вовлеченъ недостаткомъ историческихъ матеріаловъ"... "Карамзинъ, тру-

дясь во имя науки, въ то самое время хотѣлъ дать историческую опору новому русскому обществу; напомнить ему, что оно имѣетъ свое прошедшее, утвердить народность. Вотъ главная цѣль труда Карамзина, котор.увѣнчалась неимовѣрнымъ успѣхомъ. Благотворное вліяніе этого колоссальнаго труда на русское общество было неслыханное и вполнѣ вознаградило писателя за жертву, которую принесъ онъ наукѣ."

Что касается Погодина, то его отзывъ еще болѣе обстоятеленъ и еще болѣе интересенъ: "Всякое историческое произведеніе можетъ быть разсматриваемо съ 3-хъ сторонъ: 1| со стороны критики, 2| искусства и 3| науки.

Критика изслѣдуетъ, очищаетъ, приготовляетъ матеріалы. Искусство воспроизводитъ событія и представляетъ ихъ воображенію, какъ бы они теперь происходили.

Наука проникаетъ въ ихъ внутеннюю связь и открываетъ ихъ законы или божественныя идеи...Карамзинъ принужденъ былъ по необходимости принять на себя всѣ три обязанности, и мы должны показать его заслуги съ этихъ трехъ сторонъ. Онъ разсмотрѣлъ и изслѣдовалъ всѣ извѣстные до него исторические источники и множество новыхъ, имъ самимъ открытыхъ; ни одного списка лѣтописи не

осталось не прочтеннаго, не просмотреннаго, и на-всѣхъ сіяютъ слѣды его руки. Этого мало, онъ пере-челъ столь же добросовѣстно историковъ, которые прежде его пользовались ими, и показалъ, гдѣ и какъ они уклонялись, часто даже - почему. Вообразите же себѣ это множество списковъ, лѣтописей, это множество грамотъ и различныхъ сказаній, это множество изслѣдованій и иностранныхъ свидѣ-тельствъ, кои должно было обдумать и имѣть въ виду! Взгляните на примѣчанія къ каждому тому. Отвсюду извлекалъ Карамзинъ сущность и употре-блялъ въ дѣло, указывалъ при всякомъ положеніи на то свидѣтельство, которое служило ему основа-ніемъ, приводя важнѣйшія мѣста изъ древнихъ источниковъ, такъ что, если бы мы имѣли несча-стье потерять ихъ всѣ - наука могла бы еще идти далѣе и совершенствоваться изъ одного его сочи-ненія. Въ его примѣчаніяхъ заключается почти другая исторія, столь же драгоцѣнная, изъ под-линныхъ словъ составленная... Всѣ дѣйствовавшіе лица были, кажется, предъ его глазами со всѣми случаями изъ ихъ жизни, удѣльныхъ князей, напри-мѣръ, которыхъ было по множеству въ одно время и которые ежегодно почти мѣняли свои горсда и дрались между собою, и дружились, измѣняли другъ другу еще чаще. Карамзинъ распредѣлилъ каждаго

въ свое мѣсто, въ свое время, въ свои отношенія и въ 25 лѣтъ не нашлось никакихъ важныхъ противорѣчій въ тысячахъ показаній этого рода. Дѣятельный ученый принялъ на себя обязанность составить указатель къ сочиненію Карамзина и этотъ указатель занялъ два большіе тома съ тысячами предметовъ. Всѣ, занимающіеся исторіей, поклонились благодѣтельной книгѣ, а эта книга была только составленіемъ, исчисленіемъ предметовъ, изслѣдованныхъ, описанныхъ Карамзинымъ въ ихъ послѣдовательности и связи."

"Мы переходимъ, продолжаетъ далѣе Погодинъ, къ разсмотрѣнію "Исторіи" Карамзина со стороны искусства. Истинно, разсматривая многочисленные, утомительные, тягостные, часто даже мучительные труды Карамзина въ области критики, не понимаешь, какъ послѣ нихъ оставалось еще ему время писать исторію и невольно приходитъ мысль, что она изливалась сама собою изъ глубины его души и сердца, естественнымъ слѣдствіемъ его чтенія и размышленія, какъ будто кристаллизовалась, не стоя ему нималѣйшаго труда". Затѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ о языкѣ Карамзина и приведя цѣликомъ вступленіе въ исторію Іоанна III Карамзина, Погодинъ продолжаетъ: "Неужели это не музыка? Какая стройность, полнота, благозвучіе,

величіе! Этого языка никто не превзойдетъ, никто съ нимъ не сравняется, никто его не достигнетъ. Только одинъ разъ, только въ однихъ устахъ могъ онъ такъ произвестися, и повторяться такое явленіе не можетъ, какъ не можетъ повторяться храмъ Св. Петра, Рафаэлева Мадонна, Моцартова симфонія. Въ "Исторіи государства Россійскаго" Карамзинъ поставилъ языку свои Геркулесовскіе столпы, которыхъ пройти невозможно. Мы будемъ имѣть много геніальныхъ произведеній, потому что наука, искусство, жизнь, языкъ, безконечны; но уже въ другомъ родѣ, другого ладу, другого сочиненія". Наконецъ, разсматривая исторію Карамзина со стороны науки, мы должны прежде всего замѣтить, что онъ не успѣлъ кончить своего исполинскаго труда, не успѣлъ замкнуть своего высокаго свода, не успѣлъ произнести своего завѣтнаго слова. Карамзинъ изобразилъ ужасное состояніе Россіи во время междуцарствованія, показалъ издали прекрасную зарю освобожденія отъ враговъ, но здѣсь, сраженный болѣзнью, остановился; на роковомъ выраженіи "Орѣшекъ не сдавался" перо выпало изъ рукъ великаго писателя и русская исторія осиротѣла. Всего болѣе должно сожалѣть о томъ, что Карамзинъ не написалъ предположеннаго имъ обозрѣнія, гдѣ въ краткихъ

но ясныхъ, по особенному свойству его ума, чертахъ, мы увидѣли бы его понятіе о русской исторіи прошедшей, настоящей и будущей, его мнѣніе о судьбѣ и назначеніи Россіи, его завѣщаніе наукѣ. Вотъ гдѣ должно было предствиться органическое развитіе исторіи, вотъ гдѣ должна была выразиться система! Потеря эта вознаграждается отчасти его "запискою о древней и новой Россіи", но эту записку писалъ онъ еще очень рано, занимаясь не болѣе 7 лѣтъ Русской Исторіей".....

Вотъ взглядъ Погодина, который былъ высказанъ въ 1866 году въ день празднованія юбилея Карамзина; во время этого юбилея были высказаны и другіе взгляды. Я остановлюсь на отзывѣ извѣстнаго юриста архивиста Ник. В. Калачева въ статьѣ о значеніи Карамзина въ исторіи русскаго законодательства. Привожу нѣсколько характерныхъ выдержекъ: "Въ самомъ началѣ своей исторіи Карамзину предлежало разсмотрѣть 3 разряда совершенно разнородныхъ памятниковъ законодательной дѣятельности нашихъ князей, именно договоры съ греками, церковные уставы и Русскую Правду. Первые были уже не одинъ разъ изданы и объясняемы, и потому, признавая ихъ драгоцѣннѣйшими и древнѣйшими памятниками русской исторіи, онъ ограничился изложеніемъ въ ея текстѣ ихъ содер-

ханія, а въ примѣчаніяхъ - объясненіемъ нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ выраженій и словъ. Зато уставы о церковныхъ судахъ напечатаны имъ вполнѣ; уставъ св. Владиміра впервые по списку Синодальной Кормчей XIII вѣка, а уставъ Ярослава по собственному его списку XVIII столѣтія. Оба эти устава онъ признаетъ подложными и преимущественно съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, возбуждающія сомнѣнія историка и филолога".

„Что касается "Русской Правды" то Карамзинъ первый познакомилъ насъ, съ одной стороны, съ древнѣйшими ея списками на основаніи Синодальной Кормчей XIII вѣка хартейнаго сборника, принадлежавшаго графу Мусину-Пушкину, а съ другой стороны, - съ особою пространною ея редакціей на основаніи собственнаго его списка, который я издалъ въ 1846 году подъ именемъ Карамзинскаго. Указаніе на эти списки составляетъ, конечно, заслугу; но она увеличивается помѣщенными Карамзинымъ въ примѣчаніяхъ объясненіями множества выраженій, встрѣчающихся въ разныхъ текстахъ "Русской Правды". "Изложеніе періода удѣловъ дало поводъ Карамзину знакомить своихъ читателей съ грамотами, жалованными князьями монастырямъ, церквамъ и свѣтскимъ обществамъ, особенно въ предѣлахъ Нов-

городскихъ, съ грамотами договорными, съ одной стороны, между самыми князьями, а съ другой, - между ними и Новгородомъ, Смоленскомъ, Ригой и ганзейскими городами, съ духовными завѣщаніями князей, съ судными грамотами Новгорода и Пскова и, наконецъ, съ памятниками церковнаго права, въ томъ числѣ и съ ярлыками, данными ханами Золотой Орды нашему духовенству."

"Съ Іоанна III, когда начинаются наши дипломатическія сношенія съ иностранными государствами, Карамзинъ предлагаетъ выписки изъ заключенныхъ съ ними договоровъ и изъ бывшихъ съ ними сношеній по рукописямъ Московскаго архива иностранной колегіи [нынѣшняго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ]. Въ шестомъ и слѣдующихъ томахъ своей исторіи онъ ссылается безпрерывно на дѣла цесарскія или австрійскія, польскія, лифляндскія, крымскія, турецкія, греческія, папскія и проч. Тому, кто имѣлъ случай обозрѣвать эту массу памятниковъ дипломатическихъ сношеній, завѣщанныхъ намъ нашими предками, изъ коихъ напечатанныя недавно сношенія съ однимъ лишь дворомъ до XVII в. наполняютъ семь большихъ томовъ, легко составить себѣ понятіе о томъ, сколько терпѣнія и любви къ своему труду долженъ былъ имѣть Карамзинъ, чтобы перечитать

и усвоить себѣ всѣ эти дѣла. Но разсказъ о дипломатическихъ сношеніяхъ онъ велъ параллельно и въ связи съ описаніемъ внутреннихъ событій: эти послѣднія онъ черпалъ изъ груды другихъ рукописей, въ числѣ которыхъ вниманіе юристовъ обращаютъ на себя судебники обоихъ Іоанновъ съ дополнительными къ нимъ статьями, соборныя дѣянія и между ними Стоглавъ, книги помѣстнаго приказа, разметныя и сошнаго письма, множество грамотъ, чины на разныя поставленія, присяги дѣла судебныя." Итакъ, если мы припомнимъ, что всѣ эти памятники изданы были въ болѣе позднюю эпоху, а во время Карамзина совершенно не были изданы ни собранія государственныхъ грамотъ ,ни договоровъ; если мы припомнимъ, что Стоглавъ былъ изданъ только въ 60-хъ годахъ XIX вѣка,то мы поймемъ важное значеніе выдержекъ, приводимыхъ Карамзинымъ. На этомъ я заканчиваю рѣчь о Карамзинѣ

ВЫПИСКИ ИЗЪ КНИГИ МИЛЮКОВА: "ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ" I т. Москва 1897 г.

Въ исторіографіи XVIII вѣка существовали два различные взгляда на задачи историческаго изученія. Русскіе изслѣдователи ставили глав-

ною цѣлью исторіи - принесеніе пользы, нѣмецкіе изслѣдователи - достиженіе истины. Къ концу столѣтія тотъ и другой взглядъ сблизились и существовали совмѣстно у такихъ изслѣдователей, какъ Щербатовъ и Болтинъ, Миллеръ и Шлецеръ. Карамзину, конечно, обѣ точки зрѣнія хорошо извѣстны, и онъ постоянно твердитъ о необходимости, чтобы исторія была истинна и достовѣрна. "Если мы захотимъ соображать исторію съ пользою народнаго тщеславія, - выражается онъ, - то она утратитъ главное свое достоинство - истину, и будетъ скучнымъ романомъ". Мы и увидимъ, что Карамзинъ со всѣмъ усердіемъ добивался истины - въ своихъ примѣчаніяхъ. Но это была невольная дань тому состоянію, въ какое привели нѣмцы русскую историческую науку, - "тягостная жертва, приносимая достовѣрности", какъ выразился Карамзинъ въ предисловіи къ "И.Г.Р." и какъ онъ всегда выражался о своихъ "примѣчаніяхъ". Главный нервъ его работы лежалъ не здѣсь; чтобы понять историческій идеалъ Карамзина, необходимо обратиться къ тексту "И.Г.Р." Зачѣмъ и какъ онъ будетъ писать исторію, - это Карамзинъ зналъ еще задолго до того, когда рѣшился сдѣлаться русскимъ историкомъ, и написавши свою исторію, онъ остался при прежнемъ взглядѣ. "Тацитъ. Юмъ, Ро-

бертсонъ, Гиббонъ, - вотъ образцы", пишетъ Карамзинъ еще въ 1790 году, въ Парижѣ. "Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословныя князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги половцевъ - не очень любопытны, соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые тома. Что не важно, то сократить, но всѣ черты, которыя означаютъ свойства народа русскаго, характеръ нашихъ древнихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій - Владиміръ, свой Людовикъ XI - Царь Іоаннъ, свой Кромвель - Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ - Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи и даже въ исторіи человѣчества: его то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель Аджело."

Итакъ, не историческое изученіе, не разработка сырого матеріала исторіи, а художествен-

ный пересказъ данныхъ уже извѣстныхъ, -вотъ та заманчивая задача, которая рисуется въ воображеніи будущаго историка. Изъ наличнаго историческаго матеріала - иное сократить, иное раскрасить; выкинуть неблагодарную путаницу событій и остановиться на благородныхъ эпизодахъ и характерахъ, - все это одушевить чувствомъ; исторія русская можетъ быть не занимательной, но что художественное произведеніе на мотивы русской исторіи, составленное по этому рецепту, непремѣнно будетъ занимательно, -за это ручаются умъ, вкусъ и талантъ художника. "Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ", повторяетъ Карамзинъ ту же мысль въ своемъ предисловіи. Подъ "бѣднымъ предметомъ" надо разумѣть здѣсь русскую исторію, а пріятно ознаменуетъ себя въ этомъ предметѣ - Исторія Государства Россійскаго.

Главную помощь оказывалъ языкъ. Можно бы составить интересный каталогъ эпитетовъ, которыми Карамзинъ старается обрисовать толпу князей, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга, и путаницу ихъ дѣйствій, утомительно - однообразныхъ. "Добрый благодѣтельный, жестокій, нѣжный, безчеловѣчный, знаменитый, несчастный,

счастливый, печальный, юный, храбрый, хитрый, благоразумный, осторожный" и т.д. - "всѣ эти прилагательныя такъ и мелькаютъ въ разсказѣ, облегчая чтеніе, но не оставляя, все-таки, никакого прочнаго впечатлѣнія и даже обезличивая черты, дѣйствительно характерныя. "Отмстилъ, утѣшился, негодовалъ, ревновалъ, спѣшилъ, страшился" - налагаютъ такую же печать однообразія и на дѣйствія. Въ построеніи фразъ встрѣчаемъ ту же, болѣе или менѣе невинную, манеру украшать фактическія данныя лѣтописей - "Усердные москвитяне были обрадованы счастливымъ возвращеніемъ своего князя"; "никто не могъ безъ умиленія видѣть, сколь Димитрій предпочитаетъ безопасность народную своей собственной, - и любовь общая къ нему удвоилась въ сердцахъ благодарныхъ"; "сей государь великодушный могъ ли быть счастливъ и веселъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи;" "изумленные рѣшительною волей - господствовать единодержавно, они жаловались, но повиновались." Всѣ эти украшенія рѣчи, свидѣтельствующія о литературныхъ вкусахъ эпохи, становятся, однако, уже совсѣмъ не невинными, когда воздѣйствуютъ на самое содержаніе разсказа. Возьмемъ одинъ примѣръ. Въ 1364 году былъ въ Москвѣ пожаръ. Въ 1367 году построенъ Каменный Кремль. Въ

1365 году мурза Тагай внжегъ Рязань. Въ 1367 году князь Нижегородскій Дмитрій Константиновичъ разбилъ Булатъ-Темира. Въ 1364 году новгородская вольница грабила по Волгѣ, и Дмитрій Донской объявилъ свой гнѣвъ новгородцамъ. Какъ передать занимательнымъ для читателя образомъ весь этотъ рядъ одиночныхъ, разновременныхъ и другъ отъ друга независимыхъ фактовъ? Карамзинъ достигаетъ этого, находя между ними связь и составляя изъ нихъ нѣчто цѣлое. Пожаръ показалъ ненадежность деревянныхъ укрѣпленій; поэтому рѣшили построить каменныя. Это было нужно и для будущаго освобожденія отъ татарскаго ига |о которомъ еще никто тогда не думалъ|. Но могли ли татары "простить" Москвѣ эту "великодушную смѣлость?"Нѣтъ, Мурза |правда, совсѣмъ независимый отъ Золотой Орды| сжегъ Рязань|правда, совершенно независимую отъ Москвы|, но потомъ былъ разбитъ. Тоже былъ разбитъ другой хищникъ монгольскій. Эти побѣды предвозвѣщали важнѣйшія |освобожденіе|; но предварительно нужно было великому князю усмирить внутреннихъ враговъ - новгородцевъ. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ причинной связи между событіями,Карамзинъ придумываетъ свою связь стилистическую; читателю, положившемуся на Карамзина, эта связь

могла бы показаться причинной, если бы весь разсказъ не былъ расчитанъ на быстрое, легкое чтеніе, послѣ котораго никакого воспоминанія объ всей этой искусственно-нанизанной нити событій все-равно не останется.

Помимо стилистической связи событій, у Карамзина есть и другой литературный пріемъ, не менѣе вредящій научному достоинству изложенія. Это - его психологическая мотивировка дѣйствій. Герои Исторіи Государства Россійскаго руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ "нѣжною чувствительностью". Вотъ для примѣра, разсказъ о томъ, почему Борисъ не хотѣлъ дѣйствовать противъ Святополка Окаяннаго: "Борисъ отвѣтствовалъ: могу ли поднять руку на брата старѣйшаго; онъ долженъ быть мнѣ вторымъ отцомъ. Сія нѣжная чувствительность казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому кто властолюбіемъ своимъ заслуживалъ въ ихъ глазахъ право властвовать. Но Святополкъ имѣлъ только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей " и т.д. Въ источникѣ, въ лѣтописи, нѣтъ ни той, ни другой мотивировки. Но даже тамъ, гдѣ источникъ даетъ мотивировку Карамзинъ предпочитаетъ иногда замѣнить ее другою болѣе соотвѣтствующей его литературной манерѣ

По лѣтописи, князь Дмитрій Константиновичъ Суздальскій старается отнять у младшаго брата Нижегородское княженіе; во время борьбы онъ получаетъ изъ Орды ярлыкъ на великое княженіе Владимірское, но поступается имъ Димитрію Донскому съ тѣмъ, чтобы получить отъ послѣдняго помощь противъ Нижняго-Новгорода. По Карамзину, Дмитрій Константиновичъ отказывается отъ Владимірскаго стола, "видя слабость свою" и "предпочитая дружбу Димитрія |Донского| милости" хана безъ всякихъ опредѣленныхъ расчетовъ; а затѣмъ освобождается Нижегородскій столъ и изъ "благодарности" Дмитрій помогаетъ Суздальскому князю занять его. Такимъ образомъ, отказъ Дмитрія Суздальскаго и помощь ему Дмитрія Московскаго, - два факта, связанные въ источникѣ причинною связью, у Карамзина связываются только стилистическимъ оборотомъ съ сантиментально-психологическою мотивировкой: "умѣренность, вынужденная обстоятельствами |т.е. отказъ отъ великаго княженія| не есть добродѣтель; однако-жъ, Димитрій Іоанновичъ изъявилъ ему за то благодарность". Даже прямо формальныя юридическія выраженія княжескихъ договоровъ, въ которыхъ слабѣйшій обѣщается обыкновенно "держать великое княженіе честно и грозно", а сильнѣйшій обязуется держать

слабѣйшаго въ братствѣ безъ обиды",- у Карамзина превращаются въ обязательства младшаго "уважать", а старшаго - "любить" своего контрагента.

Стилистическою связью событій и сантиментально-психологическою мотивировкой не исчерпываются, однако-же, литературно-художественные пріемы Карамзинскаго изложенія. Предметомъ исторической живописи, вопреки скудости источниковъ, служатъ у Карамзина и въ первой части его исторіи - и положенія и характеры. Мы не встрѣчаемъ здѣсь, конечно, вымышленныхъ рѣчей, à la Ѳукидидъ или Ливій.

Попытки изображать историческіе характеры ведутъ Карамзина къ такому же неосторожному пользованію источниками. Такъ, напримѣръ, онъ самъ отвергаетъ позднѣйшее украшенное сказаніе о Куликовской битвѣ и принимаетъ сказаніе, современное событію; и, однако же, характеръ Олега Рязанскаго, обрисованный у исторіографа самыми черными красками, - изображается въ духѣ отвергнутаго источника. Въ цѣлый рядъ противорѣчій себѣ и источникамъ вводитъ Карамзина изображеніе характера Василія Темнаго. Примѣчанія оставляютъ вообще несравненно болѣе выгодное впечатлѣніе, чѣмъ самый текстъ исторіи; это объяс-

няется не столько критическимъ талантомъ автора, сколько его ученостью. Въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость исторіографу: онъ усердно хлопоталъ о подборѣ новыхъ историческихъ матеріаловъ, въ значительной степени обновилъ фактическое обоснованіе разсказа и надолго сдѣлалъ свою исторію необходимою для всякаго изслѣдователя хрестоматіей источниковъ русской исторіи.

Намъ остается разсмотрѣть взгляды Карамзина на общій ходъ русской исторіи.

Его взглядъ вполнѣ воспроизводитъ извѣстные намъ взгляды предшественниковъ. Несомнѣнно для него только одно: именно, что призванные князья были норманны. Затѣмъ, слѣдуя Шлецеру, а не вопреки ему, какъ утверждали патріотическіе поклонники Карамзина, исторіографъ принимаетъ мнѣніе, что русское государство возникло свободно, - призваніемъ, а не завоеваніемъ.

По мнѣнію Шлецера, только послѣ возстанія Вадима Рюрикъ явился въ Новгородъ уже не въ качествѣ добровольно призваннаго князя, а въ качествѣ завоевателя и въ это время онъ основалъ фёодальную систему. И въ этомъ видѣли разницу во взглядахъ между Шлецеромъ и Карамзинымъ, который, будто-бы, не признавалъ въ русской исторіи ни завоеванія, ни феодализма. Однако же, то и

другое, - и завоеваніе, и феодальная система, - есть и у Карамзина, только они запрятаны у него въ одной неясной фразѣ: "Рюрикъ, принявъ единовластіе, отдалъ въ управленіе знаменитымъ единоземцамъ своимъ, кромѣ Бѣлоозера, Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ, имъ или братьями его завоеванные, какъ надо думать. Такимъ образомъ.... утвердилась... система феодальная и т.д.

Принимая Шлецеровскую мысль о феодальномъ устройствѣ древнѣйшей Руси, Карамзинъ принимаетъ также и идею о томъ, что первые государи не были самодержавны. Въ его изображеніи Русь въ теченіе всей исторіи сохраняетъ характеръ единаго государства. Въ изложеніи его событія удѣльнаго періода точно также изображаются, какъ будто бы на Руси было только одно великое княженіе; поэтому Московскій князь оказывается иногда отвѣтственнымъ за событія, происходящія въ совершенно независимой отъ Москвы области.

Эта точка зрѣнія служила весьма удобнымъ средствомъ, чтобы расположить русскую исторію въ видѣ одной линіи, на которой Москва являлась естественнымъ продолженіемъ Кіева. Возвышеніе Москвы представляется, такимъ образомъ, Карамзину, какъ нѣчто необходимое въ общемъ ходѣ русской исторіи, - такъ сказать, провиденціальное.

Не выдвинь татары Москвы, - по его мнѣнію, Россія была бы раздѣлена татарами: " тогда мы утратили бы и государственное бытіе, и вѣру, которая спаслась Москвою." Сохраненіе государственности и вѣры есть, стало быть, спеціальная заслуга Москвы, а возвышеніе Москвы, личная заслуга московскихъ государей. Вначалѣ московскіе государи стремятся къ этой цѣли даже безсознательно; и пока они служатъ только орудіями въ рукахъ Божіихъ, историкъ-моралистъ не хочетъ оправдывать ихъ безнравственной политики. "Судъ исторіи не извинитъ и самаго счастливаго злодѣйства, - говорится про Ивана Калиту, - ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога " Но вотъ является уже сознательный исполнитель Божественныхъ предначертаній, Великій Иванъ III - и нравственный "судъ исторіи" умолкаетъ. Иванъ III "принадлежитъ къ числу немногихъ государей, избираемыхъ провидѣніемъ рѣшать надолго судьбу народовъ, онъ есть герой не только Россійской, но и всемірной исторіи." Вотъ, наконецъ, передъ нами философія исторіи болѣе глубокая, чѣмъ все, что мы до сихъ поръ видѣли. Итакъ, не можемъ ли мы причислить Карамзина къ историкамъ-провиденціалистамъ въ родѣ Боссюэта или Лорана? Отнюдь нѣтъ. Наведен-

ный самымъ теченіемъ историческихъ событій на иную философію исторіи, чѣмъ его морально-реторическая,- Карамзинъ спѣшитъ остановиться на порогѣ, не рѣшаясь проникнуть въ святилище. "Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ метафизики, не дерзая опредѣлять внѣшнихъ намѣреній Божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, какое то согласное теченіе мірскихъ случаевъ къ единой цѣли или связь между оными для произведенія какого-нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго." Подчеркнутыя слова , кажется, самыя философскія во всей Исторіи Государства Россійскаго, но они и единственныя. Сопоставивъ вѣкъ Ивана III съ вѣкомъ возстановленія монархіи и просвѣщенія на Западѣ, Карамзинъ на этомъ сопоставленіи и останавливается Философія Провиденія нужна ему не для начертанія какой-нибудь общей схемы всемірно-историческаго развитія, не для пріуроченія къ этой схемѣ русскаго историческаго процесса. Секреты Провиденія такъ и останутся для него секретами; но нравственное чувство моралиста будетъ удовлетворено мыслью о предопредѣленности совершившагося. а эстетическое чувство художника найдетъ себѣ пищу въ

созерцаніи перспективъ неясныхъ но заманчивыхъ для воображенія."

СКЕПТИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

Переходимъ теперь къ скептической школѣ, которая является реакціей Карамзинскому направленію. Главою этой школы нужно признать профессора Московскаго Университета Каченовскаго. Краткая его біографія такова. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, въ которомъ прежде учились дѣти не только изъ духовнаго званія, но и изъ свѣтскаго. Затѣмъ, прослуживъ нѣкотсрое время у попечителя Московскаго учебнаго округа Разумовскаго, Каченовскій назначенъ былъ профессоромъ Московскаго университета. Въ это время онъ сталъ издавать журналъ "Вѣстникъ Европы" отъ 1825-1830 г. Въ этомъ журналѣ и помѣщались его статьи по русской исторіи; онъ не написалъ ни одного обширнаго сочиненія; вся его научная дѣятельность заключалась въ отдѣльныхъ статьяхъ, помѣщавшихся въ Вѣстникѣ Европы.

Важнѣйшія статьи, помѣщавшіяся въ этомъ журналѣ были слѣдующія: I| "Объ источникахъ русской исторіи"; здѣсь главнымъ образомъ говорится о русской лѣтописи, при чемъ авторъ, въ про-

тивоположность Татищеву и другимъ изслѣдователямъ, отрицаетъ подлинность Іоакимовской лѣтописи; мало того, Каченовскій не останавливается на отрицаніи Іоакимовской лѣтописи, онъ считаетъ сомнительными даже наши договоры съ греками и главнымъ образомъ основывается на томъ, что едва ли можно допустить такое высокое состояніе общественной жизни, которое вытекаетъ изъ этихъ договоровъ съ греками; считаетъ онъ также невозможнымъ и такое развитіе литературнаго языка, которое замѣчается въ этихъ договорахъ.

Во всемъ этомъ видно вліяніе Шлецера; самъ Каченовскій благосклонно отзывается о критической работѣ Шлецера. Онъ идетъ вслѣдъ за Шлецеромъ, но только гораздо далѣе и пытается еще опредѣлить самые источники лѣтописи. Уже отъ этой первой статьи Каченовскаго вѣетъ скептическимъ духомъ.

2| Другая статья: "Параллельныя мѣста въ русскихъ лѣтописяхъ"; въ ней Каченовскій пошелъ дальше Шлецера въ скептическомъ направленіи и рядомъ съ низшею критикой, которою пользовался Шлецеръ, онъ считаетъ необходимою и высшую критику, примѣняя ее въ особенности къ фактамъ. съ этой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ русскую лѣтопись по ея содержанію и старается сличать

сопоставлять и соединять различныя параллельныя мѣста изъ другихъ лѣтописей, выдѣлять такія въ своемъ родѣ легендарныя сказанія отъ басенъ, а басни отъ дѣйствительной исторіи. Онъ признаетъ въ лѣтописи существованіе значительнаго количества баснословныхъ сказаній и пытается объяснить ихъ прямымъ заимствованіемъ изъ другихъ иностранныхъ хроникъ. Такъ, наприм., разсказъ о смерти Олега отъ коня онъ ставитъ въ параллель съ разсказомъ норвежской исторіи, гдѣ тоже самое говорится объ одномъ богатырѣ. Точно также считаетъ онъ легендарными подробности о мщеніи Ольги древлянамъ, при чемъ разсказъ о голубяхъ и воробьяхъ онъ сравниваетъ съ аналогичнымъ разсказомъ у Саксона Грамматика. Хитрость бѣлгородскаго старца онъ приводитъ въ связь съ извѣстіемъ Геродота о Ѳразибулѣ, избавившемъ точно также Милетъ отъ осады Лидійскаго царя. Въ Вѣстникѣ Европы Каченовскій помѣстилъ свой разборъ "Предисловія къ Исторіи Государства Россійскаго", въ этой статьѣ Каченовскій рекомендуетъ себя космополитомъ въ отличіе отъ націонализма Карамзина; затѣмъ обращается къ защитѣ Ѳукидида, Тацита и другихъ древнихъ историографовъ и указываетъ цѣлый рядъ слабыхъ сторонъ у Карамзина. Во всѣхъ этихъ работахъ мы можемъ отмѣтить влія-

ніе Шлецера, только Каченовскій пошелъ дальше его. Въ началѣ XIX вѣка появился знаменитый трудъ Нибура по римской исторіи, и вліяніе послѣдняго на Каченовскаго стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; Каченовскій перепечаталъ одну статейку о Нибурѣ въ своемъ Вѣстникѣ Европы: - "для науки нѣтъ ничего приличнѣе, какъ скептицизмъ не поверхностный и легкомысленный, но основанный на сравненіи текстовъ, на критикѣ свидѣтельствъ". Такимъ образомъ, теперь въ послѣдующихъ статьяхъ Каченовскаго мы должны искать вліянія скептическаго направленія и разрушительной критики Нибура. Такое вліяніе мы можемъ отмѣтить въ послѣднихъ его статьяхъ. Статьи Каченовскаго, въ которыхъ отразился Нибуровскій скептицизмъ, будутъ троякаго рода: статьи историческія, юридическія и экономическія Къ чисто историческимъ статьямъ принадлежатъ частью его собственныя работы, а частью статьи его учениковъ, составленныя по его лекціямъ; такъ - I| "О скудости и сомнительности происшествій перваго вѣка нашей исторіи" уже въ этой статьѣ выразилось прямо вліяніе Нибура; въ ней было высказано общее положеніе, что въ исторіи всякаго государства и народа необходимъ первый баснословный періодъ. что такъ было у всѣхъ народовъ, такъ было у римлянъ, такъ

должно быть и у насъ; 2| "О баснословномъ времени въ Россійской исторіи"; въ этой статьѣ рѣшаются два важные вопроса: а| имѣетъ ли русская исторія баснословный періодъ? в| всѣ ли происшествія, сообщаемыя русскими лѣтописцами и иностранцами, достовѣрны? - На первый вопросъ авторъ отвѣчаетъ утвердительно, что въ русской исторіи существовалъ баснословный періодъ. На второй же вопросъ онъ отвѣчаетъ, что далеко не всѣ происшествія достовѣрны. При разборѣ этого вопроса Каченовскій утверждаетъ, что, во I-хъ, важные источники первыхъ временъ дошли до насъ не въ оригиналѣ, а въ спискахъ и притомъ мы не имѣемъ списковъ болѣе раннихъ, какъ только отъ XIV вѣка; во 2-хъ, въ пользу баснословія свидѣтельствуютъ существующія преданія; и наконецъ, иностранцы подтверждаютъ это только въ незначительной степени.

Статьи юридическаго характера Каченовскаго были таковы: на первомъ мѣстѣ нужно поставить его разборъ и изслѣдованіе о Русской Правдѣ. Въ противоположность предшествовавшимъ изслѣдователямъ, Каченовскій не вѣрилъ Русской Правдѣ и не считалъ возможнымъ пользоваться ею для характеристики состоянія русскаго общества XI вѣка. Въ своемъ разборѣ Каченовскій заявлялъ,

что Русская Правда не была открыта въ подлинникѣ и представляла памятникъ совершенно неудовлетворительный съ точки зрѣнія дипломатики. Онъ полагалъ, что она не могла возникнуть ранѣе XIII вѣка, и приходитъ къ такому заключенію, съ одной стороны, на основаніи состоянія сѣверной Европы, съ другой, - на основаніи содержанія самой Русской Правды. Характеризуя состояніе сѣверной Европы, онъ говоритъ, что тамъ національное право возникло очень поздно; юридическіе уставы должны были выработаться только спустя нѣсколько столѣтій послѣ принятія христіанства. При этомъ Каченовскій приводитъ черты Русской Правды, свидѣтельствующія о заимствованіи, такъ: "головщизна", "головникъ" онъ производитъ отъ caput, вира - германское Wer - Geld ; счетъ гривенъ, по словамъ Каченовскаго, началъ практиковаться въ Европѣ не ранѣе XII вѣка. Все это приводитъ его къ тому убѣжденію, что эти параграфы были заимствованы русскими, и самое заимствованіе проникло въ Новгородъ отъ Балтійскихъ славянъ, а эти послѣдніе заимствовали ихъ отъ нѣмцевъ; слѣдовательно, Русская Правда не могла возникнуть въ XI вѣкѣ.

Карамзинъ думалъ, что у насъ существовали кожанныя деньги, называвшіяся мортками, ногатами

и соотвѣтствовавшія маленькимъ кусочкамъ кожи. Но Каченовскій опровергаетъ это и заявляетъ, что невозможно предположить въ ту эпоху такого высокаго уровня образованности. Въ противоположность этому Каченовскій заявлялъ, что наши названія денегъ заимствованы, напримѣръ: наши "бѣлки" есть заимствованіе отъ albus- бѣлыя, серебренныя монеты; лобки это любки, т.е. любскіе пфенниги. онъ думалъ, что сначала у насъ ходили мѣха для мѣновой торговли, а затѣмъ они были вытѣснены чеканною и вѣсовой монетою. Нѣкоторыя мнѣнія Каченовскаго подтвердились въ послѣднее время

Наконецъ, говоря о заслугахъ Каченовскаго, мы не можемъ обойти работъ его учениковъ и послѣдователей. Къ числу ихъ мы должны отнести работу Строева, который написалъ статью "О пользѣ изученія россійской исторіи въ связи со всеобщею"; въ этой статьѣ дѣлается характеристика состоянія исторіи въ средніе вѣка и разбираются недостатки собственно русской исторіи. Затѣмъ Строекаловъ написалъ статью о Болтинѣ, какъ критикѣ; Станкевичъ - "О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III"; эта статья проникнута духомъ западно- европейской исторической критики; начиная съ примѣненія общихъ историче-

скихъ идей Геррена и Гизо, Станкевичъ говоритъ, что и къ русской исторіи нужно приложить законы историческаго развитія. Съ этой точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ исторію возвышенія Москвы и утверждаетъ, что развитіе всякаго государства начинается съ развитіемъ централизаціи, которая и привела къ возвышенію Московскаго государства. Затѣмъ, авторъ останавливается на ближайшихъ причинахъ: на географическомъ положеніи, на значеніи боярства, духовенства и др.

Наконецъ, къ скептическому направленію Каченовскаго примыкаетъ, если не ученикъ его, то во всякомъ случаѣ послѣдователь - Арцыбашевъ, авторъ извѣстнаго трехтомнаго сочиненія, которое называется "Повѣствованіе о Россіи". Статьи его таковы:

1| "О степени довѣрія къ исторіи, сочиненной княземъ Курбскимъ"; Карамзинъ въ своей исторіи высказалъ мнѣніе на основаніи только сочиненія Курбскаго; Арцыбашевъ же заподозрѣлъ Курбскаго въ пристрастіи, и его статья положила начало отрицательнаго отношенія къ сочиненіямъ Курбскаго;

2| Затѣмъ идетъ его рецензія объ "Исторіи Государства Россійскаго", гдѣ онъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за исторіей Карамзина и указываетъ, какъ

Карамзинъ раскрашивалъ событія и факты.

3| Наконецъ, тотъ же Арцыбашевъ написалъ "Повѣствованіе о Россіи" въ 3-хъ томахъ; эта книга появилась такимъ образомъ: Арцыбашевъ сдѣлалъ сводъ выписокъ изъ всѣхъ лѣтописей, при чемъ сверилъ эти разсказы буква въ букву; такимъ образомъ его книга представляетъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій до 1700 года, и хотя для чтенія она не годится, однако въ ней можно найти необходимыя данныя и важныя указанія для многихъ вопросовъ. Таковы фактическія данныя о Каченовскомъ и его школѣ.

Главными заслугами скептиковъ нужно признать: 1| примѣненіе высшей критики и къ источникамъ, и къ фактамъ русской исторіи; до сихъ поръ ограничивались критикой текста и источниковъ, не не доходили до критики фактовъ и событій; скептики обратились именно къ этому и, если во многихъ случаяхъ они и хватили черезъ край, то несомнѣнно, что значительное число ихъ указаній на легендарный и баснословный характеръ русской лѣтописи подтверждено въ послѣднее время. 2| Скептики оказали заслугу тѣмъ, что указали на общіе историческіе законы въ жизни и въ исторіи и попробовали примѣнить ихъ къ русской исторіи. 3| Скептики поставили своей

цѣлью выдѣленіе изъ достовѣрной исторіи недостовѣрныхъ сказаній. Они были совершенно правы, когда разсказы о смерти Олега и подробности о мщеніи Ольги относили къ области легендъ и басенъ; не совсѣмъ же правы оказались они относительно Русской Правды. Несомнѣнно, что Русская Правда получила свое начала въ половинѣ XI столѣтія, ихъ ввелъ въ заблужденіе невѣрный взглядъ, что русскіе въ древній періодъ были совершенно лишены культуры и что эта культура была насаждена нѣмцами. Новѣйшая разработка русской исторіи совершенно опровергла это положеніе скептиковъ. Наконецъ,4| слѣдуетъ отмѣтить важное указаніе, сдѣланное скептиками, относительно значенія событій западной исторіи для русской исторіи. Правда, этотъ послѣдній пунктъ достигъ крайняго развитія въ "Исторіи русскаго народа" Полевого; но тѣмъ не менѣе это принесло свою долю пользы.

П О Л Е В О Й.

Авторъ "Исторіи русскаго народа".

Полевой довольно тѣсно примыкаетъ къ скептической школѣ въ русской исторіографіи. Біографія его въ краткихъ чертахъ такова: онъ происходилъ изъ купеческаго званія и не получилъ высшаго, правильнаго научнаго образованія; это об-

стоятельство имѣло и выгодную , и невыгодную сторону Выгодная сторона этого заключалась въ томъ, что онъ явился на ниву русской исторіи безъ старыхъ традицій въ качествѣ новаго человѣка, и потому могъ совершенно свободно относиться къ "Исторіи государства Россійскаго" Карамзина Онъ является представителемъ западнаго направленія въ русской исторіи. Онъ выдвинулся на литературномъ поприщѣ изданіемъ собственнаго журнала "Московскій Телеграфъ", продолжавшагося отъ 1825 - 1834 г.г. Полевой поставилъ своею задачею и цѣлью перенесеніе западно-европейской науки и литературы на русскую почву. Этой цѣли онъ достигъ, и журналъ его пользовался большимъ авторитетомъ. Въ журналѣ этомъ Полевой помѣщалъ, между прочимъ, статьи о Нибурѣ. Кромѣ того онъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ рецензію на "Исторію государства Россійскаго" Карамзина. Полевой высказалъ здѣсь слѣдующую главную мысль: Карамзинъ былъ историкъ прошлаго XVIII вѣка, т.е. того историческаго направленія, которое проявилось въ требованіяхъ Робертсона, Юма и Гиббона; онъ не былъ философомъ-историкомъ XIX вѣка. Трудъ Карамзина, вышедшій въ XIX вѣкѣ, примыкаетъ къ XVIII вѣку, потому что самъ авторъ, воспитанный на идеяхъ XVIII столѣтія, не пошелъ да-

лѣе ихъ и окончательно на нихъ утвердился. Обращаясь къ опредѣленію исторіи Карамзина, Полевой заявляетъ, что это риторическія фразы, не заслуживающія вниманія. Сама "Исторія государства Россійскаго" представляется Полевому, какъ лѣтопись, а не какъ настоящая исторія; въ этой лѣтописи мы можемъ найти цѣлыя галлереи историческихъ портретовъ; изображаются отдѣльныя событія, но не указываются причины этихъ событій, ихъ внутренняя логическая связь. Такимъ образомъ, "Исторія государства Россійскаго" не даетъ намъ понятія о русской жизни, которая постепенно развивалась и осложнялась. Наконецъ, вредитъ "Исторіи государства Россійскаго" и дурно понятая любовь къ отечеству Онъ перенесъ современныя понятія о государствѣ въ сѣдую древность и приложилъ къ давно прошедшимъ временамъ мѣрку настоящаго. Такимъ образомъ, Карамзину нѣтъ мѣста ни среди историковъ нашего времени - Нибура, Тьери и Гизо, ни даже среди историковъ XVIII вѣка. Они были для него образцами, но его собственное твореніе не можетъ быть поставлено наряду съ ними. Впрочемъ, Полевой не оставилъ безъ вниманія и достоинствъ труда Карамзина: "Онъ создавалъ и матеріалъ, и сущность, и слогъ исторіи, былъ критикомъ лѣтописей и па -

мятниковъ, генеалогомъ, хронологомъ, палеографомъ, нумизматомъ. Своимъ трудомъ онъ вызвалъ [illegible] извлеченій и изданій матеріаловъ. Особенно цѣнна художественная обработка изложенія исторіи".

Такова рецензія Полевого на трудъ Карамзина, изъ всего видно, что трудъ Карамзина не удовлетворилъ Полевого, и вотъ онъ самъ дѣлаетъ попытку написать исторію по тѣмъ образцамъ и требованіямъ, которые были выставлены Нибуромъ, Тьери и Гизо. Свои общія воззрѣнія онъ выразилъ въ предисловіи къ "Исторіи русскаго народа"; нѣкоторыя изъ нихъ весьма любопытны и интересны. Говоря о взглядахъ на древнюю исторію, Полевой замѣчаетъ: "читайте грековъ и римлянъ, вы всегда увидите поэтическое, героическое, нравственное направленіе отдѣльно или соединенно"... "Такія понятія древнихъ объ исторіи изъясняются весьма легко. Древніе не имѣли будущаго въ общей судьбѣ человѣчества, ибо идея человѣчества была имъ неизвѣстна". Какія же требованія отъ историка-философа? Полевой говоритъ: "Историкъ, напитанный духомъ философіи, согрѣтый огнемъ поэзіи, принимаясь за скрижали исторіи, долженъ забыть и логическіе выводы первой, и цвѣтистыя краски второй. Онъ долженъ отдѣлить-

ся отъ своего вѣка, своего народа, самого себя. Его обязанность - истина чистая, безпримѣсная, не увлекаемая ни духомъ системъ, ни поэтическимъ огнемъ, преображающимъ въ глазахъ нашихъ предметы. Цѣли частной нѣтъ и не должно быть у историка, ибо исторія, какъ жизнь, есть сама себѣ цѣль." Возражая Карамзину, который придавалъ громадное значеніе этическому элементу въ исторіи, Полевой говоритъ: "Несносно и званіе учителя нравственности, заставляющее историка говорить апоѳегмами и сентенціями, какъ будто нравоученія, имъ подсказываемыя, могутъ научать современниковъ и потомство, если дѣла и событія не могли научить ихъ." Возражая далѣе Карамзину, что отечественная исторія для насъ любопытнѣе другихъ, говоритъ: "должно ли означить то время, съ котораго можно почесть русское государство самобытно, непосредственно участвующимъ въ судьбѣ человѣчества? Побѣждая народную гордость, мы скажемъ, что въ семъ отношеніи исторія Россіи началась съ царствованія Петра Великаго". "Ни мало не почитаю исторію Россіи для насъ любопытнѣе другихъ, потому что Россія есть наша родина, что въ ней покоится прахъ нашихъ предковъ "...."Въ настоящей жизни, въ дѣйствіяхъ своихъ мы должны быть сынами отече-

ства, гражданами Россіи... совсѣмъ иначе въ прошедшемъ. Но, будучи для прошедшаго безстрастными наблюдателями, безпристрастными повѣствователями, мы найдемъ въ исторіи Россіи картину важную, занимательную, любопытную по содержанію своему, безъ всякихъ другихъ отношеній" Говоря о своихъ предшественникахъ, Полевой высказалъ слѣдующее положеніе: "никто ихъ исчисленныхъ здѣсь историковъ Россіи не имѣлъ ни истиннаго понятія о дѣписаніи, ни надлежащихъ приготовленій къ труду. Все, что выше сказано о ложныхъ направленіяхъ исторіи, видимъ въ нихъ соединенное съ незнаніемъ, ошибками умышленными и неумышленными, погрѣшностями иногда даже забавными.... неумѣстное желаніе умничать и философствовать видны въ каждомъ русскомъ историкѣ прошедшаго вѣка отъ Хилкова до Стриттера. Всѣ при томъ ведутъ только хронологію государей, списываютъ лѣтописи безъ критики и соображеній и даютъ своимъ сочиненіямъ названія исторій, иногда съ прибавками въ титулахъ самыми смѣшными."

Послѣ этого Полевой переходитъ къ своему труду и предоставляетъ доводы, почему онъ назвалъ свою книгу -"Исторія русскаго народа" "Названіе книги "Исторія русскаго народа" показываетъ существенную разницу моего взгляда на

исторію отечества отъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ. Я полагаю, что въ словахъ: "Русское государство" заключалась главная ошибка моихъ предшественниковъ. Государство русское начало существовать только со времени сверженія ига монгольскаго. Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ, Рогвольдъ основали не одно, но отдѣльныя, разныя государства ... Кіевское государство, усиленное Олегомъ, Игоремъ, Ольгою, Святославомъ, Владиміромъ и Ярославомъ, дѣлилось потомъ особо отъ сѣвера и представляло особую систему феодальныхъ русскихъ государствъ. При такомъ взглядѣ измѣняется совершенно вся древняя исторія Россіи и можетъ быть только исторія русскаго народа, а не исторія русскаго государства.

Свою книгу Полевой дѣлитъ на слѣдующіе періоды: первый періодъ онъ оканчиваетъ смертью Ярослава Мудраго; второй доводитъ до нашествія монголовъ; въ третьемъ періодѣ онъ рисуетъ монгольское иго; четвертый тянется отъ Іоанна III до Петра; пятый начинается Петромъ Великимъ.

Затѣмъ онъ говоритъ, какъ онъ писалъ свою исторію: "Я старался узнавать духъ мнѣнія, понятія, нравы и повѣрія каждаго вѣка. Для сего въ грубой простотѣ являются у меня всѣ слова, рѣчи, дѣла героевъ исторіи русской. Нѣтъ ниче-

го моего, перенесеннаго изъ нашихъ временъ. Безпристрастный и безмолвный при дѣлахъ, которыя сами за себя говорятъ, я старался только распространяться въ изысканіи причинъ, старался указывать читателямъ на все, что вѣрнѣе и лучше можетъ представить сущность каждаго событія, характеръ каждаго историческаго лица, и нигдѣ не предоставлялъ себѣ суда и умничанья историческаго. Часто невольная хвала доблести, невольное негодованіе рождались въ душѣ моей, но я старался таить, скрывать ихъ. Желая представлять читателямъ картины не битвъ и сраженій, но жизни прошедшаго, я не отдѣлялъ въ особыя главы описанія законовъ, нравовъ, обычаевъ, повѣрій и ими хотѣлъ оттѣнять и одушевлять сухія изложенія событій." Наконецъ, въ заключеніе онъ воздаетъ благодарность своимъ предшественникамъ и вспоминаетъ о нѣмецкихъ ученыхъ: "Съ уваженіемъ говоря о палеографахъ и археографахъ: Добровскомъ, Калайдовичѣ, Востоковѣ, Кеппенѣ, Строевѣ, Митрополитѣ Евгеніи; критикахъ исторіи: Шлецерѣ, Миллерѣ, Лербергѣ, Френѣ, Кругѣ и многихъ другихъ, должно ли забыть тѣхъ писателей, которые своими великими воззрѣніями на исторію, своими образцовыми твореніями, своею всеобъемлющею критикою учатъ насъ мыслить, соображать и пи-

сать? Нѣтъ! И въ семъ отношеніи знаменитыя сочиненія нашихъ учителей-Нибуровъ, Гизо, Геероновъ, Тьери, Гердеровъ-должны быть упомянуты въ числѣ важнѣйшихъ предметовъ, предварительнаго изученіе коихъ требуетъ всякая исторія, слѣдственно и исторія русскаго народа". Таковъ взглядъ Полевого на русскую исторію.

Обращаясь къ его "Исторіи русскаго народа", мы должны указать на отличительныя особенности его труда, на тѣ взгляды и соображенія, которые отличаютъ его отъ Карамзина; вообще книга Полевого представляетъ полемику съ Карамзинымъ; даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прямо не указывается на Карамзина, нужно подразумѣвать этого послѣдняго. Основаніе русскаго государства, по мнѣнію Полевого, было положено норманскимъ элементомъ, бытъ которыхъ Полевой и разсматриваетъ въ началѣ своего труда. Что же касается русскаго туземнаго элемента, то этотъ послѣдній представлялъ собою рабовъ, побѣжденныхъ пришельцами. Полевой вовсе не разсматриваетъ внутренняго быта славянъ, онъ ограничивается только самыми краткими чертами, почерпнутыми изъ лѣтописи. Олегъ переходитъ въ Кіевское княжество, и его переходъ есть, по мнѣнію Полевого, продолженіе норманскихъ завоеваній. Договоры первыхъ русскихъ князей съ грека-

ми достовѣрны, но разсказы лѣтописи о походахъ изобилуютъ баснями, которыя представляютъ пересказъ поэмъ скальдовъ.

Разсказъ о Рюрикъ, Синеусѣ и Труворѣ представляетъ собою такой же миѳъ въ русской исторіи, какой въ римской - Ромулъ, какъ доказано это Нибуромъ. Интересенъ его взглядъ на Русскую Правду; по его мнѣнію, Русская Правда представляетъ собою сборникъ постановленій и законовъ русск. князей и вѣча, но основа его гораздо древнѣе XIII в.; въ этомъ отношеніи Полевой стоитъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ скептики.

Во время до Владиміра Святаго господствовалъ феодальный порядокъ, который только при Владимірѣ былъ замѣненъ строемъ монархическимъ, позаимствованнымъ изъ Византіи. Удѣльный періодъ былъ, по мнѣнію Полевого, шагомъ впередъ для Россіи. Сравнивъ исторію Запада съ исторіей Россіи, Полевой приходитъ къ слѣдующему заключенію: "Россія вступила въ союзъ съ Византіей, но эта послѣдняя дала очень мало Россіи, по крайней мѣрѣ не столько, сколько Греція и Римъ западной Европѣ. Исторія Новгорода есть не больше не меньше, какъ повтореніе исторіи западныхъ городовъ Франціи, Германіи и другихъ. Подобно тому, какъ имперія Карла Великаго распалась при его пріем-

никахъ, такъ точно и Русь распалась на отдѣльныя княжества, потому что состояла изъ разныхъ народностей; удѣльная система это точная фѣодальная система запада".

Второй томъ Полевой начинаетъ общей картиной эпохи до XIII столѣтія; здѣсь поучительны и интересны его сообщенія географическія, политич., общественныя и нравственныя. Такъ, напр., относительно географическаго распредѣленія земель Полевой говоритъ слѣдующее: "Указавъ границы русскихъ областей, мы должны присовокупить къ сему, что подъ сими границами не должно разумѣть постоянныхъ рубежей, уважаемыхъ сосѣдями, защищенныхъ правильно и крѣпко, рубежей, за коими начинались бы области, безопасно правимыя князьями... Жизнь русскаго народа сосредоточивалась окрестъ мѣстопребыванія повелителя. Такія мѣста составляли Кіевъ и Новгородъ. Чѣмъ далѣе отъ нихъ, тѣмъ болѣе слабѣла жизнь общественная, соединяясь, но уже слабѣе окрестъ Смоленска, Чернигова, а на сѣверѣ окрестъ Изборска и другихъ городовъ. Переяславль, Владиміръ, Ладога, Туровъ стояли на границахъ; отъ нихъ далеко внутрь земли не было общественной жизни, ибо страхъ вторженія непріятелей не дозволялъ быть здѣсь безопаснымъ... Успѣхи общественности въ русскихъ внутреннихъ облас-

тяхъ показывались именно тѣмъ, что области сближались одна съ другою устроеніемъ городовъ, а въ пространствахъ между городами постепенно селъ и деревень, т.е. обиталищъ не укрѣпленныхъ."
Что касается до нравственнаго и умственнаго состоянія русскаго общества, то приведя цѣлый рядъ литературныхъ памятниковъ, Полевой приходитъ къ тому заключенію, что нравственное и умственное состояніе было не высоко: "Русь не превышала запада образованіемъ, просвѣщеніемъ, общественностью, но не была и ниже его; только политическое бытіе оной было отдѣльное отъ бытія западныхъ европейскихъ земель и народовъ...Русь при Ярославѣ и Владимірѣ была государство сильное, единодержавное, громкое просвѣщеніемъ, вѣрою, гражданственностью. Представляя собою начатки общественности, она уступала западу тѣмъ, что не имѣла важныхъ преимуществъ и средствъ, таившихся на западѣ: - древней гражданственности, древняго образованія и просвѣщенія, подобно садовымъ растеніямъ, одичавшимъ среди развалинъ, но не погибшимъ. Надобно было только рукѣ времени удобрить новую почву и пересадить растеніе, сдѣлавшееся дикимъ, чтобы оно снова пышнѣе расцвѣло: этого Русь не могла ожидать." Вообще, говоритъ Полевой, вся эпоха до XIII столѣтія яв-

ляется результатомъ историческихъ обстоятельствъ: "не много надобно вниманія, если пожелаемъ видѣть, что первоначальная исторія Руси приготовила это состояніе, котораго картину мы изобразили, а, разсматривая сію картину, мы понимаемъ, чему изъ сего состоянія долженствовало явиться... Состояніе общественности, духъ времени, образъ мыслей и понятій, географическія подробности, современныя событія въ странахъ, окружавшихъ Русь, должны были произвесть именно то, что было въ Руси. Съ этой точки зрѣнія даже монгольскій періодъ полезенъ для русскаго государства тѣмъ, что онъ способствовалъ развитію самодержавія." Отношеніе Полевого къ историческимъ лицамъ таково; онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на продуктъ историческихъ обстоятельствъ; но въ этомъ случаѣ онъ впадалъ въ ошибку. Какова же была заслуга Полевого. Полевой высказалъ идею прогрессивнаго развитія русской исторической жизни, идею, которая была совсѣмъ чужда его предшественникамъ. Главнѣйшимъ же его недостаткомъ было отсутствіе спеціальной подготовки. Отношеніе къ нему современниковъ было довольно враждебное и злорадное; такъ, въ тогдашнихъ журналахъ мы встрѣчаемъ такого рода эпиграмму:

Увы! Россійскій нашъ Леклеркъ

Узналъ, смутился и померкъ
За то, что посвятилъ Нибуру
Двѣнадцать книгъ. Чего? Сумбуру.

Скептическое направленіе встрѣтило реакцію въ лицѣ Погодина, Буткова и Иванова.

ДОБРОВСКІЙ, ВЕНЕЛИНЪ и ШАФАРИКЪ.

Но прежде, чѣмъ говорить о реакціи противъ скептиковъ, намъ необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній о западно-славянскихъ ученыхъ, которые явились съ протестомъ противъ выводовъ нѣмецкой исторической школы относительно происхожденія славянъ. Представителями этого направленія нужно признать Добровскаго, Венелина и Шафарика.

Добровскій въ своей славянской грамматикѣ указалъ на единство и родство славянъ между собою. Венелинъ былъ родомъ изъ Угорской Руси, явился въ Россію, поступилъ въ Московскій университетъ и выступилъ съ цѣлымъ рядомъ сочиненій, но былъ лишенъ строго критическаго направленія; онъ ушелъ слишкомъ далеко съ своими теоріями и представляетъ оригинальное явленіе въ разработкѣ славянскихъ древностей.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются "Славянскіе древности" Шафарика; онъ произвелъ

цѣлую эпоху этимъ сочиненіемъ; онъ опровергъ ходячія мнѣнія нѣмецкихъ ученыхъ и ихъ взгляды на славянъ; онъ доказалъ, что славяне являются такимъ же древнимъ народомъ, какъ и другіе европейскіе народы; онъ слѣдитъ за древнѣйшими судьбами славянъ, начиная отъ Геродота до У вѣка по Рождествѣ Христовомъ, затѣмъ отъ У до IX вѣка и, уже послѣ этого, слѣдитъ вкратцѣ и за исторіей отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Погодинъ напечаталъ краткій конспектъ изъ этого сочиненія Шафарика.

ПРОТИВНИКИ СКЕПТИКОВЪ:
Погодинъ, Бутковъ и Ивановъ.

Обращаемся теперь къ противникамъ скептиковъ - М.П.Погодину, Буткову и Иванову. Личность Погодина заслуживаетъ полнаго вниманія, и потому я останавливаюсь на немъ съ нѣкоторою подробностью. Біографія Погодина, которую я заимствовалъ изъ его собственныхъ автобіографическихъ записокъ, такова: родился онъ въ 1800 году въ Москвѣ и происходилъ изъ крестьянскаго сословія; онъ гордился этимъ и съ удовольствіемъ издалъ найденное имъ сочиненіе Посошкова. Еще до десяти лѣтъ онъ почувствовалъ страсть къ чтенію. Воспитывался онъ дома и много читалъ. На-

ступилъ 1812 годъ - время патріотизма, и это патріотическое возбужденіе испыталъ онъ самъ и съ увлеченіемъ читалъ афиши Растопчина въ Москвѣ. Затѣмъ вскорѣ поступилъ въ гимназію, гдѣ занимался древними и новыми языками; здѣсь же онъ увлекался Карамзинымъ, преимущественно его литературными произведеніями; съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ выхода въ свѣтъ его "Исторіи государства Россійскаго" и при этомъ представлялъ себѣ въ фантастическомъ видѣ самого автора. Затѣмъ, когда было объявлено о выходѣ въ свѣтъ "Исторіи государства Россійскаго", то онъ выписалъ ее и долго ждалъ присылки; получивъ ее, онъ рѣшилъ отдать ее въ переплетъ, но переплетчикъ, къ великому прискорбію Погодина, пропилъ эту книгу; очень и очень долго Погодинъ не могъ примириться съ этимъ. Наконецъ, онъ поступилъ въ университетъ, при чемъ оказалось, что наибольшее вліяніе на него имѣлъ профессоръ русской словесности Мерзляковъ, лекціи котораго Погодинъ посѣщалъ очень охотно. При посредствѣ студента Кубарева Погодинъ познакомился съ сочиненіемъ Шлецера "Несторъ", и это сочиненіе произвело на него громадное впечатлѣніе. Первыя историческія работы молодого кандидата помѣщались въ Вѣстникѣ Европы Каченовскаго; тогда же Погодинъ

при посредствѣ Малиновскаго познакомился съ знаменитымъ графомъ Румянцевымъ. Погодинъ очень понравился Румянцеву, писалъ ему разнаго рода мелкія работы, и графъ хотѣлъ даже отправить его за границу. Въ то время въ Московскомъ университетѣ профессоромъ русской исторіи былъ Каченовскій, въ журналѣ котораго Погодинъ помѣщалъ свои работы, но вскорѣ разошелся съ нимъ и съ этого времени велъ съ нимъ борьбу, на манеръ 30-тилѣтней религіозной войны въ Германіи. Борьба эта велась и на страницахъ журнала, и въ университетскихъ аудиторіяхъ. Самъ Погодинъ говоритъ, что его лекціи посѣщала масса студентовъ, потому что онъ высказывалъ мнѣнія, противоположныя Каченковскому. Послѣдній доказывалъ, что Русская Правда и лѣтопись Нестора недостовѣрны. Съ лекцій Каченовскаго студенты переходили на верхъ на лекціи Погодина, который стоялъ за Русскую Правду и доказывалъ происхожденіе Руси отъ варяговъ. Послѣ этого Погодинъ выдержалъ магистерскій экзаменъ |въ день преп.Нестора| и представилъ для магистерской диссертаціи свою работу "О происхожденіи Руси", въ которой коренным образомъ расходился съ Каченовскимъ; послѣдній несмотря на это, призналъ работу вполнѣ достойною степени магистра. Работу свою Погодинъ по-

святилъ Карамзину: "У Васъ, говоритъ онъ тамъ, началъ я учиться добру и языку исторіи; позвольте посвятить Вамъ, въ знакъ искренней благодарности первый трудъ мой". Карамзинъ, въ свою очередь, прислалъ ему любезное письмо, гдѣ искренно благодарилъ Погодина. Извѣстный академикъ Кругъ, прочтя его диссертацію, остался ею очень доволенъ и далъ прекрасный отзывъ, подобно митрополиту Евгенію и Востокову. Въ это время Погодинъ началъ чтеніе лекцій по всеобщей исторіи для перваго курса, и въ основу своихъ лекцій положилъ руководство Шлецера. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ производство въ адъюнкты и вмѣстѣ съ тѣмъ приступилъ къ чтенію лекцій по русской исторіи, которую онъ читалъ по собственнымъ изслѣдованіямъ съ характеромъ, противоположнымъ Каченовскому. Черезъ нѣкоторое время онъ окончательно перешелъ на каѳедру русской исторіи. Характеръ его чтеній былъ таковъ: онъ готовился къ каждой лекціи и при этомъ подробно излагалъ одинъ какой-нибудь періодъ, остальные въ общихъ чертахъ; въ слѣдующій годъ излагалъ подробно другой періодъ и т.д. Въ отставку онъ вышелъ очень рано, при томъ потому, что рѣшился написать русскую исторію. Онъ сдѣлался чѣмъ-то вродѣ исторіографа: Императоръ Александръ рѣ-

шилъ доставить ему средства. Онъ хотѣлъ писать эту русскую исторію не въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, а во многихъ: -первую часть , т.е. древнѣйшую на Балтійскомъ поморьѣ, Кіевскій періодъ - въ Кіевѣ и т.д. Кромѣ службы Погодинъ много времени провелъ въ путешествіяхъ; изъѣздилъ почти всѣ выдающіеся пункты Россіи, посѣтилъ Кіевъ, гдѣ онъ былъ у профессора Максимовича, былъ въ Харьковѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ тогдашнимъ преосвященнымъ Иннокентіемъ; бывалъ онъ и въ Одессѣ,- гдѣ Мурзакевичъ показывалъ ему древности. Отправившись за границу, Погодинъ и тамъ посѣщалъ мѣстности, извѣстныя историческими событіями; такъ , онъ былъ въ Геттингенѣ, посѣтилъ домъ Шлецера, его библіотеку. Кромѣ того Погодинъ находился въ сношеніи съ западно-европейскими учеными - Домбровскимъ, Ганкой и другими Однимъ словомъ у него былъ громадный кругъ знакомства; можно сказать, что всѣ литературные дѣятели были знакомы ему и , главнымъ образомъ, тѣ, которые имѣли какое-либо отношеніе къ русской исторіи. Онъ не былъ исключительно ученымъ; онъ былъ всестороннимъ публицистомъ; онъ издавалъ два собственныхъ журнала, которые по своему характеру были противоположны Вѣстнику Европы. Большимъ успѣхомъ пользовался его второй журналъ

"Москвитянинъ", такъ какъ онъ отличался славянофильскимъ характеромъ.

Благодаря литературнымъ и научнымъ связямъ, путешествіямъ и необыкновенной практичности, ему удалось собрать свое знаменитое "Древлехранилище". Первое значительное приращеніе его произошло въ то время, когда онъ получилъ Демидовскую премію за магистерскую диссертацію. Собиралъ онъ древніе памятники безъ всякаго разбора "въ загребъ". Ему благопріятствовали обстоятельства; въ это время умерли графъ Румянцевъ и Толстой, которые пріохотили всякихъ раскольниковъ за извѣстную плату доставать древніе рукописные памятники, и вотъ, послѣ смерти обоихъ лицъ аферисты тащили весь добытый матеріалъ къ Погодину. Кромѣ того, онъ пріобрѣталъ разнаго рода библіотеки. Такимъ образомъ, его "Древлехранилище" состояло изъ 27 отдѣловъ: сюда входили автографы царской фамиліи, подлинные указатели, письма и бумаги государственныхъ сановниковъ прошлаго вѣка, автографы русскихъ писателей, древнія рукописи, старопечатныя церковно-славянскія книги, грамоты и акты юридическіе, монеты, иконопись, литейное и чеканное дѣло, рѣзьба на деревѣ, кости, камни; золотошвейное искусство, кресты, церковныя вещи, древнія печати, убранство, утварь,

оружіе, курганныя вещи, вещи Чудскихъ копей, матеріалы для новой русской исторіи, матеріалы для исторіи русскихъ славянъ, бумаги ученыхъ, лубочныя картинки, первыя гравюры, литература прошлаго вѣка. Коллекція, какъ мы видимъ, крайне разнообразная, обнаруживающая первоначальный способъ своего происхожденія; въ составъ ея вошли рукописи Строева, Филатова, Лаптева, Калайдовича, Большакова и другихъ. Погодинъ все это собиралъ, аки пчела трудолюбивая. Продана она была въ Императорскую Публичную Библіотеку за 150000 рублей. Чтобы закончить характеристику Погодина, слѣдуетъ остановиться еще на одномъ эпизодѣ - это именно на диспутѣ съ Костомаровымъ 19 марта 1860 г. Вызовъ на этотъ диспутъ былъ сдѣланъ самимъ Погодинымъ въ письмѣ, адресованномъ на имя Костомарова: "Я считаю Васъ честнымъ, добросовѣстнымъ изслѣдователемъ въ кучѣ шарлатановъ, невѣждъ, посредственностей и бездарностей, которые, пользуясь исключительнымъ положеніемъ, присвоили себѣ на минуту авторитетъ въ дѣлѣ науки и приводятъ въ заблужденіе неопытную молодежь: вотъ почему я требую отъ Васъ во имя этой науки полной сатисфакціи, т.е торжественнаго отступленія изъ Жмуди, или полнаго отраженія приведенныхъ мною кратких дока-

зательствъ, за коими я готовъ выдвинуть и тяжелую артиллерію. Иначе бросаю Вамъ перчатку и вызываю на дуэль, хоть въ пассажѣ. Секундантовъ мнѣ не нужно, развѣ тѣни Байэра, Шлецера и Круга, если у Васъ въ Петербургѣ есть вызыватель духовъ, а Вы для потѣхи можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей свистопляски. Сборъ въ доказательство моего безпристрастія, я готовъ уступить въ пользу неимущей жмуди. Безъ шутокъ, пріѣхавъ на недѣлю въ Петербургъ, я предлагаю Вамъ публичное разсужденіе въ университетѣ, географическомъ обществѣ, или въ Академіи, въ присутствіи лицъ, принимающихъ участіе въ вопросѣ. Хоть я лѣтъ двадцать оставилъ его, но, посвятивъ ему десять лучшихъ лѣтъ жизни, помню во всѣхъ подробностяхъ и готовъ отстаивать его unguibus et rostris". Костомаровъ въ отвѣтъ на это принимаетъ вызовъ Погодина и пишетъ такъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: "Такъ какъ М.П.Погодинъ вызываетъ меня на публичный поединокъ, то я отвѣчаю ему публично. Это значитъ - мы дописались до поля, какъ во время оно дѣды наши, отыскивавшіе себѣ управы по судебникамъ, досуживались до поля. Я принимаю вызовъ М.П.Погодина съ полнымъ уваженіемъ, какъ къ наукѣ, такъ и къ почтенному ея ветерану, счи-

таю это предложеніе высокою для себя честью и объявляю Погодину, что онъ найдетъ меня съ оружіемъ въ рукахъ вездѣ и всегда, куда только назначитъ явиться, но въ такомъ случаѣ, чтобы споръ нашъ, какъ часто бываетъ со спорами, не окончился ничѣмъ и чтобы каждый изъ насъ не стоялъ упорно на своемъ мнѣніи, я предлагаю выбрать посредниковъ не менѣе трехъ особъ, извѣстныхъ ученыхъ, оказавшихъ русской исторіи дѣйствительную пользу, и при томъ такихъ, которые не писали о варяжскомъ вопросѣ и не принимали участія въ спорахъ по поводу его. Предъ ними, въ присутствіи постороннихъ любителей науки, я выскажу свои возраженія на ваши и пусть они по совѣсти рѣшатъ, на чьей сторонѣ болѣе правды. Я обѣщаюсь покориться ихъ приговору и выступлю изъ Жмуди, если они оправдаютъ Васъ...Съ своей стороны я предлагаю просить оказать намъ честь принять на себя званіе посредниковъ въ нашемъ спорѣ Г.г.Калачева, Кавелина и Буслаева" Погодинъ отвѣчалъ на это, что онъ очень радъ этому предложенію, "но пусть только будетъ судьею публика."

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, именно 19 марта, состоялся самый диспутъ, на которомъ сначала сказалъ нѣсколько словъ ректоръ универ-

ситета Плетневъ, указывая собранію на предстоявшій новый способъ рѣшенія ученыхъ вопросовъ, посредствомъ бесѣды двухъ ученыхъ. Вслѣдъ затѣмъ Погодинъ обратился къ публикѣ и прочелъ свое письмо къ Костомарову съ нѣкоторыми, однако, исключеніями: "Достойный мой соперникъ, котораго я едва вижу сквозь мглу литовскую, или норманскую, изъявилъ желаніе, чтобы я прочелъ сперва письмо свое къ нему съ возраженіями на его мнѣнія, дабы Вы, милостивые государи, получили понятіе о вопросахъ, около которыхъ будетъ обращаться наше преніе". Вслѣдъ за этимъ Погодинъ высказываетъ свои положенія, и началася споръ, въ которомъ публика принимала живѣйшее участіе, награждая противниковъ аплодисментами.

Погодинъ. "Всѣ Ваши доказательства, всѣ Ваши замѣчанія, отвѣты очень остроумны, вотъ ихъ отличительное качество; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ свою степень вѣроятности, большую или меньшую; другія наука должна принять къ свѣдѣнію, иныя къ соображенію, скажу Вамъ о нихъ вообще. Но нѣтъ ни одной аксіомы, подъ которою бы съ умомъ, со способностями, свѣдѣніями нельзя было подточиться." Рукоплесканія и смѣхъ. Затѣмъ идетъ сравненіе совокупности доказательствъ въ пользу норманскаго происхожденія съ пучкомъ розгъ, ко-

торныхъ не въ состояніи были переломить въ совокупности дѣти старика: какую силу и крѣпость имѣетъ этотъ пучекъ такую и всѣ совмѣстно доказательства въ пользу норманскаго происхожденія Руси.

Костомаровъ "На сравненія Ваши позвольте мнѣ отвѣчать сравненіемъ же Когда Вы въ театрѣ смотрите на сцену, то при хорошо устроенныхъ декораціяхъ лѣса, горы, замки вамъ кажутся настоящими, но подойдите поближе и осязайте - вы увидите, что они картонные. Такую же иллюзію производитъ совокупность ученыхъ доказательствъ, но, чтобы ихъ узнать, надобно разсмотрѣть ихъ по одиночкѣ и изслѣдовать силу и свойство каждаго въ отдѣльности"

Затѣмъ начался споръ относительно того, что наши первые князья были норманы при чемъ Погодинъ замѣчаетъ "Въ XVI, XVII вѣкахъ является много мореходныхъ народовъ венеціанцы, генуэзцы, португальцы, испанцы, голландцы англичане: не въ IX вѣкѣ никого не было, кромѣ норманновъ"

Костомаровъ "Но развѣ запорожцы разъѣзжая на своихъ чайкахъ, заимствовались въ мореходствѣ отъ венеціанцевъ или генуэзцевъ?" Затѣмъ начинаются взаимныя уступки Костомаровъ "положимъ я вамъ уступаю Игоря, уступите мнѣ

Олега".

Погодинъ: "Долгъ платежемъ красенъ: вашъ Олегъ крѣпче моего Олега |смѣхъ|."

Костомаровъ: "Уступите мнѣ еще Ольгу. Это все равно, что Александръ и Александра"

Погодинъ. "Вы спрашиваете уже слишкомъ много |смѣхъ|. Вспомните, какъ Ольга, прибывъ въ Константинополь, на аудіенціи у императора едва склонила передъ нимъ свою голову, когда всѣ падали до земли. Это чистая норманка.

Костомаровъ: "Чистая славянка, чистая литвинка и всякая другая. |Смѣхъ|. Я у васъ попрошу еще Ятвяга, Алдана, Углина, Кари, Карши, Рогнѣду, Рюрика.... Вѣдь все это собственно литовскія имена.

Погодинъ:" Нѣтъ, ужъ Рюрика то никакъ не отдамъ. |Смѣхъ|. Вы приводите въ доказательство обстоятельство, что до сихъ поръ существуетъ въ литвѣ фамилія Рюриковичей. Отчего-жъ бы имъ не происходить отъ норамановъ? Затѣмъ Погодинъ продолжаетъ "Худой миръ, лучше доброй ссоры. Мы съ вами толковали о вопросѣ географическомъ, но самое важное здѣсь - элементъ норманскій. Говорите же прямо: откуда пришли Русы, какой въ нихъ элементъ? Это самое важное. Вы, значитъ, признаете въ нихъ вмѣстѣ со мною норманскій эле-

ментъ." Этого довольно для меня."

Костомаровъ: " Какъ норманскій элементъ? Этого я не говорю. Меня перебили, вы меня не поняли."

Погодинъ: "Продолжайте."

Костомаровъ: "Я твердо остаюсь въ Жмуди; придвигайте вашу тяжелую артиллерію; ничто не выведетъ меня оттуда, кромѣ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ. Вы можете забросать меня грудою примѣровъ и свидѣтельствъ, мнѣ давно извѣстныхъ, а уступить позицію я могу только вслѣдствіе новыхъ и ясныхъ свѣдѣній. Впрочемъ, я бы не хотѣлъ расходиться съ вами безъ примиренія, но покрайней мѣрѣ безъ перемирія".

Погодинъ: "Предложите условія"

. . . . . .

Костомаровъ. " Позвольте предложить условія. Примите пришествіе русскихъ князей изъ Литвы, примите, что господствующій элементъ той колоніи, которая къ нимъ пришла подъ именемъ Руси, былъ Литовскій, а я допущу возможность нѣкоторой малой подмѣси Норманскаго. Литовская народность дѣлилась на разныя вѣтви; быть можетъ, въ эту приморскую и попало нѣсколько норманокъ"

Погодинъ: "Если я вамъ и сдѣлаю эту уступку, то прошу мнѣ не вѣрить, потому что внутри у

меня теперь же шепчется, твердится совсѣмъ другое, въ сердце моемъ остается убѣжденіе, что въ основаніи русскаго государства преобладаетъ норманскій характеръ, хотя между норманами могли быть и прочіе жители Балтійскихъ береговъ славяне, чудь, литва."

Костомаровъ: "Прошу и мнѣ также не вѣрить, если бы я сказалъ, что руссы-норманы: мнѣ внутреннее чутье говоритъ, напротивъ, что это было литовское племя."

Погодинъ: "Имѣете ли вы ко мнѣ столько довѣрія чтобы дозволить мнѣ отъ вашего имени, равно какъ отъ своего, заключить нашу бесѣду предъ публикой?"

Костомаровъ: "Имѣю, исключая тѣхъ ограниченій, которыя я указалъ."

Погодинъ: "Итакъ, да здравствуетъ наша Русь откуда бы она ни пришла! Да живетъ она не 1000 лѣтъ, а долго, долго, по выраженію Карамзина, если только нѣтъ на землѣ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой. Да цвѣтетъ наука въ стѣнахъ сего университета, въ стѣнахъ и за стѣнами всѣхъ русскихъ университетовъ, или, выражаясь стихомъ Пушкина:

"Да здравствуетъ разумъ,
Да скроется тьма".

Костомаровъ. И я приведу слова Пушкина:

Что Литва, что Русь ли....все равно.

Въ этомъ диспутѣ сказался характеръ Погодина, который проявлялся много разъ и въ научной дѣятельности его

Теперь мы должны перейти къ обозрѣнію научной дѣятельности Погодина Его магистерская диссертація была посвящена вопросу о началѣ русскаго государства и эта диссертація въ переработанномъ видѣ вошла во второй томъ его "Изслѣдованій замѣчаній и лекцій". Содержаніе ея таково: начинается она съ указанія на важность вопроса о началѣ русскаго государства; указывается далѣе на важные вопросы, которые соприкасаются съ даннымъ; вслѣдъ затѣмъ высказывается мнѣніе, что варяги-русь были норманны, и идетъ цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія Погодинъ анализируетъ извѣстія русской лѣтописи, византійскихъ, западныхъ и арабскихъ сказаній, разсматриваетъ также собственныя имена князей и Днѣпровскихъ пороговъ. На основаніи всего этого Погодинъ приходитъ къ заключенію, что варяги-русь были норманны, къ этому же его приводитъ и сравненіе религіозныхъ обычаевъ, и нравовъ русскихъ съ обычаями норманновъ Покончивъ съ положительною стороною своихъ доказа-

тельствъ. Погодинъ переходитъ къ отрицательнымъ; тутъ онъ даетъ отвѣты на возраженія противъ норманскаго происхожденія варяговъ-руси; тутъ онъ возражаетъ Эверсу, Нейману и другимъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ рѣшаетъ вопросъ возбуждавшій большое разногласіе, кто были варяги-русь? Изслѣдуя этотъ вопросъ, авторъ приводитъ мнѣнія другихъ ученыхъ съ подробнымъ разборомъ ихъ |Каченовскаго, Максимовича, Эверса, Татищева, Неймана и другихъ| и доказываетъ, что они были норманны. Въ своей "Древне-русской исторіи" |3 тома| онъ является представителемъ математическаго метода. Погодинъ былъ поклонникъ фактовъ и не любилъ вдаваться въ разсужденія; онъ приводилъ всѣ факты, какіе только можно найти и дѣлалъ изъ нихъ выводы. "Такъ, напримѣръ, говоритъ онъ, беремъ XII вѣкъ и посмотримъ какіе тутъ дѣйствовали князья; оказывается, что эти князья находятся въ одинаковой между собою степени родства; это даетъ право сдѣлать заключеніе, что княжескія отношенія опредѣляются степенью родства" и т.д.; " это, говоритъ Погодинъ, все равно какъ и въ геометрической прогрессіи: если даны три члена, то вы можете опредѣлить четвертое неизвѣстное При изслѣдованіи внутренняго быта Погодинъ старался привести всѣ мѣста изъ

лѣтописи, перефразировать ихъ и, такимъ образомъ, получалось у него описаніе внутренняго быта. Для него имѣетъ рѣшительное значеніе фактъ; чѣмъ больше собрано фактовъ и извѣстій по извѣстному вопросу, тѣмъ правильнѣе можно сдѣлать выводъ. Такимъ образомъ относительно скептиковъ онъ выступалъ дѣйствительно съ тяжелой артиллеріей и опровергалъ ихъ доводы цѣлою массой фактовъ, которые заслуживали полнаго вниманія. У Погодина не было творческаго ума, который бы могъ создать въ наукѣ новыя теоріи.

Другимъ важнымъ вопросомъ, надъ которымъ Погодинъ долго работалъ, былъ вопросъ о лѣтописи Нестора; вопросъ этотъ подвергался разсмотрѣнію скептиковъ, и Погодинъ вооружился противъ нихъ въ своемъ историко- критическомъ разсужденіи "Несторъ" - которое въ дополненномъ видѣ составило I-ый томъ его "Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій по русской исторіи", и это сочиненіе должно быть названо однимъ изъ самыхъ удачныхъ; такой отзывъ о немъ даетъ Бестужевъ-Рюминъ Самъ Погодинъ въ предисловіи къ "Изслѣдованіямъ" говоритъ слѣдующее: "Первый томъ посвященъ источникамъ древнѣйшей русской исторіи и преимущественно Несторовой лѣтописи Въ составъ его вошло прежде напечатанное, извѣстное публикѣ изслѣ-

дованіе, къ которому присоединены замѣчанія о прочихъ источникахъ, какъ-то: Русской Правдѣ, церковныхъ уставахъ, сѣверныхъ сагахъ и прочее, также разборъ всѣхъ мнѣній о Несторовой лѣтописи, вспросовъ, къ ней соприкосновенныхъ, разборъ всѣхъ разсужденій скептической школы, объясненіе ея недоразумѣній и разрѣшеніе ея сомнѣній. Разборы эти были слишкомъ для меня скучны и утомительны, отняли у меня много драгоцѣннаго времени, но я почелъ обязанностью очистить заданный себѣ вопросъ со всѣхъ сторонъ, отклонить всякій поводъ или предлогъ къ обвиненію въ неполнотѣ, вразумить молодыхъ людей, готовыхъ всегда гоняться за новизною, расположенныхъ по природѣ болѣе къ сомнѣнію и отрицанію чѣмъ утвержденію и довѣрію и, наконецъ, предохранить русскую исторію на будущее время отъ подобныхъ покушеній"

И дѣйствительно, этотъ томикъ отличается чрезвычайной полнотою и богатствомъ содержанія. Начинается онъ съ разрѣшенія вопроса о достовѣрности русской исторіи вообще и лѣтописи въ частности при чемъ Погодинъ прибѣгаетъ къ особому пріему онъ совершенно игнорируетъ лѣтопись, обращается къ иностранцамъ и на основаніи ихъ извѣстій возстановляетъ бытъ древней

Руси въ XI столѣтіи. Оказывается, что иностранцы, разсказываютъ о тѣхъ же событіяхъ, которыя сообщаетъ лѣтопись. Вслѣдъ затѣмъ онъ обращается къ вопросу о времени и мѣстѣ сочиненія первой русской лѣтописи; для него не подлежитъ сомнѣнію, что лѣтопись была составлена въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ монахомъ Несторомъ и составлена была въ концѣ XI и началѣ XII столѣтія. Какъ извѣстно, послѣдній выводъ Погодина |о времени составленія лѣтописи| является господствующимъ и въ настоящее время. Что же касается до вопроса объ авторѣ, то онъ теперь рѣшается иначе; въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, что Несторъ не былъ авторомъ первоначальной лѣтописи. Погодинъ характеризуетъ Нестора и даетъ о немъ біографическія свѣдѣнія.

Вслѣдъ затѣмъ онъ переходитъ къ новому вопросу, въ какомъ видѣ дошла до насъ Несторова лѣтопись? Вопросъ этотъ весьма важенъ, если мы припомнимъ мнѣніе Шлецера, что лѣтопись Нестора дошла до насъ въ искаженномъ видѣ, что ее необходимо очистить и возстановить ея первоначальный видъ. Погодинъ опровергаетъ эти воззрѣнія Шлецера и доказываетъ, что лѣтопись Нестора дошла до насъ не въ искаженномъ видѣ, а въ подлинномъ. Далѣе, онъ переходитъ къ вопросу объ источ-

никахъ Несторовой лѣтописи и приходитъ къ тому заключенію, что главными источниками были монастырскія записки. Перейдя къ договорамъ съ греками, которые помѣщены въ лѣтописи и которые возбуждали сомнѣніе у скептиковъ, Погодинъ доказываетъ подлинность ихъ, и въ этомъ отношеніи онъ совершенно правъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ дѣлаетъ попытку [слабую, сравнительно съ попыткою Бестужева-Рюмина] разложить древнюю русскую лѣтопись на ея составныя части и указать изъ какихъ источниковъ заимствованы важнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя Несторомъ. Онъ не отрицаетъ и того, что въ Несторовой лѣтописи существуетъ легендарный элементъ и что въ этомъ отношеніи скептики правы; но это не даетъ права усумниться во всѣхъ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ лѣтописью. Эту достовѣрность первоначальной лѣтописи онъ доказываетъ согласіемъ свѣдѣній первоначальной лѣтописи съ памятниками литературными, съ извѣстіями иностранцевъ и, наконецъ, въ этомъ онъ убѣждается изъ аналогіи географическихъ данныхъ. Таковъ первоначальный остовъ сочиненія Погодина о Несторѣ.

Теперь же въ "Изслѣдованіяхъ, замѣткахъ и лекціяхъ" онъ сдѣлалъ добавленія и значительно разширилъ его; здѣсь онъ разработалъ вопросъ о

Русской Правдѣ; подробно разбираетъ тутъ же опроверженія, сдѣланныя Каченовскимъ, и доказываетъ ихъ полную несостоятельность. Послѣ этого онъ обращается къ анализу другихъ законодательныхъ памятниковъ церковнаго права, именно къ извѣстнымъ церковнымъ уставамъ Владиміра и Ярослава Мудраго. Затѣмъ онъ переходитъ къ вопросу о сѣверныхъ скандинавскихъ сагахъ и, наконецъ, заканчиваетъ историко - литературнымъ обозрѣніемъ трудовъ скептиковъ |останавливается на скептическомъ повѣтріи - на воззрѣніяхъ Каченовскаго и его школы| Таковъ первый томъ "Изслѣдованій замѣтокъ и лекцій" Погодина. Какъ видимъ, онъ очень богатъ содержаніемъ.

Многіе наши ученые заявляли, что они начали изучать русскую исторію по этому сочиненію Погодина "Прежде, нежели предложу я свои изслѣдованія о древней русской исторіи, говоритъ Погодинъ, почитаю нужнымъ показать вообще ея достовѣрность, тѣмъ болѣе, что въ наше время нѣкоторые легкомысленные писатели силятся привести ее въ подозрѣніе и совѣтуютъ начинать го раздо позднѣе.

Русская исторія такъ счастлива что самыя первыя, главныя ея положенія засвидѣтельствованы иностранцами - современниками и очевидцами"

Затѣмъ, тутъ же Погодинъ приводитъ цѣлый рядъ извѣстій иностранцевъ и дѣлаетъ такое заключеніе: "Симъ свидѣтелямъ нельзя не вѣрить! Это все очевидцы, современники описанныхъ ими происшествій, въ коихъ инымъ случалось даже быть дѣйствующими лицами. Они не сговаривались между собою: одинъ жилъ въ Константинополѣ, другой въ Богдадѣ, третій внутри Германіи, четвертый на островѣ Исландіи, пятый въ Кремонѣ, шестой въ Александріи. Они не списывали другъ у друга: византіецъ не зналъ по-арабски, Арабъ по-исландски, нѣмецъ по-арабски. Имъ не было нужды выдумывать, ибо они описывали другіе прдметы, а объ насъ большею частью роняли по нѣсколько словъ мимоходомъ. Итакъ, имъ нельзя не вѣрить - даже стыдно доказывать ихъ достовѣрность". Словомъ, получается канва всѣхъ важнѣйшихъ событій безъ нашей древней лѣтописи.

Относительно своего математическаго метода Погодинъ даетъ намъ такія указанія: "Вотъ еще какую повѣрку можно сдѣлать надъ древнѣйшей исторіей: вообразимъ, что мы не имѣемъ не только своихъ лѣтописей, но даже иностранныхъ извѣстій, теперь предложенныхъ о IX, X и XI в.в. Русская исторія останется и безъ нихъ на своемъ основаніи.

Дайте мнѣ точку, съ которой думалъ бы кто-либо начать несомнѣнную русскую исторію. Представимъ себѣ, что кто-нибудь хочетъ начинать ее съ XII столѣтія. Очень хорошо. Слушайте: въ XII столѣт. являются на сцену слѣдующія дѣйствующія лица: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Всеволодовичъ, Олегъ Святославичъ, Давидъ Игоревичъ, Володарь Ростиславичъ, Рюрикъ Ростиславичъ, Мстиславъ Святополковичъ, Ярославъ Святополковичъ и пр. Всѣ они двоюродные братья и дяди между собою, какъ замѣчаю я при первыхъ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, допускаемыхъ вами. Слѣдовательно, разсуждаю я далѣе |по образцу геометрич. пропорціи, въ коей 3-мя извѣстными членами отыскивается четверый неизвѣстный|, сторона наша искони принадлежала одному роду. Слѣдовательно, она не была завоевана, ибо, если бы была завоевана, то была бы роздана, какъ вездѣ, между завоевателями. Слѣдовательно, она была занята мало-по-малу, по мѣрѣ размноженія сего рода"... 3-й томъ "Изслѣдованій, замѣтокъ и лекцій" Погодина посвященъ норманскому періоду; здѣсь Погодинъ говоритъ о первомъ появленіи варяговъ, о ихъ изгнаніи и о призваніи варяговъ Руси; здѣсь представляетъ догадки о причинахъ призванія, разсматриваетъ дѣятельность норманск. князей Рюрика, Олега и вообще кіевск. князей

до кончины Ярослава Мудраго. Такимъ же образомъ онъ обозрѣваетъ и излагаетъ краткую внутреннюю исторію въ періодъ этихъ норманскихъ князей: говоритъ о военномъ дѣлѣ древней Руси, о торговлѣ, религіи, народномъ характерѣ, грамотности о языкѣ и образованіи, о правѣ и частной жизни.

Весь этотъ томъ онъ доканчиваетъ лекціей о формаціи русскаго государства, причемъ проводитъ параллель русской исторіи съ исторіей западно-европейскихъ государствъ и высказываетъ такую точку зрѣнія, на которой потомъ стали славянофилы; онъ указываетъ на особенность образованія Россіи: Европейскія государства образовались путемъ завоеваній, а у насъ не было завоеваній, но было призваніе; затѣмъ въ Западной Европѣ получилось громадное различіе между классомъ побѣжденныхъ и пришельцевъ, у насъ же равенство правъ между туземцами и пришельцами. Наконецъ, слѣдуетъ указать на отличіе физическое, на отличіе природы странъ запада и нашей природы и на отличіе нравственное въ характерѣ западнаго и нашего населенія.

Съ 4-го тома начинается изслѣдованіе удѣльнаго періода; здѣсь прежде всего идетъ перечень источниковъ, относящихся къ удѣльному періоду, хронологическія данныя, генеалогія князей, опре-

дѣляются размѣры территоріи и границъ княжескихъ удѣловъ и, наконецъ, разсматриваются отношенія между князьями удѣльнаго періода.

Пятый томъ посвященъ разсмотрѣнію войнъ удѣльнаго періода - внутреннихъ и внѣшнихъ; затѣмъ излагается внѣшняя политическая исторія удѣльныхъ княжествъ. Въ шестомъ томѣ помѣщенъ азбучный списокъ русскихъ князей до-монгольскаго періода по степенямъ, какъ въ степенной книгѣ, т.е. сначала идетъ перечень князей одного рода, затѣмъ другого и т. д. и по родству, далѣе также по удѣламъ и по княжествамъ.

Седьмой томъ посвященъ внутреннему быту русскаго общества въ удѣльный періодъ. Здѣсь Погодинъ характеризуетъ власть княжескую, положеніе дружины, дѣлаетъ обозрѣніе городовъ, военнаго дѣла, права, торговли, церкви и т. д. Взятъ на основаніи этихъ "Изслѣдованій, замѣтокъ и лекцій" Погодинъ вздумалъ написать свою "Древнюю русскую исторію до-монгольскаго ига"; это сочиніе вышло въ 3-хъ томахъ; первый томъ обозрѣваетъ внѣшнюю исторію до-монгольскаго ига; второй томъ рисуетъ внутренній бытъ русскаго государства; третій томъ состоитъ изъ рисунковъ древнихъ вещей; въ немъ находимъ нѣсколько сотъ снимковъ, вещественныхъ памятниковъ, древнихъ

иконъ, образцы стариннаго почерка, снимки съ нѣкоторыхъ миніатюръ живописи, а къ концу присоединенъ объяснительный текстъ. Основные взгляды Погодина въ его исторіи таковы: онъ усвоилъ мысли Шафарика о культурности Славянъ вообще и русскихъ въ частности и здѣсь разошелся съ Шлецеромъ; но эта мысль находится у него въ противорѣчіи съ изложеніемъ русской исторіи въ норманскомъ духѣ; онъ допускаетъ полное господство норманскаго элемента въ нашемъ быту. Вслѣдъ затѣмъ онъ переходитъ къ удѣльному періоду, въ которомъ не видитъ никакой руководящей идеи; онъ отмѣчаетъ переходы князей, но не можетъ уловить причины этихъ переходовъ; всѣ событія, всѣ дѣйствія князей носятъ чисто случайный характеръ и не имѣютъ общей связи и нити. Въ книгѣ Погодина соединяется точный математическій методъ и патріотическое воодушевленіе, которое заставляетъ его высказывать разныя патріотическія мысли, не всегда подтверждаемыя фактическими данными. Такимъ образомъ, его "Исторія" представляетъ соединеніе точныхъ фактическихъ данныхъ и лирическихъ отступленій на патріотическую тему. Книга эта была издана въ 1871 г., но она представляетъ явленіе запоздалое, анахронизмъ въ общемъ ходѣ русской исторіографіи и смѣло можетъ быть при-

числена къ 30-мъ годамъ. Погодинъ также извѣстенъ цѣлымъ рядомъ другихъ, болѣе мелкихъ работъ и сочиненій, изъ которыхъ я укажу на любопытное изслѣдованіе о мѣстничествѣ, на его цѣнную книгу "17 лѣтъ изъ жизни Петра Великаго"; здѣсь онъ излагаетъ извѣстный стрѣлецк бунтъ, причины его; но взгляды Погодина въ этой области являются неустановившимися. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что Погодина трудно втиснуть въ какой либо приходъ; такъ, онъ издавалъ "Москвитянинъ" и высказывалъ здѣсь мнѣнія, близкія къ славянофиламъ въ другихъ же вопросахъ онъ былъ очень далекъ отъ славянофиловъ. Бестужевъ-Рюминъ выходитъ изъ этого затрудненія, говоря о Погодинѣ, что онъ былъ настоящая русская натура, которая не хотѣла входить въ какія-либо рамки; кромѣ того онъ былъ публицистомъ такъ что не могъ сосредоточиться на чемъ-либо одномъ. Кромѣ этого Погодинъ издалъ сочиненіе Посошкова, Псковскую лѣтопись; былъ секретаремъ Московскаго Историческаго Общества, издавалъ журналъ этого общества Словомъ, это былъ человѣкъ весьма дѣятельный, энергичный, трудолюбивый и пользовавшійся вліяніемъ и въ научной, и въ литературной области, хотя и не безъ крупныхъ нравственныхъ недостатковъ

Бутковъ. Другимъ противникомъ скептиковъ

является Бутковъ въ своемъ сочиненіи: " Оборона лѣтописи русской отъ навѣтовъ скептиковъ". Эта книга вышла въ 1840 году. Поводъ, вызвавшій появленіе этой книги, объясненъ самимъ Бутковымъ въ предисловіи къ его сочиненію, здѣсь Бутковъ говоритъ. "всѣ эти взгляды, всѣ эти разсужденія, розысканія, лекціи мысли мнѣнія, привязки подъ завѣсою высшей критики и подъ предлогомъ уясненія перваго періода исторіи Россійской направлены прямо къ уничтоженію достоинства древняго нашего лѣтописца Дѣлая намъ упреки, что по слѣпой довѣренности къ Нестору, мы держимъ себя во мглѣ непростительныхъ предубѣжденій, скептики изъявляютъ готовность свою вывесть насъ изъ сего тумана, коль станемъ смотрѣть на Временникъ Несторовъ ихъ глазами и согласимся, что сіе твореніе есть пестрая смѣсь былей съ небылицами, основано будучи на преданіяхъ искаженныхъ, на выдумкахъ, на подлогахъ, на вставкахъ на примѣненіи къ Россіи иноземныхъ происшествій..... Смѣлое предпріятіе скептиковъ на преобразованіе исторіи нашей по ихъ думамъ имѣетъ уже многихъ подражателей... Видя, что подобныя сочиненія увлекаютъ молодые умы и вводятъ многихъ во искушеніе, мы вознамѣрились принять участіе въ противоборствѣ скептицизму преслѣдованіемъ сподвиж-

никовъ его по той извилистой дорогѣ, какую они избрали для достиженія своей цѣли". Книга Буткова распадается на 2 главныя части. Первая часть касается лѣтописи русской, Несторовой, и содержитъ въ себѣ 6 главъ:

I| На такой ли степени образованія стояла Россія въ XI вѣкѣ, чтобы могла имѣть тогда собственнаго лѣтописца?

2| Источники лѣтописи Русской.

3| Руссы Аскольдовы и договоры Олега и Игоря;

4| Руссы Шлецеровы и Эверсовы.

5| Кто были Руссы и Варяги по понятію скептиковъ?

6 Основаніе Новгорода и его торговля.

Вторая часть относится собственно къ Нестору и состоитъ изъ слѣдующихъ 6 главъ:

I| Явленіе Нестора; образованіе сего инока; начало и конецъ его Временника;

2| Разборъ мнѣній скептиковъ о древнихъ монастырскихъ запискахъ.

3| Связь съ лѣтописью Несторовыхъ отдѣльныхъ повѣстей о Борисѣ и Глѣбѣ, о зачалѣ Печерскаго монастыря и о житіи Ѳеодосіевомъ.

4| Средства Несторовы къ собранію для лѣтописи матеріаловъ.

5| О Василіѣ Сильвестрѣ и Татищевѣ.

6| Съ какихъ поръ Несторъ извѣстенъ въ званіи

лѣтописца?

Таково содержаніе книги Буткова. Онъ началъ съ того, съ чего и Погодинъ; въ его первой главѣ - "На такой ли степени образованія стояла Россія въ XI в., чтобы могла имѣть тогда собственнаго лѣтописца" мы находимъ такое замѣчаніе: "Изъ извѣстій византійскихъ, точно принадлежащихъ Россіи, по самому сознанію скептиковъ видно, что предкамъ нашимъ многія искусства были знакомы: они съ 866 года до половины XI вѣка выводили на грековъ арміи и флоты; сражались мечами, сѣкирами, копьями, стрѣлами, пращами, прикрываясь щитами, шлемами, кольчужными бронями; въ походахъ ставили шатры, и лагери свои обводили окопами; строились для битвъ съ непріятелемъ въ ряды и твердыя фаланги; умѣли сооружать мореходныя суда и употребляли на нихъ весла, рули, якори, мачты, паруса; жили въ городахъ и селахъ; знали торговлю, посольства". Пріемъ Буткова таковъ: сперва онъ приводитъ мнѣнія скептиковъ, а затѣмъ уже дѣлаетъ на нихъ возраженія. Въ числѣ достоинствъ этого сочиненія нужно поставить на первомъ мѣстѣ полную самостоятельность; самъ Погодинъ говоритъ, что книга обнаруживаетъ полную самостоятельность автора, его необыкновенную начитанность въ источникахъ, нѣсколько неправдоподобныхъ мнѣ

ній, будто-бы лѣтописецъ могъ знать греческій языкъ, что Несторъ не пользовался монастырскими записками. Бутковъ не стоялъ всецѣло на высотѣ науки, и потому у него замѣтна слабость критическихъ воззрѣній. Кромѣ этого онъ извѣстенъ еще своимъ изслѣдованіемъ по исторіи Кавказа; сочиненіе это довольно цѣнное, но отличается фактическимъ характеромъ.

Ивановъ. Третьимъ противникомъ скептиковъ является Ивановъ, извѣстный сочиненіемъ "Общее понятіе о хронографахъ", помѣщеннымъ въ ученыхъ запискахъ казанскаго университета. Но въ этой статьѣ мы найдемъ все, что угодно, кромѣ изслѣдованія о хронографахъ; здѣсь главнымъ образомъ Ивановъ занимался полемикой съ представителями нѣмецкой науки; здѣсь очень сильно достается Байэру; но особенно онъ нападалъ на Шлецера; защищалъ Татищева и укорялъ Шлецера за его отрицательные отзывы о Татищевѣ. Кромѣ того Ивановъ извѣстенъ еще другою работою "Россія," которая вышла въ свѣтъ за подписью Булгарина.

НОВѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІОГРАФІИ

Историко-юридическая школа.

Первые представители ея:

§ 15 ГУСТАВЪ ЭВЕРСЪ |+1830 г.|

Библіографія:

Смот. статьи въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія - IX, 635 и XXVII 40.

Первые представители историко- юридической школы сыграли ту же роль въ разработкѣ юридическаго быта Руси какую Шлецеръ и другіе нѣмецкіе академики - въ разработкѣ внѣшней русской исторіи и по вопросу возникновенія русскаго государства вообще Заслуга Эверса состоитъ въ томъ что онъ, можно сказать, первый создалъ науку исторіи русскаго права Вмѣстѣ съ Рейцомъ, своимъ ученикомъ Эверсъ первый заговорилъ - родовомъ бытѣ древней Руси и въ этомъ направленіи имѣлъ много послѣдователей, заслуживаетъ также полнаго вниманія попытка его объяснить исторію съ точки зрѣнія внутренняго развитія Важнѣйшіе труды Эверса: - учебникъ исторіи до Ивана IV -

„Geschichte der Russen"; Kritische vorarbeit zur geschichte der Russen; das älteste Recht der Russen". Сочиненія его "Критическія изслѣдованія по русской исторіи" состоитъ изъ 2-хъ частей и имѣетъ характеръ введенія въ русскую исторію въ родѣ "Разысканій" Иловайскаго Въ первой части "Изслѣдованій" Эверсъ приводитъ къ выводу о мѣстномъ, туземномъ происхожденіи Руси. Его изслѣдованія пріурочены къ хронологическому изложеніе русской лѣтописи, Варяговъ онъ считаетъ норманнами и прибавляетъ, что ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Русью; въ этомъ онъ расходится съ Шлецеромъ и Норманистами Шлецеръ утверждаетъ что призванные Варяги-Русь были тѣ самые которые не задолго передъ тѣмъ были прогнаны новгородскими славянами. Несторъ, по словамъ Эверса. "ничего не говоритъ о возвращеніи прогнанныхъ Варяговъ и называетъ призванныхъ для отличія отъ упомянутыхъ прежде Русью Посланники говорятъ имъ: "земля наша велика и обильна"; – нужно-ли имъ было сими словами хвалить ее Варягамъ, которымъ она понравилась столько, что не задолго передъ тѣмъ должно было выгнать ихъ оттуда силою Не доказываютъ-ли болѣе сіи слова противнаго? не доказываютъ ли они, что

Словене говорили такому народу, которому земля ихъ, по ихъ мнѣнію, была совершенно неизвѣстною? Разумѣется". Эверсъ сильно нападаетъ на "Нѣмцевъ"|Норманистовъ| за ихъ филологическія толкованія именъ призванныхъ князей. "Болѣе всего, по его мнѣнію, можно заблудиться въ производствѣ словъ и именъ". Несмотря на сіе, продолжаетъ Эверсъ, безпрестанно являются отважные искатели и, поелику Байеръ представился здѣсь вожатымъ, то самъ недовѣрчивый Шлецеръ рѣшился ему сопутствовать и очень обрадовался, найдя съ нимъ вмѣстѣ у Снорри, у Саксона и другихъ множество скандинавскихъ героевъ, кои назывались такъ или почти такъ, какъ Рюрикъ и Труворъ, наприм.: Гроререкуръ, Рорекъ, Рорикръ, Рюрикъ; Труворъ, Труере. Съ третьимъ, Синеусомъ, ему не посчастливилось; но онъ утѣшился въ неудачѣ, предположивъ, что сіе имя испорчено русскими и напомнилъ у Саксона объ одномъ царѣ Снio, ab isto nomine non abhorrens... Байэръ почиталъ Игоря и даже Святослава съ Владиміромъ скандинавскими именами". "Сходство звуковъ въ двухъ первыхъ именахъ съ приведенными въ примѣръ нельзя не признать, и потому они могутъ подкрѣплять историческое положеніе но не могутъ доказывать онаго". Нѣсколько разъ по поводу разныхъ вопросовъ Эверсъ остана-

вливается отъ времени до времени на филологическихъ догадкахъ нѣмецкихъ ученыхъ Разбирая толкованія названій Днѣпровскихъ пороговъ Эверсъ приводитъ слова Шлецера для характеристики того метода которымъ производятся филологическія изысканія: "если какое-либо слово не имѣетъ замѣтной съ другимъ созвучности, то его поднимаютъ на этимологическую дыбу и мучатъ его до тѣхъ поръ, пока оно какъ будто отъ боли, не закричитъ и не дастъ такого звука какого хочется жестокому словопроизводителю" Эверсъ опровергаетъ мнѣніе Шлецера что русскую исторію будтобы слѣдуетъ начинать съ Рюрика, который основалъ, по словамъ Шлецера, Русское государство и при которомъ "три совершенно различныхъ народа, т. е. Новгородцы |Словене|, Чудь|Финны|, и Русы |Норманны| соединились вмѣстѣ и составили одинъ" Эверсъ не считаетъ Рюрикова единодержавія настолько важнымъ, чтобы съ него начинать русскую исторію, уже потому, что его единодержавіе было ограничено находившимися подъ его рукой намѣстниками, которые также назывались князьями Въ правленіе Рюрика нигдѣ Чудь не соединялась въ одно съ Новгородомъ Руссами назывались Новгородскіе и Кіевскіе славяне у которыхъ находились главныя мѣстопребыванія ино-

земныхъ князей. "Олегъ покорилъ себѣ Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, но нигдѣ нѣтъ помину о томъ, чтобы они оттолѣ назывались Руссами". Русское государство при Ильменѣ, по мнѣнію Эверса, образовалось раньше Рюрика, такъ какъ народы, призвавшіе Рюрика съ другими князьями, еще раньше этого призванія составляли союзъ и управлялись потомъ сами собой, когда были изгнаны варяги возставшими съ Вадимомъ новгородцами. Во второй книжкѣ своихъ "Изслѣдованій" Эверсъ говоритъ, между прочимъ, о "древнѣйшихъ слѣдахъ русскаго имени" Эти слѣды находятся еще въ книгѣ пророка Іезекіиля, гдѣ тотъ говоритъ о Россахъ, которые у классическихъ древнихъ писателей превращаются въ Роксоланъ, обитавшихъ по сѣверу Чернаго моря. Въ слѣдующіе вѣка Россы остаются, по его мнѣнію, на тѣхъ же мѣстахъ, т.е. между Чернымъ или Русскимъ |у Нестора| моремъ и Каспійскимъ. Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ сказанія арабскихъ писателей. "Между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ жили Руссы прежде, нежели исторія узнаетъ гдѣ-либо народъ сего имени. Разумѣется, на такомъ заключеніи нельзя основывать никакого прочнаго мнѣнія, но въ необходимости сего заключенія ясно представляется отраженіе истины, за которую говорятъ историческіе

свидѣтели". Говоря о названіи Чернаго моря Рус
скимъ, Эверсъ указываетъ на то, что здѣсь встрѣ-
чаемъ впервые страну, носившую имя русское раньше славянъ |Новгородскихъ и Кіевскихъ|. "Естественнѣе, говоритъ онъ, искать руссовъ при Рус
скомъ морѣ, нежели при Варяжскомъ. Напрасно
станутъ возражать, что сіе названіе лишается
всей своей силы доказательной по той причинѣ,
что мы не знаемъ древности онаго, - оно можетъ-
де относиться къ тѣмъ временамъ, когда Словен-
скіе Руссы, владѣя Тмутараканью, владѣли уже и
по берегамъ Понта. Я отвѣчаю: раннее сіе влады-
чество Словенскихъ Руссовъ въ столь отдаленныхъ
южныхъ странахъ осталось бы для изслѣдователя
неразрѣшимою загадкою, если бы онъ не нашелъ ка-
кой-либо связи между ими и какимъ-нибудь могу-
щественнымъ народомъ въ сей отдаленной странѣ"
Итакъ, Эверсъ признаетъ, что Словенскіе Руссы
жили съ давнихъ поръ, именно, по его мнѣнію, -
со временъ Олега, на берегахъ Чернаго моря,
приблизительно въ мѣстности, извѣстной впослѣд-
ствіи при Владимірѣ Св.| подъ именемъ княже-
ства Тмутараканскаго. Изъ другихъ взглядовъ
Эверса нужно отмѣтить взглядъ на Аскольда и Ди-
ра, которыхъ онъ считаетъ Уграми. Угры были
подчинены за 2 столѣтія предъ временемъ Асколь-

да и Дира хазарами, которые въ IX вѣкѣ собирали дань съ Кіевскихъ Полянъ, и Аскольдъ и Диръ, бывшіе въ дружинѣ Рюрика, тоже сдѣлались данниками хазаръ, когда овладѣли Кіевомъ.

Другое сочиненіе Эверса "Древнѣйшее русское право" состоитъ также изъ 2-хъ частей съ прибавленіями въ концѣ книги. Первая часть труда посвящена временамъ языческимъ, а вторая - христіанской эпохѣ. Въ своей книгѣ авторъ разсказываетъ постепенный ходъ развитія Славяно-русскихъ племенъ, начиная съ низшей ступени - "семейственной", т. е. съ родового быта, общаго всѣмъ народамъ на извѣстной стадіи ихъ культуры, и затѣмъ переходитъ къ обозрѣнію государственныхъ зачатковъ, которые въ первые времена русской исторіи были еще въ сильной зависимости отъ обычаевъ предыдущаго періода - семейственнаго и, благодаря этой зависимости, правовыя отношенія древней Руси были проникнуты "чудовищнымъ изрожденіемъ дикой буйной природы человѣка". Исходя изъ своего взгляда на бытъ славянъ до-Рюриковскаго времени, авторъ излагаетъ въ преемственной связи ходъ развитія русскаго права по памятникамъ - договорамъ Олега и Игоря, по Русской Правдѣ. Ходъ исторіи всѣхъ человѣческихъ обществъ Эверсъ объясняетъ такимъ образомъ "нах-

дый народъ слагался изъ многихъ племенъ, племе изъ родовъ и семействъ, или, иначе сказать, изъ небольшихъ общественныхъ союзовъ, которые сами собою, мало по малу, образуются изъ многочисленныхъ вмѣстѣ живущихъ потомковъ одного какого либо племени

Государства, которыя потомъ начинаютъ развиваться (второй шагъ въ постепенномъ образованіи человѣческаго рода) суть не что иное, какъ соединенія отдѣльныхъ бывшихъ дотолѣ совершенно свободными родовъ или большихъ семействъ подъ владычествомъ одного общественнаго главы. Въ первыя времена созданія Русскаго государства не было формальныхъ законовъ, такъ какъ у первыхъ князей и самаго понятія о государствѣ не существовало Управленіе носило случайный характеръ князь еще дѣйствовалъ, какъ родоначальникъ семьи или рода Онъ похожъ на библейскихъ патріарховъ съ тою только разницей, что тѣ управляли однимъ родомъ, а князь - многими родами. Самый способъ владѣнія, по мнѣнію Эверса, имѣлъ также родовой характеръ, т.е. оставшееся послѣ отца наслѣдство нераздѣльно поступало во владѣніе всѣхъ его дѣтей, при чемъ обыкновенно старшій изъ нихъ былъ во главѣ младшихъ, и по смерти одного брата старшинство переходило нек

сыну его, а къ слѣдующему за нимъ брату. На основаніи этихъ обычаевъ русскими землями правили три брата Рюриковича сообща. То же самое было и въ Кіевѣ, въ лицѣ Кія, Щека и Хорива. Такимъ образомъ, способъ родового владѣнія, по Эверсу, переходитъ на князей. На основаніи того же родоваго быта Олегъ не былъ опекуномъ малолѣтняго Игоря, но самостоятельнымъ княземъ, какъ родственникъ Рюрика, какъ членъ одного съ нимъ рода. Это видно изъ того, что Олегъ продолжалъ быть княземъ и тогда, когда уже наступило совершеннолѣтіе Игоря, когда не нуженъ былъ опекунъ. Княгиня Ольга правила государствомъ за своего сына, какъ намѣстница, и какъ попечительница надъ его имуществомъ, подобно тому, какъ мать, по древнему праву, могла сидѣть съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ въ отеческомъ домѣ безъ раздѣла. Месть, право мести до основанія государства принадлежало частнымъ лицамъ, а при родовомъ устройствѣ - цѣлому роду. Постоянная опасность со стороны враговъ побуждала отдѣльныя семьи не разлучаться, а, напротивъ, соединяться въ цѣлые роды, а эти роды въ племена. "Сперва, говоритъ Эверсъ, начальникъ рода имѣетъ весьма ограниченную власть; каждый отецъ владычествуетъ почти независимо въ своемъ семействѣ. Но съ

возрастаніемъ родовъ и племенъ возрастаетъ и власть ихъ начальника; онъ пріобрѣтаетъ славу и обогащается отъ добычи; въ его распоряженіи состоитъ все, въ чемъ нуждается, чѣмъ владѣетъ цѣлый союзъ. Начальникъ племени, если онъ бываетъ счастливымъ воиномъ, дѣлается мало-по-малу владыкою надъ извѣстнымъ пространствомъ земли, могущественнымъ княземъ. Но первоначальное семейственное отношеніе, основанное на самой природѣ, долго еще сохраняетъ свою силу и въ новообразованномъ государствѣ". Разбирая договоры Олега и Игоря съ Греками, Эверсъ видитъ въ нихъ большую разницу какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Договоръ Олега, заключенный послѣ его побѣдоноснаго похода на Константинополь, представляетъ изъ себя обыкновенный мирный трактатъ между двумя самостоятельными народами, клонящійся къ обоюдной пользѣ обоихъ народовъ, тогда какъ въ договорѣ Игоря, заключенномъ послѣ его неудачнаго похода на грековъ, сами греки являются дающими миръ на условіяхъ, выгодныхъ для себя и менѣе выгодныхъ для русскихъ. По содержанію своему договоръ Игоря составляетъ, по мнѣнію Эверса, прибавленіе къ Олегову договору, и это прибавленіе было сдѣлано сообразно съ обстоятельствами времени, было обусловлено нарушеніемъ перва-

го - Олегова-договора со стороны Игоря. "Съ духомъ древнихъ народовъ, говоритъ Эверсъ, совершенно согласно оставлять непрерывно въ своей силѣ, какъ основу, первый договоръ, заключенный при первоначальномъ основаніи какого-нибудь отношенія.... Такъ поступали Новгородцы... Заключая договоры съ своими князьями, они не почитали нужнымъ говорить каждый разъ снова о древнемъ, первоначальномъ устройствѣ своихъ городовъ, о своихъ преимуществахъ и вольностяхъ, данныхъ имъ Ярославомъ." Эверсъ слѣдитъ въ договорахъ за вліяніемъ русскаго и греческаго элемента. Византійскій элементъ силенъ въ особенности въ нашемъ церковномъ правѣ. Слѣды русскихъ обычаевъ и нравовъ, грубыхъ и вовсе несогласныхъ съ византійскими законами, Эверсъ объясняетъ тѣмъ, что грубый народъ крѣпче держится своихъ обычаевъ, не довѣряетъ утонченнымъ законамъ византійцевъ, и что образованнымъ византійцамъ легче было приспособиться къ менѣе совершеннымъ нравамъ и обычаямъ грубаго народа, чѣмъ этому послѣднему возвыситься до пониманія византійскихъ законовъ. Отмѣтимъ взглядъ Эверса на знатность рода: "Благородными фамиліями признавались тѣ, которыя могли доказать свое происхожденіе отъ древняго начальника племени

или, по крайней мѣрѣ, родство съ нимъ. Таковы были бояре". Званія боярина не могъ дать, по его мнѣнію, самъ князь, такъ тогда еще не было обычая награждать титуломъ. Князь могъ наградить помѣстьями, принять въ дружину, но не могъ сдѣлать бояриномъ. Для окончанія обзора важнѣйшихъ взглядовъ Эверса приведемъ его взглядъ на дѣйствія Святополка: "Святополкъ, если держаться со всею строгостью исторической истины, даже и не можетъ быть названъ братоубійцею. Борисъ и Глѣбъ были только ближайшими его родственниками, но не братьями. По крови онъ былъ сынъ Ярополка; а что Владиміръ его усыновилъ и нѣкоторымъ образомъ призналъ его старшимъ своимъ сыномъ, это еще не могло произвести кровнаго родства въ истинномъ смыслѣ".

Методъ изслѣдованій Эверса выражается въ слѣдующихъ его словахъ: "Если мы хотимъ судить правильно о древнихъ временахъ и, сколько возможно, имѣть передъ собою древнюю исторію, а не древнія событія въ новѣйшемъ покроѣ, то мы должны строго держаться словъ лѣтописи и въ своихъ сужденіяхъ о дѣяніяхъ основываться не на понятіяхъ нашего вѣка, но на понятіяхъ того времени". И дѣйствительно, Эверсъ всегда при изслѣдованіи какого-нибудь вопроса, приводитъ

текстъ Русской Правды, присоединяетъ переводъ, дѣлаетъ анализъ текста и уже затѣмъ строитъ выводы, причемъ иногда пользуется, какъ мы уже упоминали, аналогіей, такъ какъ, по его мнѣнію, "у всѣхъ древнихъ народовъ, въ первый періодъ развитія ихъ гражданственнаго состоянія, право совершенно сходно въ главныхъ чертахъ своихъ".

Ученикомъ Эверса и послѣдователемъ его теоріи родоваго быта былъ Рейцъ. Онъ оставилъ сочиненіе: "Опытъ исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ" |М. 1836|, переведенное съ нѣмецкаго Морошкинымъ. Въ предисловіи къ этому переводу Морошкинъ указываетъ на значеніе труда Рейца. Рейцъ, по словамъ Морошкина, приводитъ въ своемъ трудѣ массу матеріала; онъ воспользовался всѣми источниками права, какіе были извѣстны въ его время. Онъ начинаетъ съ первыхъ понятій о правѣ и заканчиваетъ временемъ полнаго образованія Московскаго Государства |XVII в.|. Онъ дѣлитъ исторію права на періоды: I| IX в. - XI, 2| XI - XVI; 3| XVI и XVII, т.е. до Уложенія и 4| XVII в. - до новаго времени. При этомъ дѣленіи онъ основывается на отличительныхъ моментахъ, совершавшихъ правомъ въ его развитіи. "Въ каждомъ періодѣ онъ возстановляетъ форму юридическаго бытія Россіи

во всѣхъ частяхъ законодательства" Недостатокъ сочиненія Рейца обусловливается его иностраннымъ происхожденіемъ и состоитъ въ томъ, что "для него въ исторіи все имѣетъ видъ прошедшаго. Онъ не чувствуетъ потрясенія отъ встрѣченнаго сродства между читателемъ и героями минувшихъ лѣтъ; не могъ одушевить лѣтописи живымъ сознаніемъ Московской правды".

Рейцъ начинаетъ свое изложеніе со временъ разселенія славянъ по русской равнинѣ, куда они, по его мнѣнію, двинулись послѣ нападенія Болгаръ на ихъ прежнюю родину. Въ началѣ они не имѣли между собою связи; была единственная связь между членами извѣстной группы - семейства или рода, управляемаго независимымъ родоначальникомъ. Власть этого владыки надъ его женами, дѣтьми, домашними была неограничена, и изъ этой неограниченности исходило всякое право у древнихъ славянъ, на основаніи ея рѣшались всѣ тяжбы. Рейцъ дѣлаетъ предположеніе, что "и народъ, т.е. начальники родовъ съ ихъ семействами и домашними раздѣлялись на общины, коихъ собраніе рѣшало споры и опредѣляло отношенія" У славянъ еще въ то древнее время, по мнѣнію Рейца, существовало земледѣліе, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ слова нашей лѣтописи:

"Земля наша велика и обильна" и названіе одного изъ племенъ Полянами. Далѣе начинается изложеніе по періодамъ. I-ый періодъ - "отъ основанія государства до перваго начертанія законовъ"|отъ 862 до половины XI ст.|.Вначалѣ перечисляются источники, затѣмъ идетъ глава: "публичное право", подъ которымъ онъ разумѣетъ право государственное. Объ образѣ правленія онъ говоритъ въ главѣ: "Образъ правленія и титулъ". Нѣтъ никакого слѣда ограниченія княжеской власти. Народъ не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ правленіи. Но князь считаетъ важнымъ совѣщаніе съ его боярами и старѣйшинами не потому, чтобы ихъ согласіе было нужно для исполненія княжеской воли, но обычай требовалъ, чтобы князь |часто юный лѣтами, въ важныхъ дѣлахъ выслушивалъ совѣты своихъ приближенныхъ. Это казалось лѣтописцу похвальнымъ. Въ отношеніи къ подданымъ образъ правленія былъ неограниченная монархія". Далѣе Рейцъ говоритъ о классахъ народа |благороднѣйшіе - бояре и князья, затѣмъ княжеская дружина; или свита, старцы градскіе и старцы людскіе, огнищане, смерды, рядовичи|. Различія между классами не было. Народъ былъ свободенъ и только по своимъ занятіямъ носилъ каждый то или другое названіе; но занятія не составляли еще спе-

ціальной принадлежности какого-нибудь одного класса. Каждый могъ вступать въ дружину князя. Существовало только одно различіе, именно, народъ раздѣляется на 2 племени Руссовъ и Славянъ, которые, впрочемъ, смѣшиваются съ теченіемъ времени.

Далѣе Рейцъ говоритъ о частномъ, т.е. гражданскомъ правѣ и гражданскомъ судопроизводствѣ. Второй періодъ - отъ половины XI в. до половины XVI в. - начинается съ обозрѣнія источниковъ; - затѣмъ - публичное право: власть и престолонаслѣдіе, основанное на обычаѣ родового быта. "Право старшаго на престолъ было основаніемъ, которое только что начинало образовываться и, кажется, еще не довольно твердо укоренилось, а посему должно было столкнуться съ естественнымъ правомъ сыновей на оставленныя отцомъ владѣнія и на власть его, тѣмъ болѣе, что сіе послѣднее право должно было развиться въ удѣлахъ, кои владѣтели ихъ привыкли почитать своимъ наслѣдіемъ|"отчиною"|. Въ удѣльный періодъ это право старшаго на престолъ развивается широко, власть удѣльнаго князя становится самостоятельной и наслѣдственной; князья прикрѣпляются къ своимъ удѣламъ. Въ концѣ удѣльнаго періода, князья удѣловъ поступаютъ въ разрядъ выс-

щаго дворянства въ Московскомъ государствѣ. Отношенія между удѣльными и великими князьями были братскія: великій князь - "Старѣйшій братъ", а удѣльные "молодшіе". Великій князь заставлялъ признавать сына своего старшимъ братомъ, чтобы упрочить за нимъ наслѣдство престола. Этой наслѣдственности престола не помѣшало и владычество татаръ, хотя оно и отличалось иногда произволомъ. Ханъ ордынскій былъ верховнымъ судьей въ рѣшеніи споровъ между князьями. Татарское владычество имѣло важное вліяніе на развитіе неограниченной монархіи, утвержденіе системъ податей и уголовнаго права. Далѣе идетъ у Рейца глава о сословіяхъ. По его мнѣнію, въ Новгородѣ и Псковѣ господствовала, несмотря на народное управленіе, аристократія; онъ говоритъ, что вѣроятно знатнѣйшіе мужи и роды руководили народными совѣщаніями.

Далѣе идутъ главы: управленіе, уголовное право, частное право и судопроизводство. Третій періодъ - отъ половины XVI в. до 1649 г. Изложеніе въ томъ же порядкѣ, какъ и въ предъидущемъ періодѣ. Книга заканчивается примѣчаніями отъ издателя, въ которыя входятъ главы: "происхожденіе Руссовъ" "Варяги", "Договоръ Олега съ Греками" и "Русская Правда".

Третій представитель юридической школы Розенкампфъ. Его сочиненіе: "Обозрѣніе Кормчей книги", въ которомъ онъ старается уяснить византійское начало въ русскомъ правѣ, чего почти вовсе не касались Эверсъ и Рейцъ. Къ достоинствамъ нѣмецко-юридической школы нужно отнести научный характеръ трудовъ ея представителей. Эверсъ примѣнилъ начала, выработанныя западной наукой по исторіи законодательства, къ матеріалу древне-русской исторіи. Представители названной школы отличаются и значительной долей безпристрастія особенно цѣннаго въ виду ихъ иноземнаго происхожденія. Неудивительно, что школа Эверса имѣла цѣлый рядъ послѣдователей: Гедеонова, Иловайскаго, С.М. Соловьева, Никитскаго, Погодина и др. Къ числу недостатковъ названной школы нужно отнести то, что представители ея преувеличивали заимствованіе русскихъ правовыхъ понятій изъ германскаго права. Сходство правовыхъ понятій у нихъ объясняется сходствомъ культурнаго развитія.

§ 16. СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Библіографія:

Шелгуновъ. Ученая односторонность. Русское Слово 1864 г

Герье. С.М. Соловьевъ. Историческій Вѣстникъ 1880.

Безобразовъ. С.М. Соловьевъ. Его жизнь и ученая литературная дѣятельность С.1894.

Ключевскій. Рѣчь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 12 Янв. 1880 г.

Соловьевъ родился въ Москвѣ въ 1820 г., а умеръ въ 1879 г.; былъ сынъ священника, законоучителя одной изъ Московскихъ гимназій; въ эту гимназію и самъ потомъ былъ опредѣленъ. Еще въ гимназіи почувствовалъ онъ призваніе къ исторіи. Здѣсь, между прочимъ, онъ прочелъ "Исторію Государства Россійскаго" Карамзина, а эта исторія въ то время еще имѣла большое значеніе, такъ какъ недостатки ея еще не были такъ ощутительны, какъ теперь. Въ университетѣ онъ слушалъ Каченовскаго и Погодина. Оба эти историка - профессора излагали свой предметъ - русскую исторію - въ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ. Каченовскій, какъ извѣстно, былъ главой скептическаго, а Погодинъ - представителемъ положительнаго направленія, математическаго метода. По окончаніи университета Соловьевъ былъ отправленъ за границу, гдѣ завелъ обширное знаком-

ство преимущественно съ славянскими учеными. По возвращеніи изъ за границы онъ въ 1845 году сдѣлался преемникомъ Погодина по каѳедрѣ русской исторіи. Около этого времени онъ началъ вращаться въ тогдашнихъ московскихъ славянофильскихъ кружкахъ. Его магистерская диссертація называется: "Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ" и докторская: "Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома". Въ университетѣ онъ читалъ обыкновенно 2 курса: общій и спеціальный - по какому-нибудь отдѣлу русской исторіи. Читалъ онъ и публичныя лекціи: объ установленіи государственнаго права въ Россіи и о Петрѣ Великомъ. Въ 1851 г. появился I-ый томъ его "Исторіи Россіи" и. Затѣмъ ежегодно выходило по одному тому - до самой его смерти и вышло всего 28 томовъ, а послѣдній 29 ый изданъ уже послѣ его смерти. Другія работы С.М.: "Обзоръ событій смутнаго времени"; "Обзоръ царствованія Михаила Ѳедоровича"; "Очерки исторіи Малороссіи"; Русскіе историки XVIIIвѣка;" "Размышленіе надъ исторической жизнью народовъ"; "Географическія свѣдѣнія о древней Руси" и множество другихъ. Списокъ сочиненій С.М. Соловьева составленъ профессоромъ Поповымъ |1880 г.| С.М. былъ человѣкъ глубокаго убѣжденія, обла-

далъ сильнымъ и стойкимъ характеромъ, имѣлъ опредѣленные взгляды на наше прошедшее и въ своей жизни и ученой дѣятельности высказывалъ эти взгляды.

Обзоръ "Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Это сочиненіе представляетъ собою 3-ю стадію въ развитіи русской исторіи, какъ науки. I-я стадія - "Исторія Государства Россійскаго" Карамзина, 2-я - "Исторія Русскаго народа" Полевого. "Исторія Россіи". подводитъ такъ сказать, итогъ новаго направленія въ наукѣ. С.М. является не только собирателемъ матеріала; онъ сказалъ и свое новое слово. Основная идея, положенная Соловьевымъ въ его трудъ,- есть народное самопознаніе. Вотъ какими словами онъ опредѣляетъ задачи историка:"не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ; слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи,стараться объяснить каждое явленіе ихъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію - вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда". Подобно Карамзину, Со

ловьевъ развиваетъ государственное начало, но начало это зарождается не съ призванія князей, какъ у Карамзина. Карамзинъ считаетъ основнымъ началомъ русской исторической жизни - государственное. Онъ видитъ его какъ первое время, такъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ русской исторіи. Княжескія усобицы, по его мнѣнію, представляютъ нарушеніе общаго правила. Соловьевъ видитъ два основныхъ начала, изъ которыхъ одно смѣнило другое и которыя составляютъ смыслъ всей нашей исторіи: начало родовое и государственное, которое разрушило и смѣнило родовое. Вотчинное начало, выдвинутое Кавелинымъ и развитое болѣе подробно Чичеринымъ, у Соловьева стоитъ въ тѣни; ему не отведено должнаго мѣста.

Родовое начало. Здѣсь Соловьевъ принялъ исходнымъ пунктомъ воззрѣнія Эверса. Соловьевъ говоритъ о бытѣ восточныхъ славянъ, когда они обратились къ призванію князей, такъ: "что касается до быта восточныхъ славянскихъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ о немъ слѣдующее извѣстіе: "каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ". "Единство рода, связь племенъ |въ первоначальномъ значеніи слова| поддерживались единымъ родоначальникомъ...Стар-

шій имѣлъ обязанность блюсти выгоды рода, думать, гадать объ этомъ, имѣть всѣхъ родичей, какъ душу, права его состояли въ уваженіи, которое оказывали ему, какъ старшему; къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось, онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды; онъ судилъ и наказывалъ; но всѣ эти распоряженія получали силу только съ общаго согласія". О возникновеніи вѣча Соловьевъ говоритъ: "первымъ признакомъ общенія между отдѣльными родами, живущими вмѣстѣ, долженствовали быть общія сходки, совѣты, вѣча; но на этихъ сходкахъ мы видимъ и послѣ однихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что эти вѣча, сходки старшинъ, родоначальниковъ, не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда; не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать имъ единство, ослабить родовую особенность, родовой эгоизмъ, - доказательствомъ служатъ усобицы родовыя, кончившіяся призваніемъ князей". Значеніе городовъ авторъ видитъ въ томъ, что "въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала". О при-

чинѣ призванія варяжскихъ князей С.М. говоритъ.- "Роды, столкнувшіеся на одномъ мѣстѣ и потому самому стремившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, порядъ, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорѣ безпристрастнаго, - однимъ словомъ, третьяго судью, а такимъ могъ быть только князь изъ чужого рода". Кавелинъ въ рецензіи на I-й томъ "Исторіи Россіи" Соловьева говоритъ, что въ послѣднее время изслѣдователи русской исторіи обратили все вниманіе на внутреннее значеніе историческихъ событій; внѣшняя сторона, бывшая раньше у историковъ на первомъ планѣ, теперь поставлена на второмъ мѣстѣ: - возможность призванія варяговъ, бытовое его значеніе, какъ весьма естественно, говоритъ Кавелинъ, стали казаться важнѣе, чѣмъ вопросъ о національности варяговъ. Отсутствіе чуждаго вліянія въ русской исторіи дѣлаетъ излишнимъ вдаваться въ вопросъ: были ли призванные князья Германо-Скандинавы или славяне съ Балтійскаго поморья. Соловьевъ является представителемъ этого взгляда въ нашей исторической литературѣ, и надо отдать ему справедливость, говоритъ Кавелинъ, представителемъ

полнымъ и послѣдовательнымъ. По мнѣнію Соловьева, Славяне очень свободно могли призвать и иностранцевъ, такъ какъ въ то время не было еще національной нетерпимости, разница между Славянами и Германцами въ нравахъ, религіи, обычаяхъ была незначительна, и даже впослѣдствіи Новгородцы и Псковитяне охотно призывали къ себѣ литовскихъ князей. О характерѣ управленія первыхъ русскихъ князей Соловьевъ говоритъ: "дань, за которою ходилъ самъ князь, была первоначально видомъ подчиненности племени одной общей власти, связи съ другими соподчиненными племенами, но при такомъ видѣ подчиненности, сознаніе объ этой связи, разумѣется, было еще очень слабо... Гораздо важнѣе для общей связи племенъ и для скрѣпленія связи каждаго племени съ общимъ средоточіемъ была обязанность возить повозы, обязанность, вслѣдствіе которой сами племена должны были доставлять дань въ опредѣленное княземъ мѣсто, ибо съ этимъ подчиненность племенъ, участіе ихъ въ общей жизни принимали болѣе дѣятельный характеръ. Но еще болѣе способствовала сознанію о единствѣ та обязанность племенъ, по которой они должны были участвовать въ походахъ княжескихъ на другія племена, на чужіе народы" Наконецъ, выходу племенъ изъ особнаго родового

быта, сосредоточенію каждаго изъ нихъ около извѣстныхъ центровъ и болѣе крѣпкой связи всѣхъ ихъ съ единымъ, общимъ для всей земли средоточіемъ способствовало построеніе городовъ князьями, умноженіе народонаселенія, переводъ его съ сѣвера на югъ и т. д. "Вообще говоря, полное изслѣдованіе дѣйствія родового начала, по словамъ Бестужева-Рюмина, составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ заслугъ, оказанныхъ Соловьевымъ наукѣ русской исторіи. Значеніе періода родовыхъ отношеній онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: "связью между частями служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ, отношеніе, основанное не только на происхожденіи всѣхъ владѣльцевъ отъ одного общаго родоначальника, но и на особенномъ способѣ владѣнія, которымъ поддерживалось единство княжескаго рода: этотъ особенный способъ состоялъ въ томъ, что главный, старшій столъ переходитъ постоянно во владѣніе къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ. Феодализму на западѣ и родовымъ княжескимъ отношеніямъ на востокѣ безспорно принадлежала опека надъ новорожденными европейскими обществами въ опасный періодъ ихъ младенчества." Отношенія между князьями приняли родовой харак-

теръ, по мнѣнію Соловьева, подъ вліяніемъ среды, въ которую они были призваны управлять, но въ свою очередь и бытъ призвавшихъ племенъ долженъ былъ потерпѣть нѣкоторыя измѣненія подъ вліяніемъ новыхъ началъ, внесенныхъ князьями. Нарушеніе преемства среди князей |что обнаружилось уже при первомъ пріемникѣ Ярослава М.| повело къ увеличенію изгоевъ. Соловьевъ первый указываетъ здѣсь на значеніе изгоевъ. Борьба изгоевъ съ ихъ родичами изъ за удѣловъ повела къ Любечскому съѣзду въ 1097 году. О причинѣ усобицъ Соловьевъ говоритъ: "Отсутствіе отчинности, непосредственной наслѣдственности волостей было главной причиной усобицъ, возникшихъ при первомъ поколѣніи Ярославичей и продолжавшихся при второмъ; на Любечскомъ съѣздѣ князья отстранили эту главную причину, стараясь ввести каждаго родича во владѣніе тѣми волостями, которыя при первомъ поколѣніи принадлежали его отцу". Соловьевъ не дѣлаетъ здѣсь оговорки о тѣхъ нарушеніяхъ этого постановленія, которыя вскорѣ потомъ послѣдовали. Напр., Мономаховичи устранили отъ старшинства Ольговичей Черниговскихъ. Изъ приведенныхъ словъ Соловьева можно заключить, что со времени Любечскаго съѣзда наступаетъ безусловная вотчинность. Затѣмъ Соловьевъ характе-

ризуетъ слѣдующими словами Владиміра Мономаха: "Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ на перекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнять существующій порядокъ вещей, но личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворить его общественнымъ потребностямъ". Послѣ смерти Мстислава Великаго борьба возгарается уже не отъ изгойства, какъ прежде; теперь ведутъ борьбу племянники съ младшими дядями. Соловьевъ не выясняетъ эту перемѣну, въ которой играло, по мнѣнію Кавелина, не малую роль зарождавшееся вотчинное начало. Уже во второй половинѣ XII в., именно, въ Суздальскихъ князьяхъ Соловьевъ видитъ проявленіе государственнаго начала, первыми представителями котораго были Юрій и сынъ его Андрей Боголюбскій. Интересна характеристика сѣверныхъ князей и ихъ дѣятельности, представленная Соловьевымъ въ его публичныхъ лекціяхъ: " Всѣ они похожи другъ на друга; въ ихъ безстрастныхъ лѣтописяхъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго; всѣ они идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ сво-

имъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ. Благодаря этой неуклонности, постоянству въ стремленіяхъ сѣверныхъ князей, великая цѣль была достигнута: родовыя княжескія отношенія рушились, смѣнились государственными: въ княжескихъ договорахъ, завѣщаніяхъ мы видимъ ясно постепенность этой смѣны". Татарское владычество, по мнѣнію Соловьева, не оставило глубокихъ слѣдовъ въ русской исторіи и поэтому не представляетъ важной поворотной грани для общаго хода событій. Развитіе централизаціи шло само по себѣ и не было вызвано монгольскимъ нашествіемъ. Роль татаръ Соловьевъ готовъ приравнять къ роли половцевъ. Затѣмъ Соловьевъ выставляетъ теорію новыхъ городовъ. По его словамъ въ предѣлахъ сѣверо-восточной Руси, благодаря ея географическимъ условіямъ, были построены новые города, которые послужили къ усиленію княжеской власти. Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III и др. могли опереться на эти новые города. Въ устройствѣ ихъ выразилось одно основное явленіе русской жизни, которое Соловьевъ называетъ осѣданіемъ князей. въ противоположность движенію прежнихъ князей |по великому водному пути|, т.е. постоянному передвиженію князей и княже-

скихъ дружинъ изъ одного княжества въ другое. На сѣверо-востокѣ Руси князья осѣдаютъ на своихъ удѣлахъ, но дружина еще не осѣдаетъ. Иванъ Грозный борется съ этимъ явленіемъ, которое сдѣлалось какъ бы правомъ бояръ, такъ называемымъ правомъ отъѣзда. Крестьянское населеніе было закрѣпощено, - что, по мнѣнію Соловьева, было благодѣтельно, но оно борется противъ этого закрѣпощенія. Стремленіе крестьянства къ передвиженію выразилось со всей силой въ казачествѣ. Соловьевъ въ статьѣ - " Казачество до Богдана Хмѣльницкаго" признаетъ казаковъ сбродомъ. Казачество, какъ онъ говоритъ, по отношенію къ государству есть явленіе противогосударственное, по отношенію къ обществу - явленіе отрицательное. Вотъ воззрѣніе Соловьева: "казакъ - человѣкъ бездомный, изгнанникъ изъ общества, человѣкъ, которому тѣсно, тяжело въ обществѣ при извѣстныхъ условіяхъ; такъ какъ самыя тяжелыя отношенія въ обществѣ были отношенія рабскія, то понятно, что большинство казаковъ составлялось изъ людей, бѣгствомъ въ степи отыскивавшихъ себѣ свободу. Отсюда казакъ или бѣглый хлопъ и крестьянинъ были синонимами, отсюда и сильная вражда между казаками и высшими земледѣльческими классами.... Это не было выселеніе массы лю-

дей, разрознившихся съ большинствомъ въ извѣстныхъ убѣжденіяхъ -религіозныхъ или политическихъ, или людей,ищущихъ большаго простора,большаго удобства при употребленіи своего труда и капитала и потому способныхъ положить прочныя основанія для гражданскаго общества,-казакъ искалъ въ степи бѣгствомъ изъ общества только личной свободы. Онъ являлся въ степь съ тѣмъ узкимъ младенческимъ взглядомъ на общественныя отношенія, къ какому пріучила его прежняя среда частной зависимости; онъ бѣжалъ въ степь вовсе не для того, чтобы трудиться, утвердивъ болѣе правильныя отношенія къ труду, онъ бѣжалъ для того, чтобы быть вольнымъ казакомъ, а не мужикомъ,ибо съ понятіемъ труда соединялось понятіе мужичества. Вольный казакъ, молодецъ, вовсе не хотѣлъ работать, или работать, какъ можно меньше; хотѣлъ пить и есть на чужой счетъ,на счетъ чужого труда.Такимъ образомъ,выходъ казаковъ въ степь изъ государства вовсе не былъ шагомъ впередъ въ общественномъ развитіи,но скорѣе шагъ назадъ.Какъ бы ни было неудовлетворительно состояніе того общества,изъ котораго вышелъ казакъ, все же оно было гораздо выше образовавшагося въ степи казацкаго общества, которое по основному характеру своему, именно по хищни-

честву, имѣло чисто отрицательное значеніе въ исторіи, приравнивалось къ окружавшимъ его обществамъ Ногаевъ, Калмыковъ и Крымскихъ татаръ. Вліяніе такого общества на государство не могло быть полезно".. Такимъ образомъ, періодъ Московскаго государства былъ періодомъ борьбы двухъ началъ. Соловьевъ особенно тщательно слѣдитъ за судьбой централизующаго государственнаго элемента. Ростъ Московскаго государства представляется ему въ такомъ видѣ: "способствовало имъ [т.е. московскимъ князьямъ] отсутствіе сильныхъ областныхъ привязанностей, что усиливалось природой страны, передвижкой населенія, привычкой переходить изъ одного княжества въ другое при первыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и вездѣ находить одинакія удобства, одинакій бытъ;-неразвитость самостоятельной жизни въ городахъ сѣверо-восточной Руси, вслѣдствіе чего голоса ихъ при важныхъ событіяхъ, при важныхъ борьбахъ не слышно; характеръ сѣвернаго населенія, вообще изначала неохотно принимавшаго участіе въ усобицахъ, склоннаго къ мирнымъ занятіямъ, не легко увлекающагося, разсудительнаго: народонаселенію съ такимъ характеромъ скорѣе, чѣмъ какому-либо другому должны были наскучить усобицы, сопряженныя съ ними безпокой-

ства; такое народонаселеніе должно было скорѣе другого понять, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было единовластіе, подчиненіе всѣхъ князей одному сильнѣйшему, причемъ, какъ видно, народонаселеніе присоединенныхъ къ Москвѣ княжествъ ничего не теряло, не имѣло повода жалѣть о своей прежней особенности"... "Не могло, продолжаетъ Соловьевъ, быть сильныхъ противодѣйствій со стороны дружинъ, ибо дружинники, какъ мы знаемъ, не были тѣсно связаны съ извѣстнымъ княземъ, съ извѣстнымъ княжествомъ, имѣли право перехода отъ слабѣйшихъ князей къ сильнѣйшему, служба которому была выгоднѣе. Наконецъ, сословіе, пользовавшееся могущественнымъ нравственнымъ вліяніемъ, сословіе духовное, изначала дѣйствовало въ пользу единовластія". Извнѣ московскимъ князьямъ нечего было опасаться сильной вражды. "Продаваемая за деньги помощь татарская была постоянно готова для сильнаго и богатаго князя". Члены дружины хотя и пріобрѣли на сѣверѣ осѣдлое положеніе, хотя и явились между ними богатыя и могущественныя фамиліи, но соперничество этихъ фамилій отвлекало ихъ отъ центральной власти, и здѣсь, такимъ образомъ, не было помѣхи росту Московскаго государства. Московское государство мало-по-малу переходитъ въ

Россійскую имперію, и для Соловьева этотъ переходъ - явленіе естественное. Петровская эпоха была, по его мнѣнію, подготовлена предшествующей эпохой. Таковъ взглядъ Соловьева на общій ходъ русской исторіи. Петровская реформа служитъ дальнѣйшимъ шагомъ перехода Московскаго государства въ европейское.

Переходимъ къ частному обозрѣнію сочиненія С.М. Соловьева. I-ый томъ его исторіи вызвалъ подробную рецензію Кавелина. Этотъ I-й томъ начинается географическимъ обзоромъ Русской территоріи. Здѣсь Соловьевъ впервые разсматриваетъ отношенія территоріи Россіи къ ея первоначальной исторіи. Мысль Соловьева заключается въ томъ, что огромная равнина Европейской Россіи заранѣе обусловливала ея политическое единство и почти одинаковый образъ жизни ея обитателей. Населеніе разселилось по 4-мъ главнымъ рѣчнымъ бассейнамъ, изъ которыхъ самая большая - Волжская система рѣшила судьбу образовавшагося въ ней Московскаго государства, предназначила ему распространиться до Каспійскаго моря, по Камской системѣ и прилегающимъ къ ней Сибирскимъ рѣкамъ - на Востокъ, въ Сибирь; близость верховьевъ Днѣпра опредѣлила распространеніе Московскаго государства въ Юго-Западную Русь. Этотъ взглядъ Соловьева,

вѣрный, быть можетъ, въ своей основѣ, не всегда, однако, правильно развивается въ частностяхъ. Соловьевъ очень часто увлекается своими выводами, какъ говоритъ Кавелинъ, и впадаетъ въ крайности. Вліяніе природныхъ условій на ходъ исторіи Соловьевъ распространяетъ чуть не до послѣдн. времени. Какъ во времена Геродота на югѣ нынѣшней Россіи жили кочевники - Скиѳы, такъ и впослѣдствіи эти кочевники смѣнились кочевниками же. Кавелинъ опровергаетъ это мнѣніе тѣмъ, что наше населеніе, съ расширеніемъ государства, подвигалось постепенно дальше на югъ, заселило степи и вмѣсто кочевниковъ явилось земледѣльческое, а въ послѣднее время и промышленное населеніе. Особенной крайностью отличается взглядъ Соловьева на значеніе рѣчныхъ системъ. Ходъ исторіи, образованіе Московскаго государства, даже образованіе самой Москвы, ея мѣстоположеніе, какъ центра государства, - все это должно по неотразимому закону произойти такъ, а не иначе. Москва, какъ центръ государства, не могла явиться въ другомъ мѣстѣ; и если она явилась въ томъ центральномъ пунктѣ, гдѣ находится теперь, то этимъ самымъ должна была сосредоточить вокругъ себя русскія земли и образовать государство. Вопросъ о колонизаціи сѣверо-восточной Руси въ первый

разъ поставленъ у Соловьева научно и удовлетворительно. Общій взглядъ его на этотъ вопросъ таковъ: по берегамъ рѣкъ строятся первые города; по рѣкамъ и ихъ притокамъ движется населеніе все далѣе и далѣе вглубь земли и Русь заселяется. Заселеніе страны мирнымъ путемъ, путемъ колонизаціи, движущейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, вотъ главное отличіе русской исторіи, вотъ главный существенный ея характеръ. Основная мысль Соловьева въ его географическомъ обзорѣ, что будто обширная, однообразная равнина создала единое государство, можетъ быть ограничена, по мнѣнію Кавелина, тѣмъ фактомъ, что русская равнина представляетъ громадное разнообразіе. Основной взглядъ Соловьева на религію таковъ: "религія восточныхъ славянъ соотвѣтствовала ихъ быту: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ; слѣдовъ героическаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизмъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ славянъ; знакъ, что между ними не образовались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей героевъ и что переселенія ихъ совершались въ родовой дружинной формѣ." Въ изложеніи вѣрованій, по словамъ Кавелина, есть много произвольныхъ

недоказанныхъ и невѣроятныхъ предположеній. Напримѣръ, ошибочно Соловьевъ придаетъ Перуну другое названіе - Сварога. Въ доказательство онъ приводитъ одно мѣсто изъ Ипатьевскаго списка, гдѣ говорится, что Гефестъ и славянскій Сварогъ одно и то же Но Гефестъ богъ кузнецъ, богъ огня; ни Гефестъ, ни Сварогъ никогда не были богами молніи, каковымъ былъ Перунъ. Уже одно стараніе Соловьева привести языческія вѣрованія, не систематическія вездѣ и у всѣхъ народовъ, даже у грековъ и римлянъ, въ систему и стройное цѣлое, - уже это стараніе должно было повести къ произвольнымъ положеніямъ. Соловьевъ, напримѣръ, говоритъ, что масляница - языческій весенній праздникъ, который "имѣлъ мѣсто въ началѣ весны, но такъ какъ это время приходится въ Великій постъ, то по принятіи христіанства празднованіе ея перенесено на конецъ Рождественскаго мясоѣда и отчасти на свѣтлое воскресенье." Затѣмъ праздникъ Ярилы онъ смѣшиваетъ съ праздникомъ Купалы и т.д.

Взглядъ Соловьева на Московскій періодъ до Петра отличается двойственностью: въ то время, какъ взглядъ его на русское общество того времени отличается отрицательнымъ характеромъ, правящая власть, наоборотъ, обрисована у него въ са-

момъ благопріятномъ свѣтѣ; эта власть является у него чѣмъ то постояннымъ, неизмѣннымъ, въ противоположность передвиженіямъ населенія, бояръ и удѣльныхъ князей. Не удивительно, что Соловьевъ оправдываетъ даже Грознаго и оправдываетъ именно съ государственной точки зрѣнія. Въ противоположность Карамзину, Костомарову и славянофиламъ, Соловьевъ всесторонне разсматриваетъ дѣятельность Грознаго, его борьбу съ боярами, дѣлаетъ обстоятельную характеристику переписки его съ Курбскимъ. Онъ не можетъ только примириться съ Грознымъ въ нравственномъ отношеніи. Причиной смутной эпохи онъ считаетъ стремленіе бояръ къ крамолѣ и въ этомъ съ нимъ сходится Забѣлинъ. По мнѣнію Соловьева, какъ и Забѣлина, смута прекращена была наиболѣе консервативнымъ элементомъ Руси - посадскими людьми, представителемъ, типомъ которыхъ служитъ Козьма Мининъ. Понятно, что съ этой точки зрѣнія Соловьевъ, какъ представитель государственнаго элемента въ исторіи, долженъ былъ имѣть отрицательный взглядъ, напр., на казачество, о чемъ мы говорили выше. Петровская эпоха была подготовлена, по его мнѣнію, тѣми измѣненіями, которыя происходили во время Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича въ государственномъ, общественномъ и частномъ

быту Россіи. Особенно интересенъ взглядъ его на личность и дѣятельность Петра Великаго: "Мы уже говорили въ свое время о томъ, какъ приготовлена была дѣятельность Петра всею предшествовавшею исторіей, какъ необходимо истекала изъ нея, какъ требовалась народомъ, который долженъ былъ путемъ страшнаго переворота, посредствомъ необычайнаго напряженія силъ выйти изъ отчаяннаго положенія на новую дорогу, къ новой жизни. Но это нисколько не уменьшаетъ величія человѣка, который, при совершеніи такого труднаго подвига подалъ мощную руку великому народу, необычайной силой своей воли напрягъ всѣ его силы, далъ направленіе движенію. Исторія ни одного народа не представляетъ намъ такого великаго, многосторонняго преобразованія, сопровождавшагося такими великими послѣдствіями, какъ для внутренней жизни народа, такъ и для его значенія въ общей жизни народовъ во всемірной исторіи". У иностранныхъ историковъ -у западныхъ долженъ былъ, по мнѣнію Соловьева, образоваться враждебный взглядъ на Петровскую эпоху, такъ какъ они привыкли къ мысли объ исключительномъ господствѣ въ новой исторіи германскаго племени, а послѣ Петра они должны были признать вліяніе Россіи на дѣла Европы, признать въ Россіи предста-

вительницу славянскаго племени, чѣмъ уничтожалась монополія племени германскаго. Взгляды на Петра нашихъ историковъ были вначалѣ благоговѣйные, даже религіозные, какъ выражается Соловьевъ, и только во второй половинѣ XVIII вѣка вызвали противодѣйствіе. "Въ этомъ противодѣйствіи, говоритъ Соловьевъ, высказывалось поступательное движеніе, духовное развитіе русскаго народа" Въ XIX ст. на подобные реакціонные взгляды имѣла вліяніе французская революція съ ея потрясеніями и насиліемъ надъ народами; страхъ передъ возобновленіемъ революціонныхъ движеній, говоритъ Соловьевъ, заставилъ относиться враждебно вообще ко всѣмъ быстрымъ нарушеніямъ стараго, усилилъ охранительное направленіе, которымъ отличается и авторъ "Исторіи Государства Россійскаго". Самъ Соловьевъ былъ защитникомъ Петровской реформы, и настоящее время, по его мнѣнію, есть результатъ этихъ реформъ. Въ этомъ отношеніи онъ является чистымъ западникомъ, считаетъ реформы благодѣтельными и необходимыми, такъ какъ до-Петровская Русь отличалась крайнимъ невѣжествомъ. Вотъ какимъ образомъ онъ рисуетъ общую картину реформъ: "Время переворотовъ есть время тяжкое для народовъ: такова была и эпоха преобразованія. Жалобы на та-

гости великія слышались со всѣхъ сторонъ, и не напрасно. Русскій человѣкъ не зналъ покоя отъ наборовъ: наборъ въ тяжелую безпрерывную военную службу пѣхотную, въ новую службу морскую, наборъ въ работники для новыхъ трудныхъ работъ въ мѣстахъ отдаленныхъ и непривлекательныхъ; наборъ въ школы свои, наборъ для отсылки въ ученіе за границу. Для войска и флота, для работъ, школъ и больницъ, для содержанія дипломатовъ и для дипломатическихъ подкуповъ нужны деньги, а денегъ нѣтъ въ бѣдномъ государствѣ: тяжкія подати деньгами и натурой ложатся на всѣхъ; въ нужныхъ случаяхъ вычитаютъ изъ жалованья; люди достаточные разоряются постройкой домовъ въ Петербургѣ; взято все, что можно было только взять, все отдано на откупъ; у бѣднаго народа нашелся предметъ роскоши-дубовые гробы, и тѣ отобрала казна и продала дорогою цѣной. Раскольники платятъ двойной окладъ, бородачи окупаютъ свои бороды. Предписаніе за предписаніемъ: ищите руды, ищите красокъ, доставляйте монстровъ, ухаживайте за овцами не такъ какъ прежде, выдѣлывайте кожи, стройте суда по новому, не смѣйте ткать узкихъ полотенъ, возите товары не на сѣверъ, а на западъ. Правительственныя мѣста, суды новые: не знаютъ куда обратиться; члены этихъ

мѣстъ и судовъ не умѣютъ обходиться съ новымъ дѣломъ, отсылаютъ бумаги изъ одного учрежденія въ другое, волокита страшная; новое бѣдствіе: постоянная вооруженная сила легла на безоружное народонаселеніе. Укрываются отъ тяжкой службы, но не всѣмъ это удается; жестокое наказаніе грозитъ ослушникамъ указа, и нельзя жениться дворянину неграмотному. А между тѣмъ, подъ новыми французскими кафтанами и париками старая грубость нравовъ, то же неуваженіе къ человѣческому достоинству въ себѣ и другихъ, самыя безобразныя явленія въ шуму |пьянствѣ|, которыми долженъ оканчиваться каждый пиръ; женщина введена въ общество мужчинъ, но она не окружена должнымъ уваженіемъ къ ея полу, къ ея обязанностямъ; беременную ее заставляютъ пить черезъ мѣру. Члены высшихъ учрежденій ссорятся, бранятся другъ съ другомъ самымъ грубымъ образомъ; взяточничество сильно по прежнему; слабый подверженъ всѣмъ насиліямъ отъ сильнаго... Но это только одна сторона, есть другая. Народъ проходитъ трудную школу. Строгій учитель не щадитъ наказаній лѣнивымъ и нарушителямъ уставовъ; но дѣло не ограничивается одними угрозами и наказаніями. Народъ дѣйствительно учится ; учится не одной цифири и геометріи, не въ однихъ школахъ русскихъ

и заграничныхъ; народъ учится гражданскимъ обязанностямъ, гражданской дѣятельности. При изданіи каждаго важнаго постановленія, при введеніи важнаго преобразованія законодатель объясняетъ, почему онъ такъ дѣлаетъ, почему новое лучше стараго... Впервые мысль русскаго человѣка была возбуждена, его вниманіе обращено на важные вопросы государственнаго и общественнаго строя; сочувственно или не сочувственно обращались къ словамъ и дѣламъ царя, все равно, надъ этими словами и дѣлами думали; эти слова и дѣла постоянно будили русскаго человѣка. Что могло погубить общество одряхлѣвшее, народъ, не способный къ развитію, - треволненія преобразовательной эпохи, незнаніе покоя, - то развило силы молодого и крѣпкаго народа, долго спавшаго и нуждавшагося въ сильномъ толчкѣ для пробужденія. Поучиться было чему. На верху Правительствующій Сенатъ, Синодъ, всюду коллегіальное устройство, преимущества котораго подробно изложены въ духовномъ регламентѣ; повсюду выборное начало; промышленное сословіе изъято изъ вѣдѣнія воеводъ, ему дано самоуправленіе. Вся система Петра была направлена противъ главныхъ золъ, которыми страдала древняя Россія, противъ разрозненности силъ, непривычки къ общему дѣлу, противъ

отсутствія самодѣятельности, отсутствія способности начинать дѣло... Указанными недостатками страдала прежняя царская Дума; Петръ учреждаетъ Сенатъ, которому присягали, котораго указовъ должны были слушаться, какъ указовъ царскихъ. Петръ не ревновалъ къ созданной имъ власти, не ограничивалъ ее, наоборотъ, онъ постоянно и безцеремонно требовалъ, чтобы Сенатъ воспользовался своимъ значеніемъ, чтобы былъ именно правительствующимъ; упреки, выговоры Петра Сенату были за медленность, вялость, за отсутствіе распорядительности, за неумѣніе заставить привести свои приговоры немедленно въ исполненіе". Затѣмъ Соловьевъ дѣлаетъ слѣдующую оцѣнку личности Петра и его реформъ: "Никогда ни одинъ народъ не совершалъ такого подвига, какой былъ совершенъ русскимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка. На исторической сценѣ явился народъ малоизвѣстный, бѣдный, слабый, не принимавшій участія въ общей европейской жизни ; неимовѣрными усиліями, страшнымъ пожертвованіемъ далъ законность своимъ требованіямъ, явился народомъ могущественнымъ, но безъ завоевательныхъ стремленій, успокоившійся, какъ только пріобрѣтено было необходимое для его внутренней жизни. Человѣка, руководившаго народомъ въ этомъ подви-

гѣ, мы имѣемъ полное право назвать величайшимъ историческимъ дѣятелемъ, ибо никто не можетъ имѣть большаго значенія въ исторіи цивилизаціи. Петръ не былъ вовсе славолюбцемъ - завоевателемъ, и въ этомъ явился полнымъ представителемъ своего народа, не завоевательнаго по природѣ племени и по условіямъ своей исторической жизни. Геній Петра высказался въ ясномъ уразумѣніи положенія своего народа и своего собственнаго, какъ вождя этого народа; онъ сознавъ, что его обязанность вывести слабый, бѣдный, почти неизвѣстный народъ изъ этого печальнаго положенія посредствомъ цивилизаціи. Трудность дѣла представилась ему во всей полнотѣ по возвращеніи изъ-за границы, когда онъ могъ сравнить видѣнное на западѣ съ тѣмъ, что онъ нашелъ въ Россіи, которая встрѣтила его Стрѣлецкимъ бунтомъ. Онъ испыталъ страшное искушеніе, сомнѣніе, но вышелъ изъ него, вполнѣ увѣровавши въ нравственныя силы своего народа, и незамедлилъ призвать его къ великому подвигу, пожертвованіямъ и лишеніямъ всякаго рода, показывая самъ примѣръ во всемъ этомъ. Ясно сознавши, что русскій народъ долженъ пройти трудную школу, Петръ не усумнился подвергнуть его страдательному, унизительному положенію ученика; но въ то же время онъ успѣлъ

уравновѣсить невыгоды этого положенія славою и величіемъ, превратить его въ дѣятельное, успѣлъ создать политическое значеніе Россіи и средства для его поддержанія. Петру предстояла трудная задача: для образованія русскихъ людей необходимо было вызвать иностранныхъ наставниковъ, руководителей, которые естественно стремились подчинить учениковъ своему вліянію, стать выше ихъ; но это унижало учениковъ, которыхъ Петръ хотѣлъ сдѣлать какъ можно скорѣе мастерами. Петръ не поддался искушенію, не принялъ предложенія вести дѣло успѣшно съ людьми выученными, вполнѣ приготовленными, но иностранцами, хотѣлъ, чтобы свои русскіе проходили дѣятельную школу, хотя бы это стоило и большихъ потерь, сопровождалось большими неудобствами. Мы видѣли, какъ онъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ иностраннаго фельдмаршала, видѣли, какъ на всѣхъ высшихъ мѣстахъ поставилъ русскихъ людей, а иностранцамъ далъ только второстепенныя и мы видѣли, какъ Петръ былъ награжденъ за вѣру въ свой народъ, за преданность ему. Также съ необыкновенною осторожностью, умѣніемъ не перейти должныя границы разрѣшена была Петромъ трудная задача церковнаго преобразованія. Онъ уничтожилъ одноличное управленіе и замѣнилъ его коллегіальнымъ или

соборнымъ, что вполнѣ соотвѣтствовало духу восточной церкви; мы видѣли, что одною изъ главныхъ заботъ Петра было поднятіе русскаго духовенства посредствомъ образованія; несмотря на сильное и понятное нерасположеніе къ монашеству, онъ не уничтожилъ этого учрежденія, подобно Генриху VIII англійскому, только старался дать ему болѣе соотвѣтственную его характеру дѣятельность". Всѣхъ преемниковъ Петра Соловьевъ раздѣляетъ на двѣ группы: къ одной онъ причисляетъ тѣхъ, которые нарушали Петровскіе реформы, а къ другой тѣхъ, которые ихъ продолжали. Къ первой категоріи относится Анна Іоанновна. Иностранцы у нея занимаютъ первыя мѣста |Бирономъ|, даже не по своимъ личнымъ способностямъ въ противоположность обычаямъ Петра въ этомъ отношеніи. То же самое продолжалось и при Іоаннѣ Антоновичѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. О Биронѣ и его характерѣ Соловьевъ говоритъ: "тяжелъ былъ Биронъ, какъ фаворитъ, какъ фаворитъ - иноземецъ; но все же онъ тогда |при Аннѣ Іоанновнѣ| не свѣтилъ собственнымъ свѣтомъ и, хотя имѣлъ сильное вліяніе на дѣла, однако, довольствуясь знатнымъ чиномъ придворнымъ, не имѣлъ правительственнаго значенія. Но теперь этотъ самый ненавистный фаворитъ-иноземецъ, на котораго привыкли складывать

всѣ бѣдствія прошлаго тяжелаго царствованія, становится правителемъ самостоятельнымъ; эта тѣнь, наброшенная на царствованіе Анны, этотъ позоръ ея становится полноправнымъ преемникомъ ея власти; власть царей русскихъ, власть Петра Великаго въ рукахъ иноземца, ненавидимаго за вредъ, имъ причиненный, презираемаго за бездарность, за то средство, которымъ онъ поднялся на высоту. Бывали для Россіи позорныя времена: обманщики стремились къ верховоной власти и овладѣвали ею; но они, по крайней мѣрѣ, обманывали, прикрывались священнымъ именемъ наслѣдниковъ престола. Недавно противники преобразованія называли преобразователя иноземцемъ, подкидышемъ въ семью русскихъ царей; но другіе и лучшіе люди смѣялись надъ этими баснями. А теперь вьявь безъ прикрытія иноземецъ, иновѣрецъ самовластно управляетъ Россіей и будетъ управлять 17 лѣтъ - по какому праву? - потому только, что былъ фаворитомъ покойной императрицы. Какими глазами православный русскій могъ теперь смотрѣть на торжествующаго раскольника? Россія была подарена безнравственному и бездарному иноземцу, какъ цѣна позорной связи! Этого позора переносить было нельзя. Даже иностранцы, недавно пріѣхавшіе въ Россію, не могли не замѣтить, что на лицѣ ка-

ждаго изъ русскихъ была написана горесть, вслѣдствіе чего надобно ожидать всевозможныхъ безпокойствъ и смятеній; русскіе понимали, что герцогъ курляндскій унизилъ ихъ государыню въ глазахъ цѣлой Европы и покрылъ ее вѣчнымъ стыдомъ, который она унесла съ собою въ могилу. Въ негодованіи и горѣ они жаловались и на несправедливость, оказанную цесаревнѣ Елизаветѣ; говорили что если уже регентомъ непремѣнно долженъ быть иноземецъ, то болѣе права на него имѣлъ отецъ императора, принцъ Брауншвейскій; другіе говорили, что если уже надобно подвергаться неудобствамъ малолѣтства государева, то почему же не призванъ на престолъ молодой герцогъ Голштинскій, который по лѣтамъ своимъ могъ бы гораздо скорѣе освободить Россію отъ регентства, чѣмъ Іоаннъ Антоновичъ." Владычество иностранцевъ было вызвано,по мнѣнію Соловьева, неудачнымъ исходомъ попытокъ верховниковъ. Попытки эти состояли въ томъ, что нѣкоторыя знатныя фамиліи: Долгорукихъ, Голицыныхъ и др. пытались подняться до престола; они были низвергнуты и на ихъ мѣсто явились иностранцы. Во владычествѣ иноземцевъ Соловьевъ видитъ самое пагубное отступленіе отъ мысли Петра Великаго: "нѣкоторое противодѣйствіе Петровскимъ началамъ, го-

воритъ Соловьевъ, обнаружилось въ усиленіи личнаго управленія въ областяхъ, въ надстройкѣ лишняго этажа надъ сенатомъ, то подъ именемъ тайнаго Верховнаго Совѣта, то подъ именемъ Кабинета, но болѣе печальныя слѣдствія имѣло отступленіе отъ мысли Петра Великаго относительно иностранцевъ. Самая сильная опасность при переходѣ русскаго народа изъ древней исторіи въ новую, изъ возраста чувства въ возрастъ мысли и знанія, изъ жизни домашней, замкнутой, въ жизнь общественную народовъ,-главная опасность при этомъ заключалась въ отношеніи къ чужимъ народамъ, опередившимъ въ дѣлѣ знанія, у которыхъ поэтому надо было учиться. Въ этомъ то ученическомъ положеніи относительно чужихъ живыхъ народовъ и замѣчалась опасность для силы и самостоятельности русскаго народа, ибо какъ соединить положеніе ученика съ свободою, самостоятельностью въ отношеніи къ учителю, какъ избѣжать при этомъ подчиненія, подражанія. Примѣромъ служили крайности подчиненія западныхъ европейскихъ народовъ своимъ учителямъ - грекамъ и римлянамъ, когда они въ эпоху возрожденія совершали такой же переходъ, какой русскіе совершали въ эпоху преобразованія, съ тѣмъ различіемъ, что опасность подчиненія уменьшалась для запад-

ныхъ народовъ тѣмъ, что они подчинялись народамъ мертвымъ, тогда какъ русскій народъ долженъ былъ учиться у живыхъ учителей. Тутъ то Петръ и оказалъ великую помощь своему народу, сокращая сроки ученія, заставляя немедленно проходить практическую школу, не оставляя долго русскихъ людей въ страдательномъ положеніи учениковъ."Въ Елизаветѣ Соловьевъ видитъ прямую продолжательницу Петра. Послѣ Петра Великаго настало господство иноземцевъ и это иго съ запада, по словамъ Соловьева, оказалось болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде съ востока татарское.- "Отъ этого ига избавила Россію дочь Петра Великаго: Россія пришла въ себя. На высшихъ мѣстахъ Управленія снова явились русскіе люди, и когда на мѣсто второстепенное назначали иностранца, то Елизавета спрашивала, развѣ нѣтъ русскаго? Иностранца можно назначить только тогда, когда нѣтъ способнаго русскаго. Народная дѣятельность распеленовывается уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ; банки являются на помощь землевладѣльцу и купцу, на востокѣ начинается сильная разработка рудныхъ богатствъ,торговля съ средней Азіей принимаетъ обширные размѣры; южныя степи получаютъ населеніе изъ-за границы; населеніе, однородное съ главнымъ населеніемъ, поэтому легко

съ нимъ сливающееся, а не чужое, которое не переваривается въ народномъ тѣлѣ; учреждается генеральное межеваніе; народъ, пришедшій въ себя начинаетъ говорить отъ себя и про себя и является литература, является языкъ, достойный говорящаго о себѣ народа; являются писатели, которые остаются жить въ памяти и мысли потомства, является народный театръ, журналъ, въ старой Москвѣ основывается университетъ. Человѣкъ, гибнувшій прежде подъ топоромъ палача, становится полезнымъ работникомъ въ странѣ, которая болѣе чѣмъ какая либо другая нуждается въ рабочей силѣ; пытка заботливо отстраняется при первой возможности и, такимъ образомъ, на практикѣ приготовляется ея уничтоженіе; для будущаго времени приготовляется новое поколѣніе, воспитанное уже въ другихъ правилахъ, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ прежнія царствованія, воспитывается, приготовляется цѣлый рядъ дѣятелей, которые сдѣлаютъ знаменитымъ царствованіе Екатерины "I." Время Петра III является у Соловьева въ отрицательномъ видѣ;это - эпоха господства Голштинцевъ,слѣдовательно, иностранцевъ.На вѣкъ Екатерины II нѣтъ у Соловьева опредѣленнаго взгляда, такъ какъ онъ не довелъ до конца обозрѣніе этого царствованія.

Громадный трудъ Соловьева|29 т.| составля-

етъ поистинѣ драгоцѣнный вкладъ въ русскую историческую науку. Онъ доведенъ до половины царствованія Екатерины II. Выдающимся достоинствомъ этого труда нужно признать выдержанность общаго историческаго взгляда. Для Соловьева русская историческая жизнь представляется въ началѣ въ видѣ рода, затѣмъ постепенно смѣняемаго началомъ государственнымъ. Соловьевъ могъ выполнить свою задачу во-I| благодаря правильному систематическому труду и, во 2-хъ, потому, что онъ обратился-къ архивамъ и внесъ массу новаго матеріала. Особенное значеніе его трудъ по новизнѣ матеріала имѣетъ во второй части своей - с. XVII вѣка. Кромѣ очерковъ внѣшней исторіи находится масса цѣннаго матеріала и о внутреннемъ бытѣ русскаго общества, но дипломатическая исторія |14 т.| служитъ предметомъ особеннаго вниманія сочинителя. Къ числу болѣе серьезныхъ недостатковъ труда Соловьева принадлежитъ преобладаніе догматической стороны надъ критической. Соловьевъ выступилъ въ то время, когда въ русской исторіи созрѣло значительное число вопросовъ, но не было соотвѣтствующихъ отвѣтовъ. Соловьевъ никогда не даетъ почти обозрѣнія чужихъ мнѣній. Онъ не опровергаетъ противоположныхъ взглядовъ, не даетъ характеристики предшествующихъ трудовъ

по русской исторіи, и мы даже не знаемъ, какъ онъ самъ смотрѣлъ на свою задачу, приступая къ своему труду. Подобные недостатки даютъ особенно чувствовать себя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ затронуты спорные вопросы. Здѣсь мы находимъ всегда только одно мнѣніе самого автора. Основная мысль труда Соловьева - идея государственная - заслонила идею народа; народъ является пассивнымъ орудіемъ для эксперимента государственной власти. Авторъ мало интересуется бытомъ раскольниковъ, крестьянъ. Для него не имѣетъ значенія то, что уничтожено централизаціей, что исчезло, но на самомъ дѣлѣ оставило все-таки нѣкоторый слѣдъ. Всѣ предшествовавшія Московской централизаціи учрежденія, выборныя установленія |вѣче|, по его мнѣнію, отжили свой вѣкъ уже потому, что пали. Внутренній бытъ изложенъ неудовлетворительно; онъ является въ такомъ постепенномъ правильномъ развитіи, какъ начало государственное. Это какія то наперед данныя клѣточки, наполняемыя матеріаломъ; читатель при чтеніи какъ бы прерываетъ нить разсказа; это нѣчто случайное, чрезвычайно раздробленное. Не соблюдена историческая перспектива, т.е. на ряду съ ничтожными вопросами стоятъ вопросы первостепенной важности. У Соловьева нерѣдко матеріалъ господствуетъ надъ

авторомъ; мы встрѣчаемъ у него массу матеріала не обработаннаго, не переваренаго. Соловьевъ создалъ цѣлую школу историковъ и юристовъ. Его послѣдователи: Кавелинъ, Чичеринъ, Леонтовичъ, Самоквасовъ, Никитскій, Ключевскій, отчасти Забѣлинъ, Владимірскій-Будановъ и др. Эту школу можно назвать историко-юридической. Наиболѣе замѣчательнымъ послѣдователемъ Соловьева является —

§ 17. Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.

Библіографія:

Бестужевъ-Рюминъ. О сочиненіяхъ Кавелина. |От. Зап. 1860 г.|

Спасовичъ Памяти Кавелина |Вѣстникъ Европы 1885 г.|

В.К. Позитивизмъ въ русской литературѣ |Рус.Бог. 1889 г.|

Кавелинъ собственно развивалъ и дополнялъ взгляды Соловьева и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ его критикомъ. Это личность очень выдающаяся и по своимъ умственнымъ дарованіямъ, и по нравственнымъ качествамъ, хотя онъ не создалъ ничего, соотвѣтствующаго своимъ громаднымъ творческимъ талантамъ. Его сочиненія не проникнуты сухимъ характеромъ, они имѣютъ большое воспитательное, нрав-

ственное значеніе. К.Д. Кавелинъ родился въ 1818 году въ С.-Петербургѣ, происходилъ изъ старинаго дворянскаго рода, записаннаго сначала по Воронежской, а впослѣдствіи по Калужской губерніи. Мать его англичанка въ дѣтствѣ осталась круглой сиротой и была принята на воспитаніе у Левашевыхъ. Кавелинъ провелъ дѣтство и юность свою въ Петербургѣ |до 5 лѣтъ|, въ Рязани |до 11 лѣтъ| и въ Москвѣ. Лѣто онъ проживалъ въ деревнѣ Тульской губерніи, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ. До самаго вступленія своего въ Московскій университетъ, онъ постоянно воспитывался дома и не находился ни въ частномъ, ни въ казенномъ учебномъ заведеніи. Въ 1835 году Кавелинъ вступилъ по экзамену въ Московскій университетъ на филологическій факультетъ, но вскорѣ перешелъ на юридическій, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1839 году. Черезъ годъ по выходѣ изъ университета въ 1840 году Кавелинъ выдержалъ экземенъ на степенъ магистра гражданскаго законодательства, но защищалъ диссертацію только въ 1843 году на тему: "Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до учрежденія о губерніяхъ". Въ промежутокъ времени отъ магистерскаго экзамена до защиты диссертаціи онъ состоялъ на служ-

бѣ въ департаментѣ министерства юстиціи. Въ 1844 году Кавелинъ зачисленъ въ званіе адъюнкта по юридическому факультету въ Московскомъ Университетѣ. При самомъ вступленіи на каѳедру ему поручено было чтеніе по исторіи русскаго законодательства, а черезъ годъ и преподаваніе русскихъ государственныхъ и губернскихъ учрежденій и законовъ о состояніяхъ студентамъ всѣхъ факультетовъ, кромѣ юридическаго. Въ изложеніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ Кавелинъ слѣдовалъ своду законовъ, только сокращая его и дѣлая, гдѣ было нужно, краткія историческія обозрѣнія. Въ исторіи же русскаго законодательства, главномъ предметѣ его занятій, онъ раскрывалъ студентамъ юридическаго факультета I-го курса преимущественно родовыя начала русскаго быта въ ихъ историческомъ развитіи. I-й курсъ |1844-45| былъ имъ доведенъ до царствованія Петра Великаго, во 2-мъ |1845-46| онъ успѣлъ представить и краткій очеркъ законодательства Петра Великаго въ области государственнаго права. Послѣдній учебный его курсъ |1847-48| былъ преимущественно монографическій. Кавелинъ большую часть лекцій посвятилъ весьма подробному обозрѣнію первоначальнаго быта славянъ и изслѣдованію происхожденія древнѣйшихъ славянскихъ учрежденій, при чемъ пользовался

данными изъ теперешняго быта славянскихъ народовъ и историческими письменными памятниками ихъ древнѣйшей исторіи. Въ то же время онъ отдѣлялъ одну лекцію въ недѣлю для чтенія и объясненія студентамъ древнихъ памятниковъ русскаго законодательства, начиная съ Русской Правды. Кавелинъ предполагалъ такимъ образомъ пройти монографически всю исторію русскаго законодательства и объяснить постепенно всѣ главнѣйшіе памятники нашей юридической жизни. Планъ этотъ разсчитанный на много лѣтъ, не могъ быть приведенъ въ исполненіе за выходомъ Кавелина въ 1848 году изъ университета. Взглядъ, положенный имъ въ основаніе своего курса, представленъ въ сжатомъ очеркѣ, въ статьѣ, напечатанной въ первой книжкѣ Современника за 1847 годъ, подъ заглавіемъ: "Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи". Всѣ дальнѣйшіе труды Кавелина по части русской исторіи и исторіи русскаго законодательства состояли въ однихъ критическихъ статьяхъ и рецензіяхъ на сочиненія и собранія источниковъ по этому предмету. Между прочимъ, ему принадлежатъ сочиненія: "Задачи Этики", "Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія имущества" и др. Въ своемъ трудѣ "Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи", напечатанномъ

въ I-мъ томѣ его сочиненій, Кавелинъ проводитъ ту же программу, какую положилъ Соловьевъ въ основаніе своего труда, но родовой бытъ у Кавелина изложенъ обстоятельнѣе, чѣмъ у Соловьева. Въ самомъ началѣ статьи Кавелинъ указываетъ на то, что въ русской исторіи въ сравненіи съ исторіей западныхъ народовъ, мы не встрѣчаемъ ни одной сходной черты, а много противоположныхъ. Затѣмъ онъ заявляетъ, что несмотря на множество "взглядовъ" и "теорій русской исторіи", написанныхъ въ разное время для объясненія общаго хода русской исторіи, не на шагъ не подвинуто изученіе русской исторіи, такъ какъ не было изученія фактовъ. Благодаря неудачѣ теорій обратились къ изученію фактовъ, но вдались въ другую крайность, - стали обращать большое вниманіе на мелочные вопросы. Но "чтобы понять тайный смыслъ исторіи, говоритъ онъ, чтобы оживить нашу историческую литературу, необходимъ взглядъ, теорія. Они должны представить русскую исторію, какъ развивающійся организмъ, живое цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, одними началами." Ключъ къ правильному пониманію русской исторіи находится въ родовомъ бытѣ, и теперь въ деревнѣ, говоритъ онъ, старшіе лѣтами зовутъ младшихъ робятами, молодками, младшіе старшихъ дядями, дѣда-

ми, тетками, равные - братьями, сестрами. Словомъ, всѣ отношенія между не родственниками сознаются подъ формою родства. Вообще"у русскихъ славянъ былъ первоначально одинъ чисто семейственный, родственный бытъ, безъ всякой примѣси; русско-славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена исключительно однимъ путемъ рожденія". У другихъ славянъ этотъ бытъ прервался насильственно, подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ условій. Завоеванія аваръ, хазаръ,норманновъ и татаръ не оставили никакихъ послѣдствій въ нашей исторіи, такъ какъ завоеватели не селились среди туземцевъ. "Одни сѣверные выходцы варяги составляютъ какъ-будто исключеніе, говоритъ Кавелинъ. Они изъ призванныхъ властителей становятся завоевателями, но тогда какъ въ другихъ странахъ варяги надолго придаютъ свой характеръ быту покоренной страны, у насъ они скоро подчиняются вліянію туземнаго населенія и, наконецъ, совершенно исчезаютъ, завѣщавъ намъ на долго мысль о государственномъ единствѣ всей русской земли, дружинное начало и систему областного правленія".

Первоначально каждое поселеніе нашихъ предковъ было ни что иное, какъ "разросшаяся, размножившаяся семья, которой члены и потомки жи-

вутъ вмѣстѣ, на одномъ корню. Такъ все первобытное славянское населеніе Россіи было огромное дерево, спокойно выросшее изъ одного зерна; поселенія и племена - его вѣковыя вѣтви и отпрыски". "Внутри поселеній царствуетъ чисто семейный бытъ подъ управленіемъ старшаго рожденіемъ и лѣтами. Его власть была семейная, родительская." Этотъ бытъ "создала природа, кровь; она его поддерживала и имъ управляла. Оттого - совершенная юридическая неопредѣленность - его отличительная черта".

"Въ чисто семейномъ быту нашихъ предковъ лежали зачатки его будущаго разрушенія. Онъ былъ созданъ природой, а не мыслью, не сознаніемъ, которыя могли бы дать ему твердость, постоянство, а вмѣстѣ и опредѣленность, ему совершенно неизвѣстную, но кровныя связи слишкомъ не прочны, чтобы поддерживать общественный бытъ. Племена, заселявшія Россію, большею частью разрозненныя, иногда враждующія между собою, тоже произошли отъ одной семьи, но почти совсѣмъ забыли свое единство, отъ него осталось одно смутное воспоминаніе. Когда народонаселеніе умножилось, семьи размножились - появилось много старшихъ родомъ, тогда невозможно стало опредѣлить, кто изъ нихъ старше, и стали избирать ста

рѣйшину Его значеніе, благодаря посреднической роли въ несогласіяхъ отдѣльныхъ семей, возрастаетъ, и это возрастаніе было признакомъ возрастающей разрозненности семей. "Каждая болѣе и болѣе начинаетъ погружаться въ свои собственные интересы, внутри себя жить своею особенною жизнью, точно такою же, какою жило сначала цѣлое поселеніе." "Съ большимъ ослабленіемъ единства поселенія, котораго старѣйшина былъ представителемъ, семьи мало-по-малу становятся главными дѣятелями и власть ихъ общаго старѣйшины ослабѣваетъ. Образуются въ поселеніяхъ общія совѣщанія - вѣча |отъ вѣщать|, такія же неопредѣленныя юридически неустановленныя собранія, какъ и весь тогдашній бытъ То были сходбища семей для общаго совѣщанія, - праматери теперешнихъ крестьянскихъ сходокъ и столь же неправильныя" "Мало-по-малу семьи привыкаютъ, несмотря на внутреннюю разрозненность, всѣ важныя и общія дѣла дѣлать вмѣстѣ, поговоря между собой Поселенія становятся общинами" Однѣ общины имѣли видъ городовъ, другія - видъ селеній. "Общины принадлежавшія къ одному племени собирались на племенныя вѣча Были и племенные старѣйшины - князья; но, какъ въ общинахъ они не вездѣ удержались" Варяги имѣли важное значе-

ніе въ русской исторіи "Они принесли съ собою первые зачатки гражданственности и политическаго государственнаго единства всей русской земли Они приносятъ съ собою дружину учрежденіе не русско-славянское, основанное на началѣ личности и до того чуждое нашимъ предкамъ, что въ ихъ языкѣ нѣтъ для него названія." Но варяги скоро начали терять свою національность. Въ Святославѣ подъ варяжскими формами уже виденъ славянинъ, а въ княженіи Ярослава варяги "совершенно подчиняются туземному русско-славянскому элементу Въ лицѣ Владиміра и его дѣтей "выступаетъ на сцену историческаго дѣйствованія семья, разросшаяся потомъ въ цѣлый родъ. Конечно, она не была единственная въ тогдашней Руси: были и другія; но ихъ судьбы терялись въ массахъ народа и покрыты мракомъ" Когда Ярославъ сталъ раздавать области своимъ сыновьямъ, при чемъ Кіевъ отдалъ старшему сыну, то и другіе города стали принадлежать остальнымъ сыновьямъ по старшинству; іерархія кровнаго старшинства должна была сообщиться землѣ и переродить іерархію территоріальнаго или городового старшинства. Послѣдняя утвердившись, могла бы поддержать политическое единство Россіи, ибо сама по себѣ она однажды установленная, была неподвижна и прочна Но ее

создала первая, которая, безпрестанно измѣняясь со смертью и рожденіемъ князей, влекла за собой и территоріальное устройство. Сначала, когда великій или другой князь умиралъ, происходило перемѣщеніе всѣхъ князей изъ удѣла въ удѣлъ, для уравненія кровнаго, городового распорядка. Но равновѣсіе не могло долго продолжаться. Увеличеніе и уменьшеніе числа князей его нарушало; это должно было дать перевѣсъ началу личному. А тогдашнее личное начало въ противоположность территоріальному не могло упрочить государственной цѣльности Россіи. Его представлялъ родъ. Но законъ развитія рода - распаденіе, уничтоженіе единства". Но скоро старшіе внуки, помимо правъ своихъ старшихъ дядей, стали присваивать себѣ права своихъ отцовъ. "Между обоими этими взаимно исключающими враждебными началами - родовымъ и семейственнымъ, отчиннымъ, рано произошло колебаніе, которое по закону распаденія кровнаго быта должно было окончиться побѣдою послѣдняго надъ первымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить политическое единство Россіи, основанное на единствѣ княжескаго рода и такъ неразрывно съ нимъ связанное". И дѣйствительно, семейственное начало рано стало высказываться въ княжеской средѣ. Ни княжескіе съѣзды ни

личныя усилія Мономаха и Мстислава Великаго не могутъ поддержать единства распадающагося рода. Частые переходы князей, опустошенія областей, побудили разныя общины сомкнуться. "Неспособные жить безъ князя, онѣ разумѣется желали себѣ князей, отличившихся гражданскими и воинскими доблестями, которые, управляя ими безъ насилія, могли въ случаѣ нужды защищать ихъ отъ безпрестанныхъ раззорительныхъ набѣговъ. Истощеніе и ослабленіе князей дало общинамъ возможность осуществлять это желаніе. Онѣ обладали средствами для войны; онѣ были цѣлью вѣчныхъ распрей между князьями, оттого онѣ мало-по-малу стали выбирать себѣ князей, призывать и изгонять ихъ, заключать съ ними ряды или условія. Вѣча получили тогда большую власть, и звонъ вѣчевыхъ колоколовъ часто раздавался въ Россіи. Возвратились опять времена избранія старѣйшинъ въ лицѣ князей." Особенно развились общины на сѣверѣ... Новгородъ - община въ древне-русскомъ смыслѣ слова, какими были болѣе или менѣе и всѣ другія общины; только особенныя историческія условія дали формамъ ея рѣзче обозначиться, продлили гораздо долѣе ея политическое существованіе... Въ его внутреннемъ устройствѣ мы открываемъ ту же неопредѣленность, то же отсутствіе твердой, юри-

дической, на началѣ личности созданной общественности, которая характеризуетъ нашу древнюю внутреннюю жизнь. Новгородъ состоялъ изъ множества общинъ; каждая изъ нихъ имѣла, въ главныхъ чертахъ, одинаковое устройство съ цѣлой Новгородской общиной. Постояннаго государственнаго устройства нѣтъ: новый князь- новыя условія. У Новгорода и вообще у богатыхъ городовъ начинаютъ съ теченіемъ времени заискивать князья, а города, вѣча съ своей стороны воздѣйствуютъ на князей и ослабляютъ ихъ власть. Въ сѣверо-восточной Руси нарождается новый порядокъ вещей. Тамъ усиливается колонизація, являются новыя идеи, новыя понятія. Юрій Долгорукій еще поддерживаетъ связи съ Кіевомъ и не задолго до смерти достигаетъ даже Кіевскаго престола, но для его преемника Андрея Великокняжеское достоинство - пустой титулъ, не дававшій никакой власти. Начиная съ Андрея Боголюбскаго, въ политической сферѣ семья одержала верхъ надъ родомъ, но это первенство не уничтожало родового начала въ его основаніи, а только въ явленіи. Родовое начало сохранилось и продолжало жить. Теперь только ограничилось его поприще. Оно стало опредѣлять политическій бытъ разрозненныхъ княженій. Въ каждомъ изъ нихъ, въ маломъ

видѣ, повторяется то же, что было сначала въ цѣлой Руси. Княжескіе роды размножаются, между ихъ членами по родовому старшинству. Старшій называется великимъ и потому много великихъ князей въ Россіи. Раздробляясь далѣе, князья становятся простыми вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Монголы играютъ важную отрицательную роль въ нашей исторіи. Для правъ князей на престолъ является новое мѣрило .....ханамъ были чужды родовые расчеты... По нихъ тотъ былъ князь, кто имъ былъ угоднѣе, кто ревностно исполнялъ ихъ волю, былъ вѣрнымъ слугой и исправно платилъ дань. Это были личныя качества, не всегда совпадавшія съ родовыми преимуществами". "Монгольское иго усилило власть великаго князя и тѣмъ возсоздало видимый центръ политическаго единства Руси. Въ сѣверо-восточной ея половинѣ, какъ прежде въ юго-западной, и по тѣмъ же причинамъ, великокняжеское достоинство предъ монгольскимъ игомъ стало пустымъ титуломъ; оно не давало уже никакой власти надъ прочими князьями. Теперь великій князь - органъ и орудіе ханской воли.." "Іоаннъ Калита былъ въ полномъ смыслѣ князь вотчинникъ и смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на собственность". Онъ заботится только объ умно-

женіи своей вотчины; этому особенно способствовала возложенная на него обязанность собирать дань для хана. Богатство доставило его преемнику власть, Великокняжеское достоинство стараются теперь удерживать за собой всѣ Московскіе князья, такъ какъ это достоинство служитъ лучшимъ средствомъ для увеличенія вотчинъ Московскіе князья дѣлили свою вотчину поровну между сыновьями, а Москва доставалась старшему Но съ теченіемъ времени, чтобы отвратить соперничество между дѣтьми, великіе князья стали давать старшему сыну большую часть, а прочимъ меньшія. "Съ Іоанна III московскіе государи принимаютъ титулъ царя, усваиваютъ многія принадлежности власти византійскихъ императоровъ: гербъ двуглаваго орла, регаліи, вѣнчаніе и помазаніе на царство; великокняжескій дворъ и придворныя церемоніи устраиваются по византійскому образцу " Эти нововведенія свидѣтельствуютъ, что "прежнія формы были недостаточны, узки, не выражали новаго значенія Московскаго государя. Изъ подъ великокняжеской вотчины проглядываетъ государство, отвлеченное нравственное лицо, имѣющее свое физическое существованіе и самостоятельное разумное значеніе Начало подданства начинаетъ смѣнять начало холопства; яв-

ляется понятіе о государственной службѣ, о гражданствѣ, о равенствѣ предъ судомъ." Но вмѣстѣ съ тѣмъ Московское государство не отрѣшилось вполнѣ отъ тѣхъ историческихъ формъ, въ которыхъ оно появилось; оно только приготовило почву для новой жизни. Эту переходную эпоху нашей исторіи ограничиваютъ отъ предыдущаго и послѣдующаго два величайшихъ дѣятеля въ нашей исторіи - Іоаннъ IУ и Петръ Великій. Первый ее начинаетъ, второй оканчиваетъ и начинаетъ другую. "Раздѣленные цѣлымъ вѣкомъ, совершенно различные по характеру, они замѣчательно сходны по стремленіямъ, по направленію дѣятельности. И тотъ, и другой преслѣдуютъ однѣ цѣли. Какая-то симпатія ихъ связываетъ. Петръ Великій глубоко уважалъ Іоанна IУ, называлъ его своимъ образцомъ и ставилъ выше себя. И въ самомъ дѣлѣ, царствованіе Петра было продолженіемъ царствованія Іоанна. Недоконченныя, остановившіяся на полудорогѣ реформы послѣдняго продолжалъ Петръ. Сходство замѣтно даже въ частностяхъ. Оба равно живо сознавали идею государства и были благороднѣйшими, достойнѣйшими ея предстаивителями; но Іоаннъ сознавалъ ее какъ поэтъ, Петръ Великій, какъ человѣкъ по преимуществу практическій. У перваго преобладаетъ воображеніе, у второго -во-

ля. Время и условія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще большее различіе между этими двумя великими государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менѣе реальной, нежели преемникъ его мыслей, Іоаннъ изнемогъ, наконецъ, подъ бременемъ тупой, полупатріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ ней на смерть много лѣтъ и не видя результатовъ, не находя отзыва, онъ потерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханжей, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IУ такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Его отецъ Василій, его сынъ Ѳеодоръ не падали." Петръ, одаренный страшной волей и удивительнымъ практическимъ смысломъ, жилъ вѣкомъ позже, когда обстоятельства уже измѣнились и многое было приготовлено; у него былъ предшественникъ, даже предшественники; съ увѣренностью геніальнаго человѣка, онъ принялся за свое дѣло; онъ имѣлъ рѣдкое счастье видѣть, какъ его начинанія зрѣли и приносили плоды; но и характеръ самаго Петра отлился въ суровую, жесткую форму; и ему нужны были шумныя развлеченія, въ которыхъ

онъ могъ бы забываться; и на него находили минуты, когда мысли его слабѣли, и тяжкое, скорбное изнеможеніе, душевная усталость прерывали его неутомимую дѣятельность". Іоаннъ для осуществленія своихъ реформъ приближаетъ къ себѣ людей худородныхъ, особенно грамотныхъ, дьяковъ; но "за какія реформы ни принимался Іоаннъ, всѣ онѣ ему не удались, потому что въ самомъ обществѣ не было еще элементовъ для лучшаго порядка вещей. Іоаннъ искалъ органовъ для осуществленія своихъ мыслей и не нашелъ; ихъ неоткуда было взять. Растерзанный, измученный безплодной борьбой Іоаннъ могъ только мстить за неудачи, подъ которыми похоронилъ онъ всѣ свои надежды, всю вѣру, все, что было въ немъ великаго и благороднаго - и мстилъ страшно". Ко временамъ Петра отъ родового вельможества удержались только наслѣдственность важнѣйшихъ чиновъ и боярская дума; но и это, съ учрежденіемъ Сената и введеніемъ табели о рангахъ, исчезаетъ на всегда. Съ постепеннымъ исчезаніемъ родового и семейственнаго принципа начинаетъ выказываться въ русской жизни личное начало. " Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно-національныхъ

опредѣленій" Эпоха реформъ приготовлена всѣмъ предыдущимъ бытомъ. Благодаря появленію личнаго начала, мы тѣсно сблизились съ Европой которая къ этому времени совершенно другимъ путемъ вышла къ одной цѣли съ нами. "Мы заимствовали у Европы не ея исключительно національные элементы; тогда они уже исчезли или исчезали; и у ней, и у насъ шла рѣчь тогда о человѣкѣ."

Разсмотрѣнная нами статья Кавелина есть обобщеніе громадной суммы фактовъ, философское построеніе русской исторіи, оправдываемое на каждомъ шагу фактическимъ матеріаломъ.

§ 18. Ч И Ч Е Р И Н Ъ.

Библіографія.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Полутомъ 76 Стр.887 - 901.

Рядомъ съ Кавелинымъ нужно поставить другого изслѣдователя-юриста, современника его—Чичерина.

У Кавелина вотчинное начало не играетъ такой существенной роли, какъ у Чичерина который построилъ весь свой взглядъ на характеръ юридическаго быта до Петра на этомъ началѣ въ сво-

емъ сочиненіи "Областныя учрежденія въ Московскомъ государствѣ въ XVII в." и въ другихъ статьяхъ. XVII вѣкъ характеризуется повсемѣстнымъ учрежденіемъ воевод Въ своемъ введеніи къ "Областнымъ учрежденіямъ" Чичеринъ высказываетъ свой взглядъ на преобладаніе вотчиннаго начала въ древней Руси. Послѣ паденія родовыхъ отношеній "каждое лицо, не сдержанное болѣе связью естественной и не подчиненное еще высшей связи государственной, выступило съ своею частною волей, съ своими частными правами и притязаніями". Затѣмъ, дѣлая общій обзоръ суда въ древней Руси, онъ приходитъ къ такому выводу: Судъ "1| какъ частная собственность дѣлился между князьями, дробился на участки, на года; точно также кормленьщики въ одномъ и томъ же городѣ получали право суда въ раздѣлъ на участки; 2| Судъ передавался по частному праву: князь не назначалъ сановниковъ для управленія дѣлами, а извѣстныя права, извѣстные доходы жаловалъ въ кормленіе, временное или наслѣдственное, или отдавалъ на откупъ. Поэтому кормленьщикъ покидалъ кормленіе, когда хотѣлъ, какъ свое добро, которымъ не желалъ болѣе пользоваться; 3| Судъ отчуждался въ частныя руки жалованными граматами частнымъ лицамъ и монастырямъ. Это не государственная мѣ-

ра, а опять таки подарокъ князя, вслѣдствіе расположенія его къ извѣстному лицу; 4| при этомъ отчужденіи самый судъ дробился на части, какъ частный доходъ, состоящій изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей; одна доходная статья халова - лась одному лицу, другая другому, одинъ получалъ ихъ болѣе, другой менѣе; 5| Самое управленіе имѣло совершенно видъ владѣнія на частномъ правѣ; кормленьщикъ управлялъ не на князя, а на себя, отправленіе суда служило только средствомъ къ обогащенію. Поэтому самыя преступленія имѣли значеніе не общественное, а частное; они были доходныя дѣйствія, изъ которыхъ судья извлекалъ прибытокъ, на преслѣдованіе которыхъ онъ имѣлъ исключительную привиллегію, составлявшую одну изъ самыхъ выгодныхъ статей кормленія. Какъ частною собственностью кормленьщикъ управлялъ кормленіемъ посредствомъ людей своихъ и холоповъ. Самое сужденіе дѣлъ носило частный характеръ: не было инстанцій, но судъ докладывалъ дѣло, кому хотѣлъ, если встрѣчалъ затрудненіе; 6| Вслѣдствіе этого же владѣльческаго характера суда, подсудность разрѣшалась не видами общественнаго блага,а правомъ судьи на доходы съ суда надъ извѣстными лицами; отсюда судъ смѣстный или вопчій; 7| Наконецъ, на тотъ же частный ха-

рактеръ указываютъ привиллегіи, освобождавшія нѣкоторыя лица отъ подсудности областнымъ судьямъ. Общественная должность имѣетъ равную силу для всѣхъ; нѣкоторые разряды лицъ могутъ, по особенному своему положенію, подлежать особеннымъ судилищамъ, но частныя изъятія противны общественному порядку и существуютъ только въ такихъ формахъ общества, гдѣ господствуетъ частное право. Можно еще замѣтить, что въ монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ, гдѣ управленіе основано было на владѣльческомъ правѣ, система управленія была та же, что и въ княжескихъ земляхъ." Господство частнаго права, по мнѣнію Чичерина, составляетъ не только принадлежность Руси, но есть одно изъ естественныхъ явленій въ исторіи человѣчества. "Оно ведетъ къ установленію государственнаго порядка и составляетъ залогъ его будущей прочности". Отдача суда въ частное владѣніе намѣстникамъ и волостелямъ имѣла кромѣ темныхъ сторонъ, неизбѣжныхъ при тогдашнихъ порядкахъ, и выгодныя послѣдствія. она служила князьямъ обезпеченіемъ въ томъ, что судья не откажетъ истцу въ судѣ, что преступники будутъ наказаны. Въ Новгородскихъ областяхъ судъ также отдавался въ кормленіе, на откупъ, въ наслѣдственное владѣніе, такъ какъ онъ

составляли вотчину Великаго Новгорода. Но въ самой новгородской общинѣ судъ не дѣлился, не отдавался въ кормленіе и на откупъ, а имѣлъ значеніе общественной должности. Новгородъ, какъ договорная община, извнѣ призывалъ къ себѣ верховнаго судью - посредника князя, котораго власть всякій разъ утверждалась договоромъ. "Но каждый гражданинъ, по каждому частному иску могъ созывать народное вѣче и предложить ему свое дѣло на рѣшеніе. Если на вѣчѣ было согласіе, то оно само тотчасъ исполняло свой приговоръ; если же согласія не было, происходила драка, и дѣло рѣшалось силою". Затѣмъ Чичеринъ проводитъ аналогію между западными учрежденіями и русскими. Русской вотчинной системѣ на западѣ соотвѣтствовала феодальная. Правомъ собственности было ленное право, въ составъ котораго входило и право суда. Сюзеренъ, на основаніи частнаго договора, передавалъ своимъ вассаламъ право владѣнія, суда и др. Право владѣнія съ земли само собой переносилось и на лицъ, населяющихъ эту землю, - на крестьянъ, т.е. обратилось въ крѣпостное право. Такимъ образомъ, жизнь средневѣковаго гражданскаго общества, какъ на Западѣ, такъ и на Руси, вылилась въ двухъ формахъ: первая, какъ система вотчинная и феодальная, - вто-

рая какъ вольная община. При всемъ тождествѣ основныхъ началъ жизни запада и Руси есть и различіе, состоящее въ томъ, что на западѣ преобладали мелкіе союзы, а на Руси каждая отдѣльная личность обособлялась въ своей частной сферѣ. Это обособленіе высказалось, между прочимъ, и въ распредѣленіи верховной власти между русскими князьями. "Основанная на частномъ правѣ верховная власть передается также по частному праву, но здѣсь является различіе между западными государствами и Русью: тамъ земля передается обыкновенно въ наслѣдство по праву майората, и младшій братъ получаетъ участокъ, какъ вассалъ старшаго, - здѣсь земля дѣлится между всѣми сыновьями." Отношенія владѣльцевъ къ слугамъ и здѣсь и тамъ основаны на свободномъ договорѣ. "Но здѣсь является опять чрезвычайно важное различіе, - то, можетъ быть, которое болѣе всего опредѣлило различіе историческаго развитія западныхъ государствъ и Россіи. Феодальный владѣлецъ вступалъ въ прочный, наслѣдственный союзъ съ своимъ господиномъ, тогда какъ бояре и слуги заключали съ князьями временные, случайные договоры и при малѣшемъ неудовольствіи тотчасъ отъѣзжали къ другимъ." Благодаря этому, на западѣ владѣльческій элементъ сдѣлался крѣпче,

чѣмъ у насъ. Свободныя общины могли возникнуть скорѣе въ городахъ, чѣмъ въ селеніяхъ, такъ какъ въ городахъ люди живутъ на болѣе тѣсномъ пространствѣ, чѣмъ въ селахъ, что способствуетъ развитію союзнаго духа. Русская свободная община была слабѣе, чѣмъ западная, вслѣдствіе слабости связывающаго элемента - владѣльческаго. Союзный духъ на западѣ имѣлъ значительное вліяніе и на образованіе сословій. Средневѣковыя сословія основаны на томъ, что права каждаго зависятъ отъ его частныхъ занятій, и эти занятія, какъ частная собственность, передаются наслѣдственно. "На западѣ лица, имѣвшія общія занятія, находились въ постоянномъ союзѣ, образовали корпораціи, сословія, вступленіе въ которыя могло совершаться только на основаніи законныхъ правилъ " То же самое начало, говоритъ Чичеринъ, существовало и на Руси; были служилые люди, посадскіе и крестьяне, но безпрерывные ихъ переходы съ мѣста на мѣсто препятствовали образованію сословныхъ союзовъ. Вмѣсто того сословное право распредѣлилось по отдѣльнымъ мѣстностямъ и выразилось въ мѣстничествѣ. Каждое отдѣльное лицо имѣло наслѣдственное право на извѣстное положеніе въ обществѣ и этимъ оно не только не входило въ союзъ съ другими, а напро-

тивъ становилось въ противоположеніе ко всѣмъ лицамъ того же разряда и отстаивало свои права отдѣльно отъ другихъ. Законныхъ правилъ для поступленія въ сословіе не было, но если низшій уравнивался съ высшимъ, послѣдній считалъ себя обезчещенныхъ и начиналъ тяжбу. Понятіе о чести было, такимъ образомъ, не сословное, какъ на западѣ, а чисто личное... Мѣстничество было крайнимъ и самымъ яркимъ выраженіемъ личности, которая преобладала въ Россіи." На западѣ государи боролись противъ самостоятельности мелкихъ союзовъ; московскіе же государи, напротивъ, должны были прекратить слишкомъ большое обособленіе личности и образовать союзы, которые служили бы имъ орудіями государственной власти. Московскіе государи, слѣдовательно, только укрѣпили элементы древне русской жизни, заставивъ ихъ подчиниться общественной власти. Частное княжеское хозяйство превратилось въ государственное, но съ тѣмъ же финансовымъ характеромъ, какъ и прежде Напримѣръ, при Іоаннѣ Грозномъ "города и волости продолжали оставаться въ кормленіи, но многимъ общинамъ даны уставныя граматы съ правомъ собственнаго суда. Это было важнымъ шагомъ впередъ. Судъ изъ частнаго владѣнія превратился въ общественную должность" Но кромѣ суда об-

щины получили право участвовать посредствомъ своихъ выборныхъ въ полицейскомъ управленіи и въ финансовыхъ дѣлахъ, въ сборѣ различныхъ пошлинъ. Это участіе общиннаго начала въ земскомъ управленіи было исключительно созданіемъ московскихъ государей, явленіемъ небывалымъ еще на Руси Но эта дѣятельность общинъ, вызванная Іоанномъ IУ, не была самоуправленіемъ, а только государственною повинностью. При тогдашнемъ хаотическомъ состояніи государства невозможны были правильная дѣятельность и контроль. "Оставалось одно: искать обезпеченія въ отвѣтственности частныхъ лицъ и общинъ, возложивъ на нихъ всѣ обязанности общественнаго управленія. Это былъ тотъ порядокъ, который можно назвать системою повинностей: государство обязало всѣхъ службою, объявляло свои требованію и большую часть исполненія предоставляло самимъ подданнымъ. Отсюда возникли система поручительства и выборное начало". Та же система господствовала и въ римскомъ государствѣ, гдѣ отвѣтственность за исполненіе общественныхъ дѣлъ возложена была на городскія куріи и служебныя обязанности были до того тяжки, что почесть обратилась въ наказаніе" Распоряженія со стороны государства шли чрезъ приказныхъ людей: дьяковъ въ важнѣйшихъ горо-

дахъ| и городовыхъ приказчиковъ |въ городахъ менѣе значительныхъ|. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ государственнаго начала прежніе элементы областного управленія оказались недостаточны: кормленія были несогласны съ новымъ порядкомъ вещей, общинное управленіе было разрозненно, а дьяки не имѣли военной силы, усиливающей ихъ власть. Явилась потребность въ такой власти, которая была бы дѣйствительнымъ представителемъ правительства въ областяхъ и такая власть была учреждена въ воеводахъ. Раньше воеводы назначались въ городахъ только на время войны, а со временъ Михаила Ѳедоровича они составляютъ общее учрежденіе для всей Россіи. Учрежденіе ихъ сопровождалось усиленіемъ правительственнаго начала въ областномъ управленіи. Они постепенно вытѣснили прежніе органы управленія, низвели ихъ на степень подчиненныхъ своей власти. Община было отстранена, воеводы сосредоточили постепенно въ своихъ рукахъ военную, административную, судебную и финансовую власть. Разница между Кавелинымъ и Чичеринымъ заключается въ томъ, что Чичеринъ выдвинулъ болѣе рельефно вотчинное начало. Онъ затѣмъ отмѣтилъ разницу въ управленіи до XVII вѣка и въ XVII вѣкѣ. Въ первомъ случаѣ управленіе носило частный, а во второмъ государствен-

ный характеръ. Чичеринъ - доктринеръ; цѣлью у него служитъ не постепенное усовершенствованіе и развитіе, а доктрина. Важное значеніе имѣетъ взглядъ Чичерина на русскую общину; извѣстный нѣмецкій изслѣдователь баронъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи, въ своихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ пришелъ къ двумъ результатамъ: 1| Сельская община въ Россіи есть община патріархальная или родовая, т.е. проистекшая отъ отношеній родственныхъ и сложившаяся по этому типу; 2| такая община составляетъ характеристическую особенность славянскаго племени. Второе положеніе опровергнуто Грановскимъ въ его статьѣ о германской общинѣ Грановскій доказалъ, что такая же община, съ нераздѣльнымъ владѣніемъ земли, была у германцевъ . Общинный бытъ составляетъ, по замѣчанію Чичерина, общую принадлежность племенъ въ перв. начальную эпоху ихъ развитія. Чичеринъ въ своей статьѣ "Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи," помѣщенной въ его сборникѣ, подъ названіемъ "Опыты по исторіи русскаго права," опровергаетъ первое положеніе Гакстгаузена. Современная русская община вовсе не находится въ связи съ древне-русской общиной, какъ полагаетъ Гакстгаузенъ. Уже варяжская дружина внесла въ русскую жизнь

новыя начала, совершенно противоположныя прежнимъ родственно-общиннымъ отношеніямъ. Вмѣсто прежней патріархальной общинной собственности является собственность князя и его дружины: община родовая превращается во владѣльческую и князья становятся осѣдлыми въ своихъ областяхъ, дѣлаются вотчинниками. Владѣльцами теперь становятся князья, ихъ слуги, - бояре, бывшіе дружинники; затѣмъ-монастыри. Черныя волости княжескія оставались свободными общинами, поселенными на черной землѣ, за пользованіе которою жители несли извѣстныя повинности въ пользу землевладѣльца. Участіе общины въ поземельномъ владѣніи ограничивалось лишь раздачею пустопорожнихъ участковъ вновь приходящимъ крестьянамъ. Вообще значеніе общины было чисто финансовое или скорѣе хозяйственное, ибо подати и повинности уплачивались князю въ качествѣ землевладѣльца. "Въ средневѣковой Россіи не было ни осѣдлости народонаселенія, ни принудительныхъ отношеній, ни передѣла земель. Каждый сидѣлся на отдѣльномъ участкѣ, которымъ владѣлъ вѣчно и потомственно, которымъ распоряжался по произволу. Не хотѣлъ онъ оставаться на мѣстѣ, - онъ сдавалъ свою землю другому или даже покидалъ ее въ пустѣ и шелъ туда, гдѣ жить было лучше." Новая об-

щина обязана своимъ появленіемъ центральному московскому правительству. Избираемые общинами на основаніи царскихъ граматъ и постановленій старосты и цѣловальники ограничили и даже вытѣснили во многихъ мѣстахъ власть намѣстниковъ и волостелей, соединили все управленіе въ своихъ рукахъ, благодаря чему они получили значеніе государственное. Впослѣдствіи общины были совершенно подавлены воеводской властью, такъ какъ выборное начало, данное Иваномъ Грознымъ общинамъ, не имѣло жизненности; каждый жилъ на своемъ участкѣ, населеніе жило весьма разрозненно. Нуждаясь въ административныхъ средствахъ, государство заставило служить однихъ и выполнять тяглыя, финансовыя обязанности другихъ. Съ этой цѣлью оно уничтожило право бояръ на отъѣзды и переѣзды, а крестьянъ прикрѣпило къ землѣ. "Теперь основою государства сдѣлался народъ. жители, гдѣ бы они ни сидѣли, получили постоянныя обязанности въ отношеніи къ царю, а земля, |бывшая въ средніе вѣка основою гражданскаго союза| стала играть второстепенную роль. Въ прежнее время на ней лежало тягло; поселенецъ платилъ свои подати и отправлялъ свои повинности съ земли, теперь же, когда народъ сдѣлался главною силою государства, тягло должно

было необходимо перейти на лицо. Посошная подать чрезъ подворную естественнымъ образомъ перешла |при Петрѣ| въ подушную. Въ самомъ дѣлѣ, земля въ то время была весьма плохимъ предметомъ для взиманія податей: ея было много и никто ею не дорожилъ; сегодня она обработывалась, а завтра покидалась въ пустѣ. При обширности страны и малочисленности населенія одинъ трудъ имѣлъ цѣну, и только въ немъ могло правительство найти постоянный и вѣрный источникъ дохода." Съ конца XVII вѣка съ законодательствомъ Ѳедора Алексѣевича и, въ особенности, Петра Великаго устанавливается отдѣленіе селъ отъ городовъ. Села почти всѣ стали крѣпостными, города же, напротивъ, были изъяты изъ владѣльческихъ рукъ; былъ дозволенъ переходъ посадскимъ людямъ, - если не въ другія службы, то въ другіе города; для торговыхъ людей земля не составляла необходимаго условія жизни, они несли тягло съ своихъ промысловъ и торговли, и не было никакой нужды запрещать отчужденіе земли за извѣстный оброкъ, платимый городу. "Это различіе было необходимымъ слѣдствіемъ новаго сословнаго значенія общины. Пока тягло лежало на землѣ, пока поземельное владѣніе составляло существенную основу гражданскихъ отношеній, до тѣхъ поръ не могло быть различія

между городомъ и селомъ. Но какъ скоро общины изъ поземельныхъ сдѣлались сословными, такъ начало обрисовываться различное значеніе городского сословія и сельскаго. Занятія перваго состоятъ въ добываніи денегъ посредствомъ капитала и труда, что требуетъ большей или меньшей подвижности и свободы въ дѣйствіяхъ. Занятія второго заключаются въ обработкѣ земли, а это требуетъ постоянной осѣдлости землепашцевъ. Съ другой стороны, обязанности сельскихъ жителей относятся прямо къ землевладѣльцу; онъ посредникъ между ними и государствомъ, тогда какъ для городскихъ жителей такого посредника нѣтъ.

Послѣ историческаго обзора русской общины Чичеринъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: наша сельская община вовсе не патріархальная, не родовая, а государственная. Она вовсе не похожа на общины другихъ славянскихъ племенъ, сохранившихъ первобытный свой характеръ среди историческаго движенія, имѣла свою исторію и развивалась по тѣмъ же началамъ, по которымъ развивался и весь общественный и государственный бытъ Россіи. Настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ съ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и изъ

разложенія податей на души. Статья Чичерина объ общинѣ вызвала сильную полемику и цѣлую литературу. Переходимъ къ третьему юристу-историку, занимающему видное мѣсто въ историко-юридической школѣ и положившему у насъ начало архивному дѣлу.

§ 19 НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАЛАЧЕВЪ

Библіографія:

Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета. М. 1855.

Востоковъ. Литературная дѣятельность Калачева |Историческій Вѣстникъ, 1887.|.

Н. В. Калачевъ родился въ 1819 году во Владимірской губерніи и происходилъ отъ Калачевыхъ, ведшихъ свой родъ отъ дьяка земскаго приказа XVI вѣка. Сначала онъ воспитывался дома и 12-ти лѣтъ отъ роду читалъ уже въ подлинникѣ и нѣмецкомъ переводѣ Тита Ливія. Въ университетѣ, куда онъ поступилъ въ 1836 году, онъ почувствовалъ особенную склонность къ историко-юридическимъ занятіямъ. По окончаніи университета онъ поступилъ на службу въ археографическую коммисію. Подъ наблюденіемъ предсѣдателя коммиссіи гр. С. С. Уварова |впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія| онъ научился читать древніе документы.

Такимъ образомъ, теоретическая работа надъ памятниками законодательства у него шла рука объ руку съ практическимъ самостоятельнымъ ознакомленіемъ съ новыми архивными матеріалами. Конечно, это было самое желательное, самое естественное сочетаніе: въ противномъ случаѣ изъ Н.В. Калачева выработался бы или односторонній архивистъ безъ широкаго юридическаго образованія, или же ученый теоретикъ-юристъ, не могущій расширить сферы своихъ наблюденій введеніемъ въ нее новыхъ документовъ, хранящихся въ нашихъ столичныхъ архивахъ. Это была важная эпоха въ жизни Н.В. Калачева: теперь изъ него вырабатывался будущій ученый архивистъ. Въ 1846 году онъ защищалъ въ московскомъ университетѣ магистерскую диссертацію "предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды", самую капитальную изъ своихъ работъ и тогда снова поступилъ чиновникомъ въ археографическую коммиссію съ прикомандированіемъ къ московскому архиву; здѣсь онъ имѣлъ возможность познакомиться со многими новыми матеріалами по русской исторіи, которые и доставлялъ въ Петербургъ. Въ 1848 году онъ былъ назначенъ въ московскій университетъ по каѳедрѣ исторіи русскаго законодательства на мѣсто вышедшаго тогда изъ университета К.Д. Ка-

велина. Въ 1852 г. ему было поручено изданіе "Дополненій къ актамъ юридическимъ" и вмѣстѣ съ съ тѣмъ онъ получилъ ученую командировку для отысканія исторических и юридическихъ матеріаловъ. Во время этой экспедиціи онъ собралъ много интересныхъ матеріаловъ. Вотъ свѣдѣнія объ этомъ путешествіи, почерпнутыя мною изъ оффиціальнаго отчета о дѣятельности археографической коммиссіи, изданнаго къ ея 25-ти лѣтію: въ 1853 и 1854 г. членъ Калачевъ совершилъ археографическое путешествіе по губерніямъ: Владимірской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Тамбровской, Тверской и Ярославской, гдѣ онъ осмотрѣлъ какъ архивы присутственныхъ мѣстъ, такъ и фамильные архивы нѣкоторыхъ помѣщиковъ и любителей отечественной старины. Особенное вниманіе обратилъ на себя архивъ полковника Головина въ Москвѣ: въ этомъ архивѣ множество актовъ XVI и XVII стол. Нѣкоторые дополняютъ свѣдѣнія о жизни князей Пожарскаго и Трубецкаго и Авраамія Палицына. Другіе документы того же архива, съ коихъ доставлены были г. Калачевымъ точные списки, относятся къ XIV - XV ст. По отзыву г. Бередникова, "эти акты рѣдчайшіе изъ рѣдкихъ". Такимъ образомъ, экспедиція Калачева была продолженіемъ знаменитой экспе

диціи Строева и Бередникова.

По всей вѣроятности тогда уже Н. В. Калачевъ убѣдился, какіе важные документы хранятся иногда въ нашихъ провинціальныхъ хранилищахъ и этимъ объясняются его постоянныя стремленія къ сохраненію памятниковъ старины въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества. Отсюда же выросла у него мысль объ устройствѣ провинціальныхъ архивовъ и ученыхъ архивныхъ коммиссій. Не будемъ останавливаться на его преподавательской дѣятельности, какъ профессора исторіи русскаго законодательства. Достаточно сказать, что въ преподаваніи своемъ онъ обращалъ главное вниманіе на внѣшнюю исторію права, занимаясь преимущественно обозрѣніемъ источниковъ, какъ матеріаловъ для русскаго права въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Ученая дѣятельность Н.В. Калачева началась нѣсколько ранѣе изданія имъ магистерской диссертаціи; но сразу выдвинула его только эта послѣдняя. Погодинъ называетъ ее " превосходнымъ, достопочтеннымъ, огромнымъ трудомъ"; важнѣйшее достоинство ея, по его словамъ, заключается въ въ самомъ добросовѣстномъ |не на словахъ только| изданіи текста Русской Правды по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, въ самомъ полномъ подборѣ всѣхъ

варіантовъ; въ слѣдующемъ году онъ издалъ изслѣдованіе "о хормчей книгѣ"; Николаю Васильевичу же принадлежитъ и лучшее изслѣдованіе "о судебникѣ царя Іоанна Васильевича", надъ которымъ онъ началъ работать еще въ бытность студентомъ и которое было издано въ Юрид. Зап. Рѣдькина. Кромѣ этихъ важнѣйшихъ работъ ему принадлежитъ множество рецензій на новыя книги по русской исторіи и исторіи русскаго права, написанныхъ частью по порученію академіи наукъ, а частью по собственной инициативѣ, а также цѣлый рядъ статей, относящихся къ архивамъ, этнографіи и обычному праву |напр., извѣстная статья объ артеляхъ, о государственномъ значеніи архивовъ и др.|. Но еще болѣе видное мѣсто занимаетъ издательская дѣятельность Н.В. Калачева. Въ этомъ отношеніи онъ былъ рѣшительно неутомимъ. Ему принадлежитъ лучшее изданіе Русской Правды; онъ же издалъ 4 тома "Архива Историческихъ и Юридическихъ свѣдѣній" |1859 - 1860|; вмѣстѣ съ тѣмъ подъ его редакціей вышелъ цѣлый рядъ изданій археографической коммиссіи, - акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи т. I, дополненія къ актамъ историческимъ |VII т.|. Въ послѣднее время онъ издавалъ одновременно "Сборникъ" основаннаго имъ въ Петербургѣ археологическаго инсти-

тута и "Вѣстникъ Археологіи", а вмѣстѣ съ тѣмъ подъ его редакціей вышелъ цѣлый рядъ изданій: Описаніе Московскаго Архива Министерства Юстиціи |вышло 4 тома|, внутренній бытъ русскаго государства въ царствованіе Іоанна Антоновича, продолженіе писцовыхъ книгъ, памятная юбилейная книжка. Будучи избранъ академикомъ Н.В. Калачевъ немедленно же рѣшился расширить издательскую дѣятельность нашей Академіи Наукъ: такъ, имъ предложены были къ печати протоколы боярской Московской Думы и матеріалы для исторіи заселенія окраинъ Россіи; часть этихъ послѣднихъ, относящаяся къ сторожевой станичной службѣ Московскаго государства на его окраинахъ, какъ мнѣ лично извѣстно, по его порученію, была уже извлечена изъ дѣлъ московскаго стола разряднаго архива. Но едва ли не самое важное значеніе имѣетъ дѣятельность Н.В.Калачева, какъ организатора архивнаго дѣла у насъ въ Россіи. Въ послѣднее время все то, что было связано съ судьбою архивовъ, дѣлалось или по иниціативѣ, или при содѣйствіи, или , наконецъ, съ согласія Н.В. И это званіе"архивиста" онъ носилъ не даромъ: нѣтъ другого человѣка въ Россіи, который былъ бы такъ преданъ этому дѣлу, обладалъ такою теоретическою и практическою подготовкой, духомъ широкой ини-

ціативы, необыкновенной личной энергіей и выдерж-
кой въ работѣ, умѣньемъ сгруппировать вокругъ
себя, или вѣрнѣе образовать подъ своимъ руковод-
ствомъ способныхъ исполнителей и, наконецъ,
общественнымъ положеніемъ и связями; всѣмъ этимъ
онъ очень умѣло пользовался для расширенія сво-
ихъ архивныхъ предпріятій. Въ теченіе многихъ
лѣтъ онъ былъ директоромъ самаго обширнаго изъ
нашихъ правительственныхъ архивовъ - архива ми-
нистерства юстиціи, имѣющаго большой штатъ слу-
жащихъ, получающаго значительное содержаніе отъ
казны. Нужно знать, какое громадное количество
разнообразныхъ документовъ содержитъ въ себѣ
этотъ архивъ, чтобы понять, какъ трудно разби-
раться въ нихъ, приводить ихъ въ порядокъ. До-
статочно сказать, что, кромѣ документовъ преж-
нихъ московскихъ учрежденій, туда постоянно при-
сылались и присылаются архивы судебныхъ упразд-
ненныхъ присутственныхъ мѣстъ почти со всѣхъ гу-
берній европейской и азіатской Россіи. Помѣще-
ніе архива оказалось тѣснымъ, и потому Н.В. ходатай-
ствовалъ у правительства сооруженія новаго громад-
наго хранилища на Дѣвичемъ полѣ. Это новое по-
мѣщеніе удовлетворяетъ всѣмъ современнымъ требо-
ваніямъ и построено по образцу заграничныхъ зда-
ній такого же рода. Для изученія архивнаго дѣ-

ла на западѣ Николай Васильевичъ предпринималъ спеціальное заграничное путешествіе и посѣтилъ архивы Германіи, Австріи, Франціи и Италіи; но заботы Н.В.Калачева объ архивѣ Министерства Юстиціи не ограничивались этимъ: онъ старался постоянно объ изданіи ученыхъ обозрѣній тѣхъ матеріаловъ, которые хранятся въ архивѣ; и дѣйствительно , въ настоящее время мы имѣемъ уже 4 тома описанія, или, вѣрнѣе сказать, обозрѣнія архивныхъ матеріаловъ, которые оказываютъ большую пользу желающимъ поработать въ архивѣ, особенно въ началѣ ихъ занятій. Самъ Николай Вас., несмотря на свои многочисленныя занятія, принималъ даже непосредственное участіе въ этихъ работахъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ , напр.,его статья объ одномъ изъ разрядовъ документовъ, хранящихся въ архивѣ, именно, о десятняхъ. Но Калачевъ ясно сознавалъ, что для упорядоченія архивнаго дѣла необходимо образовать у насъ, въ Россіи, ученыхъ архивистовъ, между тѣмъ у насъ не было ни одного такого заведенія, какъ напр. Парижское *Ecole des chartes*; это обстоятельство побудило его начать хлопоты, которыя и увѣнчались успѣхомъ: въ Петербургѣ былъ устроенъ имъ археологическій институтъ для приготовленія молодыхъ людей, получившихъ уже ранѣе

высшее образованіе, къ архивной дѣятельности. Институтъ этотъ получаетъ только незначительную казенную субсидію, а содержится , главнымъ образомъ, на пожертвованія и членскіе взносы разныхъ лицъ, сочувствующихъ архивному дѣлу. Н. В.Калачевъ обладалъ удивительною способностью извлекать добровольныя жертвованія на архивныя предпріятія изъ такихъ рукъ, изъ какихъ не удалось бы извлечь никому другому; не слѣдуетъ также при этомъ упускать изъ виду, и его вліятельнаго положенія въ обществѣ - въ качествѣ сенатора и академика; не всѣ жертвователи руководствовались исключительно ясно сознанными интересами науки; на иныхъ дѣйствовалъ его титулъ.

Такова была одна сторона въ предсмертной дѣятельности Н.В. Другая заключалась въ устройствѣ провинціальныхъ архивовъ и архивныхъ комиссій. Мы видѣли уже, что архивная дѣятельность Н.В. началась съ археографической экспедиціи по разнымъ нашимъ губерніямъ. Но и въ послѣдствіи онъ относился съ интересомъ къ архивному дѣлу въ провинціяхъ. Уже будучи удрученъ болѣзнью, онъ заботился объ описаніи и приведеніи въ порядокъ Оренбургскаго архива. Зная по опыту, сколько драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей старины уже погибло въ разныхъ углахъ Россіи,

онъ задумалъ устроить въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ архивы и архивныя комиссіи, которыя бы состояли изъ мѣстныхъ любителей старины, сохраняли и приводили въ извѣстность и описывали всевозможные памятники древности, а въ особенности архивные матеріалы. Такія комиссіи, по высочайшему повелѣнію отъ 13 апрѣля 1884 года, были основаны въ Твери, Тамбовѣ, Рязани и Орлѣ; въ послѣднее время стали открываться такіе архивы и комиссіи и въ другихъ мѣстахъ.

Не смогъ не обратить своего просвѣщеннаго вниманія Н.В. и на нашъ Харьковъ. Въ 1879 г. сюда П.С.Ефименкомъ былъ перевезенъ архивъ малороссійской коллегіи и поступилъ въ распоряженіе историко-филологическаго общества, состоящаго при университетѣ. Николай Вас. живо заинтересовался вновь народившимся въ Харьковѣ архивомъ и лѣтомъ прислалъ одного изъ слушателей своего института г.Регезина для его разборки. Потребныя для этого средства были даны имъ изъ суммы, пожертвованной въ его распоряженіе въ размѣрѣ 2000 р. г.Харитоненкомъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ имѣлъ намѣреніе устроить здѣсь архивную комиссію, о чемъ бесѣдовалъ съ однимъ изъ членовъ историко-филологическаго общества въ бытность свою въ Харьковѣ; онъ даже выра-

жалъ при этомъ надежду, что университетъ не останется безучастныхъ къ народившемуся въ его стѣнахъ новому учрежденію и, съ своей стороны, приметъ мѣры для дальнѣйшаго его развитія. Онъ искренно любилъ науку и былъ такимъ же пламеннымъ адептомъ ея въ старости, какъ и въ 40-хъ годахъ, въ началѣ своей дѣятельности. Въ августѣ 1885 г. доктора съ большими усиліями убѣдили его поѣхать за границу, чтобы отдохнуть тамъ отъ постояннаго умственнаго напряженія. И что-же? - онъ рвался оттуда въ Москву, въ свой архивъ. Не оправившись отъ своего недуга, онъ отправился въ Саратовъ открывать тамъ архивную Комиссію.

Закончу свой обзоръ выдержкой изъ статьи покойнаго Николая Васильевича, которая можетъ быть названа его завѣтомъ къ намъ : "и вотъ крылатая мечта, говорилъ онъ въ 1877 г., перенесетъ меня за нѣсколько десятилѣтій впередъ, когда уже въ разныхъ, наиболѣе людныхъ городахъ нашихъ губерній не только устроятся центральные историческіе архивы, но и будутъ завѣдывать ими служители науки, спеціально приготовленные къ своему дѣлу, когда, благодаря ихъ неусыпнымъ трудамъ, ихъ горячимъ розысканіямъ и примѣру и въ нынѣшнихъ глухихъ и, повидимому, непробуд-

ныхъ степяхъ появятся не только отдѣльные любители нашей прежней письменности и памятниковъ, но и возникнутъ цѣлыя провинціальныя общества - археологическія и историческія, когда составлены будутъ рукописямъ, собраннымъ въ этихъ хранилищахъ описи и указатели; и когда, наконецъ, любознательная молодежь, со свойственнымъ ей увлеченіемъ и жаромъ, будетъ неутомимо отыскивать здѣсь драгоцѣнныя, еще неизвѣстныя намъ, данныя для занесенія ихъ въ свои изслѣдованія:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу"

Умеръ Н.В.Калачевъ въ 1885 г. въ Саратовской губерніи въ своемъ имѣніи, отправившись открывать архивную комиссію въ г. Саратовѣ, т.е. за тѣмъ дѣломъ, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь. Это былъ неутомимый труженикъ, насадитель и покровитель архивнаго дѣла у насъ въ Россіи. Что сдѣлалъ покойный графъ А.С.Уваровъ для русской археологіи, то сдѣлалъ Николай Васильевичъ для архивнаго дѣла - для приведенія въ извѣстность и порядокъ архивныхъ матеріаловъ для ихъ изданія и объясненія. Этимъ, преимущественно, и опредѣляется его мѣсто въ исторіи русскаго права и русской исторіографіи. Документальное направленіе, археографическая школа

въ русской исторіи нашла въ немъ одного изъ важнѣйшихъ своихъ представителей. Современникъ Кавелина, Соловьева и Чичерина - онъ имѣетъ съ ними много общаго въ основныхъ взглядахъ на важнѣйшіе вопросы русской исторіи и права. Будучи юристомъ по образованію, Н.В.Калачевъ не заключился въ сферу спеціальныхъ юридическихъ вопросовъ и потому сочиненія его имѣютъ такое же значеніе для историка, какъ и для юриста.

§ 20 Изъ другихъ изслѣдователей юристовъ заслуживаютъ вниманія - Загоскинъ, Сергѣевичъ, Владимірскій -Будановъ и Хлѣбниковъ.

Библіографія:

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета Св. Владиміръ. Кіевъ 1884 г

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Полутомъ 23, стр.124, статья "Загоскинъ".

Профессоръ Казанскаго университета по исторіи русскаго права Н.П.Загоскинъ извѣстенъ своею монографіей: "исторія организаціи служилаго сословія" Здѣсь онъ затрогиваетъ важныя стороны внутренней русской исторіи. Еще болѣе значенія имѣетъ трудъ г.Загоскина: "Исторія права московскаго государства". I-й томъ посвященъ

характеристикѣ боярской думы московскаго государства. Боярская дума изучена г.Загоскинымъ съ юридической стороны. Она взята отдѣльно отъ того общества, среди котораго она выросла. Въ этомъ замѣчается сильное различіе его труда отъ труда Ключевскаго, посвященнаго тому же вопросу. Первый выпускъ 2-го тома посвященъ исторіи земскихъ соборовъ. Продолженія обѣщаннаго авторомъ, до сихъ поръ нѣтъ. Слѣдующіе выпуски должны были бы быть посвящены изученію исторіи московскихъ приказовъ. Какъ на попытку изученія вопроса о московскихъ приказахъ, можно указать на статью молодого казанскаго ученаго г.Лихачева, подъ заглавіемъ - "Разрядные дьяки XУI вѣка." Вопросомъ о происхожденіи нашихъ областныхъ учрежденій кромѣ Чичерина занимался еще и Градовскій. Его сочиненіе "Уѣздъ Московскаго Государства" на самомъ дѣлѣ есть исторія нашихъ областныхъ учрежденій XУI и XУII ст. и это сочиненіе можетъ быть поставлено рядомъ съ аналогичнымъ сочиненіемъ Чичерина. Профессоръ Одесскаго Университета г.Леонтовичъ, извѣстенъ своей исторіей задружно общиннаго быта древней Руси и статьями по исторіи литовско-русскаго права.

Профессоръ Петербургскаго Университета Сер-

гѣевичъ извѣстенъ своимъ трудомъ "Вѣче и князь", который представляетъ попытку опредѣлить важнѣйшія особенности древне-русскихъ юридическихъ отношеній до временъ Московскаго самодержавія Эта книга цѣликомъ вошла въ его курсъ: "Лекціи по исторіи русскаго права". Кромѣ того самостоятельно здѣсь разработанъ вопросъ объ Екатерининской комиссіи. Продолжателемъ его является г.Латкинъ, особенно въ своей докторской диссертаціи Исторія законодательной комиссіи|.Ему же принадлежитъ выдающееся изслѣдованіе о земскихъ-соборахъ въ древней Руси.

Профессоръ кіевскаго Университета Владимірскій-Будановъ извѣстенъ двумя трудами: - I| Хрестоматіей по исторіи русскаго права; въ трехъ выпускахъ этого труда собраны всѣ важнѣйшіе памятники древне-русскаго законодательства до Уложенія Алексѣя Михайловича; 2| другой капитальний трудъ его "Исторія русскаго права" - университетскія его лекціи Онъ менѣе обработанъ съ литературной стороны сравнительно съ подобнымъ же курсомъ Сергѣевича, но за то у него болѣе доказательствъ и цитатъ изъ памятниковъ, чѣмъ у Сергѣевича. Отъ Владимірскаго-Буданова можно ожидать пополненія пробѣла въ его исторіи русскаго права - исторіи литовско-русскаго права |съ

I3 по I7 вѣкъ|. По этому вопросу имѣется множество памятниковъ законодательнаго характера |Литовскіе статуты I529, I566 и I588 г.г.|.

Особнякомъ стоитъ среди изслѣдователей юристовъ профессоръ Варшавскаго, а потомъ Кіевскаго университета Хлѣбниковъ. Ему принадлежатъ сочиненія: "Общество и государство въ до-монгольскій періодъ" и "О вліяніи общества на государство въ царскій періодъ нашей исторіи". Эти два изслѣдованія являются общими сочиненіями по исторіи русскаго государственнаго права въ до-Петровскій періодъ нашей исторіи. Здѣсь мы найдемъ характеристику и исторію верховной власти, центральныхъ учрежденій и сословій; эти элементы русской исторіи являются у него необходимымъ фономъ, на которомъ разыгрывались частные историческіе эпизоды.

Хлѣбниковымъ можно закончить обозрѣніе историко-юридической школы, основанной Эверсомъ. Заслуги этой школы для русской исторіи весьма велики. Благодаря изслѣдованіямъ ея представителей, мы получаемъ понятіе о нашемъ государственномъ механизмѣ, нашихъ учрежденіяхъ, - въ ихъ статикѣ и динамикѣ. Но у нихъ вездѣ фигурируетъ государство. Общество, народъ у нихъ играетъ роль матеріала для этого государствен-

наго механизма, для его экспериментовъ. Народъ, какъ самостоятельная единица, имѣющая собственные интересы, въ историко-юридической школѣ отсутствуетъ; нѣтъ у нея также инородческаго элемента; не разсмотрѣна его роль въ созданіи государства и народности. Все это взяла на себя славянофильская школа. Для нашей цѣли будетъ достаточно, если мы разсмотримъ важнѣйшія мнѣнія славянофиловъ, писавшихъ по русской исторіи.

§ 21. СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ШКОЛА.

К.С. Аксаковъ, Ив.Дм.Бѣляевъ, Лешковъ и Кояловичъ.

Библіографія:

Венгеровъ. Критико-біографическій словарь. Самая обстоятельная біографія К.Аксакова.

Пальмовъ. Памяти Кояловича.

Къ литературной дѣятельности этихъ лицъ мы и обращаемся. Общая характеристика трудовъ этихъ ученыхъ уяснитъ намъ происхожденіе ихъ выводовъ. У славянофиловъ три основные тезиса: народность, самодержавіе и православіе; на нихъ, по ихъ мнѣнію, покоится зданіе русской исторіи. Эти элементы у нихъ являются органическими, а не случайными, всѣ три явленія одинаковое

составляютъ сущность русской исторической жизни, нельзя ни одного изъ нихъ вычеркнуть. Увлеченіе народностью въ 20-хъ и 30-хъ годахъ было противодѣйствіемъ западническому направленію зыразившемуся съ особенной силой въ московскомъ кружкѣ, основанномъ Станкевичемъ и извѣстномъ подъ именемъ кружка Станкевича; это западническое направленіе дошло до крайности въ лицѣ Бѣлинскаго и Грановскаго и вызвало реакцію въ членахъ того же кружка и, между прочимъ, въ Аксаковѣ, который сдѣлался лучшимъ выразителемъ и главою славянофильства. Громадное вліяніе на складъ славянофильскаго міровоззрѣнія Аксакова имѣли многія условія его личной жизни. Жизнь въ деревнѣ, среди условій деревенской природы, очень богатой въ той мѣстности, знакомство съ деревенскимъ бытомъ, идеализація народа привели К.Аксакова къ мысли о необходимости русской точки зрѣнія въ наукѣ, - заставили его выдвинуть народность въ русской исторіи. К.Аксаковъ замѣчаетъ что русскую исторію начали разрабатывать нѣмцы |Шлецеръ,Байеръ и др.|, которые не могли отрѣшиться отъ своихъ національныхъ предубѣжденій. Погодинъ, Соловьевъ пошли по стопамъ нѣмцевъ. Погодинъ шелъ по стопамъ Шлецера, Соловьевъ - по стопамъ Эверса |относительно внут-

ренняго быта русской исторіи|. Ни тотъ, ни другой не разрабатываетъ вопроса о народности. Это игнорированіе народа выросло изъ того, что послѣ Петровской реформы порвалась связь между высшимъ и низшимъ классами народа. Низшій классъ сохранилъ и до сихъ поръ до-Петровскія черты своей народности, а высшій слой оторвался отъ народной почвы и пошелъ по ложному пути, исказилъ черты своей народности. Такова интеллигенція нашего времени, замѣчаетъ Аксаковъ |т.е. 20-хъ, 30-хъ и 50-хъ годовъ|. Въ русской народности славянофилы открываютъ такія черты, какихъ не существуетъ у народовъ западныхъ, но они идутъ дальше констатированія этихъ особенностей русскаго народа: - русскимъ славянамъ судьба предоставила православную вѣру, а на западѣ всюду господствуетъ католицизмъ или отрицаніе его - протестантизмъ, и нужно сознаться, говорятъ славянофилы, что правда у насъ, а на западѣ ложь. Православіе полагаетъ единство церкви въ совокупности всѣхъ людей, одушевляемыхъ однимъ духомъ, католицизмъ - въ лицѣ одного человѣка |который исключается изъ общаго органическаго закона развитія, т.е. считается непогрѣшимымъ|, а протестантизмъ - въ лицѣ каждаго человѣка въ отдѣльности, т.е. каждый индивидуумъ составляетъ

церковь. Причина западной лжи та, что христіанство западное, водворившись на Римской почвѣ, подпало вліянію языческой древности, и католицизмъ явился отраженіемъ христіанства въ латинскомъ представленіи. Германскіе народы, принявшіе римское христіанство и римскую образованность, пріобщились тому же искаженію религіозныхъ понятій. Въ католицизмѣ удержалось понятіе о церкви, обрядахъ и догматахъ, но подъ вліяніемъ практическаго начала, преобладавшаго въ западномъ развитіи, это понятіе темнѣло и осуществилось въ формѣ государства. Идея единства церкви условила монархическое правленіе, характеръ вселенской церкви исказился до понятія о всемірномъ преобладаніи, пропаганда приняла характеръ завоевательнаго стремленія, а германскіе народы, внесшіе въ жизнь начало личной независимости, выказали протестъ. Въ католицизмѣ члены церкви были поставлены не въ церкви, а подъ ней, т.е. были подданные главы ея - папы, представлявшаго символъ церкви. Разницу между католицизмомъ и православіемъ развивали Ив.Кирѣевскій и А.С.Хомяковъ. Въ нашемъ русскомъ народѣ и исторіи существуетъ еще одна коренная черта, отличающая насъ отъ западныхъ государствъ - самодержавіе. На западѣ общество вмѣшивается въ

дѣла государства, что составляетъ громадный недостатокъ, по мнѣнію славянофиловъ. У насъ государство и народъ искони идутъ и развиваются, какъ двѣ независимыя и различныя силы и никогда не смѣшиваются. Государство приглашаетъ народъ для совѣщанія|вѣче|. Народъ,высказавши свои мнѣнія,опять уходитъ,оставляетъ государственныя дѣла.Такимъ образомъ,вмѣсто формальной правды на западѣ,вмѣсто договора между обществомъ и государствомъ,выказывающаго недовѣріе къ механической власти,-у насъ существуетъ внутренняя правда; наши вѣча не ограничивали верховной власти.

БІОГРАФІЯ И ХАРАКТЕРЪ УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ К.С.АКСАКОВА.

К.С.былъ старшій сынъ извѣстнаго литератора,Сергѣя Тимофеевича Аксакова. Онъ родился 29 марта 1817 года въ селѣ Аксаковѣ |оно же Багрово въ "Семейной Хроникѣ"|, Бугурусланскаго уѣзда, Оренбургской губеріи. "Здѣсь К.С. прожилъ до 9 лѣтъ, находясь въ постоянномъ общеніи съ багровскими крестьянами, которые, благодаря благодатнымъ климатическимъ условіямъ богатаго Оренбургскаго края, въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніи стояли выше забитаго крестьянства другихъ частей Россіи. И такъ какъ Констан-

тинъ Сергѣевичъ отличался необыкновенно раннимъ умственнымъ развитіемъ, то нѣтъ сосмнѣнія въ томъ, что, именно, идиллическія условія, среди которыхъ прошло дѣтство будущаго восторженнаго пропрвѣдника необходимости единенія интеллигенціи съ народомъ, и обусловили въ значительной степени оптимистическій взглядъ его на возможность этого единенія". Первымъ наставникомъ Константина Сергѣевича былъ его отецъ. Въ 1832 г. К.С. поступаетъ на словесный факультетъ Московскаго университета, который переживалъ критическій моментъ, переходную эпоху, когда начинался болѣе серьезное отношеніе къ наукѣ. Перемѣны произошли и въ профессурѣ, и въ студенчествѣ. "Студентъ изъ бурша превращается въ молодого человѣка, поглощеннаго высшими стремленіями. Прежніе патріархальные нравы, когда Московскіе студенты, главнымъ образомъ, занимались пьянствомъ, буйствомъ, задираніемъ прохожихъ, мало-по-малу начинаютъ отходить въ область преданій. Правда, еще въ годъ вступленія Аксакова въ Университетъ, студенты забавлялись тѣмъ, что устраивали нѣкоторымъ профессорамъ такія, напримѣръ, штуки: пронесутъ подъ полою воробья въ аудиторію и затѣмъ, когда профессоръ войдетъ въ пафосъ, выпустятъ его; воробей примется летать, а студенты, будто

внѣ себя отъ негодованія, съ шумомъ и гамомъ повскачутъ со скамеекъ и начинаютъ ловить по всей аудиторіи нарушителя порядка." Ко времени пребыванія въ университетѣ К.Аксакова относится "образованіе среди московскихъ студентовъ тѣсно сплоченныхъ кружковъ молодыхъ юношей, восторженныхъ и честныхъ, сходящихся затѣмъ, чтобы выяснить себѣ вопросы нравственные, философскіе, политическіе ." Ко времени К.С.образовалось два такихъ студенческихъ кружка, сплотившихся чрезъ нѣсколько лѣтъ въ одинъ "кружокъ Станкевича". "Въ тѣ годы |1833-1840|, когда К.Аксаковъ, находясь подъ неотразимымъ обаяніемъ высокой душевной красоты Станкевича и страстныхъ порывовъ къ свѣту Бѣлинскаго, шелъ рука объ руку съ людми, съ которыми впослѣдствіи вступилъ въ ожесточеннѣйшую борьбу, эти люди съ какимъ то, по истинѣ фанатическимъ увлеченіемъ,предались изученію нѣмецкой"философіи вообще и Гегеля въ частности". Толковали члены кружка о философіи Гегеля постоянно, проводили нѣсколько ночей иногда въ спорахъ о какомъ-нибудь вопросѣ. "Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи "перехватывающаго духа", принимали за обиды мнѣнія объ "абсолютной личности и ея по себѣ бытіи". Всѣ ничтож-

нѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ, въ нѣсколько дней." "Въ ряду этихъ энтузіастовъ гегеліанства одно изъ первыхъ мѣстъ по силѣ приверженности къ ученію берлинскаго философа занималъ К.Аксаковъ, страстная натура котораго не умѣла ничего дѣлать наполовину. Гегеліанство, впрочемъ, настолько прочно въ немъ засѣло, что еще долго послѣ того,какъ онъ совершенно разошелся съ друзьями, по кружку Станкевича и съ такимъ же пыломъ боролся съ ними, какъ нѣкогда шелъ за одно, онъ, все-таки, не могъ отдѣлаться отъ схемы творца діалектической философіи. Такъ, дальше мы увидимъ, что магистерская диссертація К.Аксакова, относящаяся къ 1846 году, т.е. къ тому времени, когда онъ уже былъ однимъ изъ передовыхъ застрѣльщиковъ славянофильства, является по основной задачѣ своей не болѣе, какъ иллюстраціей къ ученію Гегеля о смѣнѣ историческихъ эпохъ и наслоеній."

Отношенія кружка къ существующему порядку, взгляды на Россію, носившіе сначала положительный характеръ |такъ называемое правое гегеліанство, проповѣдующее, что "все существующее ра-

зумно"|, приняли потомъ, по словамъ самого Аксакова, "большею частью отрицательное" направленіе Со смертью Станкевича |около 1840 г.|, мягкая натура котораго уравновѣшивала противорѣчивыя стремленія членовъ кружка, скрытый оппозиціонный духъ этого кружка выходитъ наружу, и особенно рѣзко выразился въ Бѣлинскомъ, который отъ праваго гегеліанства круто поворачиваетъ въ противоположную сторону; съ отъѣздомъ его въ Петербургъ |1839 г |, Аксаковъ все болѣе и болѣе началъ сближаться съ Хомяковымъ, Кирѣевскими, Самаринымъ, "прежніе друзья обмѣнялись нѣсколькими рѣзкими письмами и на вѣки разстались: К.Аксаковъ пошелъ направо, Бѣлинскій - налѣво. У каждаго изъ нихъ при этомъ сердце кровью обливалось." Разрывъ между этими близкими друзьями былъ неизбѣженъ по самому характеру ихъ духовной натуры: оба они были фанатиками своихъ мнѣній и, при различіи пониманія вещей, должны были разойтись въ противоположныя стороны." "Я по натурѣ жидъ" - писалъ Бѣлинскій по поводу своей ссоры съ Аксаковымъ, подразумѣвая подъ этимъ словомъ человѣка съ исключительными симпатіями, которому ненавистно все не свое, который не выноситъ ни малѣйшаго компромисса съ "филистимлянами". По такимъ же жидомъ по натурѣ былъ и К.Аксаковъ.

Для него тоже не существовало истины вообще, онъ тоже понималъ только свою истину, только ту истину, которая окрашена въ любезный ему цвѣтъ; онъ тоже не понималъ какихъ бы то ни было компромиссовъ, уступокъ, соглашеній. И вотъ почему оба прежніе друга играютъ одни и тѣ же роли въ тѣхъ лагеряхъ, къ которымъ они окончательно примкнули послѣ разрыва. Съ тою же необузданностью, съ какою "неистовый Виссаріонъ" выступаетъ передовымъ бойцомъ западничества, К. Аксаковъ выступаетъ передовымъ застрѣльщикомъ славянофильства въ его наиболѣе крайнихъ проявленіяхъ". Жизнь К.С очень бѣдна внѣшними событіями, онъ не былъ присяжнымъ ученымъ; онъ весь былъ поглощенъ своими книжными занятіями и всю свою жизнь былъ въ высшей степени идеалистомъ. Вотъ какъ описываетъ его Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ: "К.Аксаковъ въ житейскомъ, практическомъ смыслѣ оставался до сорока съ лишнимъ лѣтъ, т.е до самой смерти своей, совершеннымъ ребенкомъ. Онъ беззаботно всю жизнь провелъ подъ домашнимъ кровомъ и приросъ къ нему, какъ улитка къ родной раковинѣ, не понимая возможности самостоятельной жизни, безъ подпоры семейства. Внѣ своихъ литературныхъ и ученыхъ занятій онъ не имѣлъ никакого общественнаго положенія Смерть отца

и происшедшая отъ этого перемѣна въ домашнемъ быту вдругъ сломила его несокрушимое здоровье. Онъ не могъ пережить этой потери и перемѣны и умеръ не только холостякомъ, даже дѣвственникомъ" При такомъ характерѣ жизни Аксакова, біографія его должна заключаться въ его литературныхъ и ученыхъ занятіяхъ. Его научно-литературная дѣятельность начинается еще на студенческой скамьѣ, и какъ прилично такому идеалисту - стихами. Затѣмъ онъ участвовалъ въ тѣхъ журналахъ, въ которыхъ и Бѣлинскій: въ "Телескопѣ", "Молвѣ", "Московскомъ Наблюдателѣ". Въ 1838 г. Аксаковъ поѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ всего 5 мѣсяцевъ, и возвратился обратно, вслѣдствіе полнаго неумѣнія жить самостоятельно. Эта поѣздка прошла для К.С.почти безслѣдно. Отъ нея сохранился разсказъ о томъ, какъ онъ во время пребыванія своего въ Берлинѣ въ первый и послѣдній разъ пытался сблизиться съ женщиной. И здѣсь онъ поступилъ, какъ крайній идеалистъ. На перекресткѣ одной изъ Берлинскихъ улицъ обратила на себя его вниманіе молоденькая продавщица цвѣтовъ. Миловидное личико нѣмочки показалось ему отраженіемъ столь же привлекательной души и началъ онъ каждый день приходить на перекрестокъ и покупать по букету, отваживаясь при этомъ сказать

продавщицѣ нѣсколько словъ о постороннихъ предметахъ. Продавщица ласково ему отвѣчала и между ними установилась извѣстная интимность. Ободренный молодой человѣкъ началъ все долѣе и долѣе простаивать у прилавка продавщицы, началъ приносить Шиллера и читать изъ него наиболѣе возвышенныя и трогающія душу мѣста. Нѣмочка внимательно слушала чтеніе и все болѣе и болѣе задумывалась во время него. Восхищенный Аксаковъ съ восторгомъ наблюдалъ это впечатлѣніе высокой поэзіи великаго поэта. Но вотъ, въ одно изъ посѣщеній цвѣточной лавочки продавщица ему прямо заявляетъ, что Шиллеръ-Шиллеромъ, а что онъ ей отбиваетъ покупателей, что объ его продолжительныхъ посѣщеніяхъ много говорятъ сосѣди и что если онъ хочетъ продолжать знакомство, то ей было бы желательно, получить отъ него что-нибудь посущественнѣе стиховъ, за что, въ свою очередь, она, не требуя отъ него наложенія на себя брачныхъ узъ, готова всецѣло отдаться въ его распоряженіе. Въ ужасѣ слушалъ эти рѣчи упавшій съ неба прямо въ лужу идеалистъ и въ ужасѣ бѣжалъ изъ цвѣточной лавочки, и когда впослѣдствіи пріятели, узнавши отъ него въ минуту откровенности всю исторію пробовали дразнить его ею, лицо Аксакова перекашивалось отъ внутренняго страданія." Въ 1847 г.

Аксаковъ защищалъ диссертацію о Ломоносовѣ, которая при печатаніи была, однако, сильно урѣзана цензурой. Въ то время, въ 1848-1855 годахъ, цензура отличалась сильными придирками, доходившими часто до смѣшного. Причиной этому были тогдашнія событія въ Западной Европѣ |1848 г.|. Цензурныя строгости долго преслѣдовали и Аксакова. "Желая слиться съ народомъ не только духовно, но и наружно, К.Аксаковъ рѣшилъ, что ему слѣдуетъ принять внѣшній народный обликъ. Для этого онъ одѣлъ на голову мурмолку, нарядился въ рубашку съ косымъ воротомъ и отпустилъ бороду. Въ послѣднемъ до 1848 г. ничего предосудительнаго не видѣли, но почти съ первыми же вѣстями о февральскихъ, мартовскихъ и проч. революціонныхъ событіяхъ началось у насъ гоненіе на бороду. Обильная растительность на головѣ, большая борода и длинные волосы были очень модны въ 1848 году въ прогрессивныхъ и революціонныхъ сферахъ Европы. И вотъ, благодаря этому, ношеніе бороды воспрещается. Въ числѣ многихъ другихъ К. Аксакову чрезъ полицію было приказано, чтобы онъ сбрилъ бороду. Въ 1852 г. былъ возобновленъ "Московскій Сборникъ", который издавался славянофилами. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Ширинскій-Шахматовъ счелъ направле-

ніе сборника предосудительнымъ и находилъ, что "хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное; иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и вмѣсто пользы принести существенный вредъ". Это замѣчаніе было сдѣлано по поводу I-го тома, а второй томъ сборника былъ цѣликомъ запрещенъ. Московскій Цензурный Комитетъ находилъ, что К. Аксаковъ "подобно Хомякову старается отыскивать въ сказкахъ и пѣсняхъ признаки того же, небывалаго въ Россіи, общиннаго порядка дѣлъ. Но кромѣ того, К.Аксаковъ указываетъ на мѣста, гдѣ Соловей-разбойникъ называетъ великаго князя воромъ богатырь Тугаринъ Змѣевичъ цѣлуетъ великую княгиню въ уста сахарныя, а Алеша Поповичъ чуть не назвалъ ее сукою." Сборникъ этотъ, по объясненію цензора издателю былъ запрещенъ не столько за то, что въ немъ сказано, сколько за то, что умолчано. Затѣмъ всѣ сотрудники сборника вмѣстѣ съ К.Аксаковымъ были отданы подъ полицейскій надзоръ, - фактъ любопытный не только для характеристики того времени, но и спеціально для исторіи славянофильства. Онъ показываетъ, что въ первое десятилѣтіе своего существованія сла-

вянофильство еще настолько мало опредѣлило практическій характеръ своей доктрины, настолько мало заявило себя на поприщѣ фактической поддержки основъ русской жизни, что вѣдомтова, наблюдавшія за образомъ мыслей, не могли отличить благонамѣреннаго народничанья отъ оппозиціоннаго демократизма.* Въ 1859 году умеръ отецъ Константина Сергѣевича, Сергѣй Тимофеевичъ. К.С.не перенесъ этой смерти, впалъ въ злѣйшую чахотку и сухотку, безъ всякихъ физическихъ поводовъ къ тому, началъ медленно умирать и умеръ буквально отъ тоски. Это тѣмъ болѣе поразительно, что К.С. былъ атлетическаго сложенія и крѣпкаго здоровья, за что былъ прозванъ однимъ тогдашнимъ медикомъ"печенѣгомъ". Наконецъ К.С.скончался 7 декабря 1860 года вдали отъ родины, на греческомъ островѣ Зантѣ. Сохранился разсказъ о томъ, какъ его исповѣдывалъ передъ смертью одинъ греческій священникъ за неимѣніемъ русскаго. Поклонникъ К.С. г.Вицынъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ|"Рус.Архивъ" 1885 г. № 3| говоритъ: "грекъ, призванный къ умирающему и спѣшившій по просту справить требу,былъ изумленъ исповѣдью, причащеніемъ и кончиной столь необыкновеннаго человѣка. Самымъ простодушнымъ образомъ выразилъ онъ свое удивленіе и недоумѣніе; онъ просилъ нельзя

ли ему повидать всѣхъ близкихъ этого человѣка и главное, мать покойнаго. Ему хотѣлось ей передать и если не придется лично, то грекъ просилъ ей передать отъ него - праведникъ скончался; еще не видывалъ исповѣдникъ примѣровъ такой вѣры на землѣ. Онъ не прекращалъ своихъ разспросовъ: да кто же это былъ? кто умеръ передъ нимъ? - Ему отвѣчали, что это былъ К.С.Аксаковъ И что же можно было сказать больше этого?

Сочиненія К. С., изданныя его братомъ Иваномъ Сергѣевичемъ, предположены были издателемъ быть раздѣленными на 6 томовъ, изъ которыхъ въ I-й томъ вошли историческія сочиненія Константина Сергѣевича, состоящія изъ отдѣльныхъ статей, рецензій и т.д. Въ статьѣ"объ основныхъ началахъ Русской исторіи" К.С. говоритъ, что европейскія государства основаны на завоеваніи, власть насильственно утвердилась у покоренныхъ народовъ. "Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а добровольнымъ призваніемъ власти. Поэтому не вражда, а миръ и согласіе есть его начало. Власть явилась у насъ желанною, не враждебною, но защитною и утвердилась съ согласія народнаго". "Такимъ образомъ,рабское чувство покореннаго легло въ основаніе западнаго государства; свободное чув

ство разумно и добровольно призвавшаго власть легло въ основаніе государства русскаго. Рабъ бунтуетъ противъ власти, имъ не понимаемой, безъ воли его на него наложенной, и его не понимающей. Человѣкъ свободный не бунтуетъ противъ власти, имъ понятой и добровольно призванной." Такимъ образомъ, на западѣ всюду вражда, насиліе, рабство, а у насъ свобода, миръ, - въ чемъ заключается коренное различіе между Русью и западными государствами. Но еще сильнѣе стало это различіе, когда присоединился сюда вопросъ вѣры." Благодать сошла на Русь. Православная вѣра была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. Страшно въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣніе; но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заслугамъ дался и истинный, дался и ложный путь вѣры, - первый-Руси, второй - Западу." Между народомъ и властью, основанной на добровольномъ соглашеніи, должна быть полная довѣренность; гарантіи не должно быть, гарантія есть зло, по выраженію Аксакова. Свобода народная выражалась сначала въ вѣчѣ, а потомъ эти вѣча замѣнилъ Земскій Соборъ или Дума, гдѣ спрашивали мнѣнія выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю". Съ тою же довѣренностью, безъ

всякихъ гарантій, какъ было при началѣ исторіи русскій народъ въ смутное время передалъ власть избранному всей землей, Михаилу Ѳеодоровичу. Въ статьѣ своей "О русской исторіи" Константинъ Сергѣевичъ проводитъ различіе между исторіей Россіи и Запада. "Русская исторія, въ сравненіи съ исторіей запада Европы, отличается такою простотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣка, привыкшаго къ театральнымъ выходкамъ"..."вы не встрѣтите въ ней |въ русской исторіи ни одной этой красивой лжи, которая заставляетъ человѣка любоваться собою въ своемъ собственномъ порывѣ, говорить фразы, щеголять нарядомъ тѣла и души. Въ русскомъ мірѣ нѣтъ ничего гордаго, ничего блестящаго, ни единаго эффекта, - все просто. Словр скупо; вы встрѣтите его столько, сколько нужно для дѣла, скорѣе даже менѣе, чѣмъ нужно для дѣла. Совершаются великія дѣла безъ щегольства и хвастливости."..."Но русскій народъ не впалъ и въ другую гордость, гордость смиренія, въ гордость вѣрою, т.е. онъ не возгордился тѣмъ, что имѣетъ вѣру. Нѣтъ, это народъ христіанскій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, постоянно чувствующій свою грѣховность. Исторія русскаго народъ есть единственная во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не только по испо-

вѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ по стремленію своей жизни." Но вотъ происходитъ переворотъ въ русской исторіи - при Петрѣ. Петръ хотѣлъ оторвать Русь отъ народныхъ основъ и пустить ее по ложному пути Запада. "Петръ подчинилъ Россію вліянію Запада, всѣмъ извѣстное подражаніе западу доходило до неистовства. Отъ запада Россія принимала все, начиная отъ началъ, до результатовъ, отъ образа мыслей до языка и покроя платья |исторически всегда начиная съ послѣднихъ и доходя до первыхъ|. Горькое, горькое явленіе! Бѣдственное и унизительное! но - благодареніе Богу - не вся Россія, а только часть пошла этимъ путемъ." Аксакову принадлежатъ еще статьи по поводу I, VI, VII и VIII тома по исторіи Соловьева и другихъ статей и сочиненій по русской исторіи. Статья его: "О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности" содержитъ въ себѣ главные выводы славянофильской школы объ общинномъ бытѣ въ русской исторіи. Здѣсь, въ этой статьѣ, Константинъ Сергѣевичъ говоритъ, что первые начали объяснять русскую исторію нѣмцы, толковавшія явленія русской исторіи съ своей исключительной точки зрѣнія; ихъ выводы односторонни. Соловьевъ со своими послѣдователями, при всемъ своемъ желаніи

самостоятельнаго пониманія русской исторіи, былъ все-таки послѣдователемъ нѣмца Эверса |по поводу выхода I-го тома исторіи Соловьева К.С. опровергаетъ его теорію о родовомъ бытѣ|. Аксаковъ доказываетъ, что не родъ, а семья была основой быта славянъ. Онъ говоритъ, что родъ есть безспорно первая ступень общества, но такое естественное, первоначальное состояніе людей не есть бытъ; его исторія не помнитъ. Затѣмъ, приводя древнѣйшія извѣстія о славянахъ, К.С. приходитъ къ заключенію, что у славянъ издавна существовалъ общинный бытъ. Извѣстное сказаніе чешское "о судѣ Любуши", приводимое Соловьевымъ въ подтвержденіе теоріи родового быта, скорѣе можетъ служить доказательствомъ общиннаго быта и семейнаго начала. Затѣмъ, К.С. доказываетъ существованіе въ древней Руси семьи и общины на основаніи извѣстій лѣтописи и Русской Правды. Кромѣ того, въ современной терминологіи степени родства мы видимъ доказательство въ пользу семьи , а не рода. К.С. говоритъ: "русскій народъ, такъ богато обставившій словами всѣ отношенія семейныя |деверь, золовка, невѣстка, шуринъ и пр.|, не имѣетъ слова для grand oncle или petit neveu . Здѣсь, какъ видно, для него уже кончались предѣлы родства. Въ

сто cousin народъ употребляетъ составное слово - братъ двоюродный , т.е. двухъ родовъ. Чтобы опредѣлить односемейнаго брата, говоритъ онъ - братъ родной; это было бы очень недостаточно, если бы слово родной имѣло общее значеніе рода; очевидно, что это значитъ: братъ семьи, т.е. одной семьи |одного рода|. Это объясняется выраженіемъ: братъ двоюродный, братъ двухъ родовъ, двухъ семей". Наконецъ, К.С. приходитъ къ заключенію , что "русская земля есть изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная |именно общинная земля."

Теоретическія воззрѣнія Аксакова отразились на характерѣ его изслѣдованій; онъ подбираетъ въ источникахъ тѣ мѣста, которыя подходятъ къ его теоріи. Напримѣръ, едва-ли справедливо Аксаковъ утверждаетъ, что въ Новгородѣ было монархическое начало. Затѣмъ, едва ли справедливо также, что на западѣ всюду борьба, насиліе, а у насъ миръ, согласіе: достаточно для этого указать на удѣльный періодъ; достаточно вспомнить нѣкоторые факты изъ исторіи Новгородскаго вѣча, чтобы не согласиться съ трогательнымъ единодушіемъ между вѣчемъ и княземъ, о которомъ проповѣдуетъ Аксаковъ. Нѣкоторыя мысли Константина Сергѣевича

въ смыслѣ основного взгляда на русскую исторію заслуживаютъ вниманія. Благодаря ему было обращено вниманіе на русскую народность, на ея особенности, данъ толчекъ изученію русской этнографіи и теперь мы имѣемъ много цѣннаго матеріала для изученія русскаго народа. Взгляды К.С. на общинный бытъ представляютъ весьма существенное значеніе и опровергаютъ взгляды Эверса и родовой школы.

ИВАНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ БѢЛЯЕВЪ.

К.Аксаковъ не былъ присяжнымъ ученымъ, былъ простымъ любителемъ науки. Бѣляевъ былъ профессоромъ русскаго законодательства въ Московскомъ университетѣ и, кромѣ того, секретаремъ въ Московскомъ Историческомъ обществѣ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить его сочиненія: "Лекціи по исторіи русскаго законодательства", и „Разсказы изъ русской исторіи" въ 4-хъ книгахъ: I| Русская исторія отъ призванія князей до монгольскаго ига, 2|"Исторія Новгорода Великаго отъ древнѣйшихъ временъ до паденія"; 3| Историческій очеркъ Пскова и 4| Историческій очеркъ полоцкаго княжества. Бѣляевъ старается излагать русскую исторію по областному методу, обращаетъ особенное вниманіе на внутреннее состояніе на-

рода. Напримѣръ, первая книга его состоитъ изъ II разсказовъ, изъ которыхъ 5 посвящены исторіи князей, а шесть внутренней исторіи русской земли. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе его взглядъ на первоначальное разселеніе русскихъ славянъ. Они двигались съ Дуная на сѣверъ и это не было завоеваніемъ, а только мирнымъ движеніемъ колонизаціи, такъ какъ они двигались не всѣ вдругъ а небольшими партіями и въ различное время, слѣдовательно могли поселяться на новой землѣ только съ согласія старожиловъ. Положеніе славянъ въ чужой странѣ было ненадежно, туземцы неодобрительно смотрѣли на новыхъ сосѣдей. Благодаря такому шаткому положенію, славяне "могли селиться не иначе, какъ укрѣпленными городами, составляя союзы и общины, въ которые дозволялось поступать всякому, и чужеродцу, лишь бы кто самъ пожелалъ вступить въ общину и защищать ее вмѣстѣ съ другими членами общины; такимъ только образомъ, при такихъ условіяхъ общинной жизни славяне могли занять и ославянить ту обширную страну, которая теперь называется Россіей." Раньше другихъ почувствовали необходимость въ общинной и городской жизни Уличи и Тиверцы; Новгородъ тоже имѣлъ общинное устройство; "въ самомъ Новгородѣ каждая улица, каждый конецъ со-

ставляли самостоятельную общину съ своимъ управленіемъ, съ своими общинными уличанскими или кончанскими старостами, а цѣлый городъ былъ союзомъ частныхъ общинъ, управляемыхъ народнымъ вѣчемъ и выборными начальниками." Улица въ Новгородѣ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бѣляевъ, не была мертвымъ рядомъ дворовъ, вытянутыхъ въ линію, а также, какъ и конецъ, составляла живую общину, члены которой составляли плотный союзъ, связанный и бытовыми, и нравственными интересами, и при томъ такой союзъ, который имѣлъ юридическое значеніе, признанное за нимъ закономъ." Отъ Новгородскаго вѣча зависѣли всѣ пригороды обширныхъ владѣній Новгорода. Въ связи съ общиннымъ бытомъ авторъ разсматриваетъ и колонизацію новгородской вольницы; громадное значеніе въ дѣлѣ колонизаціи имѣлъ здѣсь обычай такъ называемаго повольничества. Разсказы о политическомъ бытѣ древней Руси написаны очень популярно, но болѣе интереса представляютъ разсказы о внутреннемъ бытѣ. Здѣсь взгляды Бѣляева до нѣкоторой степени подходятъ къ взглядамъ К.Аксакова. Княжеская власть въ первыя времена русской исторіи, а вмѣстѣ съ ней и дружина, ея орудіе, рѣзко отдѣлялась отъ земщины, имѣла свое собственное устройство Внутреннее управле-

ніе земщины послѣ призванія Рюриковичей нисколько не измѣнилось; у нѣкоторыхъ племенъ остались даже свои прежніе князья, ставшіе подручниками Рюриковичей. Въ дальнѣйшемъ ходѣ русской исторіи были случаи болѣе или менѣе тѣснаго сближенія земщины съ княжеской властью, и это сближеніе удавалось тѣмъ легче, чѣмъ осѣдлѣе была какая нибудь княжеская линія въ извѣстномъ мѣстѣ. "Но большее или меньшее сближеніе князя съ земщиной, говоритъ Бѣляевъ, нисколько не развивало княжеской власти; въ этомъ отношеніи внуки и правнуки Ярослава не опередили своихъ отцовъ, княжеская власть и при нихъ продолжала лежать, какъ бы на поверхности русскаго общества и не проникала вглубь. Затѣмъ Бѣляевъ подробно анализируетъ состояніе русскаго общества временъ Русской Правды. Большое значеніе въ уголовномъ правѣ того времени имѣли такъ называемыя верви. Объ устройствѣ и значеніи ихъ Бѣляевъ говоритъ: "Изъ закона о верви, внесеннаго въ тогдашнюю | т.е. до Владиміра Мономаха | Русскую Правду, ясно видно, что въ то время, какъ и прежде, русская земля, кромѣ дѣленія на города и пригороды, погосты и села, еще дѣлилась на общества, носившія названіе вервей. Общества сіи были добровольныя, не зависѣвшія ни отъ мѣс-

тожительства, ни отъ подчиненія той или другой власти, въ вервь каждый могъ вступать или не вступать, по своему усмотрѣнію, безъ всякихъ принужденій; такъ что въ одномъ и томъ же городѣ или селеніи жили рядомъ и тѣ, которые были членами верви, и тѣ, которые не были членами верви; членомъ верви считался тотъ, кто вложился въ вервь; кто обязался каждогодно платить въ общій капиталъ верви извѣстную сумму денегъ по общинной раскладкѣ и до тѣхъ поръ былъ членомъ верви, пока платилъ сумму, слѣдующую съ него, и какъ скоро переставалъ платить, то вслѣдъ затѣмъ исключался изъ верви. Вервью называлось собственно общество, въ которомъ всѣ члены были другъ по другѣ въ круговой порукѣ въ дѣлахъ по убійствамъ и кражамъ; такъ что если которому члену верви за учиненное имъ убійство приходилось платить закономъ положенную пеню или виру, то за него по раскладкѣ платили всѣ члены, состоящіе въ одной съ нимъ верви." Такимъ же характеромъ отличаются изслѣдованія Бѣляева по исторіи Новгорода Великаго и Пскова; и здѣсь онъ болѣе обращаетъ вниманія на внутренній бытъ народа. Слабѣе другихъ его четвертый томъ "разсказовъ". Здѣсь мы видимъ смѣшеніе литовскихъ формъ быта съ полоцкими; литовскія уч-

рожденія въ Полоцкѣ авторъ ошибочно причисляетъ къ русскимъ. Другой его трудъ "Лекціи по исторіи русскаго законодательства" отличается двумя особенностями: 1| Бѣляевъ здѣсь говоритъ, что исторія русскаго законодательства непонятна безъ исторіи русскаго общества. 2| въ исторіи законодательства онъ старается отмѣтить русскія черты и прослѣдить вліяніе иностранцевъ. Важное мѣсто занимаетъ его замѣчательное изслѣдованіе: "Крестьяне на Руси". Этотъ трудъ среди нѣмецкихъ критиковъ встрѣтилъ нареканія, но онъ тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ представляетъ единственную попытку систематическаго изложенія исторіи русскаго крестьянства по памятникамъ русскаго законодательства. Наконецъ, ему принадлежитъ рядъ статей въ журналахъ |между прочимъ во Временникѣ и въ Чтеніяхъ Московскаго Общества, издаваемыхъ подъ его редакціей|. "О русскихъ лѣтописяхъ", "О поземельномъ владѣніи въ московской Руси", "О станичной службѣ на окраинахъ русскаго государства", "О географическихъ свѣдѣніяхъ древней Руси XУ в.", "О земледѣліи", "О дружинѣ и земщинѣ", "О служилыхъ людяхъ московскаго государства" и "О русскомъ войскѣ".

ЛЕШКОВЪ - третій представитель славянофильства, чистый юристъ, профессоръ Московскаго Уни-

верситета. Ему принадлежитъ трудъ "Русскій народъ и государство", обладающій въ значительной степени философскимъ характеромъ. Лешковъ, подобно другимъ славянофиламъ отдѣляетъ народъ и государство; онъ говоритъ, что русской народности присуща одна идея, отличающая ее отъ западно-европейскихъ, - это идея общинности. Но идея эта можетъ быть развита только русскимъ человѣкомъ, путемъ изученія русскихъ памятниковъ. Эта общинность проявляется во всемъ ходѣ русской исторіи. Въ древнемъ періодѣ - въ формѣ вѣча, впослѣдствіи - въ формѣ земскихъ соборовъ, и наконецъ въ самое послѣднее время - въ общинномъ землевладѣніи. Въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи идея общинности возникла потому, что русскимъ славянамъ, пришедшимъ съ Дуная цѣлымъ народомъ, приходилось употреблять общія усилія въ дѣлѣ защиты, коллективнымъ трудомъ обрабатывать землю. Затѣмъ Лешковъ слѣдитъ за исторіей русской поземельной общины, въ послѣдующіе періоды: во времена Русской Правды, монгольскаго ига; особенно тщательнымъ фактическимъ анализомъ отличаются его изслѣдованія о поземельной общинѣ въ періодъ московскаго государства |по писцовымъ книгамъ|, система налоговъ, характеръ поземельной собственности прекрасно выяснены

здѣсь Лешковымъ.

КОЯЛОВИЧЪ - профессоръ С.Петербургской Духовной Академіи, написалъ "Исторію русскаго самосознанія" или вѣрнѣе - исторію русской исторіи, русскую историографію. Коялович прямо заявляетъ въ своемъ введеніи, что онъ ярый поборникъ субъективной школы въ русской исторіи и по этому у него все проникнуто тенденціозностью. Онъ сильно защищаетъ славянофильскія воззрѣнія и съ точки зрѣнія ихъ оцѣниваетъ мнѣнія другихъ ученыхъ. Вообще этимъ сочиненіемъ нужно пользоваться очень осторожно. Другія его работы: I| Литовская церковная Унія и 2| Лекціи по исторіи Западной Руси.

На рубежѣ народническаго славянофильства и географическо-этнографическаго направленія стоитъ Афанасій Прокофьевичъ ЩАПОВЪ.

Библіографія: Аристовъ А.П.Щаповъ СПБ. 1883.
Козьминъ. А.П.Щаповъ. Его жизнь и дѣятельность. Иркутскъ 1902 г.

Ученая дѣятельность Щапова тѣсно связана съ его личностью и потому необходимо познакомиться съ его біографіей.

Афанасій Прокофьевичъ былъ родомъ сибирякъ. Отецъ его былъ дьячкомъ села Анги за Байкаломъ Иркутской г. и женился на простой крестьянской

дѣвицѣ буряткѣ. Афанасій Прокофьевичъ родился въ 1830 г. и раннее дѣтство провелъ въ сельской избушкѣ, среди крестьянскихъ мальчиковъ, такъ сказать, на лонѣ природы. На девятомъ году онъ поступилъ въ Иркутскую бурсу. Обстановка бурсы и условія жизни въ ней были самыя тяжелыя. "Помѣщенія въ училищѣ, говоритъ Аристовъ, были тѣсныя и сырыя, полы грязные и проѣденные во многихъ мѣстахъ крысами, воздухъ гнилой, отопленія почти совсѣмъ не полагалось даже въ зимнее время. Пища была самая грубая и въ малыхъ дозахъ, такъ что мальчики по утрамъ мелкіе ломтики чернаго хлѣба вырывали изъ рукъ другъ друга: такую ничтожную порцію выдавали на каждаго". Учебная часть въ школѣ также была обставлена очень дурно. Въ 1846 году Щаповъ перешелъ лучшимъ ученикомъ въ семинарію, а по окончаніи въ ней курса, онъ въ числѣ лучшихъ учениковъ посланъ былъ на казенный счетъ въ 1852 г. въ Казанскую Духовную Академію. Преподаваніе въ этой Академіи отличалось въ то время схоластическимъ характеромъ, свѣтскихъ сочиненій | ушкина, Гоголя и т п. |, а тѣмъ болѣе журналовъ читать не позволялось и вообще господствовалъ гнетъ со стороны начальства и робость, приниженность среди студентовъ. Но Щаповъ съ самаго начала

рѣзко выдвинулся своею беззавѣтной откровенностью: что было у него на умѣ, то и на языкѣ, и всегда, и передъ кѣмъ угодно; его рѣчь отличалась прямотой, поведеніе было просто, искренно и откровенность доходила до наивности, какъ у ребенка. Вслѣдствіе духовной чистоты своей онъ не понималъ, что такое интрига, скрытность, лицемѣріе; онъ даже не былъ чувствителенъ къ насмѣшкѣ, чего такъ боится молодежь". А.П. былъ очень преданъ занятіямъ и съ особенной страстью занимался исторіей, всѣ изумлялись его усидчивости; онъ не выходилъ подолгу даже на улицу, не принималъ участія въ играхъ товарищей; Часовъ по 17 въ сутки проводилъ онъ за конторкой такъ что отъ его сапогъ образовались углубленія на полу; студенты водили другъ друга смотрѣть на это диво и углубленія прозвали ямами новаго столпника, блаженнаго Аѳанасія." На младшемъ курсѣ Щаповъ слушалъ монгольско-калмыцкій языкъ и буддійское вѣроученіе у своего земляка и тоже бурята по происхожденію, проф.Бобровникова, автора знаменитой монгольской грамматики. Было нѣсколько и другихъ лучшихъ ученыхъ силъ; напримѣръ, въ то время русскую словесность читалъ извѣстный Порфирьевъ. Вообще Академія благотворно повліяла на научныя занятія Щапова и да-

ла ему большія средства къ самодѣятельности. Къ тому времени была переведена въ Казанскую академію Соловецкая библіотека изъ Петербурга, куда она была прислана изъ Соловецкаго монастыря во время осады его англичанами. Студентамъ было поручено описать эту библіотеку, и они съ жаромъ знакомились съ ея многочисленными рукописями. На основаніи этихъ рукописей Щаповъ писалъ статьи, помѣщавшіеся въ "Православномъ Собесѣдникѣ", который издавали при академіи. Особенное вниманіе обращалъ Щаповъ на изученіе раскола; его диссертація была посвящена этому вопросу и называется "Русскій расколъ старообрядства". Онъ симпатически относился къ крестьянству. "Горячее сочувствіе къ русской народности, преслѣдованіе отечественныхъ интересовъ и всестороннее изученіе родной старины, проповѣдываемыя славянофилами, окончательно утвердили Щапова на избранномъ пути изученія своеобразнаго міра русскаго народнаго духа и жизни. Въ годъ его окончанія курса стала выходить "Русская Бесѣда" и др. московскія изданія. Особенно въ эти годы онъ увлекался славянофильскимъ ученіемъ и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что выходило изъ ихъ круга". По окончаніи курса въ академіи Щаповъ былъ оставленъ при ней баккалавромъ. Вскорѣ послѣ этого

онъ началъ предаваться тому пороку, который погубилъ его впослѣдствіи, именно пьянству. Нужно замѣтить, что во время студенчества Щаповъ жилъ совершеннымъ аскетомъ и видѣть не могъ вина. Происшедшая перемѣна была тѣмъ гибельнѣе для него, что онъ съ крайнимъ пренебреженіемъ относился къ обстановкѣ, къ самому себѣ, къ практической, житейской мудрости и былъ очень не разсчетливъ. Неаккуратно онъ посѣщалъ лекціи въ академіи; одну лекцію тщательно обработаетъ, а другую составитъ на живую нитку. "Иногда появлялся Щаповъ на лекцію ни съ чѣмъ: придетъ, бывало, сильно стѣснится и скажетъ: „Ничего я, господа, сегодня не приготовилъ для лекціи; поговоримъ такъ о чемъ-нибудь." и поведетъ къ студентамъ рѣчь объ ученомъ предметѣ; разговоръ тянулся спокойно и серьезно, какъ будто читалась въ самомъ дѣлѣ настоящая лекція. Изъ такихъ неподготовленныхъ бесѣдъ студенты выносили нерѣдко то новыя возрѣнія, то неизвѣстныя имъ свѣдѣнія о минувшей жизни русскаго народа". Читалъ лекціи онъ очень быстро и съ большимъ увлеченіемъ, но былъ одинъ недостатокъ въ немъ - необработанность языка: "тяжелый и невоздѣланный языкъ его всегда отличался шероховатостью и угловатостью, хотя носилъ на себѣ своеобразный отпечатокъ оригинальности;

это была своего рода Щаповщина, какъ окрестили его рѣчь студенты". Въ свободное время Щаповъ любилъ проводить время со студентами, при чемъ бесѣды вращались преимущественно на предметахъ науки. Эти бесѣды оканчивались часто выпивкой. Скоро онъ до того привыкъ къ вину, что дальнѣйшая участь его была несомнѣнна. Въ это время онъ писалъ обыкновенно своему пріятелю, студенту 5 курса медицинскаго факультета, Россову, лаконическую записку: "Россовъ, у меня что-то въ родѣ *delirium tremens*". Росовъ являлся и скоро поправлялъ его". Благодѣтельное вліяніе на научныя воззрѣнія Щапова имѣло его знакомство съ доцентомъ Казанскаго университета Ешевскимъ. "Ешевскій часто и много толковалъ со Щаповымъ о колонизаціи сѣверо-восточнаго края и поморья Россіи и указывалъ на соловецкія рукописи, какъ на драгоцѣнный источникъ для разработки этого важнаго вопроса". Поповъ, читавшій въ Казанскомъ университетѣ русскую исторію послѣ Ешевскаго, рекомендовалъ факультету на свое мѣсто Щапова. Въ это время А. Прок. особенно сильно увлекался славянофильскими изданіями: "Когда, напримѣръ, вышло въ 1858 г. сочиненіе Лешкова "Русскій народъ и государство", онъ носился съ нимъ цѣлые мѣсяцы и все совѣтовалъ студентамъ непремѣнно

прочитать его, да и не разъ. Славянофильскія сочиненія установили окончательно его взглядъ на русскую исторію, въ которой должны играть роль не одни формы жизни и учрежденій государственныхъ, но самъ народъ, какъ творецъ своего быта, выступитъ на первый планъ, съ его отличительными духовными чертами и особеннымъ складомъ характера." Но, раздѣляя взгляды славянофиловъ, онъ не считалъ себя послѣдователемъ ихъ ученія; онъ даже иногда какъ будто боялся, чтобы его не назвали славянофиломъ. Изъ печатныхъ сочиненій Щапова первымъ появилась магистерская диссертація, начатая имъ еще на студенческой скамьѣ, подъ заглавіемъ "Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII в." Въ "Православномъ собесѣдникѣ" Щаповъ напечаталъ съ 1858 г. по 1862 г. девять статей разнаго содержанія и издалъ 9 памятниковъ русской исторіи, извлеченныхъ изъ соловецкой библіотеки. Все лучшее и зрѣлое было написано Щаповымъ въ 1858 - 1861 годахъ, когда и студенты относились требовательнѣе къ его неисправнымъ лекціямъ, возставали противъ его скороспѣлыхъ выводовъ, и часто подобныя заявленія вліяли благотворно на научныя работы

Щапова. Около этого же времени онъ создалъ свою систему взглядовъ и историческихъ убѣжденій, причемъ особенное вниманіе обращалъ на начала народной жизни, на земскій складъ русской исторіи, особенно на начало образованія Россіи путемъ колонизаціи. "Въ 1859 и 1860 годахъ вопросъ о колонизаціи развился шире во взглядѣ Щапова, постоянно занималъ его и сдѣлался основнымъ для образованія внутренняго устройства Россіи и для склада своеобразной народной жизни. На немъ онъ старался основать удѣльный и областной порядокъ отрасли управленія и суда, общественной экономіи и проч. Такъ, по его выводамъ, путемъ колонизаціи началось самообразованіе областныхъ земскихъ общинъ съ ихъ самоуправленіемъ. Вслѣдствіе земскаго саморазвитія и самоустройства, организовалась сельская община, городская община уѣздъ, станъ и волость; послѣднія дѣленія имѣли сначала хозяйственно-промышленное значеніе, а потомъ административное. Границами участковъ и крупныхъ мѣстныхъ дѣленій служили рѣчныя системы или окраины разработанной земли, "покамѣстъ топоръ, соха и коса ходили". Имѣя въ виду естественное возникновеніе внутренняго областного строя на основѣ историко-географической, Щаповъ въ то же время придавалъ большое значеніе пле-

менным особенностям народонаселенія, считая историко-этнографическій элементъ основой земскаго строенія. На историко-этнографической основѣ, при земской самобытности областныхъ общинъ, создался конфедеративный союзъ всей земли русской. Начала народо-совѣтія или земско-общиннаго устройства служили основой для свободнаго склада всего юридическаго и политическаго быта Россіи. 1| Въ мелкихъ общинахъ явился мірской сходъ или міръ, сельская сходка, громада, мірское согласіе у раскольниковъ; 2| въ городскихъ или большихъ собраніяхъ видимъ сходы на думу, на вѣча, въ другихъ мѣстахъ сеймы, рады, казачьи круги; 3| связующими собраніями городскихъ и сельскихъ сходовъ служили областные земскіе совѣты, и 4| наконецъ, для связи всѣхъ областей явился "совѣтъ всей земли" или "земскій соборъ". Въ концѣ 1860 года Щаповъ сталъ читать лекціи въ университетѣ, и его вступительная лекція, подъ названіемъ общій взглядъ на исторію великорусскаго народа" произвела громадное впечатлѣніе на слушателей своей силой убѣжденія и вдохновенной рѣчью. Съ этихъ поръ Щаповъ сдѣлался "идоломъ" студенческой массы; аудиторіи другихъ профессоровъ пустѣли, когда происходила лекція Щапова. Но такая, быстро пріобрѣтенная

популярность, можно сказать, погубила Щапова. Онъ началъ открыто говорить о нѣкоторыхъ вопросахъ и современныхъ порядкахъ съ такой свободой, какъ будто дѣло идетъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Онъ былъ опьяненъ студенческими рукоплесканіями и не подозрѣвалъ, что эта дешевая слава куплена цѣной самостоятельности ученыхъ изслѣдованій и занятій и что не онъ теперь будетъ руководить занятіями, а студенты будутъ указывать ему на предметъ чтеній Роковымъ событіемъ для Щапова было возмущеніе крестьянъ въ селѣ Безднѣ Спасскаго уѣзда. Казанской губерніи по поводу манифеста 19 февраля. Въ одной изъ казанскихъ церквей была отслужена панихида по убитымъ въ этомъ возмущеніи, а Щаповъ сказалъ по этому поводу рѣчь, послѣ которой онъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ III отдѣленіе. Здѣсь онъ принесъ чистосердечное раскаяніе, былъ прощенъ и принятъ на поруки тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Валуевымъ, который сдѣлалъ его чиновникомъ по раскольничьимъ дѣламъ и позволилъ заниматься научными изслѣдованіями. Несмотря на такой суровый жизненный опытъ, Щаповъ остался съ тѣми же угловатостями въ своемъ характерѣ и обращеніи съ людьми, какъ и прежде. Такъ, напримѣръ, онъ безцеремонно обращался и даже выгонялъ изъ своей

квартиры петербургскихъ литераторовъ, приходившихъ съ нимъ знакомиться. Относительно убѣжденій и воззрѣній Щапова нужно прежде всего сказать, что онъ въ продолженіи всей своей жизни горячо отстаивалъ и превозносилъ народъ, скорбѣлъ объ его угнетенномъ состояніи. Особенно ярко эта скорбь выразилась въ его статьѣ |въ 1862 г.| "Гражданская грусть". На Сибирь онъ смотрѣлъ, какъ на страну высокаго образованія и прекрасной жизни сравнительно съ Европейской Россіей. Впрочемъ, идеализація народа, и въ частности высокое мнѣніе о Сибири и Малороссіи, являются у него результатомъ того, что онъ былъ знакомъ со всѣмъ этимъ только по книжкамъ или по самымъ раннимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ и онъ самъ разочаровывался въ нѣкоторыхъ предметахъ при столкновеніи съ жизнью. Щаповъ участвовалъ въ разныхъ журналахъ различныхъ направленій. Дѣло въ томъ, что ему трудно было примкнуть къ какому нибудь опредѣленному направленію; нужно было поддѣлываться подъ требованія и вкусы журнала, передѣлывать содержаніе статей во вкусѣ современныхъ интересовъ. Въ 1862 г. онъ познакомился съ дѣвицей Жемчужниковой, которая сдѣлалась потомъ его женой и была для него настоящимъ ангеломъ хранителемъ, оберегала или, по крайней мѣ-

рѣ, старалась охранить его отъ гибельнаго порока, несмотря на грубыя выходки съ его стороны и даже иногда побои - конечно въ пьяномъ видѣ; она сопровождала его въ Иркутскъ, куда онъ былъ сосланъ въ 1864 г. Во время пребыванія въ Петербургѣ Щаповъ почувствовалъ недостатокъ своего образованія, такъ какъ онъ не былъ знакомъ съ естественными науками. Съ свойственнымъ ему увлеченіемъ онъ сталъ знакомиться съ сочиненіями по естественнымъ наукамъ и не пріобрѣтя еще основательнаго знакомства съ ними, сталъ прилагать ихъ выводы къ ходу русской исторіи, и выводы его дѣлались отъ этого незрѣлыми и слишкомъ поспѣшными; такимъ,именно, характеромъ отличаются всѣ его статьи, написанныя имъ не столько на основаніи фактическихъ данныхъ, сколько изъ желанія оправдать выводами естествознанія ходъ русской исторіи. Въ подобныхъ статьяхъ шероховатость его слога выступаетъ особенно ярко: онъ сильно налегаетъ на такіе термины, какъ "зоолого-экономическій", "умственно-изобрѣтательный", "теолого-пантофобическій", "синеуально-фетишическій" и т. п. Къ напечатаннымъ во время пребыванія Щапова въ Петербургѣ статьямъ его принадлежатъ: "Великорусскія области и смутное время" |0.3.

1861 г. № 10, 11.|; въ "Русскомъ словѣ" |1865 г напечатана и издана отдѣльной брошюрой статья: "Естествознаніе и народная экономія. Историко-географическое распредѣленіе народонаселенія въ Россіи", затѣмъ ему принадлежитъ статья: "Этнографическая организація русскаго народонаселенія" |Библіотека для чт. 1864 - I|; продолженія не было|. Щаповъ продолжалъ писать и въ Сибири. Между прочимъ сюда принадлежатъ его статьи "Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа |С.П.Б. 1870 г.| "Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи" |Извѣстія СПБ. отдѣла Рус. Географ. Общ. 1872 года т. III № 3,4,5. "Историко-географическія замѣтки о Сибири. Значеніе первоначальныхъ географическихъ открытій въ Сибири" |Изв. Спб. Г.О. 1873 г. № 2|.

Въ Иркутскѣ Щаповъ не нашелъ того "образованнаго общества", о которомъ онъ раньше мечталъ. Жажда общественной дѣятельности не находила у него выхода, его публичныя лекціи оставались въ большинствѣ незамѣченными, и это сильно огорчало Щапова. Матеріальное положеніе Щаповыхъ ухудшилось въ Иркутскѣ еще болѣе, такъ какъ статьи, посылаемыя имъ въ Петербургскіе журналы,

оказывались часто несостоятельными, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ фактическаго матеріала и большой растянутости, и часто присылались обратно, или значительно урѣзывались. При такомъ безнадежномъ положеніи Щаповъ еще болѣе сталъ погружаться въ пьянство, сдѣлался слишкомъ грубъ и нетерпимъ, но настойчивость и энергія его супруги сдѣлали то, что онъ въ 70-хъ годахъ совершенно пересталъ пить. Но вотъ умерла его супруга и Щаповъ сдѣлался еще мрачнѣе прежняго, подозрительнѣе и нетерпимѣе; онъ снова запилъ съ горя, впалъ въ неоплатные долги и страшную нищету. Онъ долженъ былъ иногда приходить къ знакомымъ и просить, чтобы его накормили хлѣбомъ; наконецъ онъ умеръ почти съ голода въ 1876 году въ февралѣ. На сколько безучастно къ нему было иркутское общество, видно изъ того, что оно узнало о его смерти, когда онъ уже давно лежалъ въ могилѣ. Такая своеобразная біографія Щапова должна была отразиться и на его ученыхъ трудахъ, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ по своему характеру и значенію тремъ эпохамъ его жизни. Въ свою очередь и первая эпоха - казанская-можетъ быть раздѣлена на 2 части. Подъ вліяніемъ академическаго воспитанія онъ былъ проникнутъ монашескимъ аскетизмомъ, извѣстными церковными традиціями, и съ

этой точки зрѣнія оцѣниваетъ событія изъ русской исторіи. Въ первое время его исключительно интересуютъ событія изъ церковной исторіи, и статьи его печатались въ "Православномъ Собесѣдникѣ"; между прочимъ обращаетъ на себя вниманіе его статья: "содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи"; она заключаетъ много выдержекъ изъ соловецкихъ рукописей. Наиболѣе выдающаяся его статья: "Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта не свободныхъ людей"; она написана горячо и обратила на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что имѣла современный интересъ, такъ какъ совпала съ временемъ подготовительныхъ работъ къ освобожденію крестьянъ. Щаповъ старается защитить здѣсь права духовенства на владѣніе крестьянами, но защита вышла искуственна и неудачна; она вызвала въ то время рѣзкія опроверженія въ "Современникѣ". Затѣмъ, есть еще одна статья Щапова, которая и до сихъ поръ имѣетъ значеніе и написана почти исключительно на основаніи выдержекъ изъ соловецкихъ рукописей, отличается живымъ изложеніемъ, чувствомъ и энергіей, но къ сожалѣнію имѣетъ не мало лишнихъ общихъ мѣстъ; статья эта носитъ заглавіе: "Попеченіе отечественной церкви о внутреннемъ благоустройствѣ русскаго гражданскаго общества въ XIII -

XУ в.". Въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ сейчасъ статей проглядываютъ зачатки того направленія, которое онъ выработалъ впослѣдствіи. Къ этому же времени относится его "программа исторіи русскаго народа". Въ ней Щаповъ даетъ планъ своего университетскаго курса. Программа изложена кратко, не отличается систематичностью, выдержанностью, имѣетъ пропуски, какъ всякій краткій конспектъ, но и въ ней преобладаютъ излюбленные вопросы, надъ которыми тогда и послѣ работалъ Щаповъ. Но славу Щапова составило его сочиненіе "Русскій расколъ старообрядства" - его магистерская диссертація. Ему принадлежатъ двѣ статьи историко-географическаго и историко-этнографическаго характера. Въ "Русскомъ словѣ" |за 1865 годъ| помѣщена его статья: "Историко-географическое распредѣленіе народонаселенія". Здѣсь Щаповъ между прочимъ высказываетъ мысль, что хозяйство народное имѣло "ловецкій" характеръ: непосредственная, дикая, зоологическая экономія водъ, лѣсовъ воздушныхъ сферъ въ земскохозяйственномъ устройствѣ и географическомъ распредѣленіи народа, всецѣло преобладало надъ раціонально промышленнымъ хозяйствомъ народа. Охотничій, хищническій, или, по выраженію древнихъ актовъ "ловчій, ловецкій" характеръ промысловъ

и поселеній преобладаетъ надъ умственно-изобрѣтательнымъ, интеллектуальнымъ, промышленнымъ направленіемъ". За тѣмъ онъ указываетъ на то, что хозяйство древней Руси состояло въ различныхъ путяхъ и ухожаяхъ бобровничьихъ, бортничьихъ, рыболовныхъ, сокольничьихъ, кречатьихъ и т. п. Въ этихъ промыслахъ все было богатство народа и государства. При всеобщей бѣдности въ деньгахъ платили подати натурой, преимущественно мѣхами "мягкой рухлядью". Если хотѣли опредѣлить чье либо богатство, то выражали его въ коли чествѣ мѣховъ, по преимуществу собольихъ. Мѣха давали въ долгъ, мѣхами и расплачивались. " Подарки иностраннымъ государямъ и посламъ, говоритъ Щаповъ, даже субсидіи европейскимъ дворамъ состояли изъ мѣховъ". Но съ теченіемъ времени ловческіе промыслы начинаютъ приходить въ упадокъ. Щаповъ указываетъ на причины упадка: "Съ истребленіемъ лѣсовъ и, вслѣдствіе того, съ уменьшеніемъ дикихъ звѣрей и бортевыхъ пчелъ, съ ограниченіемъ, обмеленіемъ водныхъ бассейновъ, и усиленнымъ выловомъ рыбы изъ этихъ ограниченныхъ бассейновъ, съ уменьшеніемъ дикихъ птицъ, соколовъ, кречетовъ и проч. падали древнія первоначальныя, зоолого- экономическія основы поселеній и вмѣсто ихъ неминуемо должны были

мало-по-малу изыскиваться новыя сферы народныхъ промысловъ и вырабатываться новыя формы и основы поселеній." Только въ Сибири продолжали еще и до сихъ поръ продолжаютъ находить поддержку старыя, непосредственно натуральныя основы поселеній. Вмѣсто прежнихъ промысловъ начинаетъ развиваться скотоводство или земледѣліе. Причинами упадка прежнихъ ловецкихъ промысловъ служитъ, такимъ образомъ, хищническій характеръ ихъ а съ другой стороны, увеличеніе народонаселенія. Въ "Библіотекѣ для чтенія" |1864 г. № I; продолженія не было| - находится статья Щапова: "Этнографическая организація русскаго народонаселенія". Въ этой статьѣ онъ проводитъ общій взглядъ на обрусѣніе инородцевъ русскими колонистами, или, наоборотъ, - на вырожденіе русскихъ и подчиненіе ихъ инородческому типу |объякучиваніе многихъ сибирскихъ поселенцевъ - русскихъ, при чемъ утрачивался даже языкъ, одежда и т.д.| Авторъ только обѣщаетъ дать въ слѣдующей статьѣ фактическій очеркъ историко-этнографической организаціи русскаго народонаселенія по областямъ. Въ началѣ упомянутой статьи авторъ говоритъ: "едва ли есть въ Европѣ государство, гдѣ бы не было большаго или меньшаго смѣшенія расъ и племенъ. Но можно положительно сказать, что во

всей Европѣ не найдется другого государства, которое заключало бы въ себѣ столько самыхъ разнообразн. этнографическихъ элементовъ, какъ Россія. Какое множество и какая пестрота красокъ, означающая разныя племена и расы. А вѣдь эти этнографическія краски означаютъ жизнь, означаютъ кровь, которая безпрерывно приливала въ обширную и открытую равнину русскую со всѣхъ сторонъ и преимущественно съ востока и сливалась и доселе еще сливается съ однимъ организмомъ развивающагося русскаго народа, образуя новыя ткани, новые нервы, словомъ, все его новое нарастаніе, нарожденіе ... Въ русскую равнину ведетъ "великая проходная дорога народовъ изъ міровой проходной страны центральной нагорной Азіи"; проходя по этому пути, народы осѣдали въ обширной русской равнинѣ; съ теченіемъ времени по этому пути прошли въ нынѣшнюю Россію и Сибирь четыре главныя расы: славянская, финская, тюркская и монгольская; всѣ эти племена должны были прійти въ столкновеніе, стали смѣшиваться, скрещиваться и сливаться въ одну расу. Изъ этихъ четырехъ расъ вышли побѣдителями только два наиболѣе сильныхъ племени: славянское и монгольское |татары|" Въ этой статьѣ Щаповъ старается примѣнить выводы естественныхъ наукъ къ русской исторической

жизни. Это стремленіе Щапова еще болѣе проявилось въ его сочиненіи: соціально педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа"; это очень неудачная попытка объяснить условія умственнаго и нравственнаго развитія русскаго народа послѣ Петровской реформы.

§ 23. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

Разработка русской исторической географіи началась у насъ очень рано. Щаповъ, Костомаровъ и др. только старались придать этому вопросу теоретическое обоснованіе, опредѣлить путь, по которому должна идти наука русской исторической географіи. Русская историческая географія, въ лицѣ Эверса, Сума |датскаго изслѣдователя и географа| и друг. обратила вниманіе на древнѣйшій періодъ русской исторіи. Книга Сума относится къ инородцамъ. Знаменитый Костренъ, финскій изслѣдователь, совершившій путешествіе въ финскія области, посвятилъ рядъ статей исторіи и этнографіи финновъ. Затѣмъ, появился рядъ другихъ изслѣдованій по финской этнографіи. Оріенталистъ Григорьевъ, въ сборникѣ "Россія и Азія", помѣстилъ рядъ статей, преимущественно о хозарахъ и камскихъ болгарахъ. Одесскій профессоръ Брунъ издалъ сочиненіе "Черноморье" въ двухъ томахъ. Въ немъ заключается цѣлый рядъ

статей по исторической географіи Новороссійскаго края, начиная со скиѳскаго періода, затѣмъ продолжая венеціанско-генуэзскимъ и кончая запорожскимъ. Изслѣдованіе Бруна отличается глубокимъ знаніемъ фактовъ, многочисленнымъ матеріаломъ; о всѣхъ вопросахъ онъ трактуетъ по первымъ источникамъ. Но чтеніе его книги, вслѣдствіе именно громадной массы матеріала, сопряжено съ затрудненіями. Академія Наукъ оцѣнила достоинство его трудовъ: ему присуждена Уваровская премія. Ивану Дмитріевичу Бѣляеву принадлежитъ сочиненіе "о географическихъ извѣстіяхъ въ древней Руси" |съ IX-XУ в.|, напечатанное въ запискахъ Императорскаго Географическаго Общества за 1852 годъ книга УI. Первая глава обнимаетъ періодъ съ IX по XII вѣкъ; вторая съ XII по XIУ вѣкъ и третья съ XIУ по XУ вѣкъ. Характеръ и содержаніе этого сочиненія таковы: Бѣляевъ обращается къ непосредственнымъ источникамъ нашихъ географическихъ свѣдѣній, главнымъ образомъ, къ лѣтописи и отсюда въ хронологическомъ порядкѣ выбираетъ матеріалъ. Благодаря такому способу изслѣдованія, мы получаемъ полный объемъ историко-географическихъ свѣдѣній, но этотъ матеріалъ является не только не обработаннымъ, но даже онъ не систематизированъ. Правда, авторъ, начиная

съ XII вѣка, пріурочиваетъ матеріалъ къ отдѣльнымъ княжескимъ областямъ, но это пріурочиваніе чисто внѣшнее. Это, впрочемъ, объясняется цѣлью автора, которая состояла не въ объясненіи , а въ констатированіе богатства нашего историко-географическаго матеріала. Изложеіе отличается полнымъ однообразіемъ, обобщеній нѣтъ. Трудъ Бѣляева представляетъ простую выборку фактовъ. Здѣсь мы находимъ полный перечень всѣхъ городовъ, упоминаемыхъ въ русской лѣтописи съ попытками опредѣленія ихъ мѣстности. Въ семидесятыхъ годахъ появился новый трудъ профессора по русской исторіи въ Варшавскомъ Университетѣ Барсова, подъ названіемъ: "Очерки русской исторической географіи". Этотъ трудъ представляетъ замѣчательное явленіе въ русской исторіи; книга эта до появленія труда Замысловскаго, представляла единственное болѣе или менѣе систематическое сочиненіе, посвященное вопросамъ русской исторической географіи. Онъ желаетъ изучить русскую историческую географію только нашей первоначальной лѣтописи, т.е. до XII вѣка, и даже въ этихъ узкихъ предѣлахъ его задача недостаточно ясно опредѣлена, и въ этомъ, можно сказать, недостатокъ книги Барсова. Онъ постоянно колеблется между двумя различными задачами: то

иногда кажется, что онъ изучаетъ только объемъ данныхъ лѣтописей; то кажется иногда, что задача его изучить самыя географическія извѣстія лѣтописи въ связи съ нѣкоторыми другими. Благодаря этому измѣняется первоначальный планъ автора, его трудъ расширяется, но теряетъ въ систематичности, опредѣленности изложенія. Книга Барсова раздѣлена на 8 главъ: I| общая характеристика лѣтописи, какъ памятника географическаго,и разборъ данныхъ лѣтописей о древнѣйшихъ народахъ и разныхъ бассейнахъ, областяхъ, находящихся здѣсь; 2| географическая связь между разнородным населеніемъ восточно-европейской равнины. Общія этнографическія понятія лѣтописца; 3| спеціально посвящена анализу извѣстій лѣтописи о разныхъ племенахъ чудскихъ, о разселеніи чуди, о веди, мери и т.д.; 4| здѣсь начинаются извѣстія о славянахъ, анализируются данныя о западныхъ, южныхъ и восточныхъ славянахъ| общія соображенія о переселеніи русскихъ славянъ съ Дуная, о разселеніи ихъ по восточно-европейской равнинѣ, раздѣленіи ихъ на племена и соединеніи подъ властью Руси; объ отношеніи земель къ княжескимъ волостямъ и удѣламъ; 5| разборъ историко-географическихъ извѣстій о хорватахъ, тиверцахъ, уличахъ, дулебахъ и т.д. 6| о

славянскихъ вѣтвяхъ на юго-западномъ побережьи Днѣпра; о бытѣ древлянъ, полянъ. дреговичей и т.д. ; о княжествахъ, образовавшихся здѣсь; 7| славяно-русское населеніе на восточной сторонѣ Днѣпра; о сѣверянахъ, радимичахъ, вятичахъ, о Черниговскомъ княжествѣ и т.д. 8| о кривичахъ и новгородскихъ славянахъ; о колонизаціонномъ характерѣ новгородцевъ; объ ихъ колоніяхъ. Ростовско-Суздальская земля; отношенія новгородцевъ къ Кіеву.

Содержаніе книги Барсова очень обстоятельно и подробно. Онъ разбираетъ подробно данныя лѣтописи, даетъ нерѣдко важный комментарій къ этимъ извѣстіямъ. Для того, чтобы объяснить этотъ матеріалъ, онъ долженъ былъ прибѣгать къ другимъ источникамъ, независимо отъ начальной лѣтописи. Такими источниками на первомъ планѣ являются лѣтописныя свидѣтельства XII и XIII вѣка, т.е. областныя лѣтописи. Такое пользованіе матеріаломъ вполнѣ законно и раціонально. Географическія данныя отличаются гораздо большимъ консерватизмомъ, чѣмъ сама исторія. Даже настоящая географическая номенклатура отличается очень древнимъ происхожденіемъ, тѣмъ болѣе это можно сказать о XIII или XII вѣкѣ. Другимъ матеріаломъ кромѣ лѣтописей являются для Барсова географи-

ческая номенклатура, т.е. названія рѣкъ, урочищъ, городовъ, сохранившіяся до настоящаго времени. Этотъ источникъ отличается меньшею устойчивостью, большею неопредѣленностью. Правда, въ этихъ именахъ иногда слышится очень отдаленное ихъ происхожденія. Если, напримѣръ, обратимся къ территоріи Харьковской губерніи, то открываемъ указанія на существованіе здѣсь хозарскаго элемента, найдемъ селенія печенѣговъ |Новый Бѣлгородъ или "Печенѣги" Волчанскаго уѣзда|, Торковъ |въ названіи Тора|. То же самое нужно сказать о Поволжьѣ: здѣсь географическія названія указываютъ на присутствіе финскаго элемента. Однимъ словомъ, современная географическая номенклатура - очень важный матеріалъ для объясненія древнихъ извѣстій. Напримѣръ, знаменитый путешественникъ Ходаковскій уже въ свое время обратилъ большое вниманіе на эту географическую номенклатуру. Барсовъ пользуется этой номенклатурой, особенно по болѣе темнымъ вопросамъ: относительно границъ между отдѣльными племенами и отдѣльными княжествами. Барсовъ, желая опредѣлить эти племенныя границы, пользуется географическими именами и его выводы заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, но не всѣ, конечно, отличаются вполнѣ достовѣрнымъ характеромъ.

Нерѣдко авторъ пользуется также историко-археологическими данными. Этотъ матеріалъ -весьма важный и, по нашему мнѣнію, даже болѣе важный, чѣмъ современная географическая номенклатура, но имъ Барсовъ пользуется далеко недостаточно. Сочиненіе Уварова "О мерянскомъ бытѣ" ясно указываетъ, какое значеніе могутъ имѣть данныя археологіи для опредѣленія границъ между племенами. Если у каждаго племени была своя область, своя культура, то археологическія данныя могутъ имѣть громадное значеніе. Къ сожалѣнію Барсовъ не воспользовался этимъ матеріаломъ. Барсовъ не имѣетъ въ виду этого круга понятій, опредѣляемыхъ словами "Русская историческая географія". Л.Н.Майковъ въ своихъ "замѣткахъ по географіи древней Руси" |по поводу сочиненія Барсова "Очерки русской исторической географіи"| говоритъ, что Барсовъ въ своемъ сочиненіи касается только предметовъ, которые "принадлежатъ къ чисто описательной части географіи , къ хорографіи, топографіи, иногда къ одной лишь топографической номенклатурѣ и лишь отчасти касаются вопросовъ этнографичеекихъ или же проникаютъ во внутреннее содержаніе науки землевѣдѣнія". Общее землевѣдѣніе, по опредѣленію Риттера, говоритъ Майковъ, должно разсматривать отношеніе

внѣшней природы къ человѣку, и это отношеніе должна показать историческая географія; она должна выйти за предѣлы простого описанія. "Вмѣстѣ съ тѣмъ историческая географія должна изобразить и воздѣйствіе человѣка на природу, его борьбу съ нею, формы этой борьбы, т. е. разные виды культуры: которой человѣкъ подвергаетъ окружающія его органическія и неорганическія тѣла и, наконецъ, результаты ея для населенія". "Изъ всей массы разнообразныхъ географическихъ условій, говоритъ далѣе Майковъ, имѣющихъ отношеніе къ его предмету, г. Барсовъ избралъ только два, о которыхъ и счелъ нужнымъ сообщить нѣсколько соображеній. Именно, устройство поверхности восточно-европейской равнины и ея орошенія. Но изъ этихъ двухъ вопросовъ, дѣйствительно очень важныхъ, только второй разсмотрѣнъ авторомъ съ нѣкоторой полнотой". Барсовъ, напримѣръ, не говоритъ о характерѣ лѣса, о вліяніи его на характеръ сѣверо-восточной колонизаціи; онъ не говоритъ о границахъ лѣса и поля, о происхожденіи южно-русскихъ степей, о черноземѣ; не говоритъ о центральномъ плоскогоріи восточно-европейской равнины, покрытомъ "оковскимъ" лѣсомъ, а между тѣмъ, онъ могъ бы указать на значеніе этого плоскогорія, какое оно имѣетъ въ распредѣленіи вод-

ной системы и т. д. и т. д.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ "Извѣстія вольно-экономическаго общества" напечатана обширная статья петербургскаго профессора геологіи Докучаева о русскомъ черноземѣ, въ которой ставится вопросъ о томъ, были ли когда-нибудь лѣса на мѣстѣ нынѣшней черноземной полосы, и если были, то каково происхожденіе нашего чернозема. Существовало мнѣніе о томъ, что этотъ черноземъ есть остатокъ древнѣйшихъ лѣсовъ, есть, такъ сказать, перегной ихъ. Но точныя геологическія изслѣдованія показали, что онъ есть перегной мелкой травы, кустарника, ковыля, тѣмъ болѣе, что и до сихъ поръ южная русская растительность отличается, именно, этимъ характеромъ; вмѣсто лѣсовъ попадаются рощи, имѣщія характеръ острововъ среди обширной степи южной Россіи; преобладаетъ здѣсь, главнымъ образомъ, луговая растительность. Барсову принадлежитъ еще и другая книга - "географическій словарь русской земли". Къ сожалѣнію "очерки русской географіи" Барсова, вышедшіе вторымъ изданіемъ, не имѣютъ обѣщаннаго продолженія и, такимъ образомъ, для послѣдней эпохи нашей исторической жизни мы должны пользоваться изслѣдованіями частнаго характера. Вопросъ о географіи въ удѣльно - вѣчевомъ періодѣ разра-

ботанъ по частямъ довольно обстоятельно въ такъ называемыхъ областныхъ монографіяхъ. Изъ сочиненій по этому періоду нѣкоторыя выдаются значительнымъ присутствіемъ въ нихъ этого историко-географическаго элемента. Таковъ трудъ Дашкевича: "Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи"; это скорѣе историко-географическое изслѣдованіе; авторъ изслѣдуетъ главнымъ образомъ мѣстоположеніе этой области. Дашкевичу принадлежитъ честь въ первый разъ опредѣлить положеніе Болоховской земли, ея границы. Сочиненіе Голубовскаго посвящено спеціально вопросу о нашихъ инородцахъ: Печенѣгахъ, Торкахъ и Половцахъ , исторіи южныхъ степей съ половины XI до половины XIII в.; это сочиненіе очень цѣнное, составленное по первымъ источникамъ. Еще раньше Аристовъ напечаталъ работу "о землѣ Половецкой", гдѣ, на основаніи указаній лѣтописи, старается опредѣлить географическіе предѣлы этой земли. Голубовскому принадлежитъ честь открытія боевыхъ границъ южно-русскихъ княжествъ и половецкой земли. Онъ старается доказать, что кромѣ пограничныхъ городовъ существовали еще, такъ называемыя, боевыя границы, т.е. линіи, по которымъ ходили русскія сторожи и, быть можетъ, древніе русскіе станичники, такъ какъ отношеніе древ-

не-русскихъ земель къ половцамъ было такое же, какъ впослѣдствіи отношеніе московскаго государства къ татарамъ. Онъ опредѣляетъ топографію половецкой земли, такъ называемыя "зимовища" и "литовища". Затѣмъ говоритъ о бродникахъ, берладникахъ. Для нашей древней географіи и этнографіи имѣетъ большое значеніе вопросъ объ отношеніяхъ тюркскихъ и русскихъ племенъ на югѣ. Конечно, не всѣ его выводы могутъ быть приняты въ наукѣ, но тѣмъ не менѣе онъ даетъ по затронутому имъ вопросу много важныхъ соображеній. Для XУ и начала XУI столѣтія мы имѣемъ классическую работу профессора петербургскаго университета Замысловскаго: "Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія о Россіи". Это сочиненіе, подобно труду Барсова, отличается систематическимъ характеромъ. Авторъ поставилъ себѣ задачей выбрать и объяснить географическія свѣдѣнія у Герберштейна; для того, чтобы сдѣлать ихъ понятными, онъ ставитъ его въ связь съ извѣстіями болѣе раннихъ писателей. Въ книгѣ Замысловскаго мы находимъ данныя о животныхъ, о растеніяхъ, о климатѣ, о почвѣ, однимъ словомъ, полную картину историко-географическихъ данныхъ. Эти данныя сопоставлены у Замысловскаго съ тѣми географическими свѣдѣніями, какія въ то время существовали въ Запад-

ной Европѣ, то есть сдѣлана первая попытка сравнительной географіи. Къ той же области относятся тѣ труды, которыя затрогиваютъ только одинъ вопросъ исторической географіи. Это, именно, труды по исторіи русской колонизаціи. Сюда относятся трудъ Ѳирсова, посвященный колонизаціи Камскаго края; мои труды - по исторіи колонизаціи Новороссіи и Слободской Украйны; Перетятковича - по исторіи колонизаціи Поволжья; Скальковскаго, по исторіи заселенія Новороссіи; Миллера, Фишера, Словцова, И.Н. Буцинскаго, Сибори. Особое мѣсто въ подобныхъ работахъ занимаютъ такъ называемыя историко-статистическія описанія разныхъ епархій Среди подобиыхъ "описаній" выдѣляется описаніе харьковскоі и черниговской епархій извѣстнаго церковнаго писателя Филарета, бывшаго архіепископомъ харьковскимъ и черниговскимъ. Особенно замѣчательно его описаніе Харьковской епархіи. Мы имѣемъ еще историко-статистическое описаніе Екатеринославской епархіи преосвященнаго Ѳеодосія и т.п. Всѣ эти описанія отличаются однимъ характеромъ, они предстаавляютъ собраніе матеріала и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторый слабый опытъ систематизаціи; они стоятъ на рубежѣ между простымъ сырымъ матеріаломъ и историческимъ пособіемъ; даютъ свѣдѣнія историческія, топографическія, отно-

графическія, географическія, археографическія и статистическія. Этимъ же характеромъ отличается и описаніе Харьковской губерніи. Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о времени основанія городовъ Харькова, Сумъ и др., указанія на разныя урочища; здѣсь собранъ богатый запасъ свѣдѣній о курганахъ; попадаются данныя этнографическаго и наиболѣе богатыя данныя статистическаго характера. Сюда же можно отнести изданія офицеровъ генеральнаго штаба, гдѣ найдемъ много топографическихъ и историческихъ данныхъ. Затѣмъ, сюда относятся списки населенныхъ мѣстъ европейской и азіатской Россіи Нѣкоторымъ областямъ и мѣстностямъ посчастливилось въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ другимъ, особенно много было говорено о Сибири, къ которой относится масса старыхъ трудовъ. Въ нихъ мы находимъ обильный матеріалъ не только по исторіи Сибири, но и по географіи. Есть еще одна работа [извѣстнаго историка Н.И. Костомарова], въ которой поставленъ теоретическій вопросъ "объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи"; но въ ней трактуется объ отношени-русской исторіи къ этнографіи.

Въ заключеніе считаю полезнымъ изложить мои *desiderata* въ области русской исторической географіи, это рѣчь, читанная на VII архео-

логическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ |1887 г.|. Нужно замѣтить, что древній періодъ - до XУ в. въ историко-географическомъ отношеніи разработанъ гораздо лучше послѣдующихъ - московскаго и императорскаго. Здѣсь многое оказывается вовсе неизвѣстнымъ, другое - неяснымъ, третье невѣрно разъясненнымъ; но преградой дальнѣйшей разработки является скудость источниковъ, которую восполнить нечѣмъ; необходимо довольствоваться наличнымъ запасомъ данныхъ и стараться изучить ихъ возможно полнѣе и обстоятельнѣе. Мы имѣемъ прекрасную обработку историко- географическаго матеріала нашей древней лѣтописи въ извѣстномъ трудѣ профессора варшавскаго университета Барсова, но нельзя не пожалѣть, что эта работа не продолжена и что такимъ же образомъ не разсмотрѣны областныя лѣтописи XII,XIII и XIУ вѣковъ; работа И.Д. Бѣляева "О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Руси" устарѣла и не удовлетворяетъ современныхъ требованій. Затѣмъ нельзя не пожелать, чтобы кто-нибудь исполнилъ аналогичную работу по отношенію къ иностраннымъ писателямъ о древней Руси, такъ какъ трудъ Аделунга отличается преимущественно библіографическимъ характеромъ. Работа эта потребуетъ много труда, критическаго таланта, начитанности, но результаты могутъ получиться весь-

ма важные. Вопросы о нашихъ инородцахъ и о характерѣ колонизаціи болѣе или менѣе обстоятельно разработаны въ сочиненіи Голубовскаго, Корсакова Иловайскаго и др. и теперь слѣдовало бы сдѣлать уже общую сводку. Таковы наши пожеланія относительно древней княжеской Руси. Несравненно больше нужно сдѣлать для московскаго и императорскаго періодовъ нашей исторіи. Намъ предстоитъ изучить и территорію московскаго государства и его этнографію. До сихъ поръ какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ отношеніи сдѣлано очень мало; необходимо познакомиться не только съ этнографическими особенности русскаго племени, но и съ бытомъ инородцевъ и ихъ отношеніями къ намъ, необходимо прослѣдить исторію постепеннаго распространенія русскаго государства въ связи съ исторіей русской колонизаціи. Если теперь мы припомнимъ, что сдѣлано въ литературѣ по всѣмъ этимъ вопросамъ, то придемъ къ очень печальнымъ заключеніямъ: есть хорошія работы, но ихъ къ сожалѣнію очень немного. На первомъ планѣ нужно поставить не такъ давно вышедшее сочиненіе профессора Е.В. Замысловскаго " Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія", которое представляетъ такую же важность для московскаго періода, какую книга Барсова для древняго княжескаго. Содс-

ханіе его шире заглавія: въ немъ мы находимъ обозрѣніе извѣстій всѣхъ важнѣйшихъ иностранцевъ, писавшихъ о Московіи въ XУ - XУI столѣтіяхъ. Анализъ сочиненій этихъ иностранцевъ далъ возможность профессору Замысловскому представить географическія условія быта Москвы и ея областей. Можно только пожелать, чтобы работа Е. Е. Замысловскаго нашла себѣ продолжателей, чтобы такимъ же образомъ были анализированы сказанія иностранцевъ XУII и XУIII вѣковъ. Не менѣе, если не болѣе еще необходимо точно также систематически изучить источники туземные - лѣтописи, акты и т. п. Между тѣмъ до сихъ поръ не изученъ самый важный русскій источникъ, заключающій въ себѣ свѣдѣнія исключительно географическія - свѣдѣнія о московскомъ государствѣ XУII в. - я разумѣю всѣмъ извѣстную Книгу Большаго Чертежа. Было бы очень полезно вновь издать этотъ памятникъ и изслѣдовать его на основаніи появившихся за послѣдніе 40 лѣтъ историко-географическихъ матеріаловъ, такъ какъ комментаріи прежнихъ издателей во многомъ теперь оказываются несостоятельными и могутъ быть исправлены и дополнены при помощи мѣстныхъ топографическихъ данныхъ; тогда только можно будетъ опредѣлить всѣ тѣ мѣстности, которыя упоминаются въ книгѣ Чертежа, какъ

это удалось сдѣлать господину Огородникову относительно сѣверной Россіи и мнѣ относительно Донецкаго бассейна. Но и кромѣ книги Большого Чертежа найдется не мало памятниковъ, которые имѣютъ важное историко-географическое значеніе |напримѣръ, хожденіе въ крымъ Тяпкина и Зотова въ I68I году| и требуютъ научнаго изслѣдованія. Больше всего работъ посвящено исторіи колонизаціи. Здѣсь мы имѣемъ почтенные труды г.г. Фирсова, Перетятковича, Ядринцева, Соколовскаго, Скальковскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Но несмотря на это, мы все-таки еще далеки отъ рѣшенія вопроса о характерѣ русской колонизаціи этого времени вообще. Только тогда удастся намъ его рѣшить во всей полнотѣ, когда мы будемъ имѣть исторію заселенія всѣхъ важнѣйшихъ областей нашего государства, а теперь работа только что началась. Намъ нужно будетъ имѣть обстоятельную исторію заселенія Сибири въ связи съ этнографіей ея инородческаго населенія; намъ малоизвѣстна даже исторія колонизаціи сѣверо-восточной европейской Россіи. Тоже самое нужно сказать о нашемъ юго-восточномъ, южномъ и юго-западномъ пограничьѣ - Уралѣ, Кубани, Донѣ, Новороссіи, правобережной и лѣвобережной Украинахъ. Что касается XVIII вѣка, то о немъ нечего и говорить: такъ мало еще сдѣлано для этого пе-

ріода и такъ много предстоитъ сдѣлать впереди. Наконецъ, необходимо задаться цѣлью систематического изученія исторической этнографіи инородцевъ, именно тѣхъ, которые имѣли значительное вліяніе на нашу историческую жизнь. Это напримѣръ нужно сказать о татарахъ. Является настоятельная потребность въ изученіи татарско-русскихъ отношеній въ XУI и XУII столѣтіяхъ. Эта потребность, очевидно, чувствуется многими, это ясно видно изъ того, что въ послѣднее время Императорское Русское Историческое Общество издало цѣлый годъ документовъ [подъ редакц. Г. Карпова], указывающихъ уясняющихъ намъ отношенія татаріи къ московскому государству въ XУ и отчасти въ XУI ст. И дѣйствительно, чѣмъ внимательнѣе изучаешь относящіеся сюда источники тѣмъ яснѣе представляется роль татарскихъ ордъ въ нашей исторіи XУI и XУII в. Все, нами сказанное, относится къ предѣламъ древней Руси и Московскаго государства; но мы не должны также игнорировать той Руси, которая съ XIУ в. и далѣе раньше стала мало по малу переходить подъ власть Вел. кн. литовскаго и сдѣлалась источникомъ его политическаго могущества и культурнаго значенія, я говорю о Малой и Бѣлой Руси, которыя сохранили неприкосновенной драгоцѣннѣйшее наслѣдіе прошлаго -

свою вѣру и народность. И вотъ, намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, каковы были географическіе предѣлы территоріи, занятой русскимъ народомъ въ исторической Польшѣ; а этотъ вопросъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ другимъ - кто былъ истиннымъ колонизаторомъ опустошенной во времена Батыева нашествія южной Руси. Правда, польскіе историки на этотъ вопросъ даютъ опредѣленный отвѣтъ, они заявляютъ что эту цивилизаторскую миссію выполнили Поляки, но едва ли такое мнѣніе соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности по крайнѣй мѣрѣ въ этомъ заставляютъ насъ усумниться документальныя данныя - изданные кіевской временной коммиссіей акты о колонизаціи юго-западной Россіи и только что передъ этимъ напечатанныя польскимъ историкомъ Яблоновскимъ иллюстраціи королевскихъ замковъ; самъ Яблоновскій впрочемъ дѣлаетъ изъ нихъ совсѣмъ иные выводы. Не менѣе важно для насъ и историко-этнографическое изученіе южно-русской и бѣлорусской народностей. Намъ нужно изучить и опредѣлить тѣ особенности ихъ, которыя выработались всею совокупностью историческихъ обстоятельствъ и географическихъ условій мѣстности, а не однимъ только польскимъ вліяніемъ какъ утверждаютъ нѣкоторые. Поставивъ цѣлью своего изученія всю

Русь, мы не оставимъ, конечно безъ вниманія и Галицкой Руси, будемъ продолжать историко-географическія работы, начатыя почтенными дѣятелями ея - Я.О. Головацкимъ и другими.

Таковы важнѣйшія *desiderata*, которыя можно высказать относительно дальнѣйшей разработки русской исторической географіи. Главное вниманіе мы должны обратить, какъ видно отсюда, на московско-литовскій періодъ нашей исторіи. Но для того, чтобы получить дѣйствительно важные результаты, необходимо приступить къ систематическому изученію того громаднаго историко-географическаго матеріала, который еще не изданъ и находится въ нашихъ архивахъ и другихъ хранилищахъ рукописей. Изслѣдователь историко-географическихъ вопросовъ часто не можетъ себѣ составить и приблизительнаго понятія о томъ, что онъ найдетъ въ томъ или иномъ архивѣ. Знали ли всѣ мы до изданія прекрасной книги Н. Н. Оглоблина: "Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., хранящихся въ книгахъ разряднаго приказа"; - сколько драгоцѣнныхъ документовъ по русской исторической географіи находится въ архивѣ Министерства Юстиціи. Знали ли мы, что въ однихъ книгахъ Разряднаго Архива мы найдемъ богатѣйшій матеріалъ, заключающій въ себѣ топо-

графическія свѣдѣнія о городахъ, описанія рубежей и уѣздныхъ населенныхъ мѣстъ, данныя объ естественныхъ произведеніяхъ и гидрографіи, а также о статистикѣ населенія разныхъ областей московскаго государства? А между тѣмъ и теперь еще остаются неописанными столбцы разряднаго архива, въ которыхъ мы найдемъ не менѣе, а, можетъ быть, еще больше подобныхъ данныхъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ самому пришлось извлечь немало ихъ изъ неописанныхъ Оглоблинымъ столбцовъ бѣлгородскаго стола; а сколько ихъ заключается еще въ московскомъ, владимірскомъ и другихъ столахъ. Мало того - Разрядный архивъ составляетъ только небольшую часть архива юстиціи. Писцовыя и другія переписныя книги хранятся въ другомъ отдѣленіи архива, точно также какъ и сенатскія дѣла; необходимо и имъ сдѣлать обозрѣніе на манеръ "Обозрѣнія" Оглоблина; это было бы полезно во всѣхъ отношеніяхъ и, между прочимъ, могло бы приблизить насъ къ рѣшенію важнаго вопроса о способахъ изданія Писцовыхъ книгъ. Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ сосредоточены дѣла стариннаго посольскаго приказа, находится то же громадное количество историко-географическихъ матеріаловъ; здѣсь же найдены были и самыя старинныя писцовыя книги; здѣсь же наконецъ хра-

нятся извѣстные портфели Миллера, въ которыхъ собраны весьма важныя сибирскія дѣла Не мало цѣнныхъ документовъ мы найдемъ въ архивѣ главнаго штаба и другихъ столичныхъ архивахъ Не менѣе надежды возбуждаетъ рукописный отдѣлъ Императорской публичной библіотеки Богатѣйшій матеріалъ для исторической географіи литовской, южной и западной Руси мы найдемъ въ литовской метрикѣ, которая находится теперь въ вѣдѣніи московскаго архива министерства юстиціи и составляетъ въ немъ самостоятельный отдѣлъ. Но не ограничиваясь центральными хранилищами, мы должны будемъ произвести розысканія въ областныхъ и въ провинціальныхъ архивахъ. Гдѣ же, какъ не въ нихъ искать матеріаловъ для историко-географическаго описанія разныхъ областей и губерній Кіевскій Виленскій и Витебскій центральные архивы хранятъ драгоцѣннѣйшіе источники для изученія историческаго прошлаго территоріи и народности южной и западной Руси Недавно возникшіе по мысли покойнаго Н.В. Калачева губернскіе архивы, также навѣрно заключаютъ въ себѣ мѣстные документы историко-географическаго характера Пусть будетъ приведенъ въ извѣстность весь этотъ матеріалъ и такимъ образомъ изслѣдователи мѣстной старины узнаютъ что у нихъ есть дома и что нужно искать

имъ въ центрахъ;съ другой стороны, - такіе указатели мѣстныхъ историко-географическихъ матеріаловъ пригодятся и присяжнымъ,такъ сказать, ученымъ, живущимъ въ центрахъ.

Для изданія документовъ необходимо ихъ предварительное изученіе;до сихъ поръ въ дѣлѣ изданія элементъ случайности игралъ,къ сожалѣнію,очень важную роль; ученыя губернскія коммиссіи легко могутъ впасть въ ту же ошибку и потому пусть раньше они изучатъ свои матеріалы и тогда уже займутся систематическимъ изданіемъ ихъ;историко-географическіе матеріалы составятъ въ этомъ случаѣ отдѣльную,самостоятельную группу;къ документамъ, извлеченнымъ изъ мѣстнаго губернскаго архива,можно было бы присоединить и тѣ матеріалы,которые хранятся въ центральныхъ архивахъ и относятся къ данной мѣстности;такимъ путемъ удобнѣе всего было бы издать и писцовыя книги разныхъ губерній Россіи;иначе они не увидятъ свѣта многіе годы, если не десятки лѣтъ.а когда количество матеріала увеличится и онъ будетъ обработанъ ученымъ образомъ,тогда можно будетъ приступить къ составленію подробнаго историко-географическаго словаря и историко-географическаго атласа.Мы имѣемъ теперь три атласа по русской исторіи:Ахматова,Павлищева и Замысловскаго |выпустив. уже 3 изд | Изъ

этихъ трехъ атласовъ наиболѣе удобенъ для справокъ атласъ Замысловскаго; онъ составляетъ середину между ученымъ пособіемъ и учебнымъ атласомъ, кромѣ того атласъ Замысловскаго въ послѣднемъ изданіи заключаетъ объясненіе картъ, помѣщенныхъ въ атласѣ |всѣхъ картъ - 22|, I-я карта восточная и средняя Европа въ IX и X столѣтіи. Вторая карта - русская земля съ половины XI до половины XIII вѣка; третья карта - русская земля въ XIУ и въ первой половинѣ XУ вѣка, и такъ далѣе, - всего восемъ картъ по русской исторіи. Къ сожалѣнію характеръ атласа, не то ученый не то учебный, имѣетъ нѣкоторые недостатки. Для того, чтобы быть ему учебнымъ, его объясненія слишкомъ сухи, спеціальны, а съ ученой точки зрѣнія его трудъ можетъ быть подверженъ строгой критикѣ. Авторомъ не приняты во вниманіе многія сочиненія, которыя дали бы ему возможность опредѣлить и границы русскаго государства, его областей и такъ далѣе. Не воспользовался онъ, напримѣръ, картой, приложенной къ моему труду, къ сочиненію Бѣляева. Неудовлетворительна его карта Сибири. Невозможно у него разобрать какова была Сибирь въ XУI, XУII и XУIII вѣкѣ. Тоже можно сказать и относительно другихъ частныхъ картъ: онѣ имѣютъ характеръ случайный. Кромѣ этихъ атласовъ, нуж-

но указать на три географическихъ словаря, гдѣ заканчиваются историко-географическія данныя. Старый словарь Шекатова, затѣмъ Семенова и географическій словарь русской земли Барсова |исторический|. Впрочемъ уже даже въ XVIII в. былъ словарь Татищева, составленный на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ разными лицами.

§ 25. ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Археологическое направленіе въ русской исторіи тѣсно связано съ историко-географическимъ. Давно у всѣхъ изслѣдователей русской старины явилось стремленіе увеличить кругъ новыхъ данныхъ, расширить наши познанія въ глубь вѣковъ Тамъ, гдѣ оканчиваются свѣдѣнія литературныхъ источниковъ, письменныхъ памятниковъ - являются на помощь памятники вещественные. Таково происхожденіе русской историко - археологической школы. Важнѣйшіе представители ея - Забѣлинъ и графъ Уваровъ. Для нашей цѣли важно прежде всего прослѣдить археологическое направленіе въ работахъ, относящихся къ историческому періоду русской жизни. Яснѣе всего оно проявилось въ изслѣдованіяхъ Забѣлина. Самоучка, не получившій не только высшаго, но даже, кажется, и средняго образованія,

начавшій свою дѣятельность писцомъ въ одномъ изъ архивовъ, онъ выдвинулся благодаря своему громадному таланту и въ настоящее время состоитъ завѣдующимъ историческимъ музеемъ въ Москвѣ. Онъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ своихъ ученыхъ трудовъ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, раскопка знаменитаго Чертомлицкаго кургана, гдѣ найдено много вещей скиѳскаго періода. Забѣлинъ - наиболѣе извѣстный московскій историкъ, наиболѣе видный представитель нашей московской исторической національной школы. Печать громаднаго таланта лежитъ на всѣхъ его сочиненіяхъ. Только въ послѣднее время, когда онъ занялся своей "Исторіей русской жизни", разбирая различныя мнѣнія о происхожденіи Руси, онъ сгустилъ краски, перешелъ должныя границы безпристрастія и дошелъ до односторонностей и крайностей.

Свое историческое міровоззрѣніе Забѣлинъ выражаетъ въ статьѣ: " Размышленія о современныхъ задачахъ русской исторіи и древностей", помѣщенный во 2-мъ томѣ его сборника, "Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи". Въ этой статьѣ онъ подходитъ какъ бы къ историческимъ воззрѣніямъ Костомарова, но на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ, между ними цѣлая пропасть. Забѣлинъ въ своемъ взглядѣ на исторію старается провести

аналогію между нею и естествознаніемъ, такъ какъ предметъ исторіи - народный организмъ, подобный тѣмъ организмамъ, какіе подлежатъ изученію естествознанія. "Предметъ исторіи, говоритъ онъ, - живой организмъ человѣческаго духа, какъ явленіе, высшая ступень животнаго организма природы, надъ изслѣдованіемъ котораго и работаютъ естественныя науки. Изученіе и изображеніе человѣческой жизни въ формѣ общества, народа, государства - какъ хотите вотъ задача исторіи." Недостатки прежнихъ историческихъ трудовъ Забѣлинъ объясняетъ отсутствіемъ сознанія идеи народности изслѣдователей. "Характеръ историческаго изслѣдованія и изложенія, говоритъ онъ, за немногими исключеніями до сихъ поръ напоминаетъ еще или первоначальную лѣтопись или исторію естественную, то есть простое описаніе фактовъ и явленій человѣческихъ дѣлъ, распредѣленныхъ иногда по родамъ и видамъ, примѣромъ служатъ дѣла военныя, дѣла гражданскія, дѣла церковныя, домашнія и т.д. Единственная связь, на которой держится повѣствованіе это хронологія, послѣдовательность годовъ, - связь слѣдовательно, чисто внѣшняя, механическая, способная скорѣе затемнить дѣло, чѣмъ дать живое прдставленіе о народной жизни. Вообще прежніе историки, по словамъ Забѣлина, занимались оффиціаль-

ными дѣлами, излагали, такъ сказать, казенныя событія войны, подвиги героевъ и т. п. Въ послѣднее же время стали обращать вниманіе на громадный матеріалъ для исторіи народной жизни, на факты мелочные, обрисовывающіе въ рельефныхъ чертахъ народный образъ: "Подобно естествознанію, говоритъ онъ, и исторія обратилась къ микроскопическимъ наблюденіямъ и микроскопическимъ изслѣдованіямъ надъ прожитою жизнью человѣка; житейскія мелочи, тончайшія волокна людскихъ отношеній, воззрѣній древняго человѣка, его вѣрованій и убѣжденій, жизненныхъ понятій стали больше возбуждать вниманіе историковъ, чѣмъ громадныя, повидимому, и халкія дѣла Чингисхановъ и разныхъ Тамерлановъ, въ чемъ бы они ни проявлялись - въ Татарскомъ ли халатѣ или другихъ какихъ даже наполеоновскихъ нарядахъ... Недавно въ Германіи, отечествѣ наукъ, провозглашена новая наука - народо-психологія, система знаній о развитіи народной духовной жизни, наука о духовной природѣ общественнаго человѣка, ученіе о законахъ, по которымъ развивается исторія народа, по которымъ созидается духъ, характеръ народа, неуловимый обликъ его исторической дѣятельности." Далѣе Забѣлинъ говоритъ, что все "неустройство теперешняго изображенія сочиненія и составленія

исторій происходитъ отъ того, что до сихъ поръ еще не могли уловить народнаго облика, что исторія теперешняя предствляетъ какой-то сборникъ біографій неугомонныхъ лицъ, надѣлавшихъ шуму въ исторіи и заключаетъ много другихъ подробностей, затемняющихъ народныя черты". О значеніи личности въ исторіи онъ говоритъ: "Если всѣ великія личности исторіи служатъ только выразителями жизненныхъ силъ народа, провозвѣстниками того, что давно уже таилось и зрѣло въ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ, чаяніяхъ и стремленіяхъ массы, то пусть онѣ и остаются только въ этихъ роляхъ, а не выступаютъ, по волѣ историка, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ разсказа, которое все таки самъ народъ" Преобладаніе внѣшнихъ событій у прежнихъ историковъ происходило, по словамъ Забѣлина, потому, что вообще отъ государственной внѣшней дѣятельности народа сохранилось больше памятниковъ, что государственная дѣятельность, какъ и все внѣшнее, скорѣе всего бросается въ глаза. Историки, говоритъ Забѣлинъ, пренебрегли съ высоты своей государственной точки зрѣнія многими важнѣйшими матеріалами. Такъ, напримѣръ, они рѣдко находятъ нужду въ юридическихъ актахъ и бумагахъ, которыя "съ физіологической точки зрѣнія на историческое дѣло - самый существенный

источникъ народной исторіи". Не обращали вниманія на обширнѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ, изображающій живую народную душу, рисующую домашнюю будничную жизнь и мелкія дѣянія людей, а также всю мелкую обстановку древняго быта. Особенную важность придаетъ Забѣлинъ при изображеніи исторической жизни народа - народному эпосу; изъ народнаго эпоса, говоритъ онъ, долженъ историкъ черпать ту "живую воду", которая одна только имѣетъ силу воскрешать сухія муміи древняго человѣка, хранимыя оффиціальными сказаніями и повѣствованіями, разными государственными актами и документами". Къ характеристикѣ прежнихъ историческихъ трудовъ Забѣлинъ прибавляетъ: "къ сожалѣнію еще до настоящей минуты тяготитъ надъ нами присяжная, непостижимая какая то обязанность начинать исторію разрѣшеніемъ вопроса о происхожденіи варяговъ - Руси,.какъ будто въ самомъ дѣлѣ отъ этого антикварнаго вопроса зависитъ "быть или не быть" нашего историческаго дѣла. Неужели до сей минуты мы еще не убѣдились, что на этомъ ристалищѣ много можно поламать копій, много разъ можно отличиться въ антикварной эрудиціи и еще болѣе разъ можно безславно упасть, потративъ и трудъ, и время, и талантъ безъ всякой пользы для разрѣшенія даже

этого самаго вопроса"? Интересно, что самъ Забѣлинъ былъ втянутъ въ то ристалище, противъ котораго онъ здѣсь вооружается - мы разумѣемъ здѣсь полемику его съ норманистами, которую онъ ведетъ въ своемъ сочиненіи "Исторія русской жизни". Мы уже говорили выше, что Забѣлинъ отожествляетъ народность съ государственностью. Поклонники народности, говоритъ онъ, отдѣляютъ ее отъ государственности какъ нѣчто чуждое, случайное - и это превратное понятіе происходитъ отъ того, что они переносятъ современныя требованія на народную дѣйствительность. Они должны показать тѣ народныя стихіи, которыя могли создать иную форму, болѣе соотвѣтственную. "Пока этого не сдѣлаютъ, мы останемся при томъ мнѣніи, что государство, государственная форма, какая бы она ни была, не есть дѣло одного лица, или нѣсколькихъ лицъ, хронологически одно за другимъ слѣдовавшихъ, а есть непосредственное дѣло самаго народа, прямое дѣло господствующихъ элементовъ его жизни, есть непосредственное выраженіе народности. Далѣе Забѣлинъ говоритъ, что московское самодержавіе имѣло свои основы въ частномъ быту древней Руси. "Не къ татарамъ и въ Византію мы должны отправляться, чтобы уяснить себѣ происхожденіе существующей формы", такъ какъ само-

державіе было у насъ до татаръ |Ярославъ Мудрый и Андрей Боголюбскій называются въ лѣтописи "самовластцами"|, при нихъ и послѣ нихъ. Татары содѣйствовали только болѣе быстрому развитію самодержавія. Отъ Византіи была заимствована только отвлеченная идея царя, но типъ государя вотчинника и хозяина есть типъ туземный, сложившійся органически, самъ собою, изъ готовыхъ элементовъ народной жизни; онъ существовалъ сначала въ частномъ быту и потомъ, развившись въ политическое тѣло, охватилъ бытъ всего народа, сталъ его вершиною." Развивающееся народное сознаніе измѣняется постепенно въ своихъ началахъ и принципахъ, ищетъ новыхъ формъ для своего выраженія и, не находя ихъ дома у себя, естественно обращается на сторону и заимствуетъ чужія формы, но не сущность. Съ этой точки зрѣнія смотритъ Забѣлинъ на Византійскую обстановку царскаго достоинства въ XУI и XУII столѣтіяхъ и на реформы Петра. Далѣе Забѣлинъ указываетъ еще на одинъ важный факторъ народной жизни: "помимо государства существуетъ дѣятель сильнѣе его, существуетъ самостоятельно, дѣйствуетъ независимо отъ опредѣленій государства. Это-общество народа. Общество есть главный, видимый дѣятель народнаго сознанія. Это сознательная сторона, сознательная сила на-

роднаго духа, проявляемая въ элементахъ образованности и вообще въ элементахъ умственной дѣятельности народа." Не безинтересно будетъ привести здѣсь мнѣніе Забѣлина о томъ, что нужно разумѣть подъ словомъ народъ: "Народъ есть живая единица, сознающая жизненно, а не механически, т.е. административно, свое единство, свою цѣльность. Совокупность даже родственныхъ племенъ не составляетъ еще народа, ибо племена, хотя и родственныя по языку и происхожденію, не могутъ сознавать единства, вслѣдствіе того начала, которымъ они живутъ и держатся."

Таковы, по мнѣнію Забѣлина, задачи русской исторіи. Въ понятіи о государственности онъ сходится съ Костомаровымъ, но расходится въ понятіи о народности. Народность, по Костомарову, этнографическая единица, а по Забѣлину - народность тождественна съ государственностью. Вторая половина разбираемой нами статьи Забѣлина посвящена вопросу о задачахъ русскихъ древностей, или, вѣрнѣе, о задачахъ русской исторической археологіи. Здѣсь Забѣлинъ, какъ знатокъ своего дѣла, высказываетъ нѣсколько мыслей, являющихся важными и существенными даже въ смыслѣ методологическихъ пріемовъ русскихъ древностей. Здѣсь онъ намѣчаетъ программу, которой и слѣдовалъ во всѣхъ

почти сочиненіяхъ своихъ по русскимъ древностямъ. Для изученія народной жизни, говоритъ онъ, необходимо обратиться къ изученію жизни частной, ея мелочамъ и обстановкѣ. Здѣсь приходитъ намъ на помощь археологія. "Наука древностей по преимуществу имѣетъ дѣло только съ обломками, остатками, развалинами и не одними монументальными, вещественными, какъ ее обыкновенно понимаютъ, а вообще съ обломками и развалинами жизни человѣка, въ какомъ бы видѣ и въ какой бы формѣ они не встрѣтились. Среди такихъ обломковъ и развалинъ она и отыскиваетъ полноту единично—индивидуальной жизни. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ того мелкаго памятника, того мельчайшаго свидѣтельства, которое не было бы для нея важно и поучительно. Здѣсь всякая тонкая черточка идетъ въ дѣло, потому что для изображенія мелкихъ единицъ нужны тонкія и мелкія черты. Словомъ, задача археологіи - жизнь и бытъ человѣка, какъ отдѣльной единицы...Всѣ, повидимому, самостоятельные отдѣлы археологическаго знанія, какъ, напримѣръ, исторія искусствъ и т.п. въ результатѣ своихъ изысканій, изслѣдованій и своего ученія все-таки встрѣчаются съ единымъ узломъ всякаго знанія и всякой науки - съ человѣкомъ, или въ его единичной жизни, или въ общей, народной, основныя начала которой и стараются се-

бѣ уяснить". Въ археологіи, говоритъ онъ, требуется прежде всего изслѣдованіе внѣшней обстановки, внѣшняго порядка жизни и въ этомъ случаѣ нельзя пренебрегать никакой мелочью, никакой микроскопическою чертою; только благодаря этому можно возвести историческое и археологическое изслѣдованіе въ живые, законченные типы. "Если для живой, дышащей характеристики современныхъ намъ типовъ художникъ прямо берется за внѣшнюю мелочную ихъ обстановку и щедро разсыпаетъ вокругъ ихъ домашнія, бытовыя мелочи, всегда придающія особенную выпуклость, или, говоря старинным словомъ, особенное живство изображаемымъ лицамъ и картинамъ, то подобныя краски еще необходимѣе для изображенія древности." Современные намъ типы, говоритъ Заѣблинъ, знакомы намъ и безъ описаній: мы ясно представляемъ въ своемъ воображеніи типъ чиновника, купца, мастерового, солдата и т.д. Но - "что нынче имѣло мѣсто въ общемъ движеніи, было непосредственнымъ матеріаломъ самой жизни, то завтра гаснетъ и переходитъ въ область отвлеченностей, становится матеріаломъ для исторіи или археологіи, вообще матеріаломъ знанія. Оттого такъ трудно намъ связать какое-нибудь живое понятіе съ именами, напримѣръ, древняго русскаго князя, боярина, дьяка,

боярскаго сына, торговаго человѣка, гостя, посадскаго и т.д. Все это - полнѣйшіе іероглифы для нашего воображенія, надъ которыми нужно еще много и долго поработать, чтобы добиться въ нихъ смысла, раскрыть въ нихъ живую душу." Какой же системы, спрашиваетъ Забѣлинъ, мы должны держаться при разборѣ этого разнообразнаго и громаднаго археологическаго матеріала? Здѣсь не должны быть, по его мнѣнію, отдѣльныхъ самостоятельныхъ отраслей археологіи въ родѣ нумизматики, геральдики - такъ называемыхъ дворянскихъ аристократическихъ наукъ, которыя для насъ, людей XIX вѣка, не имѣютъ значенія, а тѣмъ болѣе для русскихъ. При изслѣдованіи каждой отрасли археологіи должно обращать на эту отрасль лишь столько вниманія, насколько она касается общей цѣли, центра всѣхъ подобныхъ изслѣдованій - человѣка единичнаго, или цѣлаго народа. Но такъ какъ въ различныхъ обложкахъ внѣшней, старинной обстановки кроются вкусы, понятія и вообще вся духовная природа человѣка, то "система, строй и порядокъ, въ какомъ должно вести археологическое изученіе, кроется въ основахъ самой жизни человѣка, въ условіяхъ матеріальнаго, физическаго его существованія и въ духовныхъ отправленіяхъ его природы Не по внѣшнимъ вопросамъ о той или дру -

гой сторонѣ, о томъ или другомъ предметѣ древняго быта мы должны расположить археологическое знаніе и по внутреннимъ явленіямъ жизненныхъ силъ человѣка - творца своей дѣйствительности, - слѣдовательно основа археологической системы должна искать свою твердую опору въ психологіи; по крайне мѣрѣ изъ этого источника она должна почерпать ту простоту и ясность въ опредѣленіи и построеніи порядка въ своемъ содержаніи, безъ которыхъ нѣтъ и малѣйшей возможности осмыслить невѣроятную массу и разнообразіе археологическаго матеріала". Наконецъ Забѣлинъ намѣчаетъ слѣдующіе пункты археологическаго изслѣдованія: I| матеріальная сторона угасшей жизни, или всѣ условія физическаго существованія въ данную эпоху; 2| сторона умственныхъ силъ или тѣ условія, которыя обнаруживали и опредѣляли дѣятельность ума, жизненность мысли и 3| сторона нравственныхъ силъ со всѣми условіями въ какихъ эти силы выразились.

Выразивъ свои взгляды на археологію, Забѣлинъ рѣшился примѣнить ихъ на дѣлѣ. Онъ задумалъ возсоздать полную картину прошлаго на основаніи археологическихъ остатковъ, какъ вещественныхъ, такъ и письменныхъ. Свои изслѣдованія въ этомъ направленіи онъ началъ съ изученія быта

русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ и выпустилъ два сочиненія: "Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII стол." и " Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіи". Въ предисловіи къ первому изъ этихъ сочиненій авторъ высказываетъ интересный взглядъ на характеръ русской исторіи и русскаго народа: "интересъ нашей исторіи заключается по преимуществу въ непосредственномъ физіологическомъ ростѣ нашей цивилизаціи, въ отсутствіи, именно, тѣхъ элементовъ, которые двигали развитіе на Западѣ, и въ присутствіи такихъ, которые сближаютъ насъ больше съ Востокомъ, т.е. вообще съ народами, не касавшимся въ своемъ развитіи того богатаго наслѣдства древней образованности, какимъ вос пользовались народы западные. Мы не получили этого наслѣдства, не попали въ эту цивилизующую школу вѣками выработанныхъ началъ и умственнаго и общественнаго развитія. Мы, напротивъ, очень долго росли, какъ цвѣтъ сельный на степной волѣ, оставленные самимъ себѣ, какъ тотъ любимый герой нашихъ сказокъ, обойденный, загнанный братьями, обдѣленный отцовскимъ наслѣдствомъ въ лицѣ котораго народъ инстинктивно рисуетъ собственную долю. Собственными силами и разумомъ самой жизни, медленно и тяжело мы создали свою самостоятель-

ность. Намъ отказала въ помощи даже сама природа и въ то время, какъ европейскіе народы, двигаясь поступательно къ Западу, всюду встрѣчали не только богатство естественныхъ условій, но даже, какъ напримѣръ, среди племенъ Америки, значительную долю гражданскаго развитія, мы, принужденные двигаться по глубокому сѣверу на востокъ, встрѣчали на пути тѣ же непроходимые лѣса, неоглядныя тундры и степи и скудные начатки цивилизаціи, предъ которыми первенствовало даже наше, слишкомъ молодое еще развитіе." Затѣмъ авторъ говоритъ о недостаткахъ современной обработки бытовой исторіи: "Обыкновенный способъ обработки бытовой исторіи заключается въ томъ, что разновременные, разномѣстные и разносословные бытовые факты сводятъ подъ извѣстное оглавленіе и, такимъ образомъ, составляютъ разсказъ о той или другой сторонѣ быта, о томъ или другомъ порядкѣ жизни |намекъ на Исторію Россіи Соловьева|. При первоначальныхъ работахъ такой способъ почти миновать нельзя, но должно сознаться, что онъ грѣшитъ излишнимъ обобщеніемъ фактовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ или долженъ представлять какъ общую черту, не выясняя однако-жъ того, или другого общаго типа жизни, а рисуя только жизнь народа вообще въ извѣстный періодъ

времени, иногда очень значительнаго объема." Затѣмъ Забѣлинъ говоритъ, что наука и искусство естественно помогаютъ другъ другу: "Задача искусства въ томъ, именно, и заключается, чтобы пластически выразить въ одномъ типѣ все то, что разбросанное и какъ бы разрозненное вращается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ, однако, по свойству своей нравственной природы къ одному и тому же роду, или виду. Наука съ своей стороны помогаетъ искусству и собираетъ матеріалъ для художественнаго воплощенія въ одно цѣлое разрозненныхъ и, повидимому, чуждыхъ другъ другу атомовъ нравственной жизни. Въ этомъ случаѣ необходимо совершается естественный процессъ человѣческаго творчества: возводить знаніе въ актъ сознанія, къ чему ведетъ и конечная цѣль самой исторіи". Далѣе Забѣлинъ разсматриваетъ главные типы древне-русской жизни; такихъ типовъ было три: I| "наиболѣе замѣтный, передовой типъ нашей исторіи есть государь или господарь, не въ тѣсномъ смыслѣ государя политическаго, а въ смыслѣ общемъ какъ собственника и владѣльца, хозяина, который и въ общей жизни именовался тѣмъ же словомъ, и впослѣдствіи выдѣлилъ уже изъ себя политическое явленіе." Понятно, что этотъ типъ существовалъ среди первенствующаго сословія въ ро-

дѣ, напримѣръ, княжеской дружины. Этотъ типъ можно разсматривать въ трехъ видахъ: бытъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей; 2| типъ земца-кормителя, во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. "Здѣсь наиболѣе виднымъ лицомъ становится по естественной причинѣ капиталистъ-гость. Этотъ господарь-хозяинъ въ собственномъ смыслѣ. Младшія вѣтви этого типа теряются въ посадскихъ и чернослободскихъ сиротахъ", которымъ трудолюбіе, оборотливость, "промыслъ" - въ смыслѣ дарованій ума и опытности, всегда открывали широкую и свободную дорогу въ первые ряды земства". Третій типъ - казачество - есть также совсѣмъ особый порядокъ отношеній, особая стихія жизни, требующая, какъ особый ея типъ, отдѣльнаго, независимаго изслѣдованія. Не ограничивая его значенія одною какою-либо мѣстностью или историческимъ періодомъ, необходимо разсмотрѣть существенныя стороны этого типа въ общемъ его явленіи. Казачество -сначала какъ отрицаніе земскихъ условій жизни, а потомъ, какъ своеобразно сложившееся земство - въ нашей исторіи имѣетъ особенное значеніе. Жизненная сила его была такъ велика, что оно сплотилось было въ политическій типъ, постепенное разложеніе котораго и окончательное исчезновеніе совершилось не столько отъ обстоятельствъ ,не бла-

гопріятствовавшихъ его развитію, сколько вообще отъ направленія обще-историческихъ идей времени." I-я глава носитъ общее заглавіе со 2-й и съ 3-й, "Государевъ дворъ или дворецъ". Въ первой главѣ сочиненія "Домашній бытъ царей" Забѣлинъ слѣдитъ, такъ сказать, за исторіей дворца, за постепенными измѣненіями въ его устройствѣ и улучшеніями его украшеній въ періодъ XУI и XУII ст. Въ началѣ главы мы находимъ вступленіе, гдѣ развивается исторически жизнь московскаго государя, начиная съ великокняжескаго періода и кончая бытомъ царей; здѣсь онъ указываетъ на XУII вѣкъ, какъ на періодъ полнаго развитія древнихъ основъ русской жизни; онъ говоритъ: Старый русскій домашн. бытъ и особенно бытъ русскаго великаго государя со всѣми своими уставами, положеніями, формами, со всею порядливостью, чинностью и чтивостью наиболѣе полно выразился къ концу XУII столѣтія. Это была эпоха послѣднихъ дней для нашей домашней и общественной старины, когда все, чѣмъ была сильна и богата эта старина, высказалось и закончилось въ такіе образы и формы, съ которыми по тому же пути дальше идти было невозможно." Великій государь или царь XУII вѣка, несмотря на громадное политическое могущество, несмотря на недоступность, на то разстояніе, которое отдѣ-

ляло его теперь отъ земства - остается въ своемъ домашнемъ быту "вполнѣ народнымъ типомъ хозяина, главы дома, типическимъ явленіемъ того строя жизни, который служитъ основой экономическаго, хозяйскаго быта во всемъ народѣ. Одни и тѣ же понятія и даже уровень образованія, одни привычки, вкусы, обычаи, домашніе порядки, преданія и вѣрованія, одни нравы, - вотъ что равняло бытъ государя не только съ боярскимъ, но и вообще съ крестьянскимъ бытомъ." Разница состояла только въ большемъ просторѣ жизни, въ большемъ богатствѣ и обиліи украшеній. "Изба крестьянская, срубленная во дворцѣ для государева житья, убранная богатыми тканями, раззолоченная, расписанная, все-таки оставалась избою въ своемъ устройствѣ, съ тѣми же лавками, переднимъ угломъ, съ тою же мѣрою въ полтретьи сажени, сохраняя даже общенародное имя избы". Интересенъ взглядъ Забѣлина на устройство древней Москвы и на ея исторію: Вотчинническій, господарскій типъ московскихъ князей обозначился даже въ самоустройствѣ ихъ стольнаго города Москвы. Въ сущности это была помѣщичья усадьба, обширный вотчинниковъ дворъ, стоявшій среди деревень и слободъ, которыя почти всѣ имѣли какое либо служебное назначеніе въ вотчинниковомъ хозяйствѣ, въ

потребностяхъ его дома и домашняго обихода". "Вообще исторія Москвы, какъ города, въ томъ отношеніи особенно и любопытна, что она, такъ сказать, по пятамъ идетъ за развитіемъ Московскаго господарства съ его зарожденія, какъ частнаго, особеннаго "собиннаго" княжаго хозяйства и до его окончательнаго распространенія на всю землю, когда это хозяйство - государство приобрѣтаетъ уже общее земское политическое значеніе, становится формою политическаго быта земли". Въ третьей главѣ, имѣющей одинаковое названіе съ двумя первыми, разсматривается значеніе различныхъ частей дворца, говорится о томъ, кому позволенъ или не позволенъ доступъ во дворецъ, говорится о карауль дворцовомъ, затѣмъ о значеніи различныхъ палатъ: Грановитой, золотой, царицыной золотой, столовой и т.п.; здѣсь мы встрѣчаемся съ дневальными записями о погодѣ и о дворцовомъ карауль, о постельномъ крыльцѣ, какъ сборномъ мѣстѣ дворянъ и, наконецъ, съ дѣлами о нарушеніи чести государева двора и о дворянскомъ безчестіи. Въ 4-й главѣ Забѣлинъ рисуетъ обрядъ государевой жизни комнатной и выходной, и это описаніе имѣетъ для насъ большое значеніе, такъ какъ наши государи большую часть жизни проводили дома. Еще большимъ богатствомъ содержанія,

болѣе широкой программой отличается сочиненіе Забѣлина: "Бытъ русскихъ царицъ". Здѣсь авторъ даетъ намъ исторію русской женщины, начиная съ Ольги. Здѣсь онъ указываетъ, какъ государи выбирали себѣ невѣстъ, какимъ историческимъ ходомъ они дошли до этого способа выборовъ; разсказываетъ также о придворныхъ интригахъ, происходившихъ изъ-за царскихъ невѣстъ. Далѣе Забѣлинъ описываетъ обрядъ царицыной жизни комнатной и выходной, говоритъ о замкнутости быта царицъ, проводившихъ время въ постоянныхъ молитвахъ и разъѣздахъ по монастырямъ. Затѣмъ онъ описываетъ дворцовыя забавы, увеселенія и зрѣлища, царицынъ дворовый чинъ; говоритъ о различныхъ кормилицахъ, псаломщицахъ, учительницахъ, сѣнныхъ боярышняхъ и т.д. Наконецъ, Забѣлинъ описываетъ царицыны наряды, уборы и одежду; каждая мелочь женскаго туалета, вродѣ гребенокъ, булавокъ, мыла, духовъ и т.п. описана авторомъ со всею подробностью. Однимъ словомъ, это сочиненіе даетъ дѣйствительно ключъ не только къ пониманію домашней жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ художественный интересъ; мы имѣемъ здѣсь настоящіе типы, романъ прошлаго, основанный на точныхъ, документальныхъ, фактическихъ данныхъ. Кромѣ этихъ двухъ сочиненій Забѣлинъ, желая такъ

сказать, продолжить свой планъ, рѣшился написать систематическое сочиненіе, посвященное исторіи русскаго народа и основанное тоже на археологическихъ данныхъ. Это сочиненіе называется: "Исторія русской жизни" въ 2-хъ томахъ. Къ сожалѣнію, этотъ трудъ не удовлетворяетъ даже и тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ къ подобнымъ изслѣдованіямъ самъ Забѣлинъ. Впрочемъ, причиною этого, быть можетъ , былъ недостатокъ историческаго матеріала. Если для описанія быта XVI и XVII столѣтій, несмотря на громадную массу матеріала, Забѣлинъ жаловался все таки на скудость его, то для эпохи съ IX по XIII в. онъ лицомъ къ лицу очутился съ полной скудостью матеріала. Онъ раздвинулъ очень широко рамки своей задачи, захватилъ скиѳскій періодъ, эпоху греческихъ колоній на югѣ нынѣшней Россіи, однимъ словомъ, онъ желая изобразить домашній бытъ русскихъ избралъ предметомъ своихъ изысканій даже не русскихъ. Онъ всѣхъ скиѳовъ, роксоланъ и др. хотѣлъ одѣть въ русскіе костюмы. Въ этой книгѣ мы находимъ только блистательную характеристику природы русской территоріи и ея вліянія на исторію. Первый томъ "Исторіи русской жизни" почти на цѣлую треть наполненъ варяжскимъ вопросомъ; здѣсь Забѣлинъ набираетъ для опроверженія норманской теоріи цѣ

лую массу именъ и въ этомъ отношеніи идетъ по стопамъ Морошкина. Къ сожалѣнію, Забѣлинъ пользуется извѣстіями иностранными въ переводахъ. Во второмъ томѣ исторіи онъ развиваетъ нѣкоторыя свои излюбленныя идеи, напримѣръ, идею родового быта, но и эта книга насъ не удовлетворяетъ и, вѣроятно, самъ Забѣлинъ убѣдился въ несостоятельности своего труда и отказался отъ продолженія своей работы. Сочиненіе Забѣлина "Мининъ и Пожарскій" находится до нѣкоторой степени въ противорѣчіи съ его излюбленными идеями. Онъ занимается здѣсь жизнью не народа, а его представителей. Въ этой книгѣ мы находимъ сильный обвинительный актъ противъ служилаго сословія, которое создало смутную эпоху. Наконецъ Забѣлину принадлежатъ два тома сочиненія "Опыты изученія русской исторіи и древностей." Здѣсь находится нѣсколько отдѣльныхъ статей, напримѣръ объ Алексѣѣ Михайловичѣ, о русской археологіи различныхъ направленіяхъ въ русской исторіи наконецъ въ послѣднее время имъ изданы "Матеріалы къ исторіи города Москвы" и "Исторія города Москвы".

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ УВАРОВЪ.

Уваровъ родился въ 1824 г. и умеръ въ 1884 г.

Окончивъ курсъ въ Петербургѣ, онъ слушалъ лекціи въ различныхъ заграничныхъ университетахъ. Съ 1845 года по 1850 онъ состоялъ на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; но служба эта его не привлекала и онъ въ 1851 году поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ участвовалъ въ комиссіи по устройству быта эстляндскихъ крестьянъ. Въ теченіе 1853 и 1855 г. состоялъ при кабинетѣ Его Величества, а въ промежуткѣ былъ капитаномъ дружины собственныхъ крестьянъ. Въ 1856 г. перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія и былъ назначенъ помощникомъ попечителя Московскаго округа. Въ 1865 году онъ оставилъ государственную службу и до 1871 года исполнялъ должность предводителя Можайскаго дворянства. И такъ, мы видимъ, что графъ Уваровъ не могъ предаться всецѣло служебной дѣятельности; перемѣнивъ въ теченіе 20 лѣтъ 4 рода службы, онъ въ концѣ концовъ вовсе удалился отъ дѣлъ и сталъ вести жизнь частнаго человѣка. Какъ дѣятель археологической науки, графъ Уваровъ занимаетъ у насъ самое видное мѣсто. 38 лѣтъ тому назадъ онъ уже выступилъ съ капитальнымъ трудомъ по русской археологіи, который ему сразу доставилъ почетное мѣсто среди ученыхъ. Въ 1847 г. Императорское археологиче-

ское общество задалось цѣлью пополнить свѣдѣнія о памятникахъ древности на берегахъ Чернаго моря; графъ Алексѣй Сергѣевичъ предложилъ свои услуги для этой экспедиціи, конечно на свои собственныя средства. Задача его была далеко не легкая. Ему предстояло: I| осмотрѣть всѣ мѣста упоминаемыя у древнихъ писателей по берегу Чернаго моря, 2| собрать свѣдѣнія о курганахъ и способахъ ихъ раскопки; 3| снять мѣстности, съ которыхъ нѣтъ еще хорошихъ плановъ: въ Новороссійскомъ краѣ, въ Крыму, на Тамани; 4| изслѣдовать развалины различныхъ мѣстностей въ Крыму; 5| кромѣ классическихъ древностей обратить вниманіе и на древности скиѳскія, византійскія, татарскія, генуэзскія и русскія; 6| собрать всѣ не изданныя еще древнія подписи; 7| осмотрѣть музеи 8| провѣрить слухи о могилахъ скиѳскихъ царей на сѣверномъ берегу Чернаго моря: такимъ образомъ, порученіе это требовало разнообразныхъ историко-археологическихъ свѣдѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ большаго запаса энергіи и выдержки. Благодаря свѣтлому уму, способности къ изслѣдованію темныхъ историческихъ вопросовъ и необыкновенной преданности своему дѣлу, графъ блистательно выполнилъ свою задачу. Возвратившись изъ поѣздки онъ напечаталъ свой первый капитальный трудъ:

"Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря". Въ этомъ сочиненіи |роскошное изданіе въ двухъ выпускахъ съ рисунками, на русскомъ и французскомъ языкѣ| графъ Уваровъ изучилъ и описалъ разнообразные памятники древности на пространствѣ между Днѣпровскими порогами, Дунаемъ и Кубанью. Въ особенности интересны его наблюденія надъ памятниками древней Оливіи; по этимъ памятникамъ ему удалось возстановить ея древнюю жизнь -политическую исторію, гражданскія учрежденія, торговлю и монеты, искусства и ремесла, храмы, общественныя и частныя зданія. Эта первая, видная экскурсія графа была только началомъ послѣдующихъ; съ этихъ поръ раскопки кургановъ сдѣлались его любимымъ занятіемъ; на это онъ тратилъ большія средства. Результатомъ этихъ раскопокъ былъ цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, отдѣльныхъ изслѣдованій, статей, замѣтокъ и т.п. Не мѣсто и не время здѣсь входить въ ихъ разсмотрѣніе. Достаточно будетъ остановиться на самомъ важномъ сочиненіи этого времени: "Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ" Покончивъ обозрѣніе черноморскихъ древностей, графъ Уваровъ обратился къ сѣверо-восточной Россіи, къ территоріи стараго Суздальскаго княжества, столь богатаго памятниками древ

не-русской жизни. Его занимала мысль изслѣдовать курганы и городища этой мѣстности, гдѣ нѣкогда, передъ приходомъ русскихъ славянъ жило финское племя, не оставшееся безъ вліянія на складъ великорусской народности. Наша древняя лѣтопись въ общихъ чертахъ опредѣляетъ мѣстожительство Мери, но еще не указываетъ границы ея распространенія, не даетъ почти никакихъ данныхъ о ея внутреннемъ бытѣ; то же самое нужно сказать и о другихъ письменныхъ памятникахъ; такимъ образомъ, оставалось единственное средство для изслѣдованія - обратиться за свѣдѣніями къ нѣмымъ памятникамъ прошлаго, т.е. курганамъ и городищамъ. Дѣйствительно раскопки дали возможность графу Уварову возстановить географическое распредѣленіе этого племени и его бытъ. Всѣ мерянскія поселенія онъ раздѣлилъ на двѣ группы - самыя древнія и послѣдующія, соотвѣтствующія двумъ фазисамъ колонизаціоннаго движенія; что же касается границы разселенія, то для опредѣленія ея, онъ прибѣгаетъ къ географической номенклатурѣ, названію селеній, рѣкъ, урочищъ и.т.д. которыя сохранили намъ въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ слѣды имени Мери. Опредѣливъ древнюю географію края, графъ Уваровъ переходитъ вслѣдъ за тѣмъ къ внутреннему быту населенія и по найден

нымъ въ курганахъ предметамъ рисуетъ намъ погребальные обряды, религіозныя вѣрованія, торговыя сношенія, жилища, одежды и украшенія, домашнюю утварь, хозяйство и ремесла, вооруженіе и монеты. Но для того, чтобы достигнуть такихъ результатовъ, нужно было затратить много средствъ и труда. Чтобы дать объ этомъ понятіе, я приведу только нѣкоторыя цифры. Раскопка кургановъ продолжалась 4 года; всего изслѣдовано было 163 мѣстности и разрыто 7729 кургановъ. Общее число номеровъ найденныхъ здѣсь предметовъ равняется 998. Раскопки были окончены въ 1854 году, а основанное на нихъ сочиненіе явилось только въ 1871 г. Ученая дѣятельность графа Уварова шла между тѣмъ своимъ порядкомъ, но особенно интенсивное проявленіе ея началось съ 1865 года, когда по мысли покойнаго было основано Московское археологическое Общество, занявшее скоро, какъ бы центральное положеніе среди другихъ такихъ же обществъ. Въ качествѣ предсѣдателя этого общества графъ Уваровъ не пропускалъ ни одного открытія по русской археологіи, особенно съ тѣхъ поръ, когда, опять таки по его почину, были организованы археологическіе съѣзды, Тогда онъ лично познакомился со всѣми находками въ разныхъ областяхъ нашего обширнаго отечества.

Съ другой стороны онъ не жалѣлъ средствъ на пріобрѣтеніе всевозможнѣйшихъ изданій по европейской и русской археологіи, а равнымъ образомъ и самыхъ находокъ. "Въ его знаменитомъ подмосковномъ Порѣчьѣ", говоритъ Барсовъ, "только нижній этажъ дома занятъ жилыми комнатами и картинной галлереей. Бель-этажъ есть историко-археологическій музей; третій этажъ есть огромная библіотека - до ста тысячъ томовъ отборныхъ сочиненій историко-археологическаго содержанія Графъ не щадилъ никакихъ расходовъ на пріобрѣтеніе всѣхъ новыхъ русскихъ и иностранныхъ изданій, относившихся къ его спеціальности, и имѣлъ непрерывныя сношенія со всѣмъ русскимъ и заграничнымъ ученымъ міромъ. Всѣ свои раскопки, разъѣзды, закупки научныхъ предметовъ, изданіе ученыхъ трудовъ, графъ дѣлалъ на свои средства и всегда былъ очень щедръ. Никакая академія, никакая публичная библіотека, музей или университетъ не располагаютъ тѣми матеріалами по вещественнымъ памятникамъ русской древности, какіе остались въ кабинетѣ графа; описанія, переписка, рисунки, фотографіи въ совершенномъ порядкѣ разсортированы по картонажамъ съ названіями всѣхъ губерній". Послѣ всего сказаннаго понятно, что только одинъ графъ Уваровъ могъ при-

ступить къ сочиненію, которое бы свело въ одну картину всѣ доселѣ сдѣланныя археологическія открытія и представило бы намъ систематическую археологію Россіи. Къ такому сочиненію и приступилъ графъ. Къ несчастью смерть не позволила ему довести своего дѣла до конца: въ 1881 г. онъ издалъ только первый томъ своего труда подъ заглавіемъ: "Археологія Россіи. Каменный періодъ" Книга эта, состоящая изъ одного тома изслѣдованій и другого - приложенія, явилась вѣнцомъ ученой дѣятельности графа. Здѣсь гармонически соединилось глубокое фактическое знаніе всѣхъ, сдѣланныхъ въ Россіи находокъ каменнаго вѣка, съ широкимъ общимъ образованіемъ и большою начитанностью въ европейской археологической литературѣ Это дало возможность автору названнаго сочиненія поставить въ связь археологію Россіи съ археологіей западной Европы. Благодаря критическому таланту и ясному изложенію, изъ груды разбросаннаго, сырого матеріала получилась картина нашего доисторическаго быта, его первый каменный періодъ. Сначала авторъ даетъ нѣкоторыя общія свѣдѣнія о каменномъ вѣкѣ, потомъ переходитъ къ вопросу о первоначальномъ заселеніи русской равнины въ эпоху мамонта и, наконецъ, излагаетъ намъ бытъ тогдашняго человѣка въ древ-

нѣйшій палеолитическій, переходный и новѣйшій неолитическій періодъ. Нельзя не признать "Каменный вѣкъ" графа Уварова классическимъ сочиненіемъ въ нашей археологической литературѣ. Оно принесло большую пользу русскимъ археологамъ, наглядно показавъ имъ, какія стороны вопроса разработаны болѣе и какія вовсе не затронуты. Западно-европейская археологическая литература въ книгѣ графа Уварова пріобрѣла сочиненіе, которое доставило ей массу новыхъ данныхъ и заставило значительно измѣнить прежніе взгляды на археологію Россіи. Такъ, напримѣръ, трудно уже теперь поддерживать прежнее господствовавшее мнѣніе датскаго археолога Ворсо, что и Россія не была еще заселена въ палеолитическомъ періодѣ каменнаго вѣка. Таковы главнѣйшіе ученые труды графа Уварова; я не останавливаюсь на массѣ другихъ, болѣе мелкихъ, которые, тѣмъ не менѣе, имѣютъ серьезное научное значеніе. Но графъ Уваровъ не былъ замкнутымъ кабинетнымъ ученымъ; онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ иниціативы. Его общественно-научная дѣятельность также должна быть оцѣнена по достоинству. Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ, къ несчастью не многочисленныхъ, дѣятелей русской исторической науки, которые умѣли группировать возлѣ себя пре-

данныхъ наукѣ лицъ. Соединяя въ своемъ лицѣ умъ, богатство, ученость и энергію, графъ Уваровъ успѣлъ значительно подвинуть впередъ юную русскую археологію. Въ 1865 году онъ устраиваетъ Московское археологическое общество, безсмѣннымъ предсѣдателемъ котораго онъ былъ до самой своей смерти. Общество это выпустило въ свѣтъ нѣсколько отдѣльныхъ цѣнныхъ сочиненій и издавало постоянно свой органъ подъ названіемъ "Древность". Въ 1869 году по иниціативѣ графа Уварова и археологическаго общества былъ устроенъ первый археологическій съѣздъ въ Москвѣ, другой съѣздъ черезъ три года въ Петербургѣ, третій въ Кіевѣ, четвертый въ Казани, пятый въ Тифлисѣ, шестой въ Одессѣ; седьмой долженъ былъ быть въ Харьковѣ, но не осуществился и происходилъ въ Ярославлѣ. Графъ Уваровъ былъ душею съѣздовъ. Онъ бралъ на себя самую трудную задачу ихъ организаціи, онъ участвовалъ въ предварительныхъ изысканіяхъ, раскопкахъ, онъ открывалъ съѣзды и былъ ихъ постояннымъ предсѣдателемъ. Съѣзды эти принесли громадную пользу и русской наукѣ, и русскому обществу. Помимо того, что они дѣлали весьма цѣнный вкладъ въ археологическую науку, они, кромѣ того способствовали возбужденію интереса среди мѣстнаго общества

къ своему прошлому Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить какую лихорадочную дѣятельность по части своихъ древностей, исторіи, географіи, этнографіи обнаружили представители мѣстной учености и интеллигенціи въ Казани, Тифлисѣ. Ученыя общества, музеи продолжали потомъ дѣло съѣздовъ.

§ 26. ЗАПАДНО-РУССКАЯ И ЮЖНО-РУССКАЯ ШКОЛА ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІОГРАФІИ.

Обратимся къ характеристикѣ трудовъ самаго виднаго представителя Южно-русской исторіографіи, извѣстнаго и въ русской исторіи вообще - Н.И.Костомарова.

Отъ него сохранилась его автобіографія, помѣщенная въ біографическомъ словарѣ профессоровъ Кіевскаго университета и въ журналѣ "Русская Мысль" за 1885 годъ въ У и УІ книжкахъ. Есть воспоминанія о немъ госпожи Бѣлозерской, помѣщенныя въ "Русской Старинѣ", затѣмъ лекція о немъ Семевскаго въ "Русской Старинѣ" за 1876 годъ I. Существуетъ оцѣнка его дѣятельности, сдѣланная Антоновичемъ, воспоминанія его близкаго друга Мордовцева, помѣщенныя въ "Нови"; воспоминанія Скабическаго. Костомаровъ родился въ 1817 году 4 мая въ Воронежской губерніи, Остро-

гожскомъ уѣздѣ, въ краѣ, гдѣ сплошная малорусская народность соприкасается съ сплошною великорусской. Обучался онъ въ разныхъ пансіонахъ Воронежа и Москвы. Въ своей автобіографіи онъ разсказываетъ нѣсколько инцидентовъ съ пансіонскими воспитателями. Нужно сказать, что Костомаровъ былъ очень шаловливъ и слылъ за такого у всѣхъ своихъ воспитателей. Такъ, онъ разсказываетъ, что однажды поссорился съ однимъ гувернеромъ-нѣмцемъ Пралемъ, за что содержатель пансіона Журданъ, бывшій капитанъ наполеновской арміи, поставилъ его на колѣни. "Я смекнулъ, говоритъ Костомаровъ, съ догадливостью, свойственной дѣтямъ, которыя всегда подмѣчаютъ слабыя струнки взрослыхъ, что можно воспользоваться въ свою пользу нелюбовью m-ъ Журдана къ нѣмцамъ и, стоя на колѣняхъ, проговорилъ какъ-будто про себя: "Prahler - хвастунъ, вѣдь всѣ нѣмцы хвастуны, а какъ ихъ билъ Наполеонъ!" Сначала Журданъ притопнулъ было на меня, но подхвативъ послѣднія слова, проговорилъ: "О какъ билъ" и пустился съ увлеченіемъ разсказывать о какомъ-то походѣ. Цѣль была достигнута, нѣсколько минутъ спустя онъ простилъ меня." По окончаніи курса въ Воронежской гимназіи, Костомаровъ на 17-мъ году поступилъ въ Московскій Университетъ, гдѣ, ме-

жду прочимъ, слушалъ Каченовскаго, Погодина и Шевырева. Черезъ годъ онъ перевелся въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Горячій, пылкій нравъ, унаслѣдованный Н.И. отъ отца, проявлялся часто во время его студенчества въ Харьковѣ. Такъ напримѣръ, онъ участвовалъ въ одной дракѣ студентовъ съ приказными и пырнулъ одного приказнаго шпагой. Въ 1836 году онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, при чемъ долженъ былъ передерживать нѣкоторые предметы, чтобы получить кандидата. По окончаніи онъ поступилъ въ военную службу въ драгунскій полкъ юнкеромъ, но вскорѣ взялъ отпускъ, былъ уволенъ "по неспособности" и поселился въ Острогожскѣ, гдѣ занимался въ архивѣ уѣзднаго суда казацкими дѣлами. Вскорѣ затѣмъ Костомаровъ началъ съ большимъ увлеченіемъ изучать малорусскій языкъ, путешествовалъ по Украинскимъ деревнямъ и собиралъ пѣсни и въ 1838 году написалъ первую свою повѣсть на малорусскомъ языкѣ, подъ названіемъ "Савва Чалый" и издалъ украинскія баллады. Въ 1842 году онъ подалъ для защиты на степень магистра диссертацію объ уніи, но она была сожжена; въ маѣ слѣдующаго года вышелъ приказъ сжечь диссертацію, отъ которой уцѣлѣло очень незначительное количество экзем

пляровъ. "Гоненіе на мою диссертацію, говоритъ Костомаровъ, поднято было вслѣдствіе высказанныхъ въ ней убѣжденій, что распространенію уніи способствовало невѣжество, безнравственность и лѣность православнаго духовенства и, сверхъ того, подмѣчены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взгляды скорѣе протестантскіе, чѣмъ православные. Въ 1844 г. Костомаровъ написалъ и подалъ въ Харьковскій университетъ другую диссертацію "Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи, но въ ней онъ, главнымъ образомъ, распространяется о малорусской поэзіи. Нѣкоторые изъ профессоровъ совсѣмъ не хотѣли признать диссертацію, такъ какъ самый предметъ казался имъ страннымъ, не ученымъ. "Кому нужно знать, говорили они, какъ чувствуетъ парубокъ или дивка?" Диссертація была однако принята и Костомаровъ получилъ послѣ ея защиты мѣсто учителя исторіи въ Ровно, откуда вскорѣ былъ переведенъ въ I-ю Кіевскую гимназію. Въ декабрѣ 1845 г. онъ былъ выбранъ профессоромъ Кіевскаго университета, поѣхалъ потомъ въ Острогожскъ, гдѣ продалъ свое имѣніе и, по возвращеніи въ Кіевъ, вмѣстѣ съ Бѣлозерскимъ, Гулакомъ, Маркевичемъ и нѣкоторыми другими задумалъ основать знаменитое Кирилло-Меѳодіевское Общество, "которое имѣло цѣлью распространеніе

идеи славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ на основаніи полной свободы и автономіи народностей". Около этого же времени Костомаровъ познакомился съ Т.Шевченко, который изъявилъ готовность принять участіе въ "Обществѣ" 25 декабря 1846 г. было роковымъ днемъ для Общества. Въ этотъ день члены его собрались на квартирѣ Гулака, горячо спорили, мечтали о будущности общества; Шевченко выражался, по обыкновенію, очень нецензурно. За стѣной той комнаты, гдѣ все это происходило, сидѣлъ нѣкто Петровъ, который постарался сблизиться съ Гулакомъ и втереться въ его довѣріе; этотъ Петровъ, узнавши теперь всѣ планы общества, написалъ доносъ въ Петербургъ. На святой недѣлѣ Н.И Костомаровъ уже ѣхалъ съ жандармами въ Петербургъ, гдѣ былъ доставленъ въ III отдѣленіе и здѣсь нѣсколько разъ подвергался допросу, послѣ чего былъ отправленъ въ ссылку въ городъ Саратовъ. Здѣсь Костомаровъ написалъ рядъ трудовъ, которые создали ему славу первоклассанго изслѣдователя и историка |"Богданъ Хмѣльницкій", "Бунтъ Стеньки Разина" и друг...| При новомъ царствованіи положеніе Н.И.Костомарова улучшилось: онъ даже былъ освобожденъ изъ ссылки и отправился за границу. Въ Стокгольмѣ онъ занимался въ

архивахъ и нашелъ здѣсь важный матеріалъ для исторіи Дмитрія Самозванца. Въ 1858 г. Костомаровъ прибылъ въ Петербургъ и осенью того же года опредѣленъ профессоромъ по русской исторіи въ Петербургскій университетъ. Петербургскій періодъ былъ самымъ свѣтлымъ періодомъ его университетской преподавательской дѣятельности, которая сопровождалась небывалыми, шумными овеціями, несмотря на то, что онъ читалъ монотонно, не повышалъ голоса, не прибѣгалъ къ жестикуляціи и искусственнымъ пріемамъ краснорѣчія. Г Скабичевскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Н.И.Костомаровѣ говоритъ о лекціяхъ Н.И. слѣдующее: "Предъ вами стоялъ на каѳедрѣ человѣкъ съ неподвижными словно застывшими чертами лица, и смотрѣлъ своими задумчивыми глазами не на васъ, а куда-то въ невѣдомую даль, словно вглубь вѣковъ; тихимъ монотоннымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, но безъ малѣйшихъ повышеній или пониженій голоса, невозмутимо спокойнымъ тономъ онъ читалъ свою лекцію, какъ будто нехотя, а между тѣмъ, заставлялъ забывать васъ все, что васъ окружало, и всецѣло переноситься въ ту эпоху, среду, о которыхъ шла рѣчь съ каѳедры." Всѣ лекціи Н.И. были прекрасно составлены, основаны на матеріалѣ первой руки и обработаны самымъ тща-

Школы

тельнымъ образомъ. Костомаровъ постоянно пере рабатывалъ этотъ матеріалъ въ своей творческой фантазіи, и его работы отличались всегда тѣмъ художественнымъ изображеніемъ судьбы прошедшей жизни, которое ставитъ его наряду съ Тьери, Маколеемъ и др. Къ этой картинности изображенія, которая сразу вводитъ слушателя въ изображаемую эпоху, присоединяется и научный характеръ лекцій Костомарова. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ курсъ его, литографированный его слушателями и потомъ напечатанный. Здѣсь мы находимъ замѣчательную попытку анализа русскихъ лѣтописей, какъ источниковъ. Въ самомъ изложеніи событій онъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ, источникамъ. Его монографія "Сѣверно-русскія народоправства" представляетъ только нѣкоторую перера ботку его университетскаго курса, который онъ читалъ въ университетѣ, какъ спеціальный отдѣлъ. Такимъ же характеромъ отличается и другое его изслѣдованіе "гетманство Выговскаго"; изслѣдованія свои онъ производилъ на основаніи архивныхъ источниковъ и др. и читалъ въ университетѣ результаты своихъ изслѣдованій. Успѣхъ его лекцій все болѣе и болѣе возрасталъ, но подоспѣли событія, прервавшія его лекторскую дѣятельность Въ это, именно, время происходили студенческія

исторіи въ университетѣ, выходъ въ отставку нѣкоторыхъ профессоровъ |Пыпинъ, Стасюлевичъ, Кавелинъ и Б.Утинъ| и образованіе чего то въ родѣ вольнаго университета, иниціатива котораго принадлежитъ Костомарову. Чтенія, начавшіяся въ январѣ 1862 г., происходили въ залѣ Петербургской городской думы и читали главнымъ образомъ: Костомаровъ, Спасовичъ, Утинъ, Павловъ, Благовѣщенскій и др. Вскорѣ одинъ изъ нихъ - Павловъ - былъ арестованъ послѣ чего всѣ профессора, за исключеніемъ Костомарова, рѣшили прекратить публичныя чтенія, а студенты готовились устроить демонстрацію; на Костомарова всѣ были недовольны за то, что онъ продолжалъ читать и этимъ дѣлалъ какъ бы угодное правительству. На послѣдней его публичной лекціи онъ даже былъ стащенъ съ каѳедры. Послѣ этого онъ вышелъ въ отставку, и хотя потомъ нѣкоторые университеты предлагали ему читать лекціи, но онъ до конца жизни продолжалъ оставаться частнымъ человѣкомъ и былъ только членомъ археологической комиссіи. Вотъ почему онъ является такимъ плодовитымъ историкомъ, и въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ, кажется, Соловьева, не говоря уже объ изданныхъ имъ матеріалахъ. Слѣдуетъ отмѣтить въ біографіи Костомарова еще одну черту- сильное увлеченіе или ра

ботой, или одной какой-нибудь идеей. Принимаясь за трудъ, онъ старается не только изучить матеріалъ, онъ старается оживить и сдѣлать его яснымъ для себя онъ стремится къ полной отчетливости историческаго представленія. Трудно, вообще, представить себѣ картину прошлаго, но Костомаровъ въ этомъ отношеніи является историкомъ-художникомъ и вполнѣ справедливо заслуживаетъ это названіе. Секретъ этого заключается въ томъ, что Костомаровъ не только старается внѣшнимъ образомъ изучить явленіе; онъ изучаетъ его такъ, чтобы оно ясно представлялось въ его воображеніи. Съ этой цѣлью онъ прибѣгаетъ къ матеріаламъ частнаго характера, которые уясняютъ самую сущность событій. Онъ придаетъ значеніе мемуарамъ, сказаніямъ иностранцевъ, запискамъ и т.п. Если мы обратимъ вниманіе на его монографіи |"Богданъ Хмѣльницкій", "Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой"|, мы найдемъ въ нихъ обиліе и разнообразіе матеріала. Но Костомаровъ не довольствуется одними письменными источниками. Онъ прибѣгаетъ къ такому матеріалу, которымъ пренебрегаютъ другіе историки: къ памятникамъ народнаго творчества. Ими онъ интересуется постоянно; съ этого же онъ началъ и свою научную дѣятельность. Этому предмету посвящена его ма-

гистерская диссертація: "Историческое значеніе русскихъ народныхъ пѣсенъ"; здѣсь онъ высказывает нѣкоторые оригинальные взгляды и впослѣдствіи нерѣдко пользовался этимъ матеріаломъ, и благодаря этому онъ вполнѣ заслужилъ свою славу. Памятники народнаго творчества служатъ ему для того, чтобы опредѣлить народную душу, чтобы опредѣлить взглядъ самого народа, его поэтическіе идеалы. Пѣсни и другіе народные памятники важны потому, что ихъ даетъ самъ народъ. Если въ актахъ, грамотахъ и другихъ памятникахъ мы видимъ внѣшнюю сторону быта, то въ народныхъ памятникахъ мы видимъ духовную сторону народа, мы видимъ здѣсь его въ области умственной и въ нравственной сторонѣ бытія. Неудивительно, что взгляды Костомарова на русскую исторію харктеризуются, именно, такими воззрѣніями и эти взгляды его выражены въ его вступительной лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Въ этомъ взглядѣ, ставящемъ на первый планъ въ историческомъ изложеніи самый народъ, заключается сродство Костомарова съ Забѣлинымъ, но разница въ томъ, что Забѣлинъ развиваетъ теорію государственной народности, а Костомаровъ не отождествляетъ народности съ государственностью, напротивъ, - онъ ихъ ставитъ въ противоположность другъ къ другу. Русской этнографіи онъ прида-

етъ громадное значеніе. Вотъ разгадка того, почему въ русской исторіи, во всемъ ея развитіи онъ изучаетъ этнографическую сторону. Онъ являетсяся историкомъ, этнографомъ и историкомъ областнымъ. Сначала онъ занимался древнимъ періодомъ, затѣмъ московскимъ и императорскимъ. Въ статьѣ: "Двѣ русскія народности" онъ говоритъ, что онѣ образовались изъ трехъ народностей. Для изученія исторіи Великороссіи онъ сдѣлалъ немало, но еще болѣе сдѣлалъ онъ для изученія исторіи малорусскаго народа. Я указалъ на нѣкоторые, наиболѣе выдающіеся, отличительные признаки работъ Костомарова. Укажу на другія важныя особенности его исторической дѣятельности. Всѣ говорятъ, что Костомаровъ историкъ-художникъ. Но не для всѣхъ это опредѣленіе имѣетъ одинаковое значеніе. Нѣкоторые говорятъ что если онъ художникъ, то онъ не критикъ. Но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ его работами этотъ взглядъ оказывается несостоятельнымъ. Всѣ работы Костомарова отличаются самостоятельнымъ, оригинальнымъ, научнымъ характеромъ и всѣ основаны на источникахъ первой руки. Правда, необходимо выдѣлить изъ разряда его ученыхъ произведеній разные историческіе романы, разсказы, но они рисуютъ другую его сторону, какъ художника-

поэта. Научныя его работы характеризуются непосредственнымъ знакомствомъ съ источниками, и въ этомъ отношеніи онъ является такимъ же представителемъ документальнаго напрвленія, какъ и Соловьевъ. Костомаровъ въ теченіе своей жизни издалъ 12 томовъ, актовъ южной и западной Россіи, въ которыхъ заключается масса документовъ изъ московскихъ архивовъ и изъ рукописей Петербургской археографической коммиссіи. Всѣ его художественныя историческія произведенія, всѣ его монографіи, посвященныя южной Россіи, основаны на этомъ матеріалѣ, который имъ лично найденъ, списанъ, и изданъ. Такимъ образомъ, его работы прямо основывались на этомъ матеріалѣ, и хотя онъ далеко не исчерпалъ всѣхъ данныхъ, ему удалось, однако, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ изложить событія съ достаточной полнотой. Сюда нужно присоединить и серьезное отношеніе его къ другимъ памятникамъ. Костомаровъ, быть можетъ, не хуже Погодина зналъ лѣтописи, цитировалъ на память многія мѣста изъ нихъ. Онъ усвоилъ себѣ даже славянскій языкъ лѣтописей; онъ вникалъ не только въ самый духъ языка - онъ изучилъ его внѣшнюю форму, построеніе рѣчи, обороты: онъ могъ даже писать и говорить на древне-лѣтописномъ языкѣ, и сохранилось нѣсколько писемъ, написанныхъ именно на этомъ

языкѣ Напримѣръ, сохранилось письмо его, писанное Бѣлозерскому |въ то время редактору "Основы"| по поводу заранѣе полученнаго приглашенія въ крестные отцы: "зѣло благодарю тя, отче Василіе, яко не по достоинству моему вознепщевалъ если сотворити мя воспріемникомъ еже по плоти чада твоего отъ купели Св.Крещенія. Таковую честь благодаряще пріемлю азъ худый и паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшій. Обаче не точію сына, но аще и дщерь дастъ ти Богъ, такожде ничтоже сотворити мя воспріемникомъ тебѣ претитъ, въ великую бо схиму нѣсмь еще посвященъ и на женскъ полъ воззрѣніе нѣсть ми возбранено правилы св. отецъ седми соборовъ, наипаче въ тацѣ возрастѣ, въ кацѣ дщерь она, аще бы родилася быти имать, самъ всеказненный фирмачей безсиленъ есть нѣкое лукавое помышленіе вложити. Писаніе мое превратилъ. Да тиснется. Аще же совѣсть зазритъ, возврати отче, да во ину обитель вдамъ. Азъ смиренный старецъ Николай молю Господа Бога моего и всѣхъ святыхъ его о здравіи твоемъ и честныя упружницы твоея и чадъ твоихъ, мен же грѣшнаго прости Христа ради, честный отче Василіе. Писано во градѣ Петроградѣ, на островѣ святого Василія, иже на Невѣ рѣцѣ въ пустынѣ Карманстѣй, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1861, мѣсяца іу-

лія въ 13 день, на память св. ап.Сулы и Силуана и иже во святыхъ мученикъ Іоанна Воина, ихъ же молитвъ ради да помилуетъ васъ Господь, яко благъ и человѣколюбецъ".- Итакъ художественность Костомарова не только не стояла въ противорѣчіи съ документальнымъ характеромъ его работъ, наоборотъ, въ значительной степени одна вызывала другое. Многіе упрекаютъ Костомарова за то, что въ своихъ характеристикахъ онъ воспроизводитъ отрицательныя черты жизни тѣхъ лицъ, которыя въ традиціонной исторіи изображаются героями. Въ свое время Погодинъ, никогда не покладавшій рукъ своихъ при появленіи подобныхъ историческихъ ересей, выступилъ и противъ Костомарова. Костомаровъ высказалъ ересь, что Русь вышла изъ Литвы, и Погодинъ выступилъ противъ этой новой исторической ереси, изъ-за чего возникъ ихъ извѣстный публичный диспутъ. Въ трудахъ о московскомъ періодѣ Костомаровъ высказываетъ оригинальные и нерѣдко отрицательные взгляды и выводы. Но Костомаровъ несомнѣнно былъ патріотъ, вѣрилъ въ здоровыя, живыя силы народа и именно эта вѣра заставляетъ его искренно, трезво относиться къ событіямъ прошлаго. Онъ не боялся высказать отрицательныя соображенія о томъ или другомъ лицѣ. Слѣдовательно, во-

просъ сводится къ тому, долженъ ли историкъ вообще высказывать отрицательные взгляды о дѣятеляхъ. Такимъ образомъ, въ сочиненіяхъ Костомарова господствуетъ скептическое направленіе и критическій духъ; этотъ скептицизмъ доходитъ у него иногда даже до крайности. Напримѣръ, Русскую исторію онъ начинаетъ съ Владиміра Св. Съ другой стороны онъ нерѣдко ошибается въ характеристикѣ разныхъ дѣятелей, сгущаетъ краски; но - иное дѣло - ошибка, заблужденіе, совершенно естественное и другое - злой умыселъ, предвзятая тенденція. Какъ натура, увлекающаяся, Костомаровъ могъ впадать въ крайности; онъ старался представить лицо въ видѣ живого образа и уже это одно должно было заставить его дѣлать рѣзкія, опредѣленныя характеристики. Въ этомъ отношеніи онъ не былъ эклектикомъ. Многіе его взгляды не будутъ вполнѣ приняты, многіе будутъ приняты цѣликомъ, нѣкоторые отбросятся. Всякое событіе онъ хотѣлъ воспроизвести такъ, какъ будто оно совершалось сегодня. Онъ дѣлалъ даже, такъ сказать, историческіе опыты. Не довольствуясь напримѣръ тѣмъ, что у Олеарія онъ вычиталъ, какимъ образомъ русскіе приготовляли очень вкусные меды, онъ заставилъ свою мать сдѣлать подобные меды по рецепту, заимствованно

му у Олеарія. Затѣмъ Костомаровъ не довольствовался тѣмъ, что онъ зналъ тѣ или другія битвы, мѣста ихъ; онъ самъ посѣщалъ эти мѣста |когда писалъ, напримѣръ, о Богданѣ Хмѣльницкомъ|. Вотъ основныя черты въ научномъ творчествѣ Костомарова, которыя характеризуютъ его и отличаютъ отъ другихъ изслѣдователей. Здѣсь можно еще отмѣтить важную черту въ біографіи Н.И. Костомарова-это, если можно сказать, - научная совѣстливость Онъ имѣлъ смѣлость отказаться отъ тѣхъ мнѣній, которыя впослѣдствіи онъ находилъ несостоятельными. На Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ, послѣ реферата Иловайскаго о происхожденіи Руси, онъ публично отказался отъ мнѣнія о происхожденіи ея изъ Литвы. Такая совѣстливость характеризуетъ только истинный талантъ. Теперь сдѣлаемъ самыя краткія указанія на его печатные труды. Эти сочиненія относятся ко всѣмъ отдѣламъ русской исторіи. Таковы его лекціи. Затѣмъ у него есть статья "О началахъ единодержавія въ древней Руси". Здѣсь онъ высказываетъ взглядъ на роль монголовъ въ русской исторіи, и съ этимъ взглядомъ придется считаться нашимъ историкамъ. Въ сочиненіи его - "Русская исторія въ біографіяхъ важнѣйшихъ ея дѣятелей" мы находимъ яркія и оригинальныя характеристики. Особенно замѣ-

чательна его характеристика Ивана Грознаго, въ которомъ онъ видитъ художественную натуру и несчастнаго человѣка. Затѣмъ о смутномъ времени существуетъ обширная монографія Костомарова въ 3-хъ частяхъ. Костомарову принадлежатъ полемическія статьи по поводу личностей смутной эпохи, о которыхъ онъ высказываетъ отрицательные взгляды |о Пожарскомъ|. Сюда же относится его статья о личности перваго самозванца |"Кто былъ первый лже-Дмитрій."|, гдѣ онъ впервые высказываетъ мысль, что Самозванецъ и Отрепьевъ - не одно и тоже лицо. Свою "Исторію въ біографіяхъ" онъ доводитъ до Екатерины II. Сюда же нужно отнести работы, посвященныя внутреннему быту: "Очеркъ исторіи торговли Московскаго государства въ XVI и XVII в., не утратившій и до сихъ поръ своего значенія. Недостатки его въ томъ, что здѣсь данныя, относящіяся къ XVI и XVII вѣкамъ, соединены вмѣстѣ. "Сѣверно-русскія народоправства", - несмотря на то, что впослѣдствіи по этому вопросу появились важные труды Никитскаго, Бѣляева и друг., и до сихъ поръ не утратили своего значенія. Работы, относящіяся къ Южной Руси, составляютъ цѣлую самостоятельную серію въ сочиненіяхъ Костомарова. Исторіей Малороссіи онъ заинтересовался очень рано, тотчасъ по окончаніи

курса въ харьковскомъ университетѣ. Вопросъ объ уніи, послуживший темой для его диссертаціи, потерпѣвшей извѣстную участь, онъ продолжалъ впослѣдствіи разрабатывать. Здѣсь онъ имѣетъ мало предшественниковъ: Бантышъ-Каменскаго, Маркевича, Максимовича. Достоинство южныхъ лѣтописей недостаточно было опредѣлено. Среди разныхъ любителей старины ходила "Исторія Руссовъ", считаясь очень основательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ патріотическимъ сочиненіемъ. Документальныя данныя только начали вырабатываться - и все это предстояло сдѣлать Костомарову. Первымъ его трудомъ въ этой области было сочиненіе, посвященное одному изъ самыхъ видныхъ дѣятелей - Богдану Хмѣльницкому. Онъ смотритъ на дѣятельность послѣдняго, какъ на важнѣйшее событіе въ русской исторіи въ XVII вѣкѣ. Онъ видитъ здѣсь узелъ, соединявшій малороссію не только съ исторіей Россіи, но и съ исторіей Польши - и въ этомъ есть доля правды. Когда вышло I-ое изданіе этого труда, Максимовичъ въ цѣломъ рядѣ писемъ указалъ на ошибки въ этомъ сочиненіи. Костомаровъ по поводу однихъ писемъ отвѣчалъ, а на другія промолчалъ, но всѣ ошибки, указанныя Максимовичемъ, онъ исправилъ въ новомъ изданіи. Ему же принадлежитъ - "Бунтъ Кошевого Наливайки" и друг. Во введеніи онъ си-

стематически излагаетъ исторію казачества, осно
ванную на рѣдкихъ матеріалахъ изъ Императорской
публичной библіотеки. Кромѣ того, онъ впервые
воспользовался польскими рукописями. Исторіей
казачества онъ занялся математически и изслѣ-
довалъ XVI и XVII в. Это было очень тяжелое
время въ исторіи южно-русскаго народа. |За-
кончилъ монографіей "Мазепа и Мазепинцы" Да-
лая общую характеристику этихъ трудовъ, мы от-
мѣтимъ, что онъ внесъ цѣлую массу матеріала въ
этотъ темный уголъ русской исторіи. Но внутрен
ней исторіи этого края онъ вовсе не затрогиваетъ
Затѣмъ въ болѣе новыхъ работахъ мы видимъ нѣко-
торое оскудѣніе художественнаго таланта, которое
объясняется, кажется, появившимися у него болѣз-
ненными припадками. Къ работамъ его по облас
ной исторіи принадлежитъ прекрасное его сочине-
ніе -"Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой", гдѣ онъ
вноситъ массу матеріала. Взглядъ его на этотъ
вопросъ отличается полной опредѣленностью; при-
чину паденія Польши онъ видитъ во внутренн съ
строѣ самой Польши. Укажу еще на то, что напе-
чатанные имъ 12 томовъ актовъ по южно-русской
исторіи останутся навсегда драгоцѣннымъ мате-
ріаломъ и для внутренней, и для внѣшней исторіи
южной Руси XVI и XVII в. Кромѣ этихъ историче-

скихъ трудовъ, Костомарову принадлежитъ много трудовъ въ области русской этнографіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Напримѣръ, подъ его редакціей изданы памятники народнаго творчества. Но въ своихъ работахъ Костомаровъ не ограничивается сферой русско-славянской. Онъ написалъ характеристику литовскаго племени въ древній его періодъ.

БАНТЫШЪ КАМЕНСКІЙ и МАРКЕВИЧЪ

Они были первыми изслѣдователями по исторіи Малороссіи. Во всякой библіотекѣ, претендующей на нѣкоторую полноту, вы найдете сочиненія этихъ историковъ; но они настолько устарѣли, что ихъ никто уже не читаетъ. Труды ихъ являются запоздалыми въ русской исторіографіи, какимъ-то анохранизмомъ. Они вышли почти одновременно, причемъ исторія Бантышъ-Каменскаго выдержала нѣсколько изданій. Б.-Каменскій былъ извѣстенъ, какъ собиратель и издатель памятниковъ. Онъ близко стоялъ къ архиву министерства иностранныхъ дѣлъ и, благодаря этому, его исторія, несмотря на слабыя стороны изложенія, имѣетъ то достоинство, что представляетъ сборникъ матеріала, если не критически провѣреннаго, то извлеченнаго изъ такого хранилища, которое пользуется всеобщею

извѣстностью. "Исторія Малороссіи" Маркевича въ 5 томахъ, изъ которыхъ два заключаютъ въ себѣ собственно исторію, а три состоятъ изъ приложеній - исторія же несмотря на цѣлыхъ 3 тома одного матеріала, далеко не отличается такимъ документальнымъ направленіемъ, какъ сочиненіе Б.-Каменскаго. Г.О. Карповъ посвятилъ цѣлую книгу этимъ двумъ изслѣдователямъ. Многое изъ сказаннаго имъ имѣетъ значеніе. Напримѣръ, относительно Маркевича онъ говоритъ, что приложенный къ его сочиненію матеріалъ не всегда внушаетъ довѣріе, такъ какъ авторъ пользовался по большей части не подлиннымъ матеріаломъ, а копіями, списками. Въ началѣ нынешняго столѣтія многіе интересовались малорусской исторіей, и, за неимѣніемъ болѣе или менѣе систематическаго сочиненія по этому вопросу, ходило по рукамъ много рукописей лѣтописныхъ списковъ; между прочимъ, извѣстная "Исторія Руссовъ," приписываемая бѣлорусскому епископу Георгію Конисскому. Этими-то списками, - конечно уже изъ вторыхъ и даже третьихъ рукъ, и потому не всегда точными, воспользовался Маркевичъ. Самое изложеніе у обоихъ малорусскихъ историковъ неудовлетворительно съ точки зрѣнія современной исторической критики. Слогъ Маркевича только цвѣтистѣе, реторичнѣе

чѣмъ у Б.-Каменскаго, но критическаго содержанія ни у того, ни у другого мы не находимъ. Неудивительно, поэтому, что публика давно перестала удовлетворяться этими сочиненіями. Между тѣмъ въ 40-хъ годахъ исторія Малороссіи получила особое значеніе, въ особенности - юго-западная Русь, исключая Кіева, такъ какъ этотъ край до конца XVIII вѣка находился подъ властью Польши и былъ сильно ополяченъ, а малорусская народность подверглась сильному вліянію польскаго языка, религіи и цивилизаціи. Угнетенное населеніе подняло голову, и начинается новая эра въ исторіи этого края. Правда, здѣсь еще продолжалс существовать крѣпостное право; но при генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ положеніе крестьянъ было облегчено. Интересъ къ своей странѣ, пробудившійся теперь въ южно-русскомъ обществѣ, отразился въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Съ одной стороны изъ политическихъ соображеній, изъ желанія доказать, что здѣшнее населеніе было искони русское, а не польское, а съ другой стороны - съ чисто научной цѣлью принялись за обработку исторіи юго-западной Руси. Самыми видными представителями юго-западной русской исторіографіи являются Иванишевъ и Максимовичъ.

Н. Д. Иванишевъ - уроженецъ города Кіева.

Долгое время спустя, уже послѣ того какъ Иванишевъ находился въ отставкѣ, указывали въ Кіевѣ домикъ съ тремя окнами на улицу, гдѣ онъ родился и жилъ. Родился онъ въ священнической семьѣ, хотя самъ былъ дворянскаго происхожденія - онъ былъ мелкимъ шляхтичемъ. Это происхожденіе наложило на него нѣкоторую печать. Онъ воспитывался въ Кіевской духовной семинаріи, а затѣмъ начальство выбрало его, какъ лучшаго ученика, для отправленія въ одно учебное заведеніе, называвшееся "высшій педагогическій институтъ". Это заведеніе представляло изъ себя нѣчто въ родѣ университета, имѣвшаго цѣлью подготовленіе профессоровъ. Тамъ Иванишевъ долженъ былъ жить почти въ 4-хъ стѣнахъ, такъ какъ заведеніе было закрытое. Замѣчательно, что Иванишевъ никогда не получалъ изъ поведенія отмѣтку "пять"; причиною этому, быть можетъ, былъ тотъ юморъ, которымъ онъ обладалъ въ высшей степени и который, вѣроятно, не нравился начальству. Быть можетъ, поэтому онъ неполучилъ и медали; но, несмотря на то, его отправили заграницу для усовершенствованія въ знаніяхъ. По возвращеніи оттуда онъ былъ назначенъ адъюнктомъ въ Кіевскій университетъ и попадаетъ здѣсь подъ теплое крылышко, покровительствовавшего ему, тогдашняго ректора университета. Кро-

мѣ ректора, у него былъ другой горячій покровитель - профессоръ Неволинъ. Еще будучи за границей, гдѣ онъ путешествовалъ въ одно время съ Грановскимъ, онъ пріобрѣлъ любовь къ славянскимъ древностямъ исторіи. Здѣсь же Иванишевъ положилъ начало прочному знакомству съ памятниками славянскихъ законодательствъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ долженъ былъ выдержать докторскій экзаменъ |тогда еще требовалось держать докторскій экзаменъ|. Профессоръ Романовичъ-Славатинскій, написавшій его біографію, подробно описываетъ этотъ экзаменъ |"Жизнь и дѣятельность Н.Д. Иванишева"Романовича-Славатинскаго. "Древняя и новая Россія" 1876 г. т. I и II|. Послѣ этого Иванишевъ преподавалъ различныя науки на юридическомъ факультетѣ. Преподавательская дѣятельность Иванишева не имѣла такого значенія, какъ его общественная и научная дѣятельность. Нужно указать здѣсь на нѣкоторыя его сочиненія. Всѣ его сочиненія были основаны на тѣхъ документахъ Кіевскаго центральнаго архива, которые онъ собралъ самъ и началъ разрабатывать. Онъ работалъ въ Кіевской археографической коммиссіи, которой онъ служилъ болѣе 20 лѣтъ - сначала дѣлопроизводителемъ и редакторомъ юридическихъ памятниковъ, а потомъ главнымъ редакторомъ и вице-пред-

сѣдателемъ. "Съ М.А. Максимовичемъ, говоритъ Р.-Славатинскій, онъ раздѣляетъ честь созданія науки русской юго-западной исторіи, для изученія которой онъ собралъ и организовалъ неизсякаемые источники". Задачи археографической комиссіи были слѣдующія: 1| Собраніе, группировка и храненіе письменныхъ памятниковъ; 2| изданіе и научная разработка ихъ и 3| добываніе и изданіе памятниковъ предметныхъ. Нѣкоторые изъ трудовъ Иванишева стали помѣщаться въ "памятникахъ" и начали появляться въ "Архивѣ юго-западной Руси", задуманномъ Иванишевымъ и продолжающемся до сихъ поръ. Для изданія актовъ кіевскаго архива, рѣшено было раздѣлить матеріалъ на группы, печатать систематитически и сопровождать каждую группу вступленіемъ, обозрѣніемъ документовъ. Такимъ образомъ, при каждой группѣ матеріаловъ должна была помѣщаться цѣлая статья, основанная на этихъ матеріалахъ. Къ числу подобныхъ работъ Иванишева нужно отнести двѣ: 1| акты, или "постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ юго-западной Россіи" и 2| "акты, относящіеся къ исторіи православной церкви юго-западной Россіи", между которыми, между прочимъ, изданы и акты объ уніи. Обѣ эти работы представляютъ глубокій интересъ для изслѣдователя юго-западной русской

исторіи. Въ актахъ объ уніи мы знакомимся подробно, на основаніи документальныхъ данныхъ, съ этимъ важнымъ для края событіемъ. Въ статьѣ своей "Объ уніи" |Русская Бесѣда - 1858, № 3| Иванишевъ доказываетъ, что унія имѣетъ политическую подкладку и, поэтому была навязываема силою. "Польскіе политики, говоритъ Иванишевъ, видя возраставшее могущество московскаго государства и религіозное сочувствіе къ нему Юго-западной Руси, полагали, что унія уничтожитъ эту моральную связь между двумя единоплеменными и единовѣрными народами.....Чтобы распространить католичество и приготовить народъ къ принятію уніи, польское правительство предоставило іезуитамъ воспитаніе западнорусскаго дворянства. Эти искусные педагоги направляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы ослабить въ своихъ воспитанникахъ народные элементы и тѣмъ сдѣлать ихъ способнѣе къ принятію новыхъ началъ, выработанныхъ католическимъ западомъ. Молодые дворяне, воспитанные іезуитами, легкомысленно отрекались отъ своей вѣры, забывали родной языкъ и смотрѣли съ презрѣніемъ на все, что только имѣло на себѣ печать русской народности. Отъ этого разорвана была внутренняя моральная связь между аристократіей и народомъ, осталась одна

внѣшняя юридическая связь, основанная на законѣ, подчинявшая простой народъ неограниченной власти аристократовъ; и когда народное возстаніе возбужденное Богданомъ Хмѣльницкимъ, разорвало и эту послѣднюю связь, то ни одинъ вопль жалости не раздался въ народѣ въ защиту аристократіи, отрекшейся отъ своей вѣры и презрѣвшей свою народность". Въ 1860 году кіевская археографическая комиссія издала отдѣльной книжкой статью Иванишева: "Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ юго-западной Россіи", которая вошла потомъ во вторую чать архива. На основаніи постановленій сеймовъ, Иванишевъ разъяснилъ, какъ западно-русскіе дворяне называли себя прежде народомъ русск, безъ различія вѣроисповѣданія и какъ мало-по-малу исповѣдовавшіе католичество начали переименовываться въ народъ польскій; какъ первоначальный, чисто федеративный союзъ Литвы и юго-западной Россіи съ Польшей былъ измѣненъ постановленіемъ Люблинскаго Сейма въ 1569 году. "Этимъ постановленіемъ юго-западная Россія присоединена былъ къ Польшѣ |говоритъ Иванишевъ| въ видѣ провинціи; но это присоединеніе не можетъ быть названо добровольнымъ, такъ какъ оно вызвано было угрозою конфискаціи дворянскихъ имѣній....Полонизированіе западно-рус-

скаго дворянства, подготовленное іезуитскимъ воспитаніемъ, начало быстро усиливаться, при чемъ дворяне, переходившіе въ католическую вѣру, уже начали считать себя поляками и такое заблужденіе, укоренившееся въ общественномъ мнѣніи, продолжается до настоящаго времени, такъ что потомки древнихъ русскихъ дворянъ и даже владѣтельныхъ князей русскихъ считаются поляками, если только исповѣдуютъ католическую вѣру. Эти природные русскіе дворяне, отрекшіеся отъ своей народности и скрывшіе свое отступничество подъ чужестраннымъ названіемъ, разорвали внутреннюю моральную связь съ западно-русскимъ народомъ и съ тѣхъ поръ перестали быть истинными его представителями." Еще болѣе возбудила шума классическая работа Иванишева "О древнихъ сельскихъ общинахъ юго-западной Руси" |Русская Бесѣда 1857, № 3|. Напечатаніе этой статьи было весьма своевременно. Это было время знаменитой полемики о русской общинѣ между Бѣляевымъ и Чичеринымъ, Чернышевскимъ и Вернадскимъ. "Русская Бесѣда" стояла на сторонѣ воззрѣній Бѣляева доказывавшаго, вопреки Чичерину, что древне-русская община - самобытное и органическое національное установленіе, а не искусственное созданіе администраціи. Разрабатывая западно-русскіе

акты XV, XVI и XVII столѣтій, Иванишевъ нашелъ слѣды существованія общинно-вѣчевыхъ, копныхъ судовъ въ то позднѣе время, когда уже польскій порядокъ подчинилъ себѣ всю юго-западную Русь. Эти общинно-вѣчевые суды держались на старомъ обычаѣ, настолько прирожденномъ народу, что онъ упорно сохранялъ его, несмотря на стремленіе шляхетской Польши уничтожить его. Такимъ образомъ, неопровержимо подтверждалось значеніе общиннаго начала во внутреннемъ строѣ Руси, въ древнемъ и среднемъ періодѣ ея существованія. Компетенція древнихъ купъ юго-западной Руси была очень обширна; она простиралась даже на дѣла уголовныя, она вѣдала, напримѣръ, дѣла о мертвыхъ тѣлахъ, найденныхъ въ той или другой деревнѣ. Книга Иванишева объ общинѣ и до сихъ поръ имѣетъ значеніе; копные суды имѣли большое распространеніе; они существовали даже въ сѣверо-западной Руси. Наконецъ, не касаясь другихъ работъ Иванишева, посвященныхъ строго-юридическимъ вопросамъ, укажемъ на его предисловіе къ изданію Кіевской комиссіи - "Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни". Иванишевъ для этого изданія разсмотрѣлъ 117 актовыхъ книгъ луцкихъ и владимірскихъ и полуистлѣвшіе остатки 39-ти книгъ уряда Кременецкаго. Акты переведены имъ самимъ

на современный русскій языкъ, помѣщены примѣчанія, поясняющія техническіе термины. Иванишевъ совершилъ много экскурсій, съ цѣлью отысканія по провинціямъ разныхъ письменныхъ памятниковъ старины и сдѣлалъ много важныхъ и успѣшныхъ археологическихъ раскопокъ, хотя не получилъ спеціальной археологической подготовки. Въ октябрѣ 1874 года Николай Дмитріевичъ Иванишевъ скончался, проведя послѣдніе годы въ самомъ аскетическомъ уединеніи отъ всего окружающаго, причиною чему послужила его неудача въ комиссіи по составленію проекта реформъ въ царствѣ Польскомъ послѣ польскаго возстанія. Въ этой комиссіи онъ былъ предсѣдателемъ юридическаго отдѣленія. Изъ сказаннаго мы видимъ, что число трудовъ Иванишева невелико по количеству и объему, но они очень цѣнны и положили начало документальной разработкѣ южно-русской исторіи. Его работы были продолжены профессоромъ Антоновичемъ. Другой представитель южно-русской исторіографіи, бывшій ректоръ Кіевскаго университета - МАКСИМОВИЧЪ.

Интересна его судьба: сначала онъ избралъ своею спеціальностью естественныя науки. Это былъ представитель старыхъ традицій, другъ Жуковскаго, Пушкина, славянофиловъ, вѣчный антаго-

нистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ большой пріятель Погодина находился съ нимъ въ постоянной, ожесточенной и дружеской, можно сказать, борьбѣ. Онъ извѣстенъ въ области южно-русской словесности, даже въ области географіи, топографіи и археологіи. Въ настоящее время его сочиненія изданы въ 3-хъ томахъ. Его весьма основательно называли всѣ южно-русскимъ университетомъ, такъ какъ онъ совмѣщалъ въ себѣ три спеціальности. Онъ былъ весьма, поэтому, разностороненъ, и при томъ эта разносторонность была не поверхностная, онъ обладалъ фактическими, иногда слишкомъ мелкими данными, его работа представляя, говоря его словами, кирпичи для будущаго зданія южно-русской исторіи; но этимъ характеромъ нисколько не умаляется значеніе его работъ: "кирпичи" эти обожжены, обработаны и снабжены критикой. Изъ историческихъ его работъ, собранныхъ въ первомъ томѣ его сочиненій, обращаетъ на себя вниманіе статья: "О мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево и населеніи ея новопришлымъ народомъ". Онъ собираетъ данныя по этому вопросу и даетъ отвѣтъ отрицательный въ противоположность Погодину и Соболевскому. Но гораздо болѣе его работъ относится къ южно-русской исторіографіи. Весьма важная его работа - "Историческія

письма о казакахъ приднѣпровскихъ". Эта работа была вызвана работой Антоновича: "Исторія казачества до Богдана Хмѣльницкаго". Къ исторіи же казачества относятся и такимъ же характеромъ отличаются его "Письма о Богданѣ Хмѣльницкомъ". Они вызваны извѣстной монографіей Костомарова о Богданѣ Хмѣльницкомъ. Максимовичъ указываетъ здѣсь много промаховъ и, такимъ образомъ, пополняетъ его работу. Значительный интересъ представляютъ двѣ работы Максимовича, посвященныя исторіи Малороссіи съ половины XVII столѣтія: "Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украинѣ со времени Богдана Хмѣльницкаго" и другая статья: "Бубновская сотня," въ которой фигурируетъ знаменитая Михайлова гора на берегу Днѣпра, гдѣ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ уединеніи Максимовичъ. Эта работа, несмотря на нѣкоторое присутствіе лирическихъ мѣстъ, не лишена значительныхъ достоинствъ. Затѣмъ, ему принадлежитъ крупная работа, посвященная послѣднему эпизоду изъ исторіи гайдамачины "Сказаніе о Коліивщинѣ", или о гайдамацкой рѣзнѣ. Ко внутренней исторіи лѣвобережной Малороссіи относится его критика на историческій романъ Кулиша "Черная рада". Здѣсь онъ выступаетъ противникомъ многихъ мѣстъ въ романѣ, невѣрныхъ въ историческомъ

отношеніи. Итакъ, дѣйствительно, Максимовичъ собралъ много матеріала, много камня для будущаго зданія южно-русской исторіи, даетъ критическую обработку матеріала первыхъ рукъ. Третій представитель исторіографіи юго-западной Руси, ученикъ Иванишева и Максимовича, Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ. Родился онъ въ 1834 г., въ Кіевской губерніи, въ [illegible]ольской шляхетской семьѣ. Шестнадцати лѣтъ отъ роду, онъ въ 1850 г. кончилъ вторую Одесскую гимназію и тотчасъ же поступилъ на медицинскій факультетъ Кіевскаго университета; но врачемъ, однако, не сдѣлался, хотя пробылъ на первоначально избранномъ имъ факультетѣ цѣлыхъ пять лѣтъ. Въ 1855 году Антоновичъ перешелъ на историко-филологическій факультетъ и отсюда въ 1860 году вышелъ со степенью кандидата. Первое время, по окончаніи университета, онъ состоялъ при первой кіевской гимназіи кандидатомъ-педагогомъ по латинскому языку, а съ 1862 г. по 1865 г. съ небольшими перерывами преподавалъ всеобщую исторію въ Кіевскомъ Владимірскомъ Кадетскомъ корпусѣ. Въ 1863 году молодой ученый поступаетъ на службу въ канцелярію Кіевскаго генералъ-губернатора и сначала откомандировывается для занятій во временную комиссію для разбора древнихъ актовъ, но еще въ

томъ же году получаетъ въ этой комиссіи видное по своей научной отвѣтственности мѣсто главнаго редактора, которое до него занималъ извѣстный Иванишевъ. Это мѣсто Антоновичъ сохранилъ за собою до 1880 г. Въ 1870 году онъ за диссертацію - "Послѣднія времена казачества на правой сторонѣ Днѣпра" получилъ отъ Кіевскаго университета степень магистра русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашеніе быть доцентомъ русской исторіи, а въ 1878 году, послѣ защиты докторской диссертаціи - "Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго" - былъ въ томъ же университетѣ избранъ ординарнымъ профессоромъ. Съ 1880 г. по 1883 г Антоновичъ былъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Съ 1881 г. онъ состоитъ предсѣдателемъ Кіевскаго историческаго "Общества Нестора лѣтописца".

Учено-литературная дѣятельность Антоновича выразилась въ двухъ направленіяхъ.

1| Изслѣдованія и монографіи и

2| Издательская дѣятельность.

Свои изслѣдованія онъ печаталъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и ученыхъ сборникахъ, а потомъ издалъ отдѣльными оттисками все, что напечатано было первоначально въ "Архивѣ юго-западной Россіи", "Унив. изв." и "Трудахъ гео-

графическаго Общества". Кромѣ того, Антоновичъ въ 1885 году издалъ первый томъ "Монографій", въ составъ котораго вошли: I Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго; 2| Города въ юго-западной Россіи, 3| пены Ходыки; 4| Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIУ по ХУ столѣтіе, 5| Очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви; 6| лѣтопись Сотинскаго монастыря. Большое значеніе для русской исторической науки имѣетъ рядъ съ чрезвычайной тщательностью изданныхъ В.Б. историческихъ актовъ и матеріаловъ разнаго рода. Наконецъ, Антоновичъ участвовалъ въ кіевской "Зарѣ" 1880-1886 г. |редакціи М.И. Кулишера| и помѣстилъ статейку въ "Основѣ" |1862| № I, подъ заглавіемъ "Моя исповѣдь". Не велика статейка, но это ключъ ко всей дѣятельности кіевскаго историка, который, несмотря на свое польское происхожденіе, всецѣло себя посвятилъ служенію малорусскому народу. Чтобы ярче оттѣнить свой разрывъ со средою, съ которою ихъ связывала только случайность происхожденія и отъ которой ихъ отталкивалъ весь складъ ихъ духовной жизни, многіе молодые поляки юго-западнаго края, имѣя во главѣ Антоновича, и Ѳаддѣя Рыльскаго, приняли въ началѣ шестидесятыхъ годовъ православіе. Та-

кое демонстративное отреченіе не пришлось, конечно, по вкусу полякамъ; нашлись даже люди, которые пустили въ ходъ слово"измѣна" Одинъ изъ нихъ - польскій публицистъ "Падалица" въ письмѣ къ редактору "Основы" прямо назвалъ Антоновича "перевертнемъ", но Антоновичъ всего менѣе оскорбился этимъ эпитетомъ. Съ гордостью поднялъ онъ брошенную перчатку и со всею откровенностью человѣка, знающаго , что у него совѣсть чиста, отвѣтилъ своему обвинителю: "Да г.Падалица, вы правы. Я дѣйствительно "перевертень", но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово "отступникъ" не имѣетъ само по себѣ смысла, что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого , именно, дѣла человѣкъ отступился и къ какому,именно, пристадъ иначе слово это лишено смысла - это пустой звукъ Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы я родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался, но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди ко-

тораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ предъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, когда - то покинутой ихъ предками, и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности, или же если для этого не хватитъ нравственной силы - переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того, чтобы, наконецъ, избавиться самому предъ собой отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно |что впрочемъ, все-равно| питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я

принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ, и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что, сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, - изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное, дружественное слово |хотя я былъ и паничъ|, не одну трагическую повѣсть объ истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ болѣе своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г.Падалица, и то, что прежде, чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ три примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ

подобныя мысли возбуждали въ началѣ свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань и,наконецъ, ложные доносы и намеки о коліивщинѣ. Послѣ этого,конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество: я выбралъ второе и надѣюсь, что трудомъ и любовію заслужу когда-нибудь, что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлить съ ними. Надѣюсь тоже, что со временемъ среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго въ Украинѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу, раньше или позже, станетъ нравственною потребностью не только отдѣльныхъ лицъ, какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обсудить свое положеніе и свои обязанности, и не предпочтетъ мечты насущному, вызванному собственною совѣстью, дѣлу. Итакъ, г.Падалица вы правы. Я - перевертень, и я горжусь этимъ такъ точно, какъ я гордился бы въ Америкѣ, если бы сталъ аболиціонистомъ изъ плантатора, или въ Италіи, если бы, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ трудолюбивымъ слугой общенароднаго дѣла."

Научная дѣятельность Владиміра Бонифатьевича была посвящена почти исключительно изученію южной и западной Россіи, и съ этой точки

зрѣнія онъ долженъ быть названъ провинціальнымъ, областнымъ историкомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Такое направленіе его занятій далеко не случайное, а объясняется условіями его личной жизни и вліяніемъ Общественной среды. Важный матеріалъ для характеристики общественныхъ взглядовъ В. Б-га заключается въ его отвѣтной статьѣ представителю, польскихъ тенденцій, г-ну Падалицѣ |см. выше|. Мы только замѣтимъ здѣсь, что Антоновичъ, принадлежавшій по рожденію къ польскому или, правильнѣе говоря къ южнорусскому ополяченному дворянству, нашелъ въ себѣ нравственныя силы порвать окончательно и безповоротно со шляхетскими традиціями и возвратиться къ народности, когда-то покинутой его предками, съ тѣмъ, чтобы работать на пользу тѣхъ, которые нѣкогда вскормили многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ". И вотъ болѣе 25 лѣтъ Антоновичъ неустанно трудится на избранномъ имъ научномъ поприщѣ на пользу русскаго народнаго самопознанія. Первый толчекъ и направленіе его историческимъ работамъ дали Максимовичъ и Иванишевъ. Извѣстно, какое важное значеніе имѣлъ Максимовичъ для своего времени. Энциклопедически образованный-ботаникъ, филологъ, историкъ, географъ, этнографъ, археологъ и поэтъ въ одно

и то же время, - онъ оставилъ глубокій слѣдъ въ изученіи исторіи южной Руси. Отличаясь изумительнымъ трудолюбіемъ и рѣдкимъ умѣніемъ разыскивать разнообразные источники, онъ всю свою энергію употребилъ, по его собственному выраженію, на собираніе кирпичей для постройки въ будущемъ зданія южно-русской исторіи. Ему принадлежитъ мысль объ открытіи въ Кіевѣ археографической комиссіи для изданія памятниковъ мѣстной исторіи; эту исторію разрабатывалъ и онъ самъ въ своемъ "Кіевлянинѣ" и "Украинцѣ". Такой изслѣдователь не могъ не оказать вліянія на молодое поколѣніе историковъ. Объ этомъ вліяніи свидѣтельствуетъ самъ Антоновичъ въ своей рѣчи, обращенной къ Максимовичу на 50-ти лѣтнемъ юбилеѣ его въ 1871 г.; здѣсь онъ прямо заявляетъ, что Максимовичъ положилъ краеугольный камень въ изученіи южно-русской исторіи |Юбилей М.А.Максимовича СПБ. 1872 г.| Характеристическія особенности историческихъ работъ Максимовича - тщательное изученіе фактовъ, критика источниковъ, научная добросовѣстность и безпристрастіе въ выводахъ - мы замѣчаемъ и въ изслѣдованіяхъ Антоновича . Иванишевъ наткнулъ Антоновича на документальное изученіе южно-русской исторіи Самъ Иванишевъ, какъ извѣстно, принималъ живѣйшее не-

посредственное участіе въ изданіяхъ кіевской археографической комиссіи; благодаря ему, основанъ въ Кіевѣ центральный историческій архивъ; онъ издалъ важные источники и разработалъ нѣкоторые капитальные вопросы, касающіеся положенія южно-русскаго общества въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой; онъ выработалъ планъ и положилъ начало "Архиву юго-западной Россіи". Антоновичъ былъ пріемникомъ Иванишева по археографической комиссіи и архиву". Въ первой онъ замѣнилъ Иванишева въ должности главнаго редактора, а во второмъ онъ продолжалъ его работы по извлеченію актовъ, относящихся къ соціальной и экономической жизни южно-русскаго общества въ XVI-XVIII вѣкахъ. Характеръ ученыхъ занятій Антоновича опредѣлился сразу - въ его первомъ изданіи - актахъ о казачествѣ, извлеченныхъ изъ Кіевскаго центральнаго архива и напечатанныхъ въ "Арх. юго-западной Россіи". Уже здѣсь, подобно Иванишеву, онъ выступилъ представителемъ документальнаго направленія въ разработкѣ исторіи юго-западной Россіи. Необходимость такого, именно, направленія вызывалась двумя важнѣйшими обстоятельствами: съ одной стороны, недостаточнымъ количествомъ всѣхъ вообще печатныхъ источниковъ для исторіи южной Россіи |и въ томъ числѣ документальныхъ|, а съ

другой - особыми политическими условіями, въ которыхъ постоянно находился юго-западный край.- Историку весьма часто приходилось касаться щекотливыхъ для поляковъ вопросовъ; польскіе публицисты заподозрѣвали даже достовѣрность актовъ, изданныхъ кіевской археографической комиссіей, несмотря на то, что подлинники ихъ всѣ могли видѣть въ архивѣ; спрашивается, что же было бы при иной постановкѣ дѣла, если бы, напримѣръ, изслѣдователи южно-русскаго быта пользовались не оффиціальными, а частными источниками |лѣтописями, мемуарами и т.п.|, или же давали публикѣ одни выводы съ краткими извлеченіями актовъ въ текстѣ. Наконецъ, и вообще необходимо было познакомить ученый міръ съ цѣнными историческими матеріалами, которые, можно сказать, открывали новую область русской исторической жизни. Архивными изысканіями Антоновичъ усиленно занимался не менѣе 15 лѣтъ. Не ограничиваясь кіевскимъ центральнымъ архивомъ, онъ предпринималъ поѣздку и въ другіе города для архивныхъ занятій: въ Москвѣ онъ занимался въ рукописномъ отдѣлѣ Румянцевскаго музея и въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, въ Петербургѣ - въ рукописномъ отдѣлѣ Имп. публичной библіотекѣ, во Львовѣ -въ рукописномъ отдѣлѣ института Оссолинскихъ. Во

всѣхъ этихъ архивахъ было собрано имъ множество разнообразныхъ документовъ. Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ актамъ, напечатаннымъ въ "Архивѣ юго-западной Россіи" |2 тома актовъ о казакахъ, I томъ о дворянахъ, I о горожанахъ, I о крестьянахъ, I о гайдамакахъ, I объ уніи и православной церкви и I о заселеніи раины|. Все это составитъ въ совокупности около 300 печатныхъ листовъ весьма цѣннаго матеріала, собраннаго личными трудами неутомимаго изыскателя; каждый томъ архива заключаетъ въ себѣ серію документовъ, освѣщающихъ одну какую нибудь сторону быта; конечно, такъ собирать матеріалъ гораздо полезнѣе |но и труднѣе|, чѣмъ просто выписывать то, что любопытно и интересно въ какомъ-либо отношеніи. Вмѣстѣ съ К. Козловскимъ Антоновичъ издалъ грамоты великихъ князей литовскихъ; таковы также его изданія актовъ и грамотъ. Но онъ не остановился на однихъ документальныхъ источникахъ, а открылъ и напечаталъ кромѣ того цѣлый сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи западной и южной Россіи, нѣсколько мемуаровъ | Освѣцима, Евлашевскаго, Вальмы|, издалъ вмѣстѣ съ Ф. Терновскимъ сборникъ разнообразныхъ матеріаловъ |отрывковъ изъ лѣтописей, актовъ мемуаровъ, записокъ иностран.| по исто-

рической географіи г.Кіева, а вмѣстѣ съ М.Драгомановымъ - 2 книги историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа; къ этнографіи, вмѣстѣ съ пѣснями нужно отнести и напечатанное имъ собраніе актовъ о колдовствѣ | не говоримъ ничего о переводахъ на русскій языкъ записокъ Хосцкаго и Заславскаго раввина Natan - Neta - Mose, иначе Hanoverer |. Такимъ образомъ, Антоновичъ не сдѣлался, подобно Иванишеву, жертвой нѣкотораго односторонняго увлеченія актовымъ матеріаломъ, а былъ въ одно и то же время и историкомъ, и географомъ, и этнографомъ; географическія и этнографическія его изданія, такія же строго научныя, какъ и историческія; таково образцовое изданіе "Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа". Пѣсни здѣсь распредѣлены по эпохамъ и снабжены чрезвычано обстоятельными комментаріями, заимствованными изъ различныхъ, иногда рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ источниковъ; рядомъ съ основными мотивами приводятся постоянно варіанты. Изданіе это было встрѣчено весьма сочувственно русской и даже иностранной критикой Императорская Академія Наукъ наградила издателей Уваровской преміей; Костомаровъ напечаталъ сочувственный разборъ въ "Вѣстникѣ Европы;" а извѣстный французскій ученый Рамбо познакомилъ

свою публику съ этой книгой въ "Revue des deux mondes".

Но Антоновичъ не былъ только издателемъ сырыхъ матеріаловъ; онъ самъ же и разрабатывалъ ихъ; къ каждому тому актовъ, изданныхъ въ "Архивѣ юго-западной Россіи, онъ присоединялъ изслѣдованіе ихъ содержанія, и, такимъ образомъ, явился цѣлый рядъ монографій по исторіи казачества, городского сословія, крестьянъ, шляхты, право славной церкви. Неудачною нужно назвать только одну изъ этихъ работъ - исторію Днѣпровскаго казачества до 1648 г. да и то не всю, а только первую половину ея, трактующую о происхожденіи казачества и первоначальной его судьбѣ. Многія слабыя мѣста этого изслѣдованія отмѣтилъ еще Максимовичъ; ошибка автора состояла въ томъ, что онъ исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія призналъ шаткую и несостоятельную гипотезу о князьяхъ гедиминовичахъ; замѣтимъ, что это единственная работа Антоновича, въ которой мы видимъ предвзятую идею. Что же касается остальныхъ изслѣдованій, то всѣ они представляютъ искусную переработку сырья и заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ и совершенно самостоятельныхъ выводовъ, прочно установившихся въ наукѣ. Если Максимовичъ приготовлялъ кирпичи для постройки зданія

южно - русской исторіи, то Антоновичъ выводилъ уже стѣны и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи даже болѣе, чѣмъ Иванишевъ; особенную цѣнность имѣютъ его изслѣдованія о городахъ, крестьянахъ и послѣднихъ временахъ казачества на правомъ берегу Днѣпра. Выводы сдѣланные Антоновичемъ въ первыхъ двухъ работахъ, приняты профессоромъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, который отзывается о Владимірѣ Бонифатьевичѣ, какъ о лучшемъ знатокѣ западно-русской старины. |Рус. Исторія т. II, стр. 89 прим. 135|. Что же касается третьяго изслѣдованія, то оно кромѣ того отличается еще и рельефностью изображенія; здѣсь личность Сем. Палія выступаетъ, какъ живая. Исчерпавъ въ значительной степени внутренній бытъ западнорусскаго общества подъ польскимъ владычествомъ, В.Б. Антоновичъ рѣшился поднять существенный, капитальный вопросъ объ образованіи Литовско-Русскаго государства. Сочиненіе это |"очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго"|, несмотря на свой незначительный объемъ, должно быть признано чрезвычайно важнымъ вкладомъ въ сокровищницу русской исторіи. Н.П. Дашкевичъ, извѣстный своими работами по исторіи юго-западной руси, напечаталъ обстоятельный разборъ книги Антоновичъ, составившій какъ бы самостоятельное сочиненіе, въ

которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: "подобно другимъ работамъ автора и "Очеркъ исторіи вел.кн Литовскаго" до половины XУ ст. отличается оригинальностью и полной самостоятельностью. Выводы автора спираются на строгое изслѣдованіе источниковъ и являются результатомъ тщательной критической провѣрки ихъ, и мы имѣемъ теперь начало исторіи литовско-русскаго государства, чуждый прикрасъ и искаженій. Стоя на чисто научной почвѣ, г. Антоновичъ оставляетъ въ сторонѣ публицистическія разглагольствованія и полемику съ мнѣніями другихъ ученыхъ и ограничивается строгимъ фактическимъ изложеніемъ, отчего трудъ его, конечно, лишь выигралъ въ достоинствахъ. Хотя автору приходилось въ большинствѣ случаевъ самому критически очищать и устанавливать факты, тѣмъ не менѣе масса послѣднихъ не подавила его и г. Антоновичъ нарисовалъ яркую и рельефную картину постепеннаго образованія литовско-русскаго государства чрезвычайно удачно сгруппировавъ факты, такъ что послѣдовательное развитіе великаго княжества литовскаго ясно предстаавляется читателю.

Представленный имъ очеркъ отличается въ тоже время надлежащей полнотою и основательностью. Въ силу всего сказаннаго, книга г. Антоновича составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій нашей исто

рической литературы послѣдняго времени", |"Замѣтки по исторіи литовско-русскаго княжества" стр. 6 - 7|. Чтобы покончить съ чисто исторической работой Антоновича, необходимо упомянуть о составленныхъ имъ біографіяхъ политическихъ дѣятелей юго-западной Россіи |для изданія профессора Беца|; впрочемъ книга эта предназначалась не для ученыхъ, а для публики и представляетъ популяризацію научныхъ данныхъ.

Кромѣ чисто историческихъ изслѣдованій, Антоновичъ написалъ еще нѣсколько работъ по исторической географіи и этнографіи. Важнѣе другихъ его статьи: "о Кіевѣ,его судьбѣ и значеніи съ XIУ по XУI в." и "О колдовствѣ", въ первой рѣшается важный и спорный вопросъ о мнимомъ запустѣніи Кіева послѣ татарскаго нашествія, а во второй - устанавливается взглядъ южно-русскаго народа на колдовство; основана эта работа на актахъ, собранныхъ самимъ Антоновичемъ, который за-нее получилъ отъ Импер. Географ. Общ. серебряную медаль. Въ настоящее время В.Б. Антоновичъ достигъ большой извѣстности и какъ археологъ; онъ принималъ живѣйшее и непосредственное участіе въ 5 русскихъ областныхъ археологическихъ съѣздахъ, причемъ на 3-хъ изъ нихъ читалъ по нѣсколько рефератовъ |на казанскомъ - 4, на одес-

скомъ - 2, на тифлисскомъ - 2|. Всѣ эти рефераты являлись результатомъ его личныхъ раскопокъ которыя онъ совершалъ по порученію московскаго археологическаго общества, Императорской археологической коммиссіи и предварительныхъ комитетовъ, съѣздовъ. По цѣлымъ мѣсяцамъ, вмѣсто канникулярнаго отдыха, онъ занимался раскопками въ различныхъ мѣстностяхъ южной Россіи - въ Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Полтавской, Херсонской губер. и на Кавказѣ. Покойный графъ Уваровъ высоко цѣнилъ Антоновича, какъ археолога, и вмѣстѣ съ нимъ производилъ раскопки Фатьяновскаго и Кобаньскаго могильниковъ. Археологическія работы Антоновича отличаются такимъ же цѣннымъ качествомъ, какъ и императорскія: глубокимъ изученіемъ фактическихъ данныхъ и постоянными обобщеніями, логически вытекающими изъ обработки матеріаловъ; всѣ его раскопки сопровождались аккуратно веденными дневниками, заключающими въ себѣ точное обозначеніе найденныхъ предметовъ; въ своихъ рефератахъ онъ намъ даетъ характеристики погребальныхъ типовъ |древлянъ, северянъ, тиверцевъ|. Чтобы составить себѣ понятіе о значеніи его археологическихъ изслѣдованій, достаточно вспомнить, что графъ Уваровъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи "Каменный вѣкъ Рос-

сіи" приписываетъ ему открытіе и описаніе особаго типа пещеръ, служившихъ для жилища первобытнаго человѣка переходной эпохи |пещеръ въ лѣсу у Кирилловскаго монастыря въ Кіевѣ|.

Научныя археологическія изслѣдованія требуютъ многихъ вспомогательныхъ знаній, и Антоновичъ какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ этому требованію: онъ прослушалъ полный университетскій курсъ на медицинскомъ факультетѣ, затѣмъ окончилъ историко-филологическій, спеціально работалъ не только по исторіи, но и по этнографіи; въ бытность за границей, въ Парижѣ изучалъ антропологію подъ руководствомъ Топинара; сдѣлавшись хранителемъ музея древностей и нумизматическаго кабинета при кіевскомъ университетѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ занимался приведеніемъ ихъ въ порядокъ и систематическимъ описаніемъ; наконецъ, у него есть собственная |правда не большая| археологическая коллекція. Неудивительно, поэтому, что и въ иностранной литературѣ нашли себѣ мѣсто отзывы объ археологическихъ работахъ Антоновича. Изъ многихъ критическихъ замѣтокъ |въ "Кіевской Старинѣ"| выдаются рецензіи на сочиненіе г. Буцинскаго "О Богданѣ Хмѣльницкомъ" и на извѣстный историческій романъ польскаго писателя Сенкевича "Огнемъ и Мечемъ".

А.Н. Пыпинъ называетъ эту послѣднюю рецензію замѣчательной и приводитъ значительныя выдержки изъ нея въ своей недавней статьѣ, посвященной разбору историческихъ романовъ г. Сенкевича.

Такова обширная и плодотворная научн. дѣятельность Владиміра Бонифатіевича Антоновича, которая, къ сожалѣнію остается недостаточно оцѣненной въ нашихъ центрахъ, конечно, потому, что Антоновичъ работаетъ въ провинціи и печатаетъ свои сочиненія въ мѣстныхъ изданіяхъ. Въ 1884 году вышла толстая книга, посвященная исторіи русскаго самосознанія по научнымъ сочиненіямъ, написанная петербургскимъ профессоромъ, не мало работавшемъ по исторіи Западной Россіи, - и въ ней научной дѣятельности Антоновича посвящено ровно 4 строчки |сказано только, что онъ написалъ замѣчательное сочиненіе "Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго"; впрочемъ, и Максимовичъ только упомянутъ въ этой "исторіи", а объ Иванишевѣ ни говорится ни слова, между тѣмъ они представляютъ особенный интересъ для уясненія исторіи русскаго самопознанія.

Нельзя не отмѣтить также преподавательской дѣятельности Антоновича; достаточно сказать, что его слушателями и слушательницами написанъ былъ цѣлый рядъ трудовъ, изъ которыхъ потомъ нѣ-

которые были напечатаны. Въ настоящее время Антоновичъ трудится надъ передѣлкой своего сочиненія о днѣпровскомъ казачествѣ до 1648 года и надъ археологическимъ описаніемъ древлянской земли. Эти работы войдутъ въ предпринятое имъ собраніе его сочиненій |въ 3-хъ томахъ|; 1-й томъ вышелъ еще въ 1885 году; 2-й будетъ заключать всѣ его статьи по исторіи казачества, а 3-й остальныя сочиненія |по исторіи внутренняго быта и археологіи|. Въ настоящее время Антоновичъ, закончилъ археологическую карту кіевской губерніи. эта работа очень кропотливая и потребовала громаднаго трудолюбія и времени. Ему пришлось занести на эту карту нѣсколько тысячъ археологическихъ памятниковъ. Къ этой картѣ приложенъ краткій текстъ, который займетъ, по словамъ Антоновича, 12 печатныхъ листовъ. Обращаемся къ другимъ представителямъ по разработкѣ южно-русской исторіи. Можно поименовать цѣлый рядъ лицъ, трудящихся надъ разработкой исторіи западной и, особенно, южной Руси. Сюда нужно отнести извѣстнаго историка южной Руси Кулиша. Недостатокъ времени не позволяетъ здѣсь остановиться на его выдающейся біографіи и дѣятельности. Скажу только что Кулишъ не былъ присяжнымъ историкомъ. Онъ - и историкъ южно-русскій, и географъ, и даже,

преимущественно, этнографъ; наконецъ, онъ писатель и поэтъ. Въ его исторической дѣятельности рѣзко отразилась его личность. Одинъ изъ его критиковъ выразился: "Украина - это Кулишъ". Въ его научной дѣятельности можно отмѣтить нѣсколько совершенно отличныхъ другъ отъ друга періодовъ: древнѣйшій періодъ, когда онъ преклонялся передъ казачествомъ, его устройствомъ, бытомъ; но въ послѣднихъ трудахъ своихъ онъ является заклятымъ врагомъ казачества. Ему принадлежитъ "исторія возсоединенія Руси". Этотъ трудъ задуманъ широко, и если бы онъ былъ законченъ, и изъ него удалены были нѣсколько слишкомъ рѣзкихъ и субъективныхъ выводовъ, то онъ долженъ былъ занять очень выдающееся мѣсто. Возсоединеніе юго-западной и южной Руси съ Великороссіей при Богданѣ Хмѣльницкомъ собственно представляетъ послѣдній заключительный актъ. До этого времени было много попытокъ южно-русскаго народа соединиться съ Великороссіей. Кулишъ поднялъ этотъ вопросъ очень широко, и въ I-мъ томѣ его упомянутой работы мы находимъ очень много матеріала, много цѣнныхъ страницъ, посвященныхъ исторіи заселенія южно-русскихъ старостъ и воеводствъ до Богдана Хмѣльницкаго. Въ слѣдующихъ томахъ мы находимъ цѣлую исторію внутренняго бы-

та южно-русскаго общества до второй половины XVIII в. Въ настоящее время онъ напечаталъ новый трудъ "Исторію отпаденія Малороссіи отъ Польши" въ 2-хъ томахъ въ "Чт. М. общ. ист. и др за 1897 годъ. Здѣсь продолжается тотъ же вопросъ, какъ и въ предъидущемъ трудѣ Кулиша; это - новѣйшій, весьма тщательный пересмотръ вопроса, гдѣ авторъ пользуется малодоступнымъ и даже недоступнымъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, эта книга не лишена многихъ недостатковъ. Въ ней мы не находимъ ссылокъ на источники, и читатель лишенъ возможности провѣрить выводы автора, очень оригинальные и субъективные. Онъ какъ бы поставилъ цѣлью опровергнуть всѣ мнѣнія, существовавшія до него въ наукѣ по этому вопросу. Его положенія не оставляютъ камня на камнѣ изъ всего что сдѣлано до него въ южно-русской исторіографіи Его полемика отличается страстностью, горячностью. Къ сожалѣнію, критика не стояла на-высотѣ своего призванія, и сочиненія Кулиша, во всякомъ случаѣ выдающіяся, не встрѣтили такой оцѣнки, какой бы они заслуживали. Въ трудахъ своихъ, написанныхъ уже въ болѣе позднее время, когда исчезло въ немъ преклоненіе предъ старыми формами малорусскаго быта, онъ является совершенно новымъ человѣкомъ и совершенно уничтожаетъ

то, предъ чѣмъ раньше преклонялся. иногда одна его статья отстоитъ всего на 2 - 3 года отъ другой, и выводы его дѣлаются совершенно различными неузнаваемыми. Сюда нужно причислить извѣстные намъ труды его по русской исторіографіи.

Кояловичъ. I-ая его работа - "лекціи по литовской или западно-русской исторіи" - небольшая книжка. Еще Устряловъ I-й обратилъ вниманіе на значительный пробѣлъ въ русской исторіографіи по вопросу исторіи литовской Руси, и этотъ пробѣлъ восполненъ Кояловичемъ. "Лекціи" его составлены весьма удовлетворительно. Ему же принадлежитъ изслѣдованіе въ той же области: "Литовская церковная унія" въ двухъ томахъ, въ которыхъ пересмотрѣнъ весь почти литературный матаріалъ, памятники полемическіе, и это сочиненіе, не смотря на нѣкоторый субъективный характеръ, предоставляетъ цѣнную работу по данному вопросу.

Дашкевичу принадлежитъ рядъ критическихъ замѣтокъ по исторіи литовскаго княжества, вызванныхъ изслѣдованіями Антоновича.

Васильевскому, профессору петербургскаго университета, принадлежитъ старое сочиненіе "Историческій очеркъ города Вильно". Въ немъ мы находимъ болѣе, чѣмъ обѣщаетъ его заглавіе.

Къ той же области относится цѣлый рядъ

трудовъ лицъ, работающихъ въ кіевскомъ центральномъ архивѣ: Новицкаго и Левицкаго |о церкви и крестьянахъ|. Затѣмъ слѣдуетъ указать лицъ, изучавшихъ исторію южной Руси за болѣе позднее время. Съ половины XVII ст. исторія Малороссіи раздѣляется на 2 части: на исторію лѣвобережной Украйны |Черниговская и Полтавская губерніи| и исторію Слободской украйны и исторію Запорожья. Въ послѣднее время довольно внимательному изученію подверглась не только юго-западная Русь, но и лѣвобережная и Слободская Украйна. По части изученія лѣвобер.Украйны является выдающимся дѣятелемъ не присяжный ученый, но частный человѣкъ, Лазаревскій, обладающій замѣчательными критическими пріемами. Еще въ 1887 г. онъ выступилъ съ указаніемъ источниковъ для изученія Малорусскаго края. Къ числу его трудовъ нужно отнести цѣлый рядъ монографій, посвященныхъ исторіи старинныхъ малорусскихъ дворянскихъ фамилій, подъ названіемъ: "Люди старой Малороссіи". Эта работа представляетъ важную попытку дать характеристику дѣятелей въ области управленія и администраціи, а также характеристику помѣщиковъ и землевладѣльцевъ, имѣвшихъ важное экономическое и соціальное значеніе, такъ какъ на ихъ землѣ селилась масса крестьянъ. Изучая бытъ этихъ фамилій

не столько съ политической, сколько съ соціальной стороны, выясняя ихъ положеніе, какъ отдѣльнаго сословія. Лазаревскій, большею частью, приходитъ къ отрицательнымъ выводамъ. Вмѣсто прежнихъ панегириковъ въ старыхъ историческихъ трудахъ, у Лазаревскаго, наоборотъ, мы находимъ всѣхъ героевъ развѣнчанными. Такимъ образомъ, въ его трудѣ предъ нами выступаетъ картина соціально-экономической жизни южно-русскаго народа, если не въ органическомъ ея процессѣ, то, по крайнѣй мѣрѣ, въ ея эпизодахъ. Кромѣ того авторъ нерѣдко обращается къ изученію не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ сословій. Таково, напримѣръ, замѣчательное его произведеніе: "Исторія малороссійскихъ посполитыхъ крестьянъ". Съ XVII в. до 1783 года Лазаревскій, пользуясь громаднымъ архивнымъ матеріаломъ, глубоко изучилъ внутренній процессъ паденія прежней свободы крестьянъ и усиленія крѣпостного права въ Малороссіи; онъ указываетъ здѣсь на все усиливавшуюся зависимость этихъ людей, которые раньше пользовались полной свободой, но потомъ теряли эту свободу въ силу соціально-экономическихъ условій. Если въ этомъ отношеніи Лазаревскій слишкомъ много приписываетъ значенію малорусскаго общества, не обращая вниманія на

вліяніе центральнаго правительства, то во всякомъ случаѣ его сочиненіе есть единственный въ своемъ родѣ трудъ. Въ послѣднее время появилось еще цѣнное его сочиненіе - "Описаніе старой Малороссіи". Эта книга обладаетъ обширнымъ матеріаломъ; она представляетъ подробное систематическое описаніе Малороссіи XVII и XVIII ст.съ внутренней стороны. Здѣсь собрано много географическаго матеріала, много данныхъ біографическихъ о всѣхъ дѣятеляхъ Малороссіи за упомянутый періодъ: собраны полные списки сотниковъ разныхъ полковъ; между прочимъ здѣсь подробнѣйшее описаніе Стародубскаго полка. Конечно нужно ожидать продолженія этого труда. Такимъ образомъ Лазаревскій занимаетъ видное мѣсто въ Южнорусской исторіографіи. Въ дѣлѣ изученія лѣвобережной Украйны выдвинулся Лучицкій, профессоръ кіевскаго университета, но въ своихъ взглядахъ онъ идетъ слишкомъ далеко. Онъ выступилъ съ теоріей общиннаго быта въ Малороссіи, и хотя поднятый имъ вопросъ о малорусской общинѣ требуетъ вообще болѣе капитальнаго изученія, но ему принадлежитъ, по крайнѣй мѣрѣ, честь открытія въ Малороссіи поземельной общины. Изученіе Слободской Украйны XVII и XVIII в. |нынѣ Харьк. г.| отличалось до сихъ поръ случайнымъ характеромъ

Мы можемъ отвѣтить труды Срезневскаго, Квитки и Головинскаго, митр. Филарета |трудъ послѣдняго, главнымъ образомъ, представляетъ сборникъ сырыхъ матеріаловъ и нѣкоторую попытку группировки ихъ| Къ этой же области относятся и мои труды.

Къ исторіи запорожья относятся труды Скальковскаго. Его смѣло можно назвать ветераномъ-историкомъ малорусскаго края. Ему принадлежитъ "Исторія Новой Сѣчи" въ 3-хъ томахъ: I| Краткій очеркъ запорожья и, главнымъ образомъ, внутренняго быта запорожской общины вообще; 2| настоящее обозрѣніе 3-го послѣдняго коша запорожья; 3| Исторія послѣдней Запорожской сѣчи. Для этого труда авторъ пользовался многочисленными матеріалами изъ спеціальнаго запорожскаго архива. Такимъ образомъ, понятно, почему исторія послѣдней запорожской сѣчи разработана авторомъ болѣе подробно и обстоятельно. Но не утратилъ своего значенія и первый его томъ. Здѣсь авторъ воспользовался въ значительной степени документальными источниками и его характеристика запорожья относится, главнымъ образомъ, къ тому же XVIII вѣку. Кромѣ документальныхъ данныхъ авторъ пользовался для этой характеристики устными разсказами стариковъ - бывшихъ запорожцевъ, различными преданіями и т.п. Эти разсказы были

собраны преосвященнымъ Гавріиломъ со словъ стараго запорожца Леонтія Коржа. Этотъ простой, безъискусственный, но правдивый разсказъ во многомъ дополняетъ письменныя свидѣтельства. Разсказы этого запорожца, стоявшаго близко къ дѣлу, не враля, имѣютъ большую цѣну и рисуютъ намъ бытъ этого оригинальнаго военнаго товарищества. Для насъ очень важны характеристическія подробности внутренняго быта запорожья, отличающія его отъ городового казачества. Оригинальное управленіе запорожья, рады и т.п. -все это живо изображено въ разсказахъ Коржа. Но книга Скальковскаго въ свое время оцѣненная нашими ученными учрежденіями, въ настоящее время имѣетъ значительные недостатки. Она не удовлетворяетъ требованіямъ современной критики и, главнымъ образомъ, не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго изслѣдованія; она - н что иное, какъ историческое повѣствованіе, имѣющее, правда, массу любопытныхъ подробностей. Особенно это нужно сказать о происхожденіи запорожскихъ казаковъ.

Обращу Ваше вниманіе еще на позднѣйшее изслѣдованіе по исторіи запорожья бывшаго воспитанника Харьковскаго университета Эварницкаго. Я останавливаюсь на немъ, главнымъ образомъ, потому, что въ прессѣ и среди публики сложилось по-

чему то болѣе лестное и высокое мнѣніе о его трудахъ, чѣмъ они того заслуживаютъ.

Эварницкій извѣстенъ какъ путешественникъ по мѣстамъ бывшей запорожской сѣчи, весьма трудолюбивый собиратель археологическихъ, топографическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, весьма трудолюбивый археологъ и изслѣдователь. Къ сожалѣнію, способъ пользованія этимъ матеріаломъ является у него очень неудачнымъ. Передъ появленіемъ послѣдняго его большого труда "Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа", онъ выпустилъ нѣсколько статей по географіи и топографіи запорожья. Эти статьи имѣютъ нѣкоторое научное значеніе, и если бы авторъ продолжалъ въ этомъ родѣ и употреблялъ болѣе критическіе пріемы, то имѣлъ бы несравненно болѣе достоинствъ, но трудъ его представляетъ вполнѣ тотъ родъ историческаго описанія, который не поддается опредѣленію и характеристикѣ. Нельзя его назвать ни путешествіемъ, такъ какъ въ немъ содержится масса археологическихъ и другихъ всевозможныхъ матеріаловъ, разсѣянныхъ по всей книгѣ; нельзя назвать его и историческимъ изслѣдованіемъ, такъ какъ масса путевыхъ замѣтокъ и личныхъ впечатлѣній искажаетъ характеръ историческаго изслѣдованія; нельзя назвать его и собі-

раніемъ актовъ. Вообще трудъ этотъ - неудачное соединеніе несоединимыхъ видовъ исторической литературы. Въ книгѣ его находится масса указаній на остатки старины, собранные имъ въ теченіе восьми лѣтъ. Этотъ археологическій матеріалъ относится къ XVIII и рѣдко къ XVII вѣку. Но мы придаемъ болѣе значенія его выпискамъ изъ разныхъ синодиковъ, перепечаткамъ разныхъ надписей на плитахъ, погребальняхъ, на такъ называемыхъ сломкахъ |въ хатахъ|, вообще болѣе новымъ археологическимъ даннымъ, тѣмъ находкамъ, которыя характеризуютъ домашній бытъ XVII и, главнымъ образомъ, XVIII вѣка: люлькамъ, разнымъ предметамъ вооруженія и т.п. Мы не совсѣмъ довольны только описаніемъ этихъ предметовъ, - несовсѣмъ научнымъ. Нерѣдко онъ разсказываетъ о своихъ раскопкахъ, и для него достаточно найти одинъ курганъ, чтобы дать въ книгѣ мѣсто для подробнаго описанія его. Этого, конечно, недостаточно, такъ какъ въ курганѣ есть и болѣе древнія наслоенія, гдѣ будемъ имѣть дѣло даже съ древностями до историческими. Подобнаго рода объясненія археологическихъ находокъ, не могутъ имѣть мѣста въ книгѣ, подобной изслѣдованію г. Эварницкаго. Даже въ вопросахъ число историческихъ онъ нерѣдко впадаетъ въ доволь

но странныя ошибки. Такъ, напримѣръ, онъ относитъ походъ князя Вас Вас. Голицына въ Крымъ ко времени царствованія Елизаветы Петровны. Итакъ, мы не совсѣмъ довольны характеромъ описанія остатковъ старины и тѣмъ, что они разбросаны по всей книгѣ, безъ всякой системы; вообще нужно сказать, что книга эта не имѣетъ плана или вѣрнѣе этотъ планъ спутанъ. Другого рода матеріалъ, которымъ пользовался г. Эварницкій, - это народныя преданія, собранныя здѣсь въ значительномъ количествѣ, и если бы авторъ собралъ ихъ въ отдѣльной книгѣ или выдѣлилъ въ приложеніе, то этотъ матеріалъ имѣлъ бы большое значеніе; но у Эварницкаго онъ имѣетъ печальную участь: собранныя имъ преданія служатъ ему для изображенія художественныхъ картинъ; но его живопись, къ сожалѣнію, скорѣе китайская; онъ пользуется народными преданіями не для характеристики народнаго міровоззрѣнія, а чтобы пополнить ими, а иногда и прямо замѣнить отсутствіе печатныхъ актовъ и грамотъ; а между тѣмъ эти преданія не равносильныя по достовѣрности другимъ матеріаламъ, неодинаково достовѣрны даже по отношенію другъ къ другу. Авторъ очевидно стремится часто къ художественности изображенія но онъ понимаетъ эту художественность своеобраз

но; эта художественность является у него скорѣе простой риторикой. Онъ часто дѣлаетъ лирическія отступленія, скорбитъ о прошломъ горѣ и радостяхъ Малороссіи, и мы противъ этого ничего не имѣемъ, но, къ сожалѣнію, такихъ отступленій очень много и они напоминаютъ по замыслу, но только по замыслу, а не по исполненію лирическія отступленія Гоголя. Но г.Эварницкій не довольствуется прозой въ стихахъ; онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ стихамъ, но, къ сожалѣнію, къ стихамъ въ прозѣ. Стремленіе автора къ риторикѣ иногда превращается въ преувеличенія и даже завлекаетъ его въ область фантазіи. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ о переправѣ черезъ Днѣпръ у пороговъ, о всѣхъ опасностяхъ, объ ужасахъ этой переправы, о томъ, какъ ему передавали, что здѣсь ежедневно плаваетъ по водѣ по нѣсколько труповъ и какъ онъ самъ видѣлъ эти трупы, при чемъ обозначаетъ даже ихъ число. Одно лицо, серьезно интересующееся запорожской исторіей, крайне заинтересовалось этимъ фактомъ, обратилось въ Екатеринославскій и Херсонскій статистическіе комитеты съ просьбой доставить свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, и по доставленнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что на всемъ пространствѣ пороговъ было поймано за извѣстное время гораз-

до меньше труповъ, чѣмъ было у Эварницкаго въ одномъ мѣстѣ переправы. Художественныя до нѣкоторой степени попытки, къ сожалѣнію, увекаютъ его въ невѣроятные разсказы, и наряду съ этимъ мы видимъ у него большую точность въ нѣкоторыхъ описаніяхъ. Повѣрка топографическихъ данныхъ у него невозможна, но авторъ самъ даетъ нѣкоторыя средства для повѣрки. На этомъ я оканчиваю разборъ книги г.Эварницкаго, но и то, что сказано, не исчерпываетъ и десятой доли того, что можно было бы сказать. Тѣмъ не менѣе за авторомъ нужно признать большое трудолюбіе, большую настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей.

Нами не упомянуты еще два выдающіеся современные историка Бестужевъ-Рюминъ и Иловайскій, но на нихъ едва ли нужно останавливаться - труды ихъ всѣмъ извѣстны. "Русская исторія" Бестужева-Рюмина имѣетъ большое значеніе, должна служить главнымъ пособіемъ и настольною книгою каждаго преподавателя по русской исторіи. Бестужевъ-Рюминъ извѣстенъ, кромѣ того, цѣлымъ рядомъ статей по русской исторіи и исторіографіи. Таковы его "Біографіи и характеристики", которыя хотя не всѣ обстоятельны, но заслуживаютъ вниманія. Затѣмъ, въ "Московскомъ обозрѣніи"

помѣщена его статья "О современномъ состояніи русской исторіи, какъ науки".

Иловайскому принадлежитъ тоже "Русская исторія." Она не даетъ намъ какихъ-нибудь оригинальныхъ выводовъ, но благодаря талантливому изложенію, книга эта займетъ видное положеніе въ наукѣ. Ее не нужно разсматривать , какъ научное изслѣдованіе, а какъ полное, систематическое, прагматическое изложеніе русской исторіи Онъ старается принимать во вниманіе существующія въ литературѣ воззрѣнія, и въ этомъ отношеніи книга его имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ исторіей Соловьева. У Иловайскаго мы находимъ богатыя библіографическія и литературныя указанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, правда, мы находимъ недостаточно подробное изложеніе внутренняго быта. Затѣмъ мы должны отдать ему честь въ томъ, что его исторія есть исторія всей Россіи, тогда какъ предыдущіе историки игнорировали Юго-Западную Русь. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ самостоятеленъ и стоитъ на уровнѣ современныхъ требованій науки. Отмѣчу еще одну особенность этой книги: онъ придаетъ важное значеніе географическому элементу въ русской исторіи. Онъ тоже, подобно Костомарову самъ посѣтилъ мѣста важнѣйшихъ событій и, по-

этому, описанія этихъ мѣстъ отличаются живостью Его "Розысканія о началѣ Руси" заслуживаютъ вниманія только критическою своею стороною, а положительная ихъ сторона |напримѣръ, о славянствѣ гунновъ| не состоятельна

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.